

2025 № 1

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

1(31)

2025

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2025

1 (31)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1

Рецензируемый научный академический журнал

Учреждён Учёным советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов

А. К. Аликберов

В. М. Алпатов

С. Э. Бабкин

А. Г. Белова

В. Я. Белокреницкий

С. А. Бурлак

А. В. Воронцов

А. В. Демченко

А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская

А. О. Захаров

Т. А. Карасова

Е. Л. Катасонова

А. И. Кобзев

В. А. Кузнецов

Ю. В. Любимов

Н. М. Мамедова

С. Е. Малых

Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков

В. Н. Настич

В. В. Наумкин

К. В. Орлова

Н. Г. Романова

А. В. Сарабьев

В. Н. Саутов

Т. Л. Шаумян

На обложке: Мечеть Султанахмет. Стамбул, Турция. Фото И. А. Свистуновой.

© ФГБУН ИВ РАН, 2025

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несёт ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2025

1 (31)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: Sultan Ahmed Mosque. Istanbul, Türkiye. Photo by I. A. Svistunova.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2025

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание учёной степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Д. Текаев.* Дипломатическая служба и послы государства Хорезмшахов-Ануштегинидов в период правления хорезмшаха Текеша (1172–1200) 10
- Вурал Мюжган.* Общие налоговые термины в монгольских улусах 19
- Е. Ю. Ванина.* Мирза Раджа: индусский «сын» мусульманского падишаха 28

СОЦИУМ И ПОЛИТИКА

- С. В. Прожогина.* Запрещённое, но забываемое 39
- О. В. Москалец.* Египет: стратегия государства по расширению прав и возможностей женщин 49

КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКИ

- Raziuddin Aquil.* Grace and Charisma in the Lives of Female Saintly Figures: Some Anecdotes in Medieval Indian Sufi Literature 58
- А. А. Блинов.* Создание письменности сомалийского языка: арабица, османья и латиница 67
- Lkhagvasuren Dorj.* Monasteries of the Bayads 81
- О. А. Ледовская.* Участие японских учёных в археологических раскопках в Турции как направление культурной дипломатии Японии 91

РЕЦЕНЗИИ

- С. Л. Кузьмин.* [Рецензия на:] The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions (Edited by Ksenia Kirkham). London and New York: Routledge, 2024. 348 p. ISBN 9781003327448 102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. И. Коган, С. И. Каверин.* Второй съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета 119
- А. М. Шустова.* Пятая международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» 125

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ТУРЦИИ. ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО ТУРКОЛОГА-ОСМАНИСТА СВЕТЛАНЫ ФИЛИППОВНЫ ОРЕШКОВОЙ (1935–2023)»

- А. В. Болдырев.* Обзор круглого стола 135
- А. В. Болдырев.* Восточный вопрос и российско-турецкие отношения в историографическом наследии С.Ф. Орешковой 139
- Т. Е. Михайлова.* Феномен «военных художников» в Османской империи как отражение процессов модернизации (вторая половина XIX в.) 146
- И. А. Свистунова.* Немусульманские миллеты Османской империи в период Танзимата 155

<i>И. И. Иванова.</i> Остров Кипр в исторической ретроспективе	163
<i>Н. Ю. Ульченко.</i> О предпосылках догоняющего развития Турецкой Республики	174
<i>К. В. Вертяев.</i> Проект создания независимого Курдистана в политике Великобритании после окончания Первой мировой войны (1918–1920) на основании изучения британских архивных документов	183
<i>С. Л. Волкова.</i> Динамика турецко-башкирского торгового сотрудничества в XXI в.	195
<i>А. Г. Гаджиев.</i> Турция – ЕС. Эволюция подходов к изучению сотрудничества в первой четверти XXI в.	203

CONTENTS

HISTORY

- D. Tekayev.* Diplomatic Service and Ambassadors of the State of Khorezmshahs — Anushteginids
During the Reign of Khorezmshah Sultan Tekesh (1172–1200) 10
- Vural Müjgan.* Common Tax Terms in the Mongolian Uluses 19
- E. Yu. Vanina.* Mirza Raja: a Hindu ‘Son’ of a Muslim Badshah 28

SOCIUM AND POLITICS

- S. V. Prozhogina.* Forbidden but Unforgettable 39
- O. V. Moskalets.* Egypt: the State Strategy to Empower Women 49

CULTURES AND LANGUAGES

- Raziuddin Aquil.* Grace and Charisma in the Lives of Female Saintly Figures:
Some Anecdotes in Medieval Indian Sufi Literature 58
- A. A. Blinov.* The Creation of Written Somali Language: Arabic, Osmania and Latin Scripts 67
- Lkhagvasuren Dorj.* Monasteries of the Bayads 81
- O. A. Ledovskaya.* Participation of Japanese Scholars in Archeological Excavations in Türkiye
as a Trend of Japan’s Cultural Diplomacy 91

REVIEWS

- S. L. Kuzmin.* [Review of:] The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions
(Edited by Ksenia Kirkham), London and New York: Routledge, 2024. 348 p.
ISBN 9781003327448 102

ACADEMIC LIFE

- A. I. Kogan, S. I. Kaverin.* The Second Congress of the Russian Association of Researchers
on the Himalayas and Tibet 119
- A. M. Shustova.* Fifth International Conference “Tibetan and Buddhist Studies in the Intersection
of Science and Religion” 125

ROUND TABLE “AN EXCURSION INTO THE HISTORY OF TÜRKIYE. IN MEMORY OF THE OUTSTANDING RUSSIAN OTTOMANIST CUM TURKOLOGIST SVETLANA FILIPPOVNA ORESHKOVA (1935–2023)”

- A. V. Boldyrev.* A Review of the Round Table 135
- A. V. Boldyrev.* The Eastern Question and Russian-Turkish Relations
in the Historiographic Heritage of S. F. Oreshkova 139
- T. E. Mikhailova.* The Phenomenon of “Military Artists” in the Ottoman Empire
as Reflection of the Westernization Processes (Second Half of the Nineteenth Century) 146
- I. A. Svistunova.* Non-Muslim Millets in the Ottoman Empire During the Tanzimat Period 155

<i>I. I. Ivanova.</i> The Island of Cyprus in Historical Retrospect	163
<i>N. Yu. Ulchenko.</i> On the Pre-Requisites for “Catch-Up” Development of the Turkish Republic	174
<i>K. V. Vertiaev.</i> The Prospects of Independent Kurdistan in British Politics After the End of the World War I (1918–1920). Based on a Study of British Archives	183
<i>S. L. Volkova.</i> The Dynamics of Turkish–Bashkir Trade Cooperation in the Twenty First Century	195
<i>A. G. Gadzhiev.</i> Türkiye — EU: Evolution of approaches to the study of mutual cooperation in the first quarter of the 21 st century	203

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-010-018

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА И ПОСЛЫ ГОСУДАРСТВА
ХОРЕЗМШАХОВ-АНУШТЕГИНИДОВ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ
ХОРЕЗМШАХА СУЛТАНА ТЕКЕША (1172–1200)**

© 2025

Д. Текаев¹

В истории государства Хорезмшахов-Ануштегинидов годы правления хорезмшаха Ала ад-Дина Текеша (1172–1200) характеризуются расширением территорий государства, активизацией дипломатических отношений с соседними странами, достижением больших успехов в экономике и культуре. Внешнеполитические успехи султана Текеша привели к укреплению основ государства. Особую роль в реализации его внешней политики сыграла дипломатическая служба. Послы, обладавшие всеми необходимыми полномочиями, представляли государство Хорезмшахов-Ануштегинидов в защите и укреплении его политических интересов. Надо отметить, что дипломатическая служба государства Хорезмшахов-Ануштегинидов не была постоянно работающей организацией, аналогом которой являются современные министерства иностранных дел. В основном она работала за счёт дипломатических миссий. В дипломатическую службу и миссию набирали исключительно умных, талантливых, способных и опытных людей. Учитывая, что специальных научных работ по истории дипломатической службы в государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов не существует, в данной научной статье будет предпринята попытка проанализировать деятельность дипломатической службы и разных дипломатических миссий, а также обязанности и поручения, возложенные на послов государства Хорезмшахов-Ануштегинидов в период правления хорезмшаха султана Текеша.

Ключевые слова: Султан Текеш, дипломатическая служба, послы, государство Хорезмшахов-Ануштегинидов

Для цитирования: Текаев Д. Дипломатическая служба и послы государства Хорезмшахов-Ануштегинидов в период правления хорезмшаха султана Текеша (1172–1200). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 1. С. 10–18. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-010-018

**DIPLOMATIC SERVICE AND AMBASSADORS OF THE STATE OF
KHOREZMSHAH-ANUSHTEGINIDS DURING THE REIGN OF
KHOREZMSHAH SULTAN TEKESH (1172–1200)**

Dinmuhammet Tekayev

In the history of the state of Khorezmshahs-Anushteginids, the years of the reign of Khorezmshah Ala ad-Din Tekesh (1172–1200) are characterized by the expansion of the state's territories, the intensification of diplomatic relations with neighboring states, and the achievement of great successes in the economy and culture.

¹ Текаев Динмухаммет, аспирант кафедры истории Туркменистана и методики её преподавания Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди, Туркменистан;

Dinmuhammet Tekayev, Postgraduate of the Department of History of Turkmenistan with the methodology of its teaching at the Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute, Turkmenistan; zulyamineyin@yandex.ru
ORCID: 0009-0006-5571-3472

The foreign policy successes of Sultan Tekesh led to the strengthening of the foundations of the state. The diplomatic service of the state of Khorezmshahs-Anushteginids played a special role in the successful implementation of the foreign policy of Sultan Tekesh. Ambassadors with diplomatic powers represented the state of Khorezmshahs-Anushteginids in the protection and strengthening of the political interests of the state. It should be noted that the diplomatic service of the state of Khorezmshahs-Anushteginids was not a permanent organization, the analogue of which is the modern Ministry of Foreign Affairs. The diplomatic service mainly worked at the expense of diplomatic missions. Only smart, talented, capable and experienced people were recruited for the diplomatic service and mission. Considering that there are no special scientific works on the activities and history of the diplomatic service in the state of the Khorezmshahs-Anushteginids, this scientific article will attempt to analyze the activities of the diplomatic service and various diplomatic missions, as well as the diplomatic duties and assignments assigned to ambassadors during the reign of the Khorezmshahs-Anushteginids during the reign of the Khorezmshah Sultan Tekesh.

Keywords: Sultan Tekesh, diplomatic service, ambassadors, state of the Khorezmshahs-Anushteginids

For citation: Tekayev D. Diplomatic Service and Ambassadors of the State of Khorezmshah-Anushteginids During the Reign of Khorezmshah Sultan Tekesh (1172–1200). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 10–18. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-010-018

Как известно из истории, у истоков независимости государства Хорезмшахов-Ануштегинидов стоял хорезмшах Атсыз (1128–1156). Во время правления хорезмшаха Атсыза как вассала султана государства Великих Сельджукидов Ахмада Санджара (1118–1157) хорезмийские послы начали выполнять особые дипломатические миссии. В период правления хорезмшаха Ил-Арслана (1156–1172) в связи с обретением независимости Хорезма существенно возросло значение послов, осуществлявших дипломатическую миссию. Средневековые арабо-персидские исторические источники содержат обширные сведения о деятельности хорезмийских послов разных лет. Активизация внешней политики государства Хорезмшахов-Ануштегинидов и расширение его географических границ в период правления хорезмшаха Султана Текеша (1172–1200) ещё больше требовали от послов профессионализма и дальновидности в их дипломатической деятельности. В нынешнее время дипломатическая служба — это особый вид государственной службы, отличающийся от других видов государственной службы. А средневековая дипломатическая служба у мусульманских государств — это учреждение, осуществлявшее работу по реализации на практике внешнеполитических задач государства.

К большому сожалению, дворцовая историография хорезмшахов до наших дней не сохранилась. А другие арабо-персидские исторические источники не описывают подробную деятельность дипломатической службы государства Хорезмшахов-Ануштегинидов, её диван, наличие или отсутствие других специализированных учреждений для внешних сношений, их типы, а также количество и чин задействованных в них специалистов, которые составляли дипломатические документы, эмблемы и верительные грамоты послам и т. п.

Сведения исторических источников дают полное основание говорить о том, что дипломатическая служба государства Хорезмшахов-Ануштегинидов не функционировала как постоянное ведомство при правителе государства. Но и это не означает, что дипломатической службы в целом не существовало в государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов. Её востребованность возникла только во время межгосударственных военно-политических консультаций и переговоров. Хотя в источниках недостаточно сведений о том, кто организовывал приём и отправку делегаций, ставил перед ними дипломатические задачи, данные об уполномоченных послах хорезмшахов имеются. Но историками-востоковедами сведения о дипломатической службе и послах государства

Хорезмшахов-Ануштегинидов не анализировались, а соответствующие специализированные научные исследования не проводились.

Внешняя политика государства Хорезмшахов-Ануштегинидов в период правления султана Текеша, как уже отметили раньше, была весьма активной.

Качества, которыми должен был обладать посол для дипломатической службы хорезмшахов

Правители государства Хорезмшахов-Ануштегинидов позиционировали себя как преемники Великих Сельджукидов. Административный аппарат государства был устроен как у Великих Сельджукидов (см.: [Буниятов, 1986]). Можно считать, что подобным же образом была организована и дипломатическая служба, игравшая ключевую роль в осуществлении внешней политики государства. Важная роль в работе дипломатической службы, естественно, принадлежала послам. Из источников, относящихся ко времени правления династии Хорезмшахов-Ануштегинидов, известны сведения о требованиях, предъявляемых к послам. Они содержатся в «Кутадгу билиг» («Билим-намэ») Юсуфа Хас Хаджиба и в «Сиасет-намэ» Низам ал-мулка.

В произведении Юсуфа Хас Хаджиба «Кутадгу билиг» приводятся следующие сведения о послах и предъявляемых к ним требованиях: «Прежде всего, к выбору посла следует подходить со знанием дела. Необходимо, чтобы избранный человек был образованным, умным, смелым и, прежде всего, интеллектуально превосходным. Потому что любая работа выполняется через посланника, и результаты подводятся на основе выполненной им работы. Посол должен разобраться во многих делах. Необходимо дать ответы на поставленные вопросы. При этом послу необходимо иметь хорошее зрение. Жадные личности не годятся для работы в посольстве. Посол должен быть одновременно знающим и иметь военный опыт. Посол должен быть умным, способным к глубокому мышлению, знающим, надёжным, терпеливым к трудностям, свободно владеющим многими языками и умеющим писать» [Has Nasib, 1996, s. 216–220].

Визирь Великой Сельджукской империи Низам ал-мулк в своём знаменитом труде «Сиасет-намэ», служившем одним из основных руководств по вопросам государственного управления в средневековых мусульманских и европейских государствах, приводит следующие сведения о требованиях к послам: «Для посольства годится тот человек, который находился бы в услужении государей, был бы смел в беседе, но не многоречив, который совершал бы много путешествий, знал что-либо во всякой науке, был бы человеком внимательным, предусмотрительным, обладал бы достоинством и хорошим внешним видом. Если же к тому он — учён и почтенного возраста, тем лучше. Если послать надима, то в этом деле будет больше доверия. Если послать человека смелого, мужественного, который бы хорошо знал всадническое искусство и был бы боец, — это очень целесообразно, так как будет показано, что все наши люди таковы, как этот. Если посол из потомков пророка — тоже хорошо, по своей чести и происхождению он будет пользоваться большим уважением. Посол является показателем поведения и разума государя» [Сиасет-намэ, 1951, с. 104].

Несомненно, в большой степени вероятности труды Юсуфа Хас Хаджиба и Низам ал-мулка в разные годы широко изучались учёными государства Хорезмшахов-Ануштегинидов и лицами, направлявшимися с дипломатическими миссиями. В разные годы хорезмшах Султан Текеш отправлял в качестве послов своего старшего хаджиба, крупного учёного, своего личного секретаря, своего повара и военачальника. Можно сказать, что люди, отправленные в качестве послов, были отобраны по принципам, предъявляемым к послам в трудах Юсуфа Хас Хаджиба и Низам ал-мулка.

Обязанности и ответственность послов

Когда правители государства Хорезмшахов-Ануштегинидов отправляли своих послов в соседние страны, они давали им ряд указаний. В труде Низам ал-мулка «Сиасет-намэ» приводится ясная и полная информация об обязанностях послов и работе, которую они должны выполнять. Можно предположить, что указаниям этим последовали и посланники хорезмшахов. Ещё во времена правления султана Текеша послами назначались очень способные люди. Относительно обязанностей и задач послов в труде Низам ал-мулка отмечается: «Следует знать, что государи, отправляя послов друг другу, преследуют цели, не только заключающиеся в послании и извещении, которые делают открыто; но они имеют в виду тайно сотни мелочей и целей: так, они хотят знать, каково положение дорог, проходов, рек, рвов, питьевых вод, может ли пройти войско или нет, где имеется фураж, где его нет, кто из чинов в том или другом месте, каково войско того царя и какого количества, снаряжения и численности, каковы его угощения и собрания, каковы распорядок чина, сидения и вставания, игры човган, охоты, каков нрав, жизнь его, благотворительность, очи и уши, повадка и поступок, пожалования, неправосудие и правосудие. Стар ли он или молод? Учён или невежествен? Разрушаются или процветают его владения? Его войско довольно или нет? Народ его богатый или бедный? Бдителен он в делах или беспечен? Вазир у него достойный или нет? Религиозен ли? Добродетельного ли жития? Его сипах-салары являются опытными и искушёнными в делах или нет? Его надимы учёны? Даровиты или нет? Что они ненавидят и что любят? Во время питья вина царь общителен и весел или нет? Соучастлив он или безучастен? Склоняется более к серьёзному или весёлому? Предпочитает находиться среди гулямов или женщин? Если они захотят завладеть, затеять против него враждебные действия или охулить, то, будучи осведомлены о его обстоятельствах, умышлят мероприятия относительно его дел, узнают о хорошем и плохом и предпримут то, что необходимо... Послы по большей части стремятся найти недостаток; они обращают внимание на всё, что имеется в государе и его государстве по части недостатков или достоинств, чтобы затем охулить государя. Вот почему проницательные и заботливые государи старались о чистоте своего нрава, вели прекрасную жизнь и сохраняли на должностях людей достойных, правильных, вменив себе в закон, чтобы никто их не хулил» [Сиасет-намэ, 1951, с. 101–102]. По причине, изложенной выше, люди, отправляемые в качестве послов, были разносторонними.

Дипломатические письма султана Текеша, отправленные послами

Хорезмшах султан Текеш был человеком, хорошо разбиравшимся во внешней политике и понимавшим тонкости дипломатической работы. Об этом свидетельствует содержание его писем, написанных в разные годы Великому атабеку Ильденизидов Мухаммаду Джахану Пахлавану (1175–1186), правителю государства Гуридов Гийас ад-Дину, правителю государства Ширваншахов Минучихру III и испахбаду Мазандерана Ардаширу. Содержание этих писем представлено в труде главы канцелярии султана Текеша Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади «Ат-тавассул ила ат-тарассул» (см.: [Bagdadi, 1937]).

Послы султана Текеша. Шихаб ад-Дин Масуд

Как известно, внешняя политика султана Текеша была в первую очередь направлена на разрешение потенциальных конфликтов путём мира и дипломатических переговоров. Это можно увидеть в политических отношениях султана Текеша с его братом Султан-шахом (1172–1193) и Тогрулом III (1177–1194), последним правителем Иракского Сельджукского султаната.

Шихаб ад-Дин Масуд, занимавший пост старшего хаджиба султана Текеша, в разные годы был послом по особым поручениям. В исторических источниках имя Шихаб ад-Дина Масуда в основном упоминается в описаниях событий 80–90-х гг. XII в. В период напряжённости между султаном Текешем и Султан-шахом, которая продолжалась вплоть до смерти последнего в 1193 г., послы выполняли разные поручения своих правителей. В 1186 г. хорезмшах Текеш оставил в Нишапуре трёх человек в качестве послов и представителей. Это были великий хаджиб Шихаб ад-Дин Масуд, хан Сайф ад-Дин Мардан Шир и глава канцелярии хорезмшаха Баха ад-Дин Мухаммад ал-Багдади. Однако Менгли-бек, атабек владетеля Нишапура и политический союзник Султана-шаха, взял их в заложники и держал в плену. В 1189 г. в результате взаимного соглашения султана Текеша и Султан-шаха заложники были отправлены обратно в Гургандж [Буниятов, 1986, с. 41–42]. Конечно, тот факт, что атабек Менгли-бек и Султан-шах взяли послов в плен и использовали их в своих политических целях, свидетельствовал об их политической и дипломатической безграмотности, но также они хотели застраховаться от возможного нападения войск хорезмшаха Текеша.

Имя Шихаб ад-Дина Масуда также упоминается в исторических источниках в связи с событиями, связанными с Сельджукским государством Ирака в 1194 г. Султан Текеш отправил своего старшего хаджиба Шихаб ад-Дина Масуда послом к последнему правителю Сельджукидов Ирака Тогрулу III со специально написанным письмом. Хотя содержание этого письма не сохранилось в исторических источниках, но содержание письма, написанного самим Шихаб ад-Дином Масудом Тогрулу III, упоминается в труде средневекового историка Садр ад-Дина ал-Хусайни под названием «Ахбар ад давла ас-салджукийя». Перед началом сражения, которое произошло в 1194 г., Султан Тогрул III получил от старшего хаджиба хорезмшаха Текеша Шихаб ад-Дина Масуда послание, в котором тот уговаривал султана пойти на мир с Текешем и уступить его требованиям. Старший хаджиб писал: «Хотя я и мамлюк султана Ала ад-Дина Текеша, возвращён его благодеяниями и милостью и являюсь игрушкой в его руках, это обстоятельство не мешает мне дать тебе добрый совет. Нет ни одного воина, надевшего на голову калансуву, который бы не повиновался тебе в силу твоего права на власть: ведь твои предки — султаны и сыновья султанов, их власть распространялась на различные страны, они завладели всеми землями и на службе у них находилось множество людей. Я советую тебе отойти от Рея к Саве, остаться там и заключить мир с султаном Ала ад-Дином Текешем, а мы будем посредниками между тобою и им. Пределом его требований к тебе будет твой уход из Рея. Это нужно ему для того, чтобы люди знали, что его престиж и честь в его стране не поколеблены в глазах владык неверных (мулук ал-куффар). Ведь им известно, что Рей принадлежит ему, но люди его изгнаны из города и им владеет другой. У него нет, кроме этого, никакого другого стремления, и если ты откажешься от Рея в его пользу, он удовлетворится этим и снова уйдет в Хорезм, оставив в Рее своего сына. А сын его, если он будет в Рее, окажется под твоей властью, будет подчиняться твоему приказу и соблюдать твои запреты. Получится, что султан вернулся по доброй воле и без кровопролития, и всё останется так, как оно есть» [Буниятов, 1986, с. 53; Текаев, 2024 (1), с. 18; Хусайни, 1980, с. 162]. Тот факт, что посол Шихаб ад-Дин Масуд лично написал письмо султану Тогрулу III, свидетельствует о мужестве и готовности идти на риск людей, состоявших на дипломатической службе у хорезмшахов. Однако намерение султана Текеша мирно договориться с султаном Тогрулом III было отвергнуто сельджукским правителем [Тимохин, 2021, с. 50]. Эти моменты мы подробно проанализировали в специальной работе (см.: [Текаев, 2024 (1)]).

Ваджих ад-Дин Мухаммад ибн Махмуд

Султан Текеш назначал посланниками не только дворцовых чиновников, но и учёных. После смерти Султан-шаха в 1193 г. султан Текеш отправил своих представителей в подвластные

ему области Мерв и Серахс. Однако правитель Герата Умар ал-Маргани двинул свою армию в сторону Мерва и Серахса. Поскольку правитель Герата признал власть Гийас ад-Дина ал-Гури, султан Текеш отправил группу своих посланников к Гийас ад-Дину. В группу послов входил также Ваджих ад-Дин Мухаммад ибн Махмуд — учёный, пользовавшийся уважением правителя Гуридов [Esir, 2008, s. 384–385]. Можно предположить, что Ваджих ад-Дин был человеком, который мог повлиять на Гийас ад-Дина. Потому что группе послов, включая Ваджих ад-Дина, удалось убедить Гийас ад-Дина заключить мирное соглашение с султаном Текешем. Главной причиной, по которой султан Текеш включил учёного Ваджих ад-Дина в число своих посланников, можно считать его авторитет в глазах Гийас ад-Дина.

Эмир Рашид ад-Дин

Султан Текеш поддерживал дружеские отношения с Мухаммадом Джаханом Пахлаваном, Великим атабеком Ильденизидов. В своих письмах Мухаммаду Джахану Пахлавану он неоднократно подчёркивал важность прибытия и отъезда послов. В письме Мухаммаду Джахану Пахлавану от 14 августа 1181 г. говорится, что султан Текеш отправил своего посланника, Рашид ад-Дина, главного эмира своей армии, к атабеку Ильденизидов и что посланник благополучно вернулся. Также атабеку Джахану Пахлавану в качестве подарка отправлен охотничий кречет. В письме, кроме того, сказано, что султан Текеш был глубоко опечален уменьшением числа послов между двумя сторонами в этот период. Данную ситуацию необходимо было быстро разрешить, и султан Текеш ожидал только хороших новостей от атабека Джахана Пахлавана, так как у него самого было желание встретиться с атабеком [Буниятов, 1986, с. 50]. Как известно, во время правления Мухаммада Джахана Пахлавана султану Текешу удалось установить дружеские отношения со своими западными соседями — Иракским сельджукским султанатом и атабекством Ильденизидов (см.: [Текаев, 2024 (2), с. 593–603]). Можно предположить, что отправка эмира Рашид ад-Дина в качестве посла была тесно связана со сбором им сведений об армиях Ильденизидов и Сельджукидов. Но остаётся неизменным тот факт, что между государствами не возникало никаких конфликтных ситуаций. И это свидетельствовало о большом профессионализме межгосударственных дипломатических служб.

Сайид ал-Умара Фахр ад-Дин

В мае 1181 г. в письме, отправленном правителю Гуридов Гийас ад-Дину, султан Текеш отметил, что отправил Сайида ал-Умара Фахр ад-Дина в качестве своего посла. Также в этом письме упоминается, что посол Фахр ад-Дин отправился в Фирузкух, столицу государства Гуридов, из Гурганджа вместе с послом Гийас ад-Дина Хумам ад-Дином [Bagdadi, 1937, s. 150–152].

Посол Джамал ад-Дин

В письме, отправленном ширваншаху Ахситану I и датированном августом 1183 г., султан Текеш выразил желание лично встретиться с ширваншахом и подчеркнул необходимость установления дружеских отношений между двумя государствами. Посол султана Текеша сообщил ширваншаху, что султану Текешу понравилась беседа с послом ширваншаха Фарид ад-Дином, и передал, что хорезмшах начнёт поход в Хорасан с армией в десять тысяч человек. Он отправил своего посланника Джамал ад-Дина вместе с послом ширваншаха Фарид ад-Дином и передал через него свои наилучшие пожелания, а также то, что кипчаки в районе Сыгнак перешли на его сторону, и с их

помощью он будет сражаться против кара-китаев. Он также подчеркнул, что посол Джамал ад-Дин будет сообщать ширваншаху обо всех событиях, происходящих в Хорезме [Буниятов, 1986, с. 51].

Приём иностранных послов и оказываемое им уважение

Из-за огромной территории государства Хорезмшахов-Ануштегинидов послам соседних государств приходилось проделывать долгий путь до столицы — Гурганджа. В «Сиасет-намэ» содержались сведения о том, как следует обращаться с послами, прибывающими в государство через границу: «О послах, прибывающих из окружных стран, пока они не достигнут государева двора, пусть не будет ни у кого известия; в отношении прихода и ухода никто о них не заботится и не извещает — это отнести к невниманию и плохому содержанию дел. Надлежит сказать пограничным чиновникам: как только кто-либо доберётся до них, чтобы тотчас посылали всадников и сообщали, кто это, откуда идёт, сколько всадников и пехотинцев, каково снаряжение и убранство, по какому делу: пусть назначат какое-либо доверенное лицо, чтобы их доставить в определённый город, там их препоручить, а оттуда пусть прикажут доверенному лицу, чтобы шёл с ними до другого города или округа, до какого дойдут, и таким образом до двора. На каждой остановке пусть им доставят угощение, хорошо примут и отпустят в довольстве. При возвращении делают таким же образом. Всё, что ни сделают с ними из хорошего и плохого, является таким же, как будто это делают по отношению к государю; государи же всегда питали один к другому большое уважение, дорожили послами, так как таким образом увеличивался их сан и почёт. Когда между государями бывала вражда, и послы приехали согласно времени, и посольство, как им приказано, выполнили, всё равно их никогда не обижали, ни в чём не уменьшали обычного хорошего обращения, ибо это — неодобрительно; как сказано в Коране: “На посланнике же только одна обязанность — верная передача”» [Сиасет-намэ, 1951, с. 101].

К правителю государства Хорезмшахов-Ануштегинидов султану Текешу в разное время прибыли послы из государства Гуридов, атабекства Ильденизидов, государства Кара-китаев и Багдадского халифата.

Приблизительно в 1178–1179 гг. в Гургандж прибыли послы государства Кара-китаев. Прибыли они для сбора дани. Как известно, кара-китай в своё время помогли султану Текешу взойти на престол хорезмшахов, потому представители кара-китайской верхушки хотели видеть в лице султана Текеша покорного вассала. Однако ко времени прибытия послов кара-китайцев султан Текеш укрепил свою власть в государстве. Послы мириться с этим фактом не захотели, вели себя непомерно нагло, самоуверенно и властно. Ситуация обострилась до такой степени, что они стали игнорировать самого Текеша, и привела к тому, что терпению султана пришёл конец — он приказал казнить наглых послов [Буниятов, 1986, с. 40]. Правда, этот инцидент был единственным в период правления султана Текеша. Потому что он считал государство Кара-китаев своим не только стратегическим, но и религиозным противником.

В письме султана Текеша правителю Гуридов Гийас ад-Дину, датированном январём 1181 г., упоминается эмир Хумам ад-Дин, посол правителя Гуридов. Он был официально отправлен Гийас ад-Дином в государство Хорезмшахов-Ануштегинидов и прибыл в Хорезм в январе 1181 г. [Bagdadi, 1937, s. 150–152]. Можно сказать, что причиной, по которой правитель Гуридов отправил своего военачальника в качестве посла, было желание узнать общее положение хорезмийской армии.

Все послы были приняты султаном Текешем. Тот факт, что они смогли благополучно прибыть в Гургандж, можно объяснить тем, что для султана Текеша прибытие послов имело большое

значение. Это даёт нам основание считать, что инструкции из «Сиасат-намэ» были учтены должностными лицами государства Хорезмшахов-Ануштегинидов.

В письме султана Текеша Мухаммаду Джахану Пахлавану от 21 октября 1181 г. говорится, что он долгое время держал у себя Салах ад-Дина, посла атабека Джахана Пахлавана, отправленного в Хорезм. Главной причиной этого было то, что у посла были очень интересные и увлекательные истории, которые он рассказывал Текешу. Султан Текеш в своём письме особо отметил, что только настоящий друг мог отправить такого посла. Кроме того, в третьем и четвёртом письмах говорится, что посол Салах ад-Дин видел почётный строй воинов из нескольких кыпчакских племён, поступивших на службу в государство Хорезмшахов-Ануштегинидов [Буниятов, 1986, с. 50–51].

В 1196 г., после вторичного установления власти государства Хорезмшахов-Ануштегинидов в Персидском Ираке, султан Текеш принял посла Багдадского халифа Насира Лидиниллаха и учёного медресе Низамийе Муджир ад-Дина Махмуда Абул Касыма ал-Багдади. Султан Текеш с почтением встретил послов, велел подарить им сотканный для их путешествия ковёр из атласа с позолоченными украшениями. Увидев посла, султан Текеш выразил ему своё почтение и даже слегка привстал с трона. Прибытие послов и оказываемое им почтение более красочно описаны в труде Раванди: «Когда хорезмшах был в Хамадане, из центра халифата прибыл посол Муджир ад-Дин ал-Багдади. Под копытами своей лошади он исписал несколько слоёв атласа. Он выбрал золотую тарелку и почтительно встал у её ног. Муджир ад-Дин сказал: «Халиф спрашивает о твоём благополучии и здоровье», хорезмшах встал и выразил почтение ему и халифу. Муджир ад-Дин сказал: «Эмир верующих спрашивает о вашем здоровье и самочувствии!» Когда посол произносил имя халифа, Текиш вставал, демонстрируя своё почтение и уважение к халифу» [Буниятов, 1986, с. 57].

Во время смуты в Кермане (90-е годы XII в.) султан Текеш отправлял своих посланников в этот регион. Местные предводители регулярно отправляли послов в Хорезм, чтобы заручиться поддержкой султана Текеша. В свою очередь же султан Текеш отправил войска в Керман, чтобы там закончить анархию. Именно дипломатическим и мирным путём султан Текеш присоединил Керман к государству Хорезмшахов-Ануштегинидов (см.: [Текаев, 2024 (3), с. 66–77]).

Подводя итоги, стоит отметить, что во времена правления султана Текеша послы, отправляемые на дипломатическую миссию в соседние государства, были очень хорошо подготовленными людьми. В свою очередь Султан Текеш достойно принимал и оказывал почести послам соседних мусульманских государств. По всей стране была создана система безопасного прибытия послов к султану. Можно сделать вывод, что в государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов, считавшемся преемником империи Великих Сельджукидов, дипломатическая служба, подбор послов и содержание поручений различались в зависимости от политических обстоятельств, и с большой уверенностью можно отметить, что дипломатическая служба и подход к её работе был таким же, как и в эпоху Великих Сельджукидов.

Литература / References

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231*. М.: Наука, 1986 [Bunijatov Z. M. *The State of Khorezmshahs-Anushteginids, 1097–1231*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Сиасет-намэ: Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Пер., введение в изучение памятника и примеч. Б. Н. Заходера; Отв. ред. Е. Э. Бертельс; Ред. изд-ва А. М. Богоутдинов; Худож. И. Ф. Рерберг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 [*Siyaset-name: A book about the reign of the 11th century wazir Nizam al-Mulk*. Translated, an introduction to the study of the monument and notes by B. N. Zahoder; Ed. E. E. Bertels; Ed. Publ. A. M. Bogoutdinov; Artist. I. F. Rerberg. Moscow, Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1949 (in Russian)].

Текаев Д. Взаимоотношения хорезмшаха Султана Текеша (1172–1200) с последним сельджукским султаном Торгулом III (1177–1194). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024 (1). № 2. С. 15–21 [Tekayev D. The Relationship of Khorezmshah Sultan Tekesh (1172–1200) with the Last Seljuk Sultan Toghrol III (1177–1194). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 15–21 (in Russian)].

Текаев Д. Отношения государства Хорезмшахов-Ануштегинидов с Атабекством Ильденизидов в период правления султана Текеша (1172–1200). *Гусевские чтения — 2024. Три измерения политической истории России: идеология, политика, практики. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)*. Ярославль, Москва, 2024 (2). С. 593–603 [Tekayev D. The relations of the Khorezmshahs-Anushteginid state with the Ildenizid Atabegate during the reign of Sultan Tekesh (1172–1200). *Gusevskiyе chteniya — 2024. Three dimensions of Russia's political history: ideology, politics, and practices. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical conference (with international participation)*. Yaroslavl, Moscow, 2024. Pp. 593–603 (in Russian)].

Текаев Д. Керман и внешняя политика хорезмшаха Текеша (1172–1200). *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 66–77 [Tekayev D. Kerman and Foreign Policy of Khorezmshah Tekesh (1172–1200). *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 6. Pp. 66–77 (in Russian)].

Тимохин Д. М. Особенности описания правления хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Текиша в арабо-персидских источниках XII в. *Арабский и исламский мир в Средние века: от Иберийского полуострова до Средней Азии*. Отв. ред. Д. Е. Мишин. М.: ИВ РАН, 2021. С. 44–67 [Timokhin D. M. Features of the description of the reign of Khorezmshah ‘Ala’ al-Din Tekish in the Arab-Persian sources of the 12th century. *The Arab and Islamic World in the Middle Ages: from the Iberian Peninsula to Central Asia*. Ed. by D. E. Mishin. Moscow: IV RAN, 2021. Pp. 44–67 (in Russian)].

ал-Хусайни, Садр ад-Дин ‘Али. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя (Зубдат ат-таварих фи ахбар алу-мара ва-л-мулук ас-селджукийя) (“Сообщения о Сельджукском государстве”. “Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях”). Пер. З. М. Буниятов. М.: Наука, 1980 [Sadr ad-Din ‘Ali al-Husajni. *Abbar ad-Daulat as-Seldzhukijja (Zubdat at-tavarikh fi abbar al-umara va-l-muluk asseldzhukijja)* (“Reports on the Seljuk state”. “The Best Chronicles about the Seljuk Emirs and Rulers”). Tr. by Z. M. Bunyatov. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Ibnü’l Esir. *El-kamil fi’t-tarih*. IX cilt. *Türkçe trc. Abdülkerim Özaydın*. Istanbul: Hikmet Yayınları, 2008 (in Turkish).

Yusuf Has Hacib. *Günümüz Türkçesi ile Kutadgu Bilig* Uyarlaması. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1996 (in Turkish).

Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadi. *At-Tavassul ila at-Tarassul*. Tehran: Ketabhaneyye Ahmad Bahmanyar, 1937 (in Persian).

ОБЩИЕ НАЛОГОВЫЕ ТЕРМИНЫ В МОНГОЛЬСКИХ УЛУСАХ

© 2025

Вурал Мюжган¹

У монголов, кочевого и скотоводческого народа, налогообложение первоначально принимало форму взимания определённой доли со скота. Позже монгольская концепция налогообложения была адаптирована к оседлым народам, в результате чего многие местные, традиционные налоги были отождествлены с монгольскими, что привело к значительной путанице в источниках. Хотя многие термины в монгольской налоговой системе не являются монгольскими, они адаптировали их под себя и использовали очень хорошо. Потомки Чингис-хана ввели различные формы налогообложения в разных частях Монгольской империи. Согласно источникам монгольского периода, для обозначения налогов использовалось в общей сложности 45 различных терминов. Однако это не означает, что различных налогов было так много, поскольку в разное время и в разных местах терминология была разной. Первоначальные монгольские налоги можно разделить на албан (дань) и копчур. Данное исследование показывает, что кочевые монголы имели систематическую налоговую систему и использовали эти налоги.

Ключевые слова: Монгольский, налоговый, Чингис-хан, Золотая Орда, Ильханат

Для цитирования: Вурал Мюжган. Общие налоговые термины в монгольских улусах. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 19–27. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-019-027

COMMON TAX TERMS IN THE MONGOLIAN ULUSES

Vural Müjgan

Among the Mongols, a nomadic and pastoralist people, taxation originally took the form of levying a certain share on livestock. Later, the Mongol concept of taxation was adapted to sedentary peoples, resulting in the identification of many local, traditional taxes with Mongolian taxes, leading to considerable confusion in the sources. Although many of the terms in the Mongol tax system are not Mongolian, they adapted them to their own use and used them very well. Genghis Khan's descendants introduced different forms of taxation in different parts of the Mongol Empire. According to sources from the Mongol period, a total of 45 different terms were used for taxes. However, this does not mean that there were so many different taxes, as the terminology varied at different times and places. The original Mongolian taxes can be divided into alban (tribute) and kopchur. This study shows that nomadic Mongols had a systematic tax system and utilized these taxes.

Keywords: Mongol, Tax, Genghis Khan, Golden Horde, Ilkhanate

For citation: Vural Müjgan. Common Tax Terms in the Mongolian Uluses. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 19–27. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-019-027

¹ Вурал Мюжган, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва; Vural Müjgan, State Academic University for the Humanities, Moscow; mvural@gaugn.ru; ORCID 0000-0001-7805-0647

Албан. Слово «албан» происходит из уйгурского языка и имеет значение «налог, уплачиваемый службой». В современном анатолийском диалекте отсюда же происходит «салма (налог, пошлина)» [Saferoğlu, 1968, с. 10; Gedikli, 2016, с. 12]. Слово «албан» также использовалось в качестве собственного имени у уйгуров [Островский, 1895, с. 322]. Золотницкий заявил, что это слово родственно по значению слову «абласты», которое у алтайских тюрков означает «вселенная, народ, люди» [Золотницкий, 1875, с. 220]. В шорском, лебедском, сагайском, куэрсском, таранчинском и шаркском языках, которые относятся к числу тюркских диалектов, сохраняющихся и сегодня, оно также встречается в значении «обязательный, служебный». У тюрков, проживающих в Китае, это слово используется в значении «взимать налоги, собирать налоги» [Saferoğlu, 1934, с. 35].

Албан — это общее название обязанностей, которые земледельцы, работавшие на подвластных монголам территориях, должны были выполнять перед землевладельцем. Люди, служившие землевладельцу, назывались *албату/албати* [Vladimirtsov, 1994, с. 236; Özyetgin, 2004, с. 51–52].

Анбар. Анбарский (складской) налог — это название налога, который взимался монголами с земли, без учёта монастырей и храмов. Однако в Золотоордынском государстве он взимался не с земли, а как плата за хранение сельскохозяйственной продукции на складах. В указе (ярлыке) Тохтамыш-хана от 1381 г. в Золотой Орде «анбар хаккы» рассматривался как разновидность земельного налога, но при этом учитывалась и рыночная цена продуктов. Поэтому он также считается торговым налогом [Akyol et al., 2016, с. 10; Özyetgin, 2004, с. 58]. «Хазир (хазр) анбар» использовался в финансовой организации Золотой Орды в том смысле, что сборщик налогов устанавливал цену на зерно на складах. «Хазр анбар» также являлся платой за стоимость, оценённую сборщиками налогов [Özyetgin, 2004, с. 73]. Чиновники, собиравшие этот налог, назывались анбарчи (сборщик анбарного налога) и яфтачи (налоговый глашатай). Эти должности упоминаются лишь однажды в указах Хаджи-Гирей-хана, написанных во времена Крымского ханства [Temel, 2021, с. 443].

Чыкыш. В Золотой Орде слово «чыкыш» означало вид налога, взимаемого с иностранных подданных и уплачиваемого непосредственно в казну [Özyetgin, 2004, с. 72].

Налоговая система Золотой Орды имела весьма сложную структуру. Все налоги, взимавшиеся с любого имущества, обозначались тюркскими словами. Значительную часть ясака составлял «чыкыш» (синоним персидского «дань»), который обычно трактуется как поземельный налог, взимаемый с оседлого населения, в том числе и с русского. На «чыкыш» приходилось 10% от доходов [Трепавлов, 2015, с. 211].

Калан. Дёрфер определил его как «основной налог; земельный налог, взимаемый с земледельцев» [Doerfer, 1967, с. 489; Stefanovich, 2019, с. 23]. У уйгуров «калан» определяется как вид налога, взимаемого с тех, кто занимается сельским хозяйством и земледелием, от которого освобождены кочевники (Середина VI — начало VII века) [Akyol, Gökbulut, Şahintürk, Tunçay, 2016, с. 8]. Помимо подушного земельного налога, «калан» иногда использовался для военных и продовольственных поставок [Akhmetshin et al., 2018, с. 249]. П. Бьюэлл, напротив, утверждает, что характер этого налога варьировался от региона к региону, что его основной целью был специальный налог для поддержки военной службы монгольских нойонов и что он мог направляться на подготовку людей, набравшихся на военную службу [Buell, 2003, с. 219]. Лэмбтон подчеркнул, что даже самые типичные монгольские налоги в разное время и в разных местах имели разное значение [Lambton, 1986, с. 84; Krolikowska-Jedlinska, 2019, с. 178].

В уйгурских договорах купли-продажи или аренды земли термины «ирт- бирт»², «бирим алим»³ и «калан кавит» (*qalan qavit*) засвидетельствованы как общие термины для обозначения земельных налогов и трудовых повинностей. Употребление терминов «калан» и «бирим алим» встречается в одном документе — указе об освобождении от налогов, относящемся к правлению хана Чагатайского улуса Дувы в 1290–1302 годах. В этом указе упоминаются налоги и трудовые повинности, освобождённые от «калана» и «бирим алима», и запрещается *каланчи* (сборщику «калана») и *алиму* (сборщику «алима») как должностным лицам взимать их с адресата [Dai, 2005, с. 72]. В городе Ани, который находился под властью ильханида Абу Саида, люди страдали от тяжёлых налогов и начали уходить оттуда. Тогда правитель сжалился над городом и отменил налоги, взимаемые с земельных продуктов, такие как «калан», а чтобы люди узнали об этом, ханский указ был выгравирован на пластине и повешен на стене самой большой мечети в соответствии с исламскими обычаями. Со временем это стало привилегией данного города [Barthold, 1931, с. 135; Spuler, 2011, с. 245].

Кара саны. «Кара-саны» — налог, взимаемый со стада в зависимости от количества животных. В буквальном смысле «кара» использовалось в уйгурском языке в значении «дикое животное» [Caferoğlu, 1968, с. 167]. Слово «сан» означает «число» [Caferoğlu, 1968, с. 195]. Как правило, он взимался с владельцев крупного рогатого скота. В Золотой Орде известны два ярлыка, в которых упоминается налог «кара саны»:

1 — «... *kara sanı kaldı yasağa tep konağı tep hüccet bahane kılıp nâ ârsâ tilâmâsünlâr almasunlar*» (количество животных, запрет на количество животных остался (?), стояла для животных, официальный разрешительный документ как предлог, они не должны ничего просить, они не должны брать это...) [Kurat, 1940, с. 64–65].

2 — « *kara sanı tütün harcı tep bazır anbâr kurut ‘ameli tep tilâmâsünlâr*» (они не должны спрашивать о количестве животных, налоге на жильё, плате за оценку склада, работе по сушке) [Abdullahoğlu, 1934, с. 108].

Этот налог относится к тем видам налогов, от которых владелец ярлыка был освобождён. Однако, поскольку он не упоминается ни в одном другом месте, кроме этих двух ярлыков, считается, что этот налог не был видом налога, взимаемого постоянно [Özyetgin, 2004, с. 83].

Копчур. Копчур упоминается в уйгурских документах как вид налога, выплачиваемого за животных, например за лошадей [Barthold, 1931, с. 152]. После того как монголы захватили земли уйгуров, они приняли налог «копчур» и начали его применять. Однако кочевые монголы приспособили этот налог под себя. Его стали брать с пастбищ и стад кочевников [Keleş, 2020, с. 14]. Позже Чингис-хан сделал его регулярным налогом, взимаемым не только с кочевников, но и с оседлого населения. Размер «копчура» варьировался в зависимости от конкретных обстоятельств [Özyetgin, 2004, с. 88–89].

«Копчур» принимался за одну десятую часть от ста животных. Позже, когда этот налог стал взиматься и с городского населения, в государстве Ильханов он существовал в двух видах: десятая часть скота, за которую платили кочевники, и налог, который взимался с горожан [Akhmetshin et al., 2018, с. 29–40]. «Копчур» взимался не со всех. Не облагались налогом те, кому хан давал титул тархана, учёные, пожилые люди, больные, бедняки и дети [Yaltkaya, 1939, с. 14]. В. В. Трепавлов, анализируя экономику и налоговую систему Золотой Орды, отмечал, что «копчур» был одним из основных налогов кочевого населения и составлял 1% от количества скота [Трепавлов, 2015, с. 211]. Б. В. Базаров и Ц. П. Ванчикова, анализируя экономические институты Монгольской

² «Ирт-бирт» в переводе с уйгурского означает «налог» (Caferoğlu, 1968, с. 97).

³ «Бирим алим» в уйгурском языке означает «налог» или «долг» (Caferoğlu, 1968, с. 44). «Алим» сам по себе означает «долг» или что-то взятое в долг (Caferoğlu, 1968, с. 11).

империи, отмечают, что первоначально «копчур» взимался в пользу бедных, а затем стал обязательным налогом [Базаров, Ванчикова, 2015, с. 172–173]. Анализ текста ярлыка Газан-хана от 1304 г. привёл В. В. Бартольда к следующему выводу: «копчур» означал все прямые налоги, взимаемые как с земледельцев, так и с кочевников [Бартольд, 1966, с. 331–332]. В Ильханате «копчур» претерпел изменения и появился в источниках под названием «*Шумаре-и Купчур*», начиная уже с эпохи хагана Мункэ [Özyetgin, 2004, с. 90]. Другое его название — «Налог на перепись животных» [Gedikli, 2016, с. 13].

Хардж / Харадж / Хараджат. Данный термин использовался для обозначения налогов в Золотой Орде. В тарханских ярлыках он встречается вместе с такими названиями налогов, как «горшечный сбор», «табачный сбор», «еткин» (налог на урожай), «сала» (деревенский налог) [Kök, 2020, с. 224]. В источниках сообщается, что в период правления Ильханов «харадж» взимался с крестьян и землевладельцев в размере одной десятой или одной двадцатой в зависимости от урожая [Yaltkaya, 1939, с. 11]. По мнению И. П. Петрушевского, в Иране вместо «хараджа» взимались налоги «калан» и «копчур» [Petrushevsky, 1968, с. 532–536]. Кроликовская, с другой стороны, упомянула два варианта его использования: 1) земельный налог, который будет взиматься с земли после войны; 2) неправильно используемый термин для обозначения «джизьи» [Krolikowska-Jedlinska, 2019, с. XXI].

Как уже говорилось, точный характер налогов неизвестен. В одних местах вместо «хараджа» взимался «копчур», а в других — наоборот. Например, в Хузистане взимался только «харадж». Однако есть и такие регионы, как Фарс, где платили и «копчур», и «харадж» [Petrushevsky, 1968, с. 530]. «Харадж», который в некоторых источниках фигурирует как самостоятельный налог, во многих источниках упоминается как общее название взимаемых налогов. По этой причине исследований, посвященных «хараджу» монгольской эпохи, довольно мало [Smith, 1970, с. 57–61]. В 1683–1684 гг. в ярлыках Крымского ханства говорится, что Мехмед Ага, бейтюльмальский эмир Кара-Су, взимал «харадж» с двенадцати владельцев виноделен. Этот налог взимался в виде одной золотой монеты за виноградную пасту и двух золотых монет за виноград, привезённый на рынок в бочках [Krolikowska-Jedlinska, 2019, с. 148].

Салыг(к) / Шалыг. Этот налог был особенно распространён в государствах уйгуров и Золотой Орде. Ссылаясь на существующие исторические источники, можно сказать, что «салыг» — это общий налог, связанный с землёй. Известно также, что в уйгурских идикутствах этим термином обозначались определённые обязанности людей, владеющих землей [Özyetgin, 2009, с. 452]. Значение слова «салыг» в уйгурском языке представляется в двух вариантах. Первое — это вид налога, а второе — «грубый, грязный, глупый» [Сафероглу, 1968, с. 195]. Известно, что в золотоордынском государстве, в тарханских ярлыках, владелец ярлыка от него освобождался. В Золотой Орде «салыг», вероятно, широко использовался как общий финансовый термин, включавший в себя и повинности, и обязательства, и налоги [Clauson, 1972, с. 826]. «Салыг» также известен как своеобразный налог, взимаемый с виноградников [Demir, 2018, с. 79]. Он бытовал и у уйгуров как подушный налог [Гурлянд, 1904, с. 90].

В конце XIV в. в налоговой системе Золотой Орды произошли некоторые изменения, но «салыг» по-прежнему оставался важным подушным налогом. Хотя некоторые исследователи отождествляют его с такими налогами, как «калан» и «ясак», Г. А. Фёдоров-Давыдов чётко указывает, что все они были самостоятельными налогами. Ярлыки Саадет-Гирея, датированные 1524 годом, подтверждают эту позицию. Более того, в ярлыках Токтамышша «салыг» упоминается как всеобщая повинность, которую платили и кочевники, и оседлые земледельцы [Фёдоров-Давыдов, 1973,

с. 29–40]. Однако в ярлыке Сахиб Гирей-хана это слово не допускает чёткую трактовку [Таумас, 1928, с. 94].

Тамга. Среди распоряжений, содержащихся в Ясаке, «тамга» квалифицировалась как налог на хранение и торговлю [Трепавлов, 2015, с. 211]. В зависимости от рода деятельности человека торговля и ремесла облагались налогом на куплю-продажу или зернохранилище [Islamov, 2017, с. 110]. Человек, который собирал этот налог, назывался «тамгачи» [Four, 2011, с. 114]. Российскими исследователями этот вид налога рассматривается как один из «косвенных налогов» [Stefanovich, 2019, с. 23]. Природа этого налога обсуждалась в течение многих лет. Д'Оссон признавал его «таможенным и транзитным налогом» [D'ohsson, 1835, с. 386], И. Вашари охарактеризовал его как «налог с продаж, таможенную пошлину» [Vasary, 2007, р. 3]. В. В. Бартольд считал подобные трактовки довольно узкими. По его мнению, «тамга» была своего рода подоходным налогом, который взимался со всех купцов, ремесленников и горожан в целом [Бартольд, 1966, с. 332].

Первоначально он взимался в размере 10% от каждой коммерческой сделки [Petrushevsky, 1968, с. 532]. Хотя впоследствии ставка стала неопределённой, значительная часть налоговых поступлений государства формировалась за счёт этого налога [Lambton, 1986, с. 84]. В период правления Ильханов этот налог взимался в местах, наиболее приближенных к центру торговли, чтобы обеспечить полноту сбора и лёгкость контроля [Petrushevsky, 1968, с. 508]. «Тамга» использовалась в качестве своеобразного таможенного и торгового налога в Золотой Орде. Тарханы были от него освобождены. Этим налогом облагались все торговые операции и торговцы [Özyetgin, 2004, с. 103–105]. По мнению И. П. Петрушевского, монголы первыми стали использовать слово «тамга» в смысле налога [Petrushevsky, 1968, с. 532]. В русских княжествах его впервые начали собирать в золотоордынское время [Kamalov, 2009, с. 286]. Буддийские и даосские монастыри в некоторых указах также освобождались от этого налога [Dai, 2004, с. 61]. «Тамга», наиболее характерный монгольский налог, как и другие налоги, варьировался от региона к региону [Krolikowska-Jedlinska, 2019, с. 178]. «Тамга» упоминается в источниках второй половины XVI в. и позже. Доподлинно неизвестно, взимался ли этот налог в XVII–XVIII веках [Lambton, 1986, с. 84].

Тартнак / Тартмак / Тартанак. Одним из источников дохода, облагаемых монголами, были весы. Собственно, и название этого налога в некоторых источниках звучит как «налог на весы». Процесс взвешивания при продаже шёлка, других тканей, муки, зерна, масла и т. д. осуществлялся «теразу-баном» вместе с представителями торговцев во избежание ошибок и облагался налогом в зависимости от вида, качества и количества взвешиваемого товара [Temel, 2021, с. 442].

«Тартнак» переводился на русский язык в значении «налог». Это один из экономических терминов, перешедших в русский язык во времена Золотой Орды. В ярлыках «тарнак» буквально означает «взвешивание». Этот налог взимался с купцов как налог с весов или взвешивания вместе с налогом «тамга» [Schurmann, 1956, с. 355]. Чиновник, назначенный государством для этой цели, назывался «тартанакчи» и вместе с «тамгачи» собирал налоги и дань на таможенных постах и на дорогах [Akhmetshin et al., 2018, с. 249].

Й. фон Хаммер-Пургшталь перевёл «тартнак» как “die Waggebührl” без каких-либо комментариев. И. Н. Березин же счёл правильным перевести его как «тамговые весовые», а «тартанакчи» — как «таможенник, весовщик» [Vasary, 2007, с. 3].

Тинцуй. Слово «тинцуй» заимствовано из Китая, и обозначаемый им налог взимался на землях, уже заселённых китайцами. Мацуй Дай также утверждает, что это был один из налогов, взимаемых с восточных уйгуров Турфанского региона [Dai, 2005, с. 70–78]. Это был земельный налог с каждого жителя, введённый во времена Чингис-хана в сельскохозяйственных районах,

которыми управлял Елюй Чуцай [Özyetgin, 2004, с. 112]. Налог распространялся на религиозные общины и монастыри [Akyol et al., с. 8].

Тагар. «Тагар» был налогом на продовольствие. В переднеазиатских источниках он также фигурирует как налог, взимаемый в исключительных случаях для поддержки императорской армии во время походов [Allsen, 1989, с. 186]. В переводе с монгольского «тагар» означает мешок или сумку, используемую для хранения провизии [Doerfer, 1965, с. 512–519]. «Тагар» также был известной сухой мерой, равной 100 тебризским маундам. 1 тагар равнялся 750 русским фунтам или 675 английским фунтам [Cleaves, 1949, с. 439]. Источники свидетельствуют, что этот налог был распространён в Монгольской империи, где основу экономики составляло сельское хозяйство. Пик его распространения пришёлся на Китай во времена династии Юань. Здесь «тагар» взимался как налог на урожай с каждого мужчины и с каждого участка земли [Four, 2011, с. 113].

Согласно армянским источникам, на Южном Кавказе «тагар» применялся при правлении ильхана Хулагу следующим образом: с каждого мужчины, включённого в перепись, монгольские сборщики налогов собирали 100 литров пшеницы, 50 литров вина, 2 литра риса, 3 мешка, 2 мотка верёвки, 1 белую (серебряную) монету, 1 стрелу, 1 подкову, а с владельца 20 голов скота требовали 1 голову скота и 20 серебряных монет. Сыновей или дочерей тех, кто не мог заплатить за все эти товары, забирали [Патканов, История монголов, 1871, с. 71; Gandzakets'i's, 1968, с. 374–375]. Согласно информации, предоставленной Григором Акнерци, Байджу-нойон организовал экспедицию в Эрзурум против сельджукского правителя Гийас ад-Дина Кей-Хосрова II и разбил его. Гийас ад-Дин отступил в Конью и попытался отстоять город. Однако город был взят монголами, но жителей не предали мечу, а конфисковали их имущество и пожитки. Была проведена перепись населения, и люди были обязаны платить налоги «мал» и «тагар» [Grigor, 1954, с. 17].

Ясак. В общем смысле «ясак» можно определить как закон Чингис-хана, приказ правителя, правовой порядок. «Ясак» как налоговая система использовался в Золотой Орде [Ver, 2016, с. 310]. Он упоминается в официальных документах как общий налоговый термин. В Золотой Орде он взимался с жителей завоёванных территорий и являлся символом лояльности [Bakhrushin, Vlahov, 2016, с. 43]. Известно, что «ясак» взимался в размере одной десятой части выращенного урожая. В золотоордынском государстве известны судебные решения, согласно которым лицо, взимающее этот налог, называлось «ясакчи» [Saferoğlu, 1934, с. 37]. В восточнотюркском языке термин «ясакчи» используется в том же значении, что и слово «ясавул», в смысле «человек, который организует солдат в армии, начальник караула» [Temel, 2021, с. 442–443]. Если посмотреть на употребление этого термина в некоторых ярлыках ханов Золотой Орды, то можно увидеть, что хотя в регионах, где он применялся вместе с налогом «калан», он имел значение общего налога, он также использовался в значении специального налога, такого как «кубур ясага» [Özyetgin, 2009, с. 453–454].

Как и в случае с другими налогами, из-за обширности территории Монгольской империи и особенностей управления в разных улусах налоги взимались по-разному [Гурлянд, 1904, с. 91]. Этот налог, которым Золотая Орда обложила русских, впоследствии был взимаем самими русскими с жителей Сибири, например, с якутов вплоть до XIX в. «Ясак» существовал в Сибири ещё до прихода русских [Сибирские летописи, 1907, с. 321].

Заключение

Управление таким гигантским государством, как Монгольская империя, простиравшимся от Дальнего Востока до Европы, безусловно, требовало не менее масштабной организации. Помимо военной машины, созданные монголами торговые, налоговые и почтовые организации, несомненно,

были очень эффективны для превращения монгольских владений в империю. Чтобы не нарушать жизненный уклад людей, живущих на завоёванных землях, и обеспечить их адаптацию к государству, монголы как можно меньше вмешивались в бывшую до их прихода налоговую систему. По этой причине почти в каждом улусе существовала своя налоговая система и наблюдалась значительная разница в названиях налогов, взимаемых по одним и тем же ставкам и с одной и той же идеей. Монголы переняли у уйгуров почти все налоговые термины, которые они использовали в системе налогообложения жителей завоёванных ими земель. Во времена хагана Угэдэя она превратилась в полноценную организацию, а благодаря административным навыкам Елюй Чуцяя и Махмуда Ялавача был достигнут весьма систематический подход к сбору налогов. Если в близких к центру областях сбор осуществлялся непосредственно государством, то в отдалённых регионах, таких как русские княжества, за сбор налогов отвечали люди с титулами битикчи, даругачи и яргучи, которые также выполняли функции губернаторов. Если становилось известно, что эти люди начинали притеснять народ и пополнять собственную казну, в дело немедленно вмешивались ханы.

Литература / References

Базаров Б. В., Ванчикова Ц. П. Экономическая система Монгольской империи. *Власть*. 2015. № 6. С. 170–175 [Bazarov B. V., Vanchikova Ts. P. The economic system of the Mongolian Empire. *Power*. 2015. № 6. Pp. 170–175 (in Russian)].

Бартольд В. В. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. *Сочинения IV*. М., 1966 [Bartold V. V. Persian inscription on the wall of the Manuche Ani mosque. *Works of IV*. Moscow, 1966 (in Russian)].

Гурлянд И. Я. *Степное законодательство с Древнейших времён*. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904 [Gurland I. Ya. *Steppe legislation since Ancient times*. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University, 1904 (in Russian)].

Золотницкий Н. И. *Корневой чувашско-русский словарь*. Казань, 1875 [Zolotnitsky N. I. *Kornevoy Chuvash-Russian dictionary*. Kazan, 1875 (in Russian)].

Островский П. Е. Этнографические Заметки о Тюрках Минусинского края (Отчёт о Поездке 1894 г.). *Живая Старина*. 1895. № III–IV. С. 297–348 [Ostrovsky P. E. Ethnographic Notes on the Turks of the Minusinsk region (Report on the Trip of 1894). *Living Antiquity*. 1895. № III–IV. Pp. 297–348 (in Russian)].

Патканов П. К. *История монголов по Армянским источникам*. СПб.: Императорская академия наук, 1873 [Patkanov P. K. The history of the Mongols according to Armenian sources. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1873 (in Russian)].

Сибирские летописи. СПб.: Императорская археологическая комиссия, 1907 [Siberian Chronicles. St. Petersburg: Imperial Archaeographical Commission, 1907 (in Russian)].

Трепавлов В. В. *Степные империи Евразии: монголы и татары*. М: Квадрига, 2015 [Trepavlov V. V. *Steppe Empires of Eurasia: Mongols and Tatars*. Moscow: Quadriga, 2015 (in Russian)].

Фёдоров-Давыдов Г. А. *Общественный строй Золотой Орды*. М.: Изд-во Московского университета, 1973 [Fedorov-Davydov G. A. The social system of the Golden Horde. Moscow: Moscow University Press, 1973 (in Russian)].

Abdullahoğlu H. Birinci Mengili Giray Han Yarığı. *Türkiyat Mecmuası*. 1934. № 4. Pp. 99–109.

Akhmetshin E. M., Gapsalamov A. R., Nigamaev A. Z., Pavlyuk A. V., Profanova N. A., Savchenkova D. V. Transformation of the Tax System During the Middle Ages: The Case of Russia. *European Research Studies Journal*. 2018. № 21 (3). Pp. 242–253.

Aknerli Grigor. *Moğol Tarihi*, İstanbul: Osman Yalçın Matbaası, 1954.

Akyol Ö., Gökbulut R., Şahintürk D. A., Tunçay B., Türk Maliye Tarihinde İlk Dönemlerde Vergi Anlayışı. *Sümerlerden Türkiye Cumhuriyeti'ne Maliye Tarihi*. 2016. P. 11.

- Allsen T. T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners. 1200–1260. *Asia Major*. 1989. No. 2. Pp. 83–126.
- Bakhrushin S., Vlahov A. Yasak (fur tribute) in Siberia in the Seventeenth Century (1955). *Alaska Journal of Anthropology*. 2016. № 14 (1–2). Pp. 41–70.
- Barthold W. İlhanlılar Devrinde Mali Vaziyet. *Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası*. 1931. No. I. Pp. 135–159.
- Caferoğlu A. *Uygur Türkçesi Sözlüğü*. İstanbul: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1968.
- Caferoğlu A. Uygurlarda Hukuk ve Maliye Islahatları. *Türkiyat Mecmuası*. 1934. No. 4. Pp. 1–43.
- Clauson S. G. *An Etymological Dictionary of Pre-thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Oxford University Press, 1972.
- Cleaves F. W. The Mongolian Names and Terms in The History of The Nation of The Archers by Grigor of Akan. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1949. No. 12 (3/4). Pp. 400–443.
- D’ohsson M. Le B. C. *Histoire des Mongols, Depuis Tchinguiz-Khan jusqu’à Timour-Bey ou Tamerlan IV*. Asterdam: Les Freres Van Cleef, 1835.
- Dai M. Uigur Peasants and Buddhist Monasteries during the Mongol Period. Re-examination of the Uigur Document U 5330 (USp 77). *Toyoshi Kenkyu*. 2004. No. 63 (1). Pp. 55–67. Dai M. Taxation Systems as Seen in the Uigur and Mongol Documents from Turfan: An Overview. *Transactions of the International Conference of Eastern Studies*. 2005. No. L. Pp. 67–82.
- Demir H. İ. Türk Vergi Kültürüne Etkisi Açısından Türk Vergi Uygulamaları Tarihine Kısa Bir Bakış. *Akademik Tarih ve Düşünce Dergisi*. 2018. No. 5 (18). Pp. 64–92.
- Doerfer, G., *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen II*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1965.
- Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen III*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag GMBH, 1967.
- Four C. Mongol Administration in Greater Armenia (1243–1275). *The Mongol and Armenians (1220–1335)*. 2011. Pp. 99–120.
- Gedikli Y. Türkçede Vergiyle İlgili Söz Ocakları ve Kökenleri. II. *Türk Hukuk Tarihi Kongresi Bildirileri*. 2016. No. I. Pp. 11–20.
- İslamov D. *History of Azerbaijan*. Bakü: AzMİU NPM, 2017.
- Kamalov İ. *Altın Orda ve Rusya (Rusya Üzerinde Tatar Etkisi)*. İstanbul: Ötüken Yayınları, 2009.
- Keleş E. İlhanlıların Anadolu’da Kurduğu Vergi Nizamı ve Neticeleri. *Türk Dünyası Araştırmaları*. 2020. No. 124 (244). Pp. 11–24.
- Kirakos Gandzakets’i’s. *History of the Armenians*. New York, 1968.
- Kök N. K. Türkistan Hanlıkları Yarlıklarında Geçen Vergi Adları. *TÜRÜK Uluslararası Dil, Edebiyat, ve Halkbilimi Araştırmaları Dergisi*. 2020. No. 21. Pp. 212–244.
- Krolikowska-Jedlinska N. *Law and Division of Power in the Crimean Khanate (1532–1774)*. Boston: Brill, 2019.
- Kurat A. N. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler*. İstanbul: Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınlarından Tarih Serisi I, 1940.
- Lambton A. K. S. Mongol Fiscal Administration in Persi. *Studia Islamica*. 1986. No. 64. Pp. 79–99.
- Özyetgin A. M. *Eski Türk Vergi Terimleri*. Ankara: KÖKSAV, 2004.
- Özyetgin M. Altın Orda Devlet Geleneğinde Uygur İzleri. *International Journal of Central Asian Studies*. 2009. No. 13. Pp. 441–458.
- Paul D. B. *Historical Dictionary of the Mongol World Empire*. Maryland: The Scarecrow Press, 2003.
- Petrushevsky I. P. The Socio-Economic Condition of Iran Under the İl-Khans. *Cambridge History of Iran*. 1968. No. 5. Pp. 483–537.

- Schurmann F. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1956. № 19 (3/4). Pp. 304–389.
- Smith J. M. Mongol and Nomadic Taxation. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1970. No. 30. Pp. 46–85.
- Spuler B. *İran Moğolları*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2011.
- Stefanovich P. S. Poliud'e and the Evolution of Taxation from Rus to Russia. *The State in Early Modern Russia New Directions*. SLAVICA. Bloomington, 2019.
- Taymas A. Kazan Yurdunda Bulunmuş Tarihi Bir Vesika: Sahib Giray Han Yarlığı. *Türkiyat Mecmuası* 1928. No. 2. Pp. 75–102.
- Temel, E. Altın Ordu, Kırım, Kazan Hanlıkları'na Ait Yarlık ve Bitiklerde Meslek Adları, *Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. 2021. No. 10 (2). Pp. 432–454.
- Togan Z. V. Moğollar Devri'nde Anadolu'nun İktisadi Vaziyeti. *Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası*. 1931. No. I. Pp. 1–43.
- Vasary I. Notes on the Term Tartanaq in the Golden Horde. *Turks, Tatars and Russians in the 13th-16th centuries*. Burlington, 2007. Pp. 1–9.
- Ver M. *The Postal System of the Mongol Empire in Northeastern Turkestan: PhD Thesis*. Szeged: University of Szeged, 2016.
- Vladimirtsov B. Y. *Moğolların İçtimai Teşkilatı*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1994.
- Yaltkaya Ş. İlhaniler Devri İdari Teşkilatına Dair Nasîr-Ed-Dini Tûsî'nin Bir Eseri. *Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası*. 1939. No. 2. Pp. 7–19.

МИРЗА РАДЖА: ИНДУССКИЙ «СЫН» МУСУЛЬМАНСКОГО ПАДИШАХА

© 2025

Е. Ю. Ванина¹

Статья реконструирует биографию Мана Сингха Качвахи (1550–1614), правителя раджпутского княжества Амбер, выдающегося государственного деятеля Могольской империи, верного слуги и племянника (по жене) падишаха Акбара (годы правления 1556–1605). Ман Сингх командовал войсками во множестве военных кампаний (всего участвовал в 67 сражениях), своим мечом расширял пределы империи, назначался губернатором ряда провинций, выполнял сложнейшие дипломатические поручения падишаха, удостоился высшего в государстве придворного ранга — такого же, как сыновья монарха, недостижимого даже для знатнейших могольских вельмож-мусульман. Блистательная военно-политическая карьера этого князя, причисляемого исторической традицией к «девяти драгоценностям» двора Акбара, выступает наглядной иллюстрацией процесса интеграции индусской военно-феодалной элиты (раджпуты) в правящий слой мусульманской державы, состоявший изначально из уроженцев Центральной Азии, Ирана, Афганистана и других стран ислама. Она даёт возможность понять, почему многие представители индусской знати стали «опорой трона» падишахов и служили ей до самого конца, воюя в том числе и против своих единоверцев, настроенных враждебно к власти Моголов. Направленная на консолидацию мусульманской и индусской знати, политика Акбара в территориально-административной, военной, религиозной и культурной сферах способствовала созданию единого надконфессионального правящего слоя, в равной степени выступающего от имени всех подданных — как индусов, так и мусульман, что, в свою очередь, явилось важным фактором в процессе (увы, не завершившемся) трансформации рыхлой, построенной на образцах Золотой Орды и державы Тимура, мусульманской империи в централизованное государство.

Ключевые слова: империя Великих Моголов, раджпуты, Акбар, Ман Сингх Качваха, Амбер

Для цитирования: Ванина Е. Ю. Мирза Раджа: индусский «сын» мусульманского падишаха. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 28–38. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-028-038

MIRZA RAJA: A HINDU “SON” OF A MUSLIM PADISHAH

Eugenia Yu. Vanina

The paper reconstructs the biography of Man Singh Kachwaha (1550–1614), the ruler of the Rajput principality of Amber and the outstanding statesman of the Mughal empire, a faithful servant and a nephew (by a wife) of the emperor Akbar (reigned 1556–1695). Man Singh commanded armies in many wars (all in all, he had fought 67 battles), expanded the imperial domain by his sword, governed several provinces, went on most difficult diplomatic missions, enjoying the highest court rank of the empire — the one equal to the those of the princes of royal

¹ Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; eug.vanina@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7992-3013

blood and unachievable for the highest Muslim aristocracy. Brilliant military and political career of this prince, included by the popular historical tradition to the “nine jewels” of Akbar`s court, is a bright illustration of the process of integration of the Hindu military-feudal elite, the Rajputs, into the ruling circles of the Muslim realm, formed initially by people of Central Asian, Afghan, Iranian, etc. origin. This career demonstrates why many representatives of the Hindu aristocracy became “pillars of the throne” for the Mughal Padishahs and served them to the end, more than once fighting against their co-believers who had been hostile to the empire. Aimed at the consolidation of Hindu and Muslim elites, Akbar`s policies in administrative, military, religious and cultural spheres facilitated the creation of a unified, supra-communal imperial ruling circle, which, in its turn, was an important factor in the process (alas, not destined to complete) of the transformation of a loose Muslim empire, modelled after Golden Horde and Tamerlane`s realm, into a centralized state, equally representing its Muslim and Hindu subjects.

Keywords: Mughal empire, Rajputs, Akbar, Man Singh Kachwaha, Amber

For citation: Vanina E. Yu. Mirza Raja: a Hindu “Son” of a Muslim Badshah. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 28–38. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-028-038

Империя Великих Моголов, одно из крупнейших мусульманских государств позднего средневековья и начала нового времени, стала результатом завоевания в 20-е годы XVI в. Северной, Центральной и частично Восточной Индии бывшим правителем Ферганы Бабуром, тимуридом по отцу и чингизидом по матери. Под его знамёнами в Индию вторглись войска, состоявшие из уроженцев Центральной Азии, Афганистана, Ирана, других регионов Среднего Востока. «Могол», искажённое на индийский лад «монгол», стало собирательным названием для всех, кто составил элиту второй мусульманской империи в Индии², мусульманских военных аристократов вообще, а также (в Европе, не в самой Индии!) именем новой династии.

Распространяя свою власть на всё новые территории Индостана, могольские падишахи были вынуждены преодолевать сопротивление уже сложившихся к тому времени местных мусульманских элит и, в не меньшей степени, раджпутов. Раджпуты — военно-феодалное сословие Северной, Западной и частично Центральной Индии³ делились на кланы, правившие княжествами различной величины и влиятельности. Разъединённые и постоянно враждовавшие между собой, они оказывали мусульманским завоевателям героическое, но почти всегда безуспешное сопротивление. Особенно трудно для раджпутов было воевать с Моголами, умело использовавшими артиллерию, к тому времени хорошо известную в Индии уже более столетия, но презираемую раджпутами (по аналогии с европейскими рыцарями) как «оружие трусов». Не признавая новой тактики боя, раджпуты подставляли конные лавы под вражескую картечь или запирались в своих крепостях; когда неприятель разбивал их стены пушками, женщины совершали обряд коллективного самоожжения (*джаухар*), а мужчины выходили на последний бой и гибли до последнего, оставляя победителям обгорелые трупы и развалины...

Несмотря на военное преимущество, подчинение раджпутов оказалось сложным делом для могольских армий, тративших немало времени и сил на осаду каждой из многочисленных крепостей, а ведь были и другие противники. Кроме того, новые правители хорошо знали опыт своих предшественников: делийские султаны неоднократно громили раджпутские княжества, но те восставали, особенно когда слабел имперский центр, оставались вечно воспалённой занозой в теле государства. И лишь третьему падишаху династии Великих Моголов, Акбару (правил 1556–1605), блестящему реформатору и вольнодумцу, отличавшемуся нестандартным мышлением, удалось решить раджпутскую проблему. Он ввёл в практику своей семьи и её потомков традицию

² См. подробнее: [Ванина, 2015, с. 91–107].

³ См. подробнее: [Успенская, 2000; Ванина, 2007, с. 167–191]. Ну и, конечно, нестареющая классика [Tod, 1920].

династических браков могольских падишахов и принцев с раджпутскими княжнами — последних не принуждали принимать ислам. Согласно одному из многовековых устоев раджпутского феодализма, клан невесты становился вассалом клана жениха и был обязан ему непоколебимой верностью, участием в его войнах своими дружинами, всяческой поддержкой. Те кланы, которые согласились признать могольских правителей сюзеренами и родичами, связали себя, оставаясь индусами, кровными узами с мусульманской династией. Братья, племянники и прочие родственники раджпутских невест поступали на службу падишахам и делали иногда головокружительную карьеру⁴, что особенно ярко иллюстрирует судьба князя Мана Сингха Качхвахи — о ней и пойдёт речь в этой статье.

Раджпутский «сын» Акбара

Ман Сингх родился в 1550 г. в Амбере — столице одноимённого раджпутского княжества (в ходу были и другие его названия — «Амер» и «Дхундхар»). Этот средневековый город с великолепной, включённой в списки Всемирного наследия ЮНЕСКО крепостью, находится недалеко от Джайпура, столицы современного индийского штата Раджастхан⁵. Амбер не принадлежал к числу самых могущественных раджпутских княжеств, но правившая в нём династия Качхвахов возводила свой род либо к сыну Рамы Куше, либо к священной черепахе, одному из девяти земных воплощений бога Вишну⁶. В любом случае Ман Сингх стал двадцать четвёртым раджей династии, правившей Амбером с XI в. Отцом его был Бхагвант Дас, сын правителя Амбера, раджи Бхармала (или, в ряде источников, Бихари Мала), а матерью — Бхагавати, одна из двух жён принца⁷. Жизнь нового члена княжеской семьи могла сложиться обычным путём: образование (военное дело, азы государственного управления, знакомство со священными текстами, изучение исторических традиций династии), многочисленные браки, начиная с раннего подросткового или даже детского возраста, если повезёт — титул наследного принца, когда на трон воссядет отец и, если снова повезёт, — после отца трон Амбера⁸. А дальше — обычная жизнь правителя небольшого раджпутского княжества: стычки с соседями и мятежными феодалами, торжественные выезды на охоту, праздники, свадьбы, паломничества, пожертвования храмам, дворцовые увеселения... Всё так бы и случилось, но в предрасположенную опытом поколений предков жизнь властно вмешалась история — как семейная, так и общеиндийская.

К 1562 г. власть раджи Бхармала столкнулась с серьёзными проблемами, вынужденная противостать двум сильным врагам — внутреннему и внешнему. Суджамал, сын покойного старшего брата раджи, восстал против дяди, когда тот объявил наследником не его, племянника, который

⁴ См. подробнее: [Taft, 1994; Ziegler, 1998].

⁵ Джайпур был основан в 1727 г. как новая столица княжества, название которого было, по индийской традиции, также изменено.

⁶ На многих языках Северной Индии *kāchwā* — черепаха. Многообразие исторических традиций Амбера было ярко и убедительно исследовано в книге [Карачкова, 2013].

⁷ Г. Блохманн, переводчик на английский язык первого тома знаменитого трактата о государственном устройстве при Акбаре «Установления Акбара» (*Ā'in-i Akbarī*), отметил: «европейские историки» (никаких имён и ссылок нет) считали Мана Сингха не родным сыном Бхагванта Даса, а приёмным. Он с полным основанием подчеркнул, что «индусы не проводят абсолютно никаких различий между родным сыном и приёмным» [Abu-l Fazl Allami, 1977, I, p. 361]. Действительно, усыновление мальчиков и наделение их всеми правами наследного принца было нередким в княжеских семьях, не имевших мужского потомства. Ни фарсиязычные хроники, ни амберские исторические тексты факта усыновления Мана Сингха не подтверждают.

⁸ В индусской и мусульманской традициях средневековой Индии отсутствовало обычное для Западной Европы право первородства (майората), гарантировавшее престол старшему из сыновей монарха. В Индии правитель должен был ещё при жизни объявить, кого из сыновей он признаёт своим преемником. В раджпутских княжествах избранника на торжественной церемонии объявляли «молодым раджей» (*Yuvrāj* или *Mahārāj Kumār*). Братья наследника нередко оспаривали решение отца и затевали междоусобные войны.

по старшинству своего отца претендовал на престол, а собственного сына, Бхагванта Даса. Уведя с собой подчинённые ему войска, Суджамал заключил союз с Шараф уд-дином Хусейном, крупным военачальником, женатым на старшей сестре падишаха Акбара. Этот амбициозный вельможа, занимавший в то время пост наместника области Меват⁹, был активным участником многих заговоров могольской знати, недовольной централизаторской политикой Акбара, и лелеял мечты о троне. Он охотно согласился помочь Суджамалу отвоевать Амбер, ненавидя раджу Бхармала за то, что он уже несколько раз оказывал падишаху услуги, был представлен ему ещё в 1556 г. и удостоился похвалы за верность и храбрость¹⁰. Теперь, зажатый между двумя противниками, Бхармал решил не просто обратиться к падишаху с просьбой о помощи, но объявить себя вассалом могольского престола, а скрепить этот союз должно было бракосочетание Акбара и дочери Бхармала¹¹. Акбар принял предложение, свадьба состоялась в феврале 1562 г.: и сам раджа Бхармал, и его сыновья, и прочие родственники невесты были зачислены на императорскую службу, получив высокие должности. Через два дня после свадьбы, во время прощального приёма, данного падишахом в честь возвращающегося на родину Бхармала, Акбар впервые увидел его двенадцатилетнего внука, своего нового племянника, Мана Сингха. В изложении Абу-л Фазла Аллами, министра и биографа Акбара, внук Бхармала «удостоился лучезарного взгляда его величества и был принят на постоянную службу» [Abu-l Fazl Allami, 1904, I, p. 244].

Двенадцать лет в средневековой Индии (и не только) не считались детским возрастом: обычно отпрыски аристократических семей, как индусских, так и мусульманских, примерно в этом возрасте начинали военную карьеру. По сложившейся практике Ман Сингх начал служить под командованием отца, Бхагванта Даса. Они участвовали в различных кампаниях могольской армии, таких, как взятие крупной раджпутской крепости Рантхамбор в 1569 г.¹² (на обратном пути Акбар остановился на отдых в Амбере, проведя несколько дней гостем Бхармала и его семьи, в честь чего по приказу раджи была построена «Мечеть Акбара», сохранившаяся и поныне), завоевание для империи богатейшей провинции Гуджарат. Хроника Абу-л Фазла повествует о том, что, подойдя к важной крепости Сарнал, Акбар был разгневан запозданием основных сил, в которых находился с отцом и Ман Сингх, но довольно быстро простил военачальников, «склонивших головы от стыда». Тогда Ман Сингх попросил государя отдать под его командование авангард, но тот отказался. Ман Сингх настоял: «У преданных есть право на самопожертвование в первых рядах». Акбар согласился, и вскоре благодаря удачным действиям авангарда могольская армия взяла крепость [Там же, 1904, III, p. 19–21]. Подобных эпизодов, по-видимому, было много: они убеждали Акбара в храбрости, преданности и военных талантах племянника [Prasad, 1966, p. 21–33]. Всего Ман Сингх, по подсчёту индийского историка Р. Худжи, принял участие в 67 крупных сражениях [Нooja, 2006, p. 332].

⁹ Историческая область между современными индийскими штатами Раджастхан и Харьяна.

¹⁰ Согласно хронике «Книга Акбара (*Akbar-nāma*)», раджа Бхармал оказал помощь только что вступившему на престол 13-летнему Акбару в подавлении мятежа, руководимого индусским военачальником Хему. Когда амберского князя представили Акбару, юный падишах был занят укрощением взбесившегося слона. Перепуганные придворные разбежались, и только Бхармал со своей свитой не двинулся с места. Акбар оценил храбрость раджпутов и пообещал князю: «Мы вас поддержим» [Abu-l Fazl Allami, 1904, II, p. 70].

¹¹ Её имя, данное при рождении, в могольских источниках не упоминается. В раджпутских текстах она фигурирует как Харкха-баи, Хира-кунвари, Джодха и т. д. После брака с Акбаром амберская княжна по могольскому обычаю получила дворцовый титул Мариам аз-замани («Дева Мария [нашей] эпохи»), и только под этим титулом о ней, как супруге Акбара и матери его наследника Салима, упоминают хроники.

¹² Об этой кампании, закончившейся капитуляцией местного правителя, см. [Talbot, 2012]. Возможно, переговоры о сдаче гарнизона проходили при посредничестве Бхагванта Даса.

Одной из решающих битв как в карьере Мана Сингха, так и в истории Могольской империи было сражение при горном проходе Халдигхати¹³ в 1576 г. После Бхармала Качхвахи многие другие раджпутские князья объявили себя вассалами Моголов, породнились с правящей династией и поступили на имперскую службу. Но от этого категорически отказывались раджи из рода Сисодия, владевшие крупным и влиятельным княжеством Мевар. Они демонстративно отказывались признавать сюзеренитет Моголов, что в 1568 г. привело к захвату Акбаром, в результате долгой и тяжёлой осады, их столицы Читтора¹⁴. Переживший осаду вне крепости *махарана*¹⁵ Удай Сингх Сисодия основал новую столицу, Удайпур, и завещал борьбу с Моголами своему сыну Пратапу.

Битве при Халдигхати предшествовали длительные дипломатические усилия могольской администрации по замирению Мевара и превращению его в вассала империи. В этих усилиях принимали активное участие Ман Сингх и его отец. Но миссия оказалась безуспешной, а для амберских князей — оскорбительной. Пригласив, по обычаю, могольских посланцев на обед, *махарана* Пратап под предлогом «нездоровья» отказался разделить с ними трапезу, что было однозначно понято присутствовавшими: правитель Мевара не пожелал «оскверниться», вкушая пищу вместе с теми, кто, вступив в кровное родство с мусульманскими правителями, потерял, по его мнению, право считаться раджпутом [Talbot, 2007, p. 21–24]. Подобное оскорбление дало понять Акбару, что мирный путь решения конфликта невозможен. И командование могольскими войсками он поручил 26-летнему Ману Сингху, который вполне справился с возложенной на него задачей: 18 июня 1576 г. при Халдигхати армия Мевара потерпела сокрушительное поражение. Правда, *махарана* Пратап скрылся в горах и продолжил вести партизанскую войну, что вызвало неудовольствие падишаха, и на какое-то время Ман Сингх оказался в опале. К этому, по замечанию Абу-л Фазла, приложили руку некие «обманщики и приспособленцы», убедившие Акбара в том, что Пратап избежал плена по недосмотру или даже предательскому замыслу Мана Сингха. Вскоре, однако, повествует далее хронист, благодаря пронизательности монарха «эти злонамеренные краснобаи» были разоблачены, и амберский принц вернул себе расположение дяди-императора [Abu-l Fazl Allami, 1907, III, p. 259–260; Prasad, 1966, p. 53–54; Ванина, 2016, с. 42–45].

Четыре года спустя Ман Сингх вместе с Акбаром участвовал в подавлении крайне опасного мятежа в Кабуле, когда часть мусульманских феодалов, недовольная имперской политикой союза с раджпутами, подняла мятеж и объявила Мирзу Мухаммада Хакима, сводного брата Акбара и наместника Кабула, падишахом. Осаждённый мятежниками в крепости Лахора, Ман Сингх категорически отказался сдаться, заявив, что готов умереть тысячу раз, но не нарушить клятву верности императору. Сам он, повинуясь приказу падишаха, не пытался нападать на мятежников, сковывая осадой их силы до подхода основных войск под командованием самого Акбара. Вскоре мятежники сняли осаду с Лахора, и Ман Сингх со своими войсками присоединился к падишахской армии. 9 августа 1581 г. могольская армия вошла в Кабул. После этого Ман Сингх успешно подавлял мятежных феодалов из различных афганских племён. В 1586 г. он был назначен наместником Кабула. В этой должности он продолжал бороться с сепаратизмом местных кланов, и даже когда мятежникам превосходящими силами удалось заблокировать его войско в узком горном проходе, Ман Сингх всё же нашёл возможность вырваться из теснины, зайти врагам в тыл и рассеять их.

В 1587 г., однако, Ман Сингх был отозван с должности наместника. Причиной этого стало откровенное нежелание афганцев повиноваться индусу, постоянная вражда между местными феодалами и раджпутами. Поэтому Ман Сингх был отправлен с армией на восток, в Бихар, где успешно

¹³ Этот проход (*ghaṭī*) в горной цепи Аравалли назван Куркумовым (*haldī*) из-за жёлтого цвета почвы.

¹⁴ См. подробнее: [Ванина, 2014, с. 398–403].

¹⁵ Местный вариант титула «махараджа».

воевал против местных раджей. По словам Абу-л Фазла, он «соединял талант и отвагу» и поэтому «управлял провинцией великолепно» [Abu-l Fazl Allami, 1907, III, 872]. В 1590 г. Ман Сингх по приказу падишаха отправился на завоевание Ориссы, где разгромил как местных раджей, отказывавшихся признать суверенитет Моголов, так и давно окопавшихся в этом регионе афганских феодалов. Дочь самого могущественного из местных раджей Ман Сингх взял в жёны. Далее Ман Сингх завоевал для Моголов богатейшую провинцию Бенгалия. Разгромив влиятельного раджу Джессора, Ман Сингх перевёз из его дворца в свою столицу каменную статую богини Шилы-деви: она по сей день находится в храме на территории амберского форта [Карачкова, 2014, с. 370–372]. В самой же Бенгалии Ман Сингх построил близ Раджмахала (теперь в штате Джхаркханд) форт с дворцом, названный Акбарнагар (город Акбара), и соборную мечеть. Это был, кстати, далеко не единственный строительный проект знаменитого полководца. В священном для кришнаитов Вриндаване на его средства был возведён семиярусный храм Кришны. Ещё один храм этого бога Ман Сингх построил в Амбере, равно как и несколько храмов в других местах — Варанаси, Аллахабаде и т. д. В 1594 г. Ман Сингх был назначен наместником сразу трёх провинций — Бихара, Бенгалии и Ориссы.

Карьера раджпутского принца при дворе Акбара была поистине блестящей. Если не считать мелких случаев недовольства, падишах полностью доверял племяннику и называл его «сыном». Придворный ранг (*мансаб*¹⁶) Мана Сингха составил 7 тысяч: подобного не имел никто, кроме сыновей императора. Своего наследника, Салима (будущего падишаха Джахангира), Акбар женил на Ман-баи, сестре Мана Сингха, который, таким образом, стал шурином наследника престола. Однако Салим, несколько раз затевавший мятежи против отца, не вызывал у преданных Акбару придворных, среди коих был и Ман Сингх, никакого доверия: они считали необходимым употребить всё своё влияние на падишаха, чтобы наследником престола был объявлен не Салим, а его сын от Ман-баи, внук Акбара — Хусру (Хусрав). Этот замысел не удался из-за гибели его наиболее влиятельного участника, Абу-л Фазла, от рук подосланных Салимом убийц¹⁷, а также из-за нежелания самого Акбара нарушать признанный порядок престолонаследия, передавая власть внуку при живом сыне. Когда же после смерти Акбара (15 октября 1605 г.) Салим взойшёл на трон под именем Джахангира, он сначала отставил Мана Сингха с поста наместника восточных провинций, но потом вернул ему эту должность — в Бенгалии поднял мятеж один из крупных мусульманских феодалов, и империя нуждалась в опыте Мана Сингха. Когда же мятеж был подавлен, Джахангир вновь отозвал своего дядю с поста наместника. Однако полностью отказаться от его услуг падишах не мог.

В 1609 г. он направил заслуженного полководца на юг, где собралась многотысячная армия, посланная новым падишахом для завоевания деканских территорий. Активное сопротивление Моголам оказывал султанат Ахмаднагар, армией которого успешно командовал человек поистине выдающийся — Малик Амбар (1548–1626), бывший раб-эфиоп, ставший на службе султанату главнокомандующим и даже регентом. Противостояние с ним сложилось для Мана Сингха неудачно, быть может, потому, что в данной кампании он был подчинён другим могольским военачальникам и принцам, не имея возможности действовать самостоятельно. Во время этой войны в деканском городе Эличпур 5 июля 1614 г. раджпутский полководец, племянник одного могольского падишаха и шурином другого, скончался от болезни. Четыре его жены, по раджпутскому обычаю, последовали

¹⁶ Каждому леннику, находившемуся на государственной службе, присваивался ранг (*мансаб*) с цифровым обозначением количества всадников и пехотинцев, которые он должен был содержать, вооружать и предоставлять в императорскую армию на доходы со своего лена; этими воинами он и командовал.

¹⁷ См. подробнее: [Ванина, 2013, с. 23–24].

за супругом на погребальный костёр [Prasad, 1966, p. 126–129]. Индийская историческая традиция с полным правом включила Мана Сингха в число «деяти драгоценностей» двора Акбара¹⁸.

«Мирза» и «раджа» одновременно

Арабо-персидский термин *mirzā* в мусульманских странах мог означать самых разных людей — от принца крови до любого представителя образованных слоёв населения, будь то чиновник или врач. В Могольской империи «мирза» чаще всего был частью титула сыновей, братьев и племянников падишаха. В любом случае этот титул указывал на принадлежность именно к мусульманской аристократии. Но вот в 1589 г. Ман Сингх после смерти своего отца был утверждён Акбаром в качестве правителя Амбера и получил официальный титул «мирза раджа». Титул этот указывал на двойную идентичность раджпутского полководца, ставшего одновременно индусским раджей и могольским принцем. И дело было не только в том, что он приходился племянником падишаху. Впоследствии подобными титулами отмечали и других раджпутских раджей, проявивших себя на могольской службе. Особенно много таких правителей было из рода Качхвахов — потомков Мана Сингха, служивших империи верно до самого её конца.

Причину подобной верности нужно видеть не только в кровных связях, соединивших, со времени брака Акбара с дочерью раджи Бхармала, Качхвахов, а также другие раджпутские кланы, с правящей династией империи Моголов. Эти династийные браки заключались на неравной основе: ни одна могольская принцесса не вышла замуж за раджпута. Но, иницилируя подобную практику, Акбар и его наследники встроились в собственно раджпутскую систему, в которой, как отмечалось выше, клан невесты становился вассалом клана жениха и при этом существовала чёткая иерархия, определявшая, какой из кланов занимает более высокую ступень, поставляя женихов, а какой низшую, обеспечивая невест (и одновременно сам предлагая женихов для кланов, находящихся ниже по статусу). В лице Моголов раджпуты обрели сильного родича-сюзерена, и сам тот факт, что все вечно соперничавшие кланы оказались перед падишахами в одинаковом положении, уравнивал их, в какой-то мере примиряя.

Союз с Моголами сулил раджпутским феодалам значительные выгоды: во-первых, защиту от постоянной междоусобной вражды — вассалы падишаха не имели права воевать между собой, в случае конфликтов имперский центр выступал в качестве арбитра; во-вторых, они получали невиданные ранее возможности. Падишах назначал их на почётные должности, вплоть до командующих армиями и наместников провинций, и жаловал им крупные военные лены (*джагиры*). Что представляется особенно важным: и то, и другое — за пределами собственных княжеств. Так, Ман Сингх воевал и возглавлял провинции за сотни и тысячи километров от Амбера: в Кабуле и Панджабе, в Бихаре, Бенгалии и Ориссе, на Декане. Это способствовало выработке у раджпутской военно-феодальной элиты самоидентификации более широкой, чем собственное княжество: они постепенно становились частью общеимперского правящего сословия, что крайне ценно, особенно для средневекового общества — надконфессионального. Такую политику интеграции раджпутов после Акбара продолжали все его преемники, включая фанатичного мусульманина Аурангзеба (правил 1659–1707). Даже ему было ясно, что сохранение империи непосредственно зависело от союза двух элит — мусульманской и индусской и ради этого стоило пренебречь ксенофобией.

¹⁸ Кроме Мана Сингха, в число «драгоценностей» включаются Абу-л Фазл и его брат, поэт Файзи, министр финансов Тодар Мал, государственный деятель, поэт и интеллектуал Абд ур-Рахим Ханханан, военачальник, поэт и прославленный острослов Бирбал, музыкант и композитор Тансен, врач Наджиб уд-дин Хумаюн и полумифический, фигурирующий, в отличие от вышеупомянутых лиц, не в исторических документах, а в анекдотах мулла по прозвищу До-пи-яза («Две луковицы»).

Биография «мирзы раджи» Мана Сингха Качхвахи — случай в могольской истории особый с точки зрения карьеры индусского князя в мусульманской империи (здесь сыграли роль родство с падишахом, его привязанность к «сыну» и таланты последнего), но вполне обычный для государственного устройства державы времён Акбара и после него. Союз мусульманской и раджпутской знати, превративший вечных врагов мусульманских правителей в «опору трона», способствовал укреплению государства и его вступлению на путь централизации (к сожалению, по ряду причин не завершившийся¹⁹). С этой точки зрения Могольская империя явно выигрывает сравнение со своей британской преемницей. Как известно, в колониальную эпоху помимо собственно Британской Индии — регионов, непосредственно подчинявшихся сначала английской Ост-Индской компании, а потом короне, на территории современных Индии, Пакистана и Бангладеш наличествовало около 600 княжеств, считавшихся формально суверенными государствами и при этом вассалами (сперва «благородной Компании», затем британского трона). Отношение колониальных властей к этим княжествам и их правителям было на протяжении истории разным — от конфронтационного подхода первых десятилетий XIX в. до заигрывания в период после Великого народного (Сипайского) восстания (1857–1859), когда «туземным князьям» раздавали за верность «рыцарские» титулы и специально учреждённые ордена, открывали для их сыновей особые учебные заведения, дабы превратить «диких азиатов» в «цивилизованных джентльменов». Но никто из даже наиболее лояльных и англизированных князей не командовал британскими войсками и не занимал должностей губернаторов провинций, как это было при Моголах с Маном Сингхом и другими раджпутскими раджами (не говоря уже о династических браках!). Расизм, важнейшая составляющая колониальной идеологии и административной практики, делал невозможным саму идею интеграции туземных элит в аппарат Британской империи. Даже занимая весьма высокие административные посты и получая титулы «сэров», индийцы оставались для англичан людьми второго сорта, которые не могли делить с «белыми сахибами» ни железнодорожное купе, ни трапезу²⁰ (вплоть до офицерской столовой полка), ни статус.

То, что раджпутские князья воевали под знамёнами падишахов против своих единомышленников, в Могольской Индии воспринимали совершенно спокойно, в том числе сами индусы. Так, в панегирической поэме «Жизнеописание Мана [Сингха] (*Māncarīṭ*, 1585)» амберский поэт Амрит Раи повествует о назначении Мана Сингха главнокомандующим армией, направляемой против *махараны* Пратапа, бесстрастно и кратко, подчеркивая, что раджпутский принц вызвался повести карательную армию сам:

Pātisāhi diy pān, raṇ maṇḍai kiṇ rān saī
Meru mahīdhar Mān kīnī kḥuṇas kḥumāṇ par
Падишах раздал [придворным] бетель²¹ [спросил], кто выйдет на поле битвы.
Подобный горе Меру²² Ман [Сингх] грозным кличем ответил.

Далее автор повествует о выступлении армии и о страшной битве в традиционном эпическом стиле, щекоча нервы читателю и слушателю страшными картинами рек крови и отрубленных голов. А исход битвы описан кратко, одной строкой:

Gau rānā ran hāri, dai pag kāndhai kāl kai
Рана проиграл сражение, уселся на плечи смерти [Amrit Rai, 1990, p. 40–41 (251–259)²³].

¹⁹ См. подробнее: [Ванина, 2016, с. 194–198].

²⁰ Именно участию (на равных) индусских феодалов в пирах падишахов и мусульманских вельмож могольская кухня обязана появлением вегетарианских «близнецов» среднеазиатских блюд (кебабы из овощей или сыра, овощные пловы, самосы с овощами вместо начинённой мясным фаршем самсы и т. д.).

²¹ Угощение бетелем — здесь знак благоволения господина слугам.

²² Меру — священная гора, центр мира в индусской космологии.

²³ В скобках здесь и в ссылке на поэму Нароттама указаны номера стихов. Поэма Амрита Раи была превосходно исследована в статье американского индолога Э. Буш [Busch, 2012]. Она же любезно прислала мне копию текста поэмы. Храню благодарную память о коллеге, безвременно скончавшейся в 2019 г.

Поэту важно показать отвагу и полководческий талант князя, его верность сюзерену (и дяде), готовность выступить по первому зову. О том же, что Ман Сингх вышел на бой с единоверцем-раджпутом во главе армии мусульманского падишаха, Амрит Раи, видно, не задумывался: его герой служит империи (на троне которой сидит старший родственник-сюзерен) и ведёт её войска против мятежника. У другого раджпутского барда, Нароттама, Мана Сингха на битву с Пратапом благословляет сама богиня Кали [Narottam, 1990, p. 190 (261–266)]. Религиозная принадлежность и сословная идентичность оказались в данном случае гораздо менее значимы, чем вассальная верность, родственные узы и имперская служба. Аналогичным образом никого не возмущало участие в битве при Халдигхати на стороне *махараны* Пратапа афганских наёмников-мусульман.

В колониальной и постколониальной Индии, однако, с возникновением коммунизма (национализма, приравнивающего «нацию» к религиозной общине) восприятие Мана Сингха и его службы Моголам изменилось. Так, один из главных идеологов индуcского национализма, В. Д. Саваркар (1883–1966), писал: «Как ни постыдно, раджа Джайпура²⁴ Ман Сингх, полностью подчинивший себя Акбару..., совершил непатриотический поступок, объединившись с принцем Салимом²⁵ и выступив против махараны Пратапа по приказу императора» [Savarkar, 1971, p. 384]. Мана Сингха нередко именуют «предателем» в современных интернет-опусах, весьма популярных у определённой части индийского общества²⁶. Многочисленные музеи в Удайпуре представляют битву при Халдигхати как победу Пратапа. Установленный в одном из них памятник изображает доблестного *махарану* верхом на верном коне Четаке (его, вопреки здравому смыслу, прославляют за помощь «победителю» бежать с поля боя) нападающим на Мана Сингха, восседающего на слоне. Одна из улиц индийской столицы, Ман Сингх-роуд, пересекающаяся, вполне логично, с улицей Акбар-роуд, пока сохраняет своё название, но, поскольку индуcские националисты уже давно требуют переименовать все улицы, напоминающие о «могольском рабстве», можно предположить, что память о выдающихся государственных деятелях, дяде и племяннике, рано или поздно исчезнет из столичной топонимики — а если учесть, что активно проводимый в Индии пересмотр учебных программ по истории²⁷ практически совсем исключает Могольскую империю, то и из исторической памяти.

Литература /References

Ванина Е. Ю. *Средневековое мышление: индийский вариант*. М., 2007 [Vanina E. Yu. *Medieval Mentality: an Indian Variant*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. Засада на дороге: история одного политического убийства в Могольской Индии. *Восток (Oriens)*. 2013. № 6. С. 19–29 [Vanina E. Yu. *Ambush on the Road: a Story of a Political Murder in Mughal India*. *Vostok (Oriens)*. 2013. № 6. Pp. 19–29 (in Russian)].

²⁴ Анахронизм Саваркара (см. выше, сноска 5).

²⁵ Источники не подтверждают участия принца Салима в войне против *махараны* Пратапа и называют главнокомандующим могольской армии Мана Сингха.

²⁶ См., например: «Целью махараны Пратапа было уничтожение предателя Мана Сингха». URL: <https://postcard.news/hearing-the-name-of-maharana-pratap-of-mewar-the-mughal-king-akbar-trembled-with-fear/>, (дата обращения: 30.03.2023); Аналогичной оказалась судьба другого «мирзы раджи», Джая Сингха Качхвахи (1611–1661), внука Мана Сингха и выдающегося полководца времён падишаха Аурангзеба. Его успешная кампания против маратхского вождя Шиваджи воспринималась современниками (и союзниками, и врагами) как вполне естественная для вассала и родича могольских императоров, а для индуcских националистов конца XIX — начала XX в. и их современных последователей Джая Сингх — образец «предателя», поднявшего руку на «братьев по вере». См. подробнее: [Ванина, 2021].

²⁷ URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/ncert-removes-chapters-on-mughal-empire-from-class-12-history-book/articleshow/99209254.cms> (дата обращения: 04.04.2023).

Ванина Е. Ю. Монумент врагу? Раджпутские статуи в могольских столицах. Глушкова И. П. (рук. проекта), Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М.: Наука–Восточная литература, 2014. С. 389–414 [Vanina E. Yu. Monument to Enemy? Rajput Statues in Mughal Capitals. Glushkova I. P. (project head), Prokofieva I. T. (ed.). *Under the Skies of South Asia: Portrait and Sculpture: Territories, Ideologies, and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 389–414 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. Мусульманский фактор: продвижение и укоренение. Глушкова И. П. (рук. проекта), Сидорова С. Е. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Движение и пространство. Парадигмы мобильности и поиски смыслов за пределами статичности*. М., 2015. С. 87–122 [Vanina E. Yu. The Muslim Factor: Advance and Domestication. Glushkova I. P. (project head), Sidorova S. E. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Mobility and Space: in Quest of meanings Beyond Stasis*. Moscow, 2015. Pp. 87–122 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. Махарана Пратап: средневековый герой в современных интерпретациях. *Диалог со временем*. 2016. Вып. 57. С. 41–55 [Vanina E. Yu. Maharana Pratap: a Medieval Hero in Modern Interpretations. *Dialogue with Time*. 2016. No. 57. Pp. 41–55 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. «Шах шахов» или «шах Индии»? Территориальность и власть в империи Великих Моголов (XVI — первая половина XVIII в.). Глушкова И. П. (рук. проекта), Бочковская А. В. (ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М., 2016а. С. 175–201 [Vanina E. Yu. 'Shah of the Shahs' or 'Shah of India'? Territoriality and Power in the Mughal Empire (Sixteenth to mid Eighteenth Century). Glushkova I. P. (project head), Bochkovskaya A. V. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging. Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow, 2016a. Pp. 176–202 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. Презрение через века, или Унижение исторического героя. Глушкова И. П. (рук. проекта, отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость. Введение в стандарты и практики эмоций*. М., 2021. С. 242–268 [Vanina E. Yu. Contempt Across the Centuries, or Humiliation of a Historical Hero. I. P. Glushkova (project head, ed.). *Under the Skies of South Asia. Shame and Pride: the Preliminaries of Emotional Standards and Practices*. Moscow, 2021. Pp. 242–268 (in Russian)].

Карачкова Е. Ю. *Диалоги с прошлым: этноистория раджпутского княжества*. М., 2013 [Karachkova E. Yu. *Dialogues with the Past: Ethnohistory of a Rajput Princely State*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Карачкова Е. Ю. «Каменная богиня» из Амбера: загадки и разгадки храмовой скульптуры. Прокофьева И. Т. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура. Визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты*. М.: Наука–Восточная литература, 2014. С. 364–377 [Karachkova E. Yu. 'Stone Goddess' from Amber: Riddles and Solutions of the Temple Sculpture. Glushkova I. P. (project head), Prokofieva I. T. (ed.). *Under the Skies of South Asia: Portrait and Sculpture: Territories, Ideologies, and Ethnicities as Viewed through Material Objects*. Moscow, 2014. Pp. 364–377 (in Russian)].

Успенская Е. Н. *Раджпуты. Рыцари средневековой Индии*. СПб., 2000 [Uspenskaya E. N. *Rajputs: The Chivalry of Medieval India*. St Petersburg, 2000 (in Russian)].

Abu-l Fazl Allami. *The Akbarnāma of Abu-l Fazl*. Vol. II. Bibliotheca Indica. New Series. Nos. 1077. Tr. by H. Beveridge. Calcutta, 1904.

Abu-l Fazl Allami. *Ā'in-i Akbarī*. Vol. I. Tr. H. Blochmann. Delhi, 1977.

Amrit Rai. Amṛt Rāi kṛt Māncarit. Bahura G. N. (ed.). *Māncaritāvalī. Amber ke suprasiddh rājā Mān Singh ke carit ke sambandhit pāc rājasthānī racnāō kā saṅkalan*. Jaipur, 1990. Pp. 1–43.

Busch A. Portrait of a Raja in a Badshah's World: Amrit Rai's Biography of Man Singh. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2012. Vol. 55. Pp. 287–328.

Hooja R. *A History of Rajasthan*. Delhi, 2006.

Narottam. Narottam kṛt Māncarit-rāso. Bahura G. N. (ed.). *Māncaritāvalī. Amber ke suprasiddh rājā Mān Singh ke carit ke sambandhit pāc rājasthānī racnāō kā saṅkalan*. Jaipur, 1990. Pp. 132–224.

Prasad R. N. *Raja Man Singh of Amber*. Calcutta, 1966.

Savarkar V. D. *Six Glorious Epochs of Indian History*. Delhi, 1971.

Taft F. H. Honor and Alliance: Reconsidering Mughal-Rajput Marriages. *The Idea of Rajasthan. Explorations in Regional Identity*. Ed. by K. Schomer, J. L. Erdman, D. O. Lodrick, L. T. Rudolph. Vol. II. Delhi, 1994. Pp. 215–241.

Talbot C. The Mewar Court's Construction of History. Williams J. (ed.). *Kingdom of the Sun. Indian Court and Village Art from the Princely State of Mewar*. St Francisco, 2007. Pp. 12–33.

Talbot C. Justifying Defeat. A Rajput Perspective on the Age of Akbar. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2012. Vol. 55. No. 2–3. Pp. 329–368.

Tod J. *Annals and Antiquities of Rajasthan of the Central and Western Rajput States of India*. Vol. I–III. Oxford, 1920.

Ziegler N. P. Rajput Loyalties During the Mughal Period. *Kingship and Authority in South Asia*. Ed. by John F. Richards. Delhi, 1998. Pp. 242–284.

Электронные ресурсы / Online resources

Hearing the name of Maharana Pratap of Mewar, the Mughal King Akbar trembled with fear. *Postcard News*. 07.06.2019. URL; <https://postcard.news/hearing-the-name-of-maharana-pratap-of-mewar-the-mughal-king-akbar-trembled-with-fear/> (дата обращения: 30.03.2023).

NCERT removes chapters on 'Mughal Empire' from Class 12 History book. *The Economic Times*. 03.04.2023. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/india/ncert-removes-chapters-on-mughal-empire-from-class-12-history-book/articleshow/99209254.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (дата обращения: 04.04.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-039-048

ЗАПРЕЩЁННОЕ, НО НЕЗАБЫВАЕМОЕ

© 2025

С. В. Прожогина¹

В современной истории независимого Алжира в 90-е гг. XX в. до начала XXI в. были мрачные страницы длившейся гражданской войны, оставившей глубокий след в литературном творчестве многих писателей, освещавших свою позицию, связанную с острой критикой исламского радикализма, вызвавшего в стране кровавую битву, унёсшую 200 тыс. жизней.

С 2006 г. в Алжире существует запрет на использование проблематики национальной трагедии. Тем не менее в 2024 г. во Франции была присуждена почётная Гонкуровская премия алжирскому писателю К. Дауду за его роман «Гурии», посвящённый именно этой теме, что свидетельствует о невозможности запретить и забыть тот этап истории, который привёл к братоубийственной войне, чтобы не повторять жестоких уроков прошлого.

Ключевые слова: Алжир, гражданская война, реакция писателей, запрет темы войны, Камель Дауд, незабываемая реальность

Для цитирования: Прожогина С. В. Запрещённое, но незабываемое. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 1. С. 39–48. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-039-048

FORBIDDEN BUT UNFORGETTABLE

Svetlana V. Prozhogina

In the modern history of independent Algeria in the 90s of the twentieth century until the beginning of the twenty-first century, there were dark pages of the long civil war, which left a deep trace in the literary work of many writers who covered their position related to the sharp criticism of Islamic radicalism, which caused a bloody battle in the country that claimed 200 thousand lives.

In 2006 Algeria has a ban on using the themes of the national tragedy. Nevertheless, in 2024, France awarded an honorary Goncourt Prize to the Algerian writer K. Daoud for his novel “Gurias”, which is devoted to this very topic, which shows that it is impossible to prohibit forgetting the stage of history that led to the fratricidal war, so as not to repeat the cruel lessons of the past.

Keywords: Algeria, civil war, writers’ reactions, banning the subject of war, Kamel Daoud, unforgettable reality

For citation: Prozhogina S. V. Forbidden but Unforgettable. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2025. No. 1. Pp. 39–48. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-039-048

¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru
Svetlana V. Prozhogina, DSc (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289

Литературное франкоязычие в Магрибе — явление давнее, исторически закономерное, эволюционировавшее в колониальную эпоху и в постколониальное время². Поэтому появление большого количества произведений магрибинцев в рамках мировой франкофонии в Европе, Канаде и других странах — дело привычное. И когда в начале ноября 2024 года пришла весть о том, что знаменитая литературная премия имени братьев Гонкуров присуждена во Франции алжирскому писателю и журналисту Камелю Дауду, особого удивления не было. Давно известно, что эта премия присуждается за выдающиеся художественные достижения, и мне было особо приятно узнать, что ею вновь награждён магрибинец. Первым был марокканец Тахар Бенджеллун ещё в 90-е годы. Но книга Камеля Дауда «Гурии» (так назван его роман) [Daoud, 2024] была сразу же запрещена в его родной стране (такое случалось в Магрибе и в середине 50-х годов, когда в Марокко, к примеру, был запрещён роман Дриса Шрайби «Простое прошедшее» [Chraïbi, 1954]).

Но с Камелем Даудом не всё так просто. Его роман не только не понравился властям Алжира, но и стал «противозаконным». Столь жёсткий приговор ниспровергает мнение компетентного жюри, уже не в первый раз примечающего этого писателя: в 2014 году первый роман Камеля Дауда «Мерсо, встречное расследование» [Daoud, 2013] уже находился в шорт-листе на Гонкуровскую премию (сама по себе премия в финансовом выражении — всего лишь 10 евро, но она открывает возможность писателя издавать свои произведения в престижных издательствах большим тиражом.) Однако дело в том, что алжирский писатель затрагивает на сей раз особо болезненную для своей страны тему гражданской войны в Алжире, которая продлилась целое десятилетие в 90-е годы XX века и вызвала многочисленные жертвы (по официальным данным, не менее 200 тыс. человек).

Полагали, что в начале 2000 года война эта окончена, однако физические и психологические последствия братоубийства были столь тяжёлыми, что в 2006 году властям пришлось издавать специальный указ, названный «Хартией мира и национального согласия», в котором речь шла о штрафе от 250 тыс. до 500 тыс. алжирских динар, и даже от 3 до 5 лет тюрьмы тем, кто попытается напомнить или что-либо заявить об этой национальной трагедии. Одним словом, забыть, не напоминать о гражданской войне, дабы не ослаблять, не раскачивать, не дестабилизировать, не портить лицо Алжира в международном сообществе. Так что запрет на книгу Камеля Дауда вполне понятен. Но что известно вообще о гражданской войне в Алжире хотя бы по её отражению в литературе Алжира до романа «Гурии» и до Хартии 2006 года?

Мы видим, что алжирские писатели так или иначе осветили причины и глубину национальной трагедии и на протяжении целого десятилетия описывали алжирскую действительность. Но, вероятно, всполохи прошлого возникают порой и в наши дни, если радикальные исламисты позволили себе не столь давно избиение 80-летнего Рашида Буджедры, который одним из первых алжирских писателей обратился к теме гражданской войны и к причинам развязанной Фронтом исламского спасения (FIS) кровавой войны, случившейся в самом конце 1989 года. Об этом было написано в Алжире немного и весьма осторожно.

Внутренние причины противостояния алжирцев освещались мало, негромко, хотя и длилась та кровавая схватка почти десятилетие — больше, чем война с французами за независимость. И унесла много сил и у народа, и у его армии выбила из культуры страны значительное число интеллигенции и дестабилизировала образование, науку, экономику, социальные процессы. Я не буду вспоминать здесь исследования политологов, это не моя задача, но хочу только отметить, что эта гражданская война с радикальным исламом, дорого обошедшаяся стране, велась ей и её народом практически

² См. подробно в: [Истории национальных..., 1993; Прожогина, 2023].

в одиночку, без привлечения «глобальных» сил, а потому, быть может, Алжир испытал ужасы терроризма, громившего в стране все достижения демократического развития особенно остро, хотя и не столь «публично», переживая свои внутренние беды. Армия, полиция, антитеррористические бригады, мужество гражданского населения, хранившего верность идеалам освобождения, сломили в конечном счёте где-то в начале 2000-х гг. звериный разгул мракобесия и так или иначе утихомирили страну. Хотя попытки вернуть её к «истокам», к «изначальному исламу», искоренить «влияние Запада», модернизацию образования и экономики, установить власть имамов и «эмиров», ввести женщин только в круг законов шариата, запретить их участие в социальной жизни и т. д. и т. п. не прекращаются и по сей день, а лозунги «очищения» страны от «скверны» современного общества неизбывны.

Пока не избудут и причины — внутривосточные, экономические, социальные, демографические, порождающие кризисные формы национального бытия и вызывающие к жизни радикальные приступы религиозного сознания, именем Аллаха сеющего смуту, террор и угрожающего трансформировать само понятие Свободы в разгул насилия и кровавого беспредела. ...Если бы я не верила в то, что, как сказал еще Стендаль, литература — это зеркало, стоящее на дороге жизни, — я не стала бы писать о том, что реально пережил Алжир; но его писатели всегда отличались особым качеством почти документального реализма и одновременно высокой мерой художественной типизации явлений окружающего мира: слишком авторитетной была и своя, и европейская традиция литературного письма, слишком строга была школа, в которой учились алжирские художники писать картину мира («встреча цивилизаций» длилась больше столетия на алжирской земле, несмотря на колониализм, а возможно, и благодаря ему именно в плане культурном), а потому именно франкоязычные писатели в этой стране первыми откликнулись на реакцию общественного сознания, анализирующего происходящее либо готовящееся в стране, первыми фиксировали приметы перемен, меняющие облик социума, настроение народа, первыми показывали начало «беспорядка вещей» (термин Р. Буджедры, «Le désordre des choses» [Boudjedra, 1991]), сотрясающего основы того мира, который надо было либо разрушить (так было в конце 40-х и начале 50-х гг., когда формировалось активно национальное самосознание в стране и готовилась антиколониальная война), либо сохранить, отстоять, ибо за него сражались миллионы алжирцев в годы Сопrotивления чужеземцам. Приметы гражданской войны, начинавшейся с укрепления исламского радикализма (не без помощи соседних арабских стран, особенно Египта), приметы «братоубийственной» войны были тоже незамедлительно воссозданы писателями, уже имевшими мировое признание, переведёнными на многие языки мира и даже имевшими особые награды мирового литературного сообщества. И Рашид Буджедра, и Рашид Мимун, и Ассия Джебар, и корифей алжирской словесности — Мохаммед Диб, и новый писательский отряд 80–90-х — А. Джемай, М. Бей, М. Моккедем, и новая «звезда» алжирской литературы — Буалем Сансаль, и мн. др. не могли не откликнуться, не сказать своего слова, не восстать, не осудить, не пробить сигнал тревоги, который должен был предупредить мир об опасности наступления эры террора³.

Рашид Буджедра, в 1991 году назвавший, как уже уточнялось, один из своих романов «Беспорядок вещей», в котором воспроизвёл атмосферу страха и отчаяния, воцарившуюся в стране, воссоздал картину народной растерянности, угроз обнаглевшего и распоясавшегося наступления тех, кто, воспользовавшись экономической неурядицей, растущей безработицей, направо и налево расстреливая «виноватых», резал горло тем, кто пытался как-то утихомирить волну поднявшегося гнева, беспощадно давил, уничтожал всё, что так или иначе было связано со стремлением к демократическим преобразованиям, к поискам возможностей выхода из серьёзного кризиса, потрясшего страну почти через

³ О них см. подробно в наших работах: [Прожогина, 2001; 2009; 2014; Крылова, Прожогина, 2010; 2013] и др.

три десятилетия её независимости... Убивали всех, кто сопротивлялся исламским лозунгам FIS, обещавшего избавить страну от последствий «светского образования», либерализации, от университетских программ, «формирующих мозги на западный манер», прививающих вкус к науке, к прогрессу, к модернизации. Всё, что не в Коране, не в заповедях Пророка, не от имени Аллаха, — всё от «воли Дьявола», а потому — истреблять всех, кто его «пособник»... В книге Р. Буджедры впервые в алжирской литературе был показан «человек раздавленный» (не «восставший» против рабства и гнета колонизации, не «идущий по дороге отвоёванной Свободы» и «ищущий Путь к свету новой жизни», как это было в литературе эпохи 50–70-х гг., но именно «раздавленный», выползавший из-под горы трупов во время бойни, устроенной террористами, превращённый ими в кровавое месиво... Этот образ снова появится в творчестве Р. Буджедры уже в начале 2000-х, когда писатель напишет роман «Похороны», где отметит приметы конца разгула террора, но и ещё раз напомнит о его злодеяниях [Boudjedra, 2003]...

В 1992 г. Р. Буджедра опубликует свой политический памфлет «Фронт ненависти» [Boudjedra, 1992], где в звучании французской аббревиатуры «Фронта исламского спасения» слышалось слово «Fils» — сын...). И в этом «Сыне Ненависти» писатель как бы сгустит все причины недовольства, расколовшего народ, все постепенно зревшие в стране внутренние противоречия, долго, со времени окончания борьбы за Независимость, тлевшую и разгоравшуюся борьбу за политическую власть внутри когорты лидеров правившей в стране партии ФНО, экономическую разруху, проблемы с безработицей, особенно среди молодежи, демографический взрыв, резкое обнищание сельского населения, его исход в большие города, их перенаселённость, вызывавшую усиление эмиграции и массу других причин, в том числе и культурную политику «тотальной арабизации», провоцировавшую недовольство берберов, которых немало среди этнического состава алжирцев, в итоге чего на очередных выборах в стране приходит к власти партия «FIS», претендующая на спасение от кризисной ситуации «Именем Аллаха» и в радикальных идеологических и политических переменах обещающая избавление страны от растущего социального неравенства и разброда верующих в исламские ценности путём «возврата к истокам», к «исламскому фундаментализму», «незамутнённому» привнесением в страну других цивилизационных начал — ориентаций её на западное образование, науку, прогресс. Главным становится возврат к «истинным заповедям Пророка Мухаммеда» и Свету Откровения Аллаха в Священном Коране.

Ваххабизм, расцветавший в Саудовской Аравии и на Ближнем Востоке, не мог не сыграть свою роль, и алжирские исламисты не без помощи и поддержки «извне» стали рьяно бороться за «чистоту» религии и повсюду насаждали только мусульманские школы, где работали нанятые «по контракту» египетские преподаватели, запрещавшие общеобразовательные предметы по истории и естествознанию; в университетах вводили запрет на обучение математике, физике, химии, юриспруденции и прочих дисциплинам на французском языке, хотя учебников на арабском почти не существовало... (Вообще запрет на французский язык достиг апогея, и в школах, где случалось исламистам ворваться на урок и услышать французскую речь, к примеру, на уроке литературы, педагогу могли и перерезать горло... Случаи такой расправы были нередки и зафиксированы почти документально в книге новелл Ассии Джеббар «Оран, мертвый язык» [Djebar, 1997]).

Но если Р. Буджедра, как и многие другие, сосредоточил своё внимание и как художник, и как аналитик на реальных итогах и причинах вершившихся в стране событий (за что был обвинён исламскими интегритами в «предательстве», зачислен в список должных быть убитыми и был вынужден долго скрываться и жить в эмиграции), то его соотечественник Рашид Мимуни создаёт некое метафорическое полотно почти «исторической обречённости» Алжира на постоянные войны, нашествия, набеги, на постоянное вынужденное Соппротивление Злу, которое тяготеет над страной как «проклятие» (он так и назовет свой роман — «La Malédiction» [Mimouni,

1993]), и концентрацию этого Зла увидит в братоубийственной войне, которая буквально захлестнула Алжир в начале 90-х, и где в сюжете романа Р. Мимунни один из братьев, ставший исламистским «эмиром», убивает другого — врача, не захотевшего «делить» раненых на «своих» и «чужих» и просто спасающего людей от смерти, — безжалостным и беспощадным выстрелом в затылок... Избавляя страну, как он считает, «от предателя»...

Вообще расправы в стране с интеллигенцией, журналистами, врачами, педагогами, писателями, поэтами, кинематографистами, театральными деятелями, не поддержавшими воцарявшиеся в Алжире «правила праведной исламской жизни», были под постоянным прицелом «интегристов» (использую этот термин именно в том смысле, в каком политический исламизм требовал «абсолютной чистоты» религии мусульман, освобождая её от поздних наслоений, и полного претворения в жизнь норм раннего ислама⁴), которые забрасывали их письмами с угрозами, с нарисованными на них гробами и с вложенными в конверты кусочками мыла и белой ткани — для «омоления будущих покойников» и «саванов» для них... Таков был ритуал террористов, которые предварительно запугивали, а потом и приводили в действие свои угрозы. Сколько погибло известных в стране людей, сколько зарезанных, замученных, отравленных и убитых на глазах своих детей и близких!.. Не стану перечислять все имена, среди которых близкие и мне — Тахара Джаута, Юсефа Себти и мн. др.: достаточно взять в руки страшную документальную книгу Асси Джебар «Белый траур Алжира» [Djebar, 2002] (лучше перевести как «Саван Алжира»), чтобы исполниться жуткой правдой вершившегося в свободном и независимом Алжире «своего», религиозного разбоя, который разве что можно сравнить по количеству жертв с беспощадностью партизанской войны с колонизаторами... Но у той были особые исторические оправдания. Если для беспощадности они вообще есть... Но писатели ничего не преувеличивали.

Корифей алжирской литературы Мохаммед Диб напишет свою эпопею о зверских набегах исламистов на горные селения, не хотевшие сдаваться на милость террористов и помнившие ещё о том, за что сражались с чужеземцами отцы и деды, и ещё хранившие «старые ружья»... Но набеги были ночными, коварными, застигавшими людей врасплох, а потому с лица алжирской земли в те недалекие времена исчезли многие городки и деревни, исчезли десятки тысяч людей, которым перерезали горло во сне... М. Диб сравнит эти массовые убийства в горах с древним поверьем, что «если захочет дьявол» (а его роман так и назывался [Dib, 1998]), то собаки, спущенные с верховьев гор с красной повязкой на шее «встречать весну» (таков был ежегодный ритуал горцев), могут вернуться обратно и, взбесившись, отгрызть головы невинным людям, которые мечтали о наступлении тепла, об урожае, о свадьбах, о Новой Жизни...

Этот роман Диб не мог не потрясти читателей не только жестоким реализмом происходящего в Алжире, но ещё и тем художественно запечатлённым извращением сакрального, ибо мусульманский мир жил и живёт ежедневно великой своей надеждой, выраженной в священной формуле «Если захочет Аллах!» «Дьявольская» инверсия этой истинно мусульманской веры в то, что Аллах не может захотеть чего-то ужасного, непоправимого, превратила произведение искусства основоположника новой алжирской словесности в прямое обвинение тех, кто, используя религиозное учение, забыл о том, что на земле всегда останутся люди, помнящие не о мраке наступления Ночи, но о Свете нового Дня. «И если захотят они»... — писатель не закончил этой фразы в своем романе, но напомнил всем, что Ночь должна обязательно смениться Рассветом...

Что удивляться гнев и пророчество М. Диб — писателя, которого знал весь мир (он переведён почти на 30 языков), лауреата высоких литературных премий? Он мог себе позволить создать произведение, где просто сравнил нашествие «интегристов» с «волей дьявола». Но поражает то, что

⁴ Об этом см., напр., в: [Долгов, 2001].

именно в 90-е гг. в алжирскую литературу вливается отряд женщин, да, именно тех, с кем исламисты неустанно боролись, заставляя носить чадру, отказаться от образования, социальной жизни, участия в общественных движениях, запугивая, угрожая, расправляясь за «непослушания»... Среди них, женщин, — врачи, педагоги, журналистки, взявшиеся за перо, потому что молчать о том, что творилось в стране, было невозможно. И если Ассию Джебар, её «похоронный колокол» из Орана, где воцарился «язык смерти», должны были услышать повсюду — ведь она была знаменитой в Европе (в России её тоже успели перевести ещё до 90-го года) не только писательницей, но и просто женщиной — первой среди «иностранок» ставшей членом Французской Академии, то Маиссу Бей, Малику Мокеддем, Латифу Мансури не знал никто. И они отважно стали продолжать дело своих соотечественников, заставляя мир услышать боль и гнев своего народа. В своих «Новостях из Алжира» Маисса Бей [Beu, 1998], педагог и журналистка, поведует не только о страхе, в котором постоянно приходится жить женщинам, особенно тем, кто работает, кто учит детей, у кого мужа — не исламисты, но и о наступившем в стране каком-то оцепенении, безволии ужаса, порождённого почти ежедневными сводками об убитых, зарезанных, о стертых с лица земли деревнях, где за ночь уничтожали людей и поджигали их дома... «Новости» скорбные, но для начинавшей тогда писательницы главным было рассказать об Алжире правду, о которой как-то не особенно было удобно властям (они пытались долго и упорно справиться с бедой) громко кричать на весь мир... Но голос Маиссы Бей, писавшей по-французски вопреки всем мыслимым и немыслимым запретам исламистов (она рисковала в буквальном смысле слова своей головой — вспомним о героине одной из новелл Ассии Джебар, учительнице, у которой отрезали голову террористы на уроке французского...), был услышан. Я не говорю о прессе, о многочисленных читателях, но о том, что стало понятно всем, — отныне литература Алжира стала другой, она показывала лик другой страны, где насилие, творимое людьми, шло от «Имени Аллаха», где человека уничтожали, а не воспевали, как прежде, как Творца Нового мира.

О «стрелах исламизма» не менее ярко и с глубокой болью за судьбы своих соотечественниц рассказала в своей автобиографической повести «Мечты и убийцы» и врач Малика Мокеддем [Mokkedem, 1995]. Но то, что показала Латифа Бен Мансур в своём дневнике, можно назвать повестью о смерти, о торжестве её, о «пляске» на костях людей, поверженных страхом в бездну отчаяния, из которой только один путь — бежать с родной земли, которой были отданы ранее все силы жизни, все её надежды... То, что описала, зафиксировала на бумаге, а увидела на белой стене своего дома рано утром врач Мансур, работавшая в глубинке, в сельской больнице, где лечила стариков и детей, было хуже апокалипсиса, ибо не воображённое, а своими, остановившимися от ужаса глазами запечатлённое: к ней в дом ворвались террористы и разбили о стену голову её грудного ребёнка, раздавили, кроваво размазали его тело на белой штукатурке, дабы она, врач, убоялась, прекратила лечить тех, кто «не с ними», кто не служит «делу Аллаха». Мансур выжила, но едва не лишилась рассудка, потом заставила себя написать книгу, назвав её «Год заката Солнца» [Mansour, 2001], которую можно назвать и «Годом солнечного затмения», хотя этот солнечный «Эклипс» под пером Мансур, пережившей личную трагедию (ей ещё и принесли в корзине отрезанную голову мужа, тоже врача...), нарисован как полное исчезновение Света Жизни, как триумф абсолютного Мрака...

Ужасы царившего в Алжире исламизма можно множить: литература — неисчерпаемый источник примеров и назиданий... Но в 2003 году, когда события уже постепенно улеглись (к началу 2000-х), Рашид Буджедра, захотев поставить «точку», окончательную и бесповоротную, пишет свой роман «Похороны», где всё-таки, перед тем как задёрнет занавес спектакля Торжества Смерти, напомним, не в назидание, но и не без серьёзной причины, о том, что забыть произошедшее в родной стране, длившееся почти десятилетие, нельзя, ибо повторение прожитого страной и народом — стыд Истории. И создаст — как бы «напоследок» (чтобы не забыли!), чтобы помнили, секвенцию картин ужасных

расправ террористов со школьниками, расстрелянными или зарезанными «просто так», в назидание живущим, но не поддающимся угрозам и страху смерти... И если дети продолжают учиться, ходить в школы, снимать мусульманский платок на уроках, учить «другой язык», «другие предметы», кроме дозволенных исламистами, то расправа с одними из них — пример для других того, что будет и с ними. И одиннадцатилетнюю девочку насилуют, выкалывают глаз, а потом перерезают горло на виду у всего класса... Как убивают в школьном дворе мальчика выстрелом в спину «просто так», потому что тот слушался учителя, выполняя его просьбу, а не головореза — бандита, террориста, «хозяина» того квартала, где стояла эта школа.

...Ужасные фото растерзанных, расчленённых, искалеченных людей и детей висят, «пригвождённые», в кабинете комиссара антитеррористической бригады. И комиссар — женщина. В творчестве Буджедры это своего рода «апофеоз» женской судьбы: если раньше героини его книг были «раздавлены, унижены традицией», её запретами, или наоборот, преодолевая её, становились врачами и «чистили» раны общества, избавляя его от вековых предрассудков, тьмы невежества, то в «Похоронах» главная героиня уже героически сражается с почти неуловимыми, но уже обречёнными на расправу (волна народного гнева, действия полицейских, военных, — всё как бы на грани окончательного, «финального» боя с теми, кто отравлял людям Жизнь, закрывал Свет, сеял Мрак и Ужас... Роман Буджедры — глубоко психологический, но и вполне «полицейский», написанный о жутких буднях полицейской бригады по борьбе с терроризмом. И в этом романе, как и в предыдущих произведениях Р. Буджедры, есть много авторских напоминаний о том, что главное — не дать обществу увязнуть в оковах окостенелых традиций, разрушить нормальные семейные связи и узы, соединяющие людей в одно целое. Напоминание и о том, что нельзя унижить женщину, «закрыв» её только в лоне семьи, отгородив от мира, от жизни, которая, пусть тревожно и даже страшно, но течёт за стенами дома... Напоминание и о том, что самое нелепое, самое отвратительное и, быть может, самое губительное для общества — это «братоубийственная война», это противостояние людей внутри *одного народа*. Символически (или, скорее, метафизически, потому что не только однозначно в плане смысла, но и глубоко психологично) во всех романах Буджедры, и «Похороны» не исключение, — это «возвратное движение» к образу брата-близнеца одного из героев романа. И оно означает, что этот буквально «кровный брат — может стать худшим врагом, потому что «свой», а не «чужой»... С «чужими» — иноземными — врагами всё было понятно, за что идет борьба, за чью Свободу, за чью Независимость, за какое Будущее своей земли воюет народ... Но когда «близнец» хочет быть похожим на «чужого», то это становится истоком внутренней трагедии... И надеясь на к о н е ц этой *внутренней борьбы* народа, когда «брат восстает против брата», когда «брат» решает жить иначе и хочет стать «чужим» в своей родной семье, командир полиции, переживший собственную семейную драму, возлюбленный героини романа, просит её родить ему именно близнецов... Нормальных, Родных друг другу. Надеюсь на Мир. «Похороны», видимо, закончатся свадьбой героев. И новой судьбой освободившейся от Мрака Ночи Страны... В книге Р. Буджедры битва выиграна. Хотя война с глобальным терроризмом как раз только и развернулась по всему миру. Роман Р. Буджедры, «похоронив Фронт Ненависти в одной, отдельно взятой стране, мужественно сражавшейся с мракобесием, стал словно увертюрой к событиям, которые потрясли в начале XX века и Америку, а теперь заставляют погружаться в страх и Европу...

Вот почему такой крупный писатель, как Буалем Сансаль, получавший одну за другой премии мирового литературного сообщества («За лучший арабский роман», «За лучший роман на французском языке» и т. д. и т. п.), написал в качестве предупреждения Европе свою потрясающую книгу «Деревня Немца» [Sansal, 2007], где сравнил исламизм с нацизмом. На судьбе двух братьев — алжирских иммигрантов (считавших себя алжирцами, но узнавших, что их отец — немец), один

из которых поклялся сделать всё, чтобы разорвать сеть подпольных террористов-исламистов, опустившую Париж и его иммигрантские кварталы, в которую он едва не попался, а другой, не перенеся стыда за прошлое их отца — бывшего офицера немецкой армии, служившего в Освенциме и избретшего циклон — газ, убивший миллионы невинных, а потом скрывавшийся в Алжире и принявший ислам, покончит с собой, заставив себя задохнуться в собственном автомобиле, открыв выхлопной газ вовнутрь машины, — покажет новую трагедию, на сей раз Европы, страдающей от глубокой разности своих народов...

Прошлое, открывшись братьям-иммигрантам внезапно, после смерти их отца в далёкой алжирской деревне, заставило пересмотреть всю свою жизнь, и сравнение прошлого отца с происходящим на их глазах опасным беспределом имамов, вербующих молодежь в ИГИЛ⁵ и прочие террористические организации, запугивающие не только исламскую молодёжь Европы, но и французов жуткими казнями в подвалах девушек, отказавшихся носить мусульманскую одежду и закрывать лицо (их обливали кислотой или сжигали), заставило братьев вернуться к «собственной идентификации», к определению своего места в этом давно «смешавшемся» и тоже уже «сходящем с ума» мире. И один встал на путь борьбы за очищение этого мира от скверны исламского террора и угрозы торжества религии в светской стране, несовместимой с догмами угнетения человека, а другой — казнил себя за вину нацистов и фашистов, которые допустили геноцид и кровавую мировую войну, эхо которой не хочет слышать сегодня...

Писатели бьют тревогу. Они хотят, чтобы симптомы болезни мира, которые они увидели, услышали, описали (а это долг литературы), были не просто диагностированы, но и излечены. И если зло исламизма, запечатленное в книгах алжирских писателей, как и в книгах других магрибинцев [Meddeb, 2002; 2008]⁶, послужат уроком современному человечеству, значит, искусство слова спасает мир.

В этом плане появившаяся в 2024 году книга алжирца Камеля Дауда тоже звучит набатом и призывает прислушаться к его тревожному гулу.

Гонимый лауреат Камель Дауд обращается к прошлому и воссоздаёт, напротив, в мельчайших подробностях историю жизни и злосчастной судьбы своей героини, ставшей жертвой исламистов в конце 1999 г. Она, почти зарезанная тогда террористами, нападшими на их дом, изуродованная ими, сумела выжить. Ей было всего 5 лет. Ей пытались перерезать горло и лишили голосовых связок, она осталась немой на всю оставшуюся жизнь. Теперь 26-летняя женщина с прекрасными глазами «внутренним голосом» пытается рассказать своему будущему ребёнку (она называет девочку Гурией), рождения которого она не хочет, о своих страданиях, как бы предупреждая его об опасностях жизни на этой земле. У самой героини два имени, одно арабское, другое французское, которое означает «заря» — рассвет. Но ей не хочется осветить своим лучом жизнь её ещё не родившейся дочери и дать ей возможность увидеть свет, рассчитывая лишь на драгоценные пилюли, доставшиеся ей нелегально, ибо аборт в стране, как и многое другое, запрещены. Она не может поставить в известность о своей беременности даже свою приёмную мать.

Роман, написанный от лица женщины — одной из жертв гражданской войны, становится романом-символом, в котором приносится в жертву всё то, что должно родить Будущее, всё то, что стремится открыть себя миру, сбросить оковы мрака и постигнуть свет, красоту, величие самой природы человечества, а не обречённость на старые традиции, возврат к истокам, запрещающим естественную тягу женщины к образованию, снятию чадры, скрывающей её лик. Сама героиня — хозяйка салона красоты — работает с такими женщинами, которые, несмотря на все запреты имамов, пытаются стать лучше и краше, а хозяйке не раз приходилось терпеть и погромы её салона правоверными

⁵ Террористическая организация запрещена на территории России.

⁶ См. напр.: [Meddeb, 2002; 2008].

исламистами, и запреты, которые и сегодня являются атрибутами социальных конфликтов. Писатель не скрывает, что они существуют в современном Алжире, где прогресс — и технический, и научный очевиден, где эмансипация женщин реальна, но и угроза, основанная якобы на гневе Аллаха, быть похожими на Запад всё ещё жива и часто приводит к конфликтам с радикализованным исламом. Но героиня, прежде чем решиться избавиться от своего случайно обретенного ребенка, решила поехать в то место, где свершилась казнь её семьи, её несчастная судьба, чтобы узнать, что стало с селением, где за одну ночь, как ей сказали уже потом, было убито террористами 1000 человек. Она ощутила необходимость вспомнить о трагедии, пережитой ей в детстве, узнать, что стало с её родными, остались ли люди, которые помнят эту трагедию. Воспользовавшись отсутствием приёмной матери, когда-то подобравшей её, почти умирающую, и до сих пор старающуюся найти средства на восстановление её голоса, решается на опасное путешествие: женщинам и до сих пор в Алжире не рекомендуется ездить в одиночку, а имамы осуждают тех, кто выходит на улицу без сопровождения мужчин. По дороге из Орана она услышала от встреченных ею путников не менее жуткие истории расправ террористов с мирным населением. Об их налётах по ночам на деревни и сёла, где они вырезали жителей, которых подозревали в связях с алжирской армией, стремившейся подавить этот террористический всплеск. В селении своём, с трудом до него добравшись, она поняла, что там царит полное забвение того, что произошло в 1999 году. Только старый имам пытался её вразумить не расспрашивать народ о том, что стало с её родственниками и есть ли кто в живых среди них. Время было тем более опасное в деревнях и сёлах, что оно было связано с праздником Аидом Эль-Кебиром — жертвоприношением Аллаху. Всё чаще героиня сравнивает свой народ со стадом баранов, у которых будет перерезано горло в этот день, священный для всех мусульман. Можно было бы продолжать множить истории, услышанные героиней по дороге из Орана в родную деревню, о кровавой бойне, развязанной исламистами, если бы перед героиней не стоял главный вопрос в сегодняшней её жизни.

Роман, написанный от лица женщины, сумевшей получить образование, всё-таки, несмотря на особые сгущения, нагромождения кошмарных эпизодов, связанные с гражданской войной, не утрачивает основной мотив книги. Дать жизнь или отнять её у своего ребенка? Ведь ему должно принадлежать будущее, к которому стремились все, кто хотел открыть себя миру, сбросить оковы мрака и постигнуть свет знания, красоты, величие самой природы человечества... Обречённость на старые традиции мира ушедшего и запреты, связанные со всё ещё звучащими призывами к возврату к истокам. Запрет на образование, требование возвращения чадры, скрывающей лик женщины, порождающие множество социальных конфликтов и по сей день, подталкивали героиню к принятию решения избавиться от девочки, которой предстояло жить в этом противоречивом мире. Она называла девочку, с которой разговаривала своим внутренним голосом, Гурией, то есть согласно Корану предназначенной раю красавицей. Образ этих Гурий, мечтающих о красоте и счастье, мелькает среди посетителей её салона, да и она сама обладает неземной красоты глазами, но она решает всё-таки сохранить жизнь ребёнку, который должен сам увидеть реальность и постигнуть трагедию всех тех, кто пережил ужасы гражданской войны. Так что, с одной стороны, само издание Камеля Дауда — это нарушение закона Алжира, с другой — это напоминание о том, что волнует многих выживших и переживших национальную трагедию людей, несмотря на все запреты не поминать старое. Художника волнует сегодня не только сам грандиозный масштаб жертв национальной трагедии, но и необходимость предупредить возможность внутренних конфликтов, подобных тем, которые произошли в 90-е годы. Закон, запрещающий творчество, тем более тщательно и глубоко проникающее в недра самой трагедии, пережитой Алжиром уже после войны за независимость, не в силах отнять память о том, что было. Былое забыть нельзя, если и в настоящее время всё ещё искрятся его всполохи. Забвение прошлого не успокаивает, а только приводит к ошибкам настоящего и не позволяет извлекать уроки для будущего.

Литература /References

Долгов Б. В. Алжир. Феномен исламского фундаментализма. *Россия и мусульманский мир*. 2001. № 7 (109). С. 150–161 [Dolgov B. V. Algeria. The Phenomenon of Islamic Fundamentalism. *Russia and the Muslim World*. 2001. No. 7 (109). Pp. 150–161 (in Russian)].

История национальных литератур стран Магриба: в 3 кн. *Алжир, Марокко, Тунис*. / Под общ. ред. С. В. Прожогиной. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1993 [History of national literatures of the Maghreb countries: In 3 books. Algeria, Morocco, Tunisia.. Ed. by S. V. Prozhogina. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura. 1993 (in Russian)].

Крылова Н. Л., Прожогина С. В. *Гендерные аспекты конфликтов: столкновение эпох и культур глазами русских в Африке и североафриканцев в Европе*. М.: Ин-т Африки РАН, 2010 [Krylova N. L., Prozhogina S. V. *Gender Aspects of Conflicts: Clash of Epochs and Cultures through the Eyes of Russians in Africa and North Africans in Europe*). Moscow: Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010 (in Russian)].

Крылова Н. Л., Прожогина С. В. *Путь к себе (проблемы самосохранения в процессах пересечения Востока и Запада)*. М.: Ин-т Африки РАН, 2013 [Krylova N. L., Prozhogina S. V. *The Way to Self (Problems of Self-Preservation in the Processes of Intersection of East and West)*. Moscow: Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013 (in Russian)].

Прожогина С. В. *От Сахары до Сены: Литературное пространство франкоязычных маггрибинцев в XX веке*. М.: Восточная литература, 2001. 486 с. [Prozhogina S. V. *From the Sahara to the Seine: Literary Space of French-speaking Maghrebians in the XX century*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Разлом миров (алжирская литература о Войне)*. М.: ИВ РАН, 2009 [Prozhogina S. V. *The Rift of Worlds (Algerian Literature about the War)*. Moscow: IOS RAS, 2009 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Алжирская сюита (эпоха Рашида Буджедры)*. М.: ИВ РАН, 2014 [Prozhogina S. V. *Algerian Suite (the Era of Rachid Boujedra)*. Moscow: IOS RAS, 2014 (in Russian)].

Прожогина С. В. *Свой путь (Магриб: к проблеме самоопределения во франкоязычной литературе)*. М.: ИВ РАН, 2023 [Prozhogina S. V. *Your Own Way (Maghreb: towards the problem of self-determination in French-speaking literature)*. Moscow: IOS RAS, 2023 (in Russian)].

Bey M. *Nouvelles d'Algérie*. Paris: Babelio, 1998.

Boudjedra R. *Le désordre des choses*. Paris: Denoël, 1991.

Boudjedra R. *FIS de la haine*. Paris: Denoël, 1992.

Boudjedra R. *Les funérailles*. Paris: Grasset, 2003.

Chraïbi D. *Le Passé Simple*. Paris: Denoël, 1954.

Daoud K. *Meursault, contre-enquête*. Alger: Éditions Barzakh, 2013.

Daoud K. *Houris*. Coll. 'Blanche'. Paris: Gallimard, 2024.

Dib M. *Si Diable veut*. Paris: Albin Michel, 1998.

Djebar A. *Oran, langue morte (nouvelles)*. Paris: Actes Sud, 1997.

Djebar A. *Le Blanc d'Algérie*. Paris: Le Livre de Poche, 2002.

Mansour L. B. *L'Année de l'éclipse*. Paris: Calmann Lévy, 2001.

Meddeb A. *La Maladie de l'Islam*. Paris: Seuil, 2002.

Meddeb A. *Sortir de la malediction: L'islam entre civilisation et barbarie*. Paris: Seuil, 2008.

Mimouni R. *La Malédiction*. Paris: Stock, 1993.

Mokkedem M. *Des Rêves et des assassins*. Paris: Grasset, 1995.

Sansal B. *Le village de l'Allemand*. Paris: Gallimard, 2007.

ЕГИПЕТ: СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВА ПО РАСШИРЕНИЮ ПРАВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЖЕНЩИН

© 2025

О. В. Москалец¹

Вопросы женского образования и равноправия женщин в Египте представляют собой сложную и многогранную проблему, которая затрагивает не только доступ к современному образованию, но и его эффективность, а также последующие возможности трудоустройства. Хотя система образования в целом сталкивается с такими вызовами, как нехватка финансирования, неэффективная система управления и низкое качество преподавания, для женщин эти проблемы усугубляются специфическими факторами, часто имеющими корни в гендерных стереотипах и социальных нормах. Правительство Египта осознаёт, что вложения в человеческий капитал, особенно в образование женщин, являются стратегически важным фактором по сокращению бедности, стимулированию экономического роста и обеспечению устойчивого развития. Однако результативность этих инвестиций зависит от целого ряда показателей, включая качество образования, доступность образовательных услуг для всех слоёв населения и создание благоприятной социально-экономической среды, способствующей равенству возможностей и равноправию женщин и мужчин. В статье рассматривается ряд инициатив, принимаемых правительством Египта для достижения поставленных задач по расширению прав и возможностей женщин и их интеграции в процесс социально-экономического развития страны. Это касается улучшения ситуации в сфере женского образования и гендерного неравенства, расширения социальных, экономических и политических прав женщин. Несмотря на предпринимаемые усилия, перед Египтом стоят серьёзные вызовы. Глубоко укоренившиеся традиции, социальное неравенство и недостаток ресурсов затрудняют реализацию запланированных реформ. Для достижения устойчивого успеха руководством страны принято решение о наращивании инвестиций в образование женщин. При этом говорится о необходимости постоянно совершенствовать программу поддержки женщин, продолжать решительную борьбу с дискриминацией по половому признаку, работать над изменением устаревших стереотипов, препятствующих полноценному участию женщин в общественной и экономической жизни. Только комплексный, последовательный подход с привлечением экономических, административных, информационных ресурсов при действенном участии всех слоёв общества может привести к реальному расширению прав и возможностей женщин Египта и, следовательно, к устойчивому развитию страны в целом.

Ключевые слова: Египет, женское образование, гендерное неравенство, неграмотность, демографическое давление, права женщин

Для цитирования: Москалец О. В. Египет: стратегия государства по расширению прав и возможностей женщин. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 1. С. 49–57. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-049-057

¹ Москалец Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва; oksana_interpost@mail.ru
Oksana V. Moskalets, PhD (Hist.), Junior Researcher, Centre for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; oksana_interpost@mail.ru

EGYPT: THE STATE STRATEGY TO EMPOWER WOMEN

Oksana V. Moskalets

The issues of female education and women's equality in Egypt are a complex and multifaceted issue that affects not only access to modern education, but also its effectiveness and subsequent employment opportunities. While the education system as a whole faces challenges such as lack of funding, ineffective management and poor quality of teaching, for women these problems are exacerbated by specific factors often rooted in gender stereotypes and social norms. The Egyptian government recognizes that investing in human capital, especially in women's education, is a strategic factor in reducing poverty, stimulating economic growth and ensuring sustainable development. However, the effectiveness of these investments depends on a number of indicators, including the quality of education, accessibility of educational services for all segments of the population and the creation of a favorable socio-economic environment that promotes equal opportunities and equality of rights between women and men. This article examines a number of initiatives undertaken by the Egyptian government to achieve its goals of empowering women and integrating them into the country's socio-economic development. This concerns the improvement of the situation in the field of female education and gender inequality, expansion of social, economic and political rights of women. Despite the efforts undertaken, Egypt faces serious challenges. Deep-rooted traditions, social inequality and lack of resources make it difficult to implement the planned reforms. In order to achieve sustainable success, the country's leadership has decided to increase investments in women's education, while constantly improving programs to support women, continuing a decisive fight against gender discrimination, while working to change outdated stereotypes that hinder the full participation of women in public and economic life. Only a comprehensive, consistent approach, involving economic, administrative, information resources, with the effective participation of all sectors of society, can lead to real empowerment of women in Egypt and, consequently, to the sustainable development of the country as a whole.

Keywords: Egypt, female education, gender inequality, illiteracy, demographic pressure, women's rights

For citation: Moskalets O. V. Egypt: the State Strategy to Empower Women. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 49–57. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-049-057

Инвестиции в человеческий капитал, особенно в образование, представляют собой один из самых мощных инструментов борьбы с бедностью и стимуляции устойчивого развития. Эта связь давно доказана и подтверждается многочисленными исследованиями. Образование не только повышает производительность труда и способствует росту ВВП, но и формирует базу для инноваций, технологического прогресса и экономической диверсификации. В условиях глобализации, когда конкуренция за высококвалифицированные кадры обостряется, страны с низким уровнем грамотности и значительным гендерным разрывом в образовании оказываются в невыгодном положении. Иностранные инвесторы стремятся вкладывать средства в регионы с подготовленной и относительно недорогой рабочей силой, что создаёт дополнительное давление на государства с низким уровнем человеческого капитала.

Проблема гендерного неравенства в образовании особенно актуальна для развивающихся стран. Женщины в этих странах получают меньше образования, чем мужчины, что ограничивает их экономический потенциал и социальную мобильность. Однако последствия этого неравенства простираются далеко за рамки индивидуального уровня. Образование женщин не только способствует росту их заработков и улучшению экономического положения, но и оказывает позитивное влияние на всю семью и общество в целом. Женское образование напрямую связано со снижением уровня детской смертности, улучшением здоровья детей и матерей, более рациональным планированием семьи и, как следствие, снижением рождаемости. Это обусловлено тем, что образованные

женщины обладают большей осведомленностью в вопросах здравоохранения, гигиены и планирования семьи, что позволяет им принимать более обоснованные решения, способствующие улучшению здоровья и благополучия семьи. Кроме того, женщины с высшим образованием чаще принимают активное участие в общественной жизни, что способствует развитию гражданского общества и демократических институтов.

Роль образования в контексте малого и среднего бизнеса (МСБ) определённо заслуживает особого внимания. Экспортно ориентированная экономика и бурный рост МСБ создают новые возможности для трудоустройства, особенно для женщин. Однако, чтобы воспользоваться этими возможностями, женщинам следует получить необходимое образование и профессиональную подготовку, соответствующую требованиям современного рынка труда. Это означает не только освоение базовых знаний и навыков, но и развитие предпринимательских компетенций, навыков управления и цифровых компетенций. В этой связи нужна разработка специальных программ обучения и переподготовки, ориентированных на потребности женщин-предпринимателей.

Современный Египет, несмотря на существенные достижения в области образования, продолжает бороться с глубоко укоренившимися проблемами в сфере женского образования. **Неграмотность** вкупе с сильным демографическим давлением действуют синергетически, усугубляя друг друга и создавая порочный круг, приводящий к снижению уровня жизни населения и социальной нестабильности. Высокий уровень рождаемости в Египте (1,5% в год)² затрудняет обеспечение качественного образования, особенно в условиях ограниченных ресурсов. В сельских районах ситуация ещё более сложна: нехватка школ, квалифицированных учителей, отсутствие доступа к необходимым учебным материалам приводит к тому, что многие девочки вовсе не получают образования. Традиционные представления о роли женщины в обществе, ограничивающие её возможности за пределами дома и семьи, всё ещё играют значительную роль в патриархальной среде. В некоторых семьях образование девочек рассматривается как ненужная трата ресурсов и предпочтение отдаётся образованию сыновей, которым отводится роль будущих кормильцев семьи.

Женщины с низким уровнем образования имеют ограниченные возможности трудоустройства, что приводит к низким доходам и усугубляет экономическое неравенство. Они чаще оказываются зависимыми от мужчин, что усиливает их уязвимость перед домашним насилием и дискриминацией.

Правительство Египта предпринимает шаги по улучшению ситуации, включая программы по повышению грамотности среди женщин, создание новых школ, особенно в сельской местности, и увеличение финансирования образования. Однако эти меры зачастую оказываются недостаточными из-за масштабов проблемы и сложности социальных барьеров. Необходимы комплексные и долгосрочные стратегии, которые будут учитывать не только материальную сторону, но и глубоко укоренившиеся культурные нормы. Это включает в себя просветительские кампании, направленные на изменение устаревших взглядов на роль женщин в обществе, работу с семьями и общинами для повышения осведомлённости о важности образования девочек в совокупности с созданием более привлекательной образовательной среды, учитывающей специфические потребности и интересы девочек, что приводит к положительным результатам.

Статистические данные показывают, что к 2023 г. общее количество египетских детей, обучающихся в довузовском сегменте образования, превысило 25,5 миллиона человек³. В том же году правительство добилось общего показателя зачисления во все категории довузовского

² The World Factbook: Egypt. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/egypt/#people-and-society> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Egypt in Figures. Education. Central Agency for Public Mobilization and Statistics. March 2024. P. 140.

образования — 90,1%. «Общий показатель зачисления женщин в школу на уровне 90,3% показал более высокий уровень, чем у мужчин (90% за тот же год)»⁴.

Египет демонстрирует значительный прогресс в сокращении гендерного разрыва в образовании, однако этот успех не переносится полностью на экономическую сферу, где сохраняется существенное неравенство. Показатели приёма в средние школы и университеты свидетельствуют о преобладании женщин: 54% учащихся средних школ — девушки, а в египетских университетах (за исключением Аль-Азхара, который традиционно ориентирован на мужскую часть населения) женщины составляют 51% студенческого контингента. Женщины получают 53% всех дипломов вузов, причем их доминирование особенно заметно в сфере медицины и фармацевтики — 47% и 61% соответственно⁵.

Достижения в аспирантуре также впечатляют: 51% магистерских степеней и 44% докторских степеней получают женщины⁶. Это свидетельствует об эффективности государственных программ, направленных на расширение доступа женщин к образованию, таких как программы стипендий, целевые гранты для обучения в престижных университетах, создание специальных образовательных центров в сельской местности, которые учитывают специфические потребности женщин из малообеспеченных семей. Впрочем, успехи в образовании не устраняют гендерного разрыва в доступе к качественному образованию в отдалённых регионах страны, где, вопреки общим положительным тенденциям, всё ещё сохраняется неравенство.

Одна из наиболее острых проблем, стоящих перед египетским правительством, — ранний отказ девочек от образования. Это явление наблюдается во многих странах мира, особенно в регионах с низким уровнем социально-экономического развития. Причины многочисленны: бедность семей, вынуждающая девочек работать и помогать родителям в домашнем хозяйстве; ранние браки, которые часто приводят к полному прекращению обучения; недостаток доступных и качественных школ, особенно в сельских районах; негативное отношение к образованию девочек со стороны некоторых членов семьи или сообщества, считающих, что образование для женщин менее важно, чем для мужчин, отсутствие безопасной и комфортной среды в школе, которая могла быть связана с гендерным насилием или дискриминацией. Это приводит к тому, что значительная часть женщин остаётся неграмотной, что, в свою очередь, ограничивает их возможности для самореализации, экономической независимости и участия в общественной жизни.

Высокая неграмотность среди женщин — серьёзная проблема египетского образования: 27% египетских женщин в возрасте 10 лет и старше не умеют читать и писать⁷. Этот показатель особенно высок в сельских районах, где ограниченный доступ к образовательным учреждениям, культурные традиции и экономическая зависимость женщин от семьи становятся препятствиями на пути к получению образования. Программа борьбы с неграмотностью, запущенная правительством, сталкивается с трудностями, связанными с необходимостью привлечения женщин к обучению, изменением устаревших социальных норм и обеспечением финансовой поддержки участниц программ. В рамках этой инициативы большое внимание уделяется созданию специальных центров обучения для взрослых женщин, гибкому графику занятий с учётом их семейных обязанностей, параллельно разрабатываются учебные материалы, учитывающие специфику их жизненного опыта и потребностей.

Несмотря на достигнутый в последние годы достаточно высокий уровень образования, участие женщин в египетской экономике остаётся крайне низким — не более 25% от общей численности

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. P. 148, 154.

⁶ National Strategy for the Empowerment of Egyptian Women 2030: Vision and Pillars. Cairo, 2017. P. 33.

⁷ Ibid.

рабочей силы. Высокий уровень безработицы среди женщин (почти 24%)⁸ указывает на наличие системных проблем, препятствующих их интеграции на рынок труда. Значительная часть женщин занята в неоплачиваемой работе в домашнем хозяйстве или неформальном секторе экономики, особенно в сельском хозяйстве (около 25% занятых женщин)⁹. Эта ситуация усугубляется существующим разрывом в оплате труда между мужчинами и женщинами при выполнении одинаковой работы, несмотря на законодательные гарантии равной оплаты. Дискриминационные практики работодателей, стереотипное восприятие роли женщин в обществе и недостаток возможностей для профессионального развития значительно ограничивают перспективы трудоустройства для женщин и их социальную мобильность.

Для более полного понимания ситуации необходимо рассмотреть несколько аспектов. Во-первых, трудовое законодательство Египта, хотя и декларирует принцип равной оплаты труда, не всегда успешно применяется на практике. Слабая система контроля и мониторинга, отсутствие действенных механизмов защиты прав женщин на рабочем месте приводят к тому, что дискриминация остаётся распространённым явлением. Во-вторых, социальные нормы и культурные традиции в Египте по-прежнему ограничивают возможности женщин в профессиональной сфере. Ожидания от женщин в первую очередь как матерей и домохозяйек часто приводят к тому, что они выбирают низкооплачиваемые профессии с гибким графиком работы или вовсе отказываются от карьеры. В-третьих, недостаток доступа к финансовым ресурсам и программам профессиональной подготовки, особенно в сельских районах, существенно ограничивает возможности женщин в создании собственного бизнеса или развитии своей карьеры.

Для решения этих проблем необходимы комплексные меры, направленные на изменение социальных норм, усиление защиты прав женщин на рабочем месте, повышение уровня финансовой грамотности среди женщин, расширение доступа к микрокредитованию и программам профессиональной подготовки. Правительству Египта необходимо не только продолжать инвестировать в образование женщин, но и принять решительные меры для обеспечения их равного участия в экономической жизни страны. Это может включать в себя усиление надзора за соблюдением трудового законодательства, пропаганду гендерного равенства в средствах массовой информации, программы поддержки женского предпринимательства, разработку и реализацию целевых программ, направленных на решение специфических проблем женщин на рынке труда в различных секторах экономики. Только всесторонний подход, сочетающий образовательные инициативы с мерами по обеспечению экономического, социального и политического равенства, позволит преодолеть гендерный разрыв в Египте и реализовать потенциал египетских женщин.

За последние годы правительство Египта добилось ощутимых результатов в решении задач по привлечению женщин к эффективному участию в социально-экономической жизни страны. Для этого руководством страны, был намечен ряд мер, направленных на расширение прав и возможностей женщин, позволяющих максимально реализовать свой потенциал.

В вопросе **регулирования прироста населения** Египет поэтапно реализует ряд инициатив, которые приведут, по мнению властей, к желаемому результату по сокращению прироста населения. Такой комплекс задач подразумевает следующие мероприятия: поощрение на государственном уровне малочисленных семей, обеспечение молодых женщин знаниями о вопросах репродуктивного здоровья, дальнейшая реализация специальной программы «Национальная стратегия по предотвращению ранних браков», которая была начата в 2010 г. и принесла ощутимые результаты,

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

пропаганда использования контрацептивов (остаётся стабильным на уровне 60%)¹⁰, улучшение образования и расширение прав и возможностей женщин в этой сфере. Кроме этого, создаются новые рабочие места для женщин и предусматривается расширение программы «Доступное жильё».

Вместе с тем важно отметить, что Египет вложил значительные средства в устранение **гендерного разрыва** в образовании. Как результат, был достигнут прогресс в сокращении гендерного дисбаланса, который традиционно ограничивал доступ женщин и девочек к образованию. Однако этот прогресс не привёл к увеличению участия женщин в экономике страны. Фактически участие женщин в рынке труда составляет всего 15,4% по сравнению с 67,1% среди мужчин¹¹. По данным World factbook, 59,5% женщин Египта в возрасте 15–24 лет являются безработными.

В 2017 году Египет запустил новую амбициозную программу «Национальная стратегия расширения прав и возможностей египетских женщин до 2030 года», которая, будучи тесно интегрированной со Стратегией устойчивого развития Египта (включающей цели в области гендерного равенства, изложенные в Целях устойчивого развития ООН), ставит перед собой задачу не просто улучшить положение женщин, но и использовать их потенциал как ключевой фактор социально-экономического прогресса страны. Заявленная цель — создание общества, где женщины имеют равные права и возможности с мужчинами во всех сферах жизни. Однако реализация этой стратегии столкнулась с многочисленными вызовами, которые усугубляются глубоко укоренившимися патриархальными нормами и традициями.

Программа структурирована вокруг четырёх взаимосвязанных направлений, каждое из которых требует комплексного подхода и значительных инвестиций. Рассмотрим их более детально:

1. **«Расширение политических прав и возможностей женщин»**¹². Стратегия нацелена на увеличение политического участия женщин на всех уровнях, от местного самоуправления до парламента. Это включает в себя не только выделение квот на должности, но и работу по преодолению гендерных стереотипов, препятствующих продвижению женщин на руководящие посты в исполнительной и судебной власти. Программа предусматривает обучение лидерским навыкам, правовую поддержку и создание сети менторства для женщин-политиков. Однако реальный прогресс в этой области ограничен, и достижение существенного представительства женщин в политике требует длительных и целенаправленных усилий.

2. **«Расширение экономических прав и возможностей женщин»**. Это направление фокусируется на обеспечении равного доступа женщин к образованию, профессиональной подготовке, трудоустройству и предпринимательству. Программа нацелена на поддержку женского бизнеса путем предоставления льготного кредитования и создание благоприятного инвестиционного климата для женских предприятий. Особое внимание уделяется развитию навыков, востребованных на рынке труда, и борьбе с гендерным разрывом в оплате труда. Однако глубоко укоренившиеся стереотипы о роли женщин в семье и обществе часто приводят к тому, что женщины получают меньше возможностей для карьерного роста, даже имея равную квалификацию¹³.

3. **«Расширение социальных прав и возможностей женщин»**. Программа затрагивает широкий спектр социальных вопросов, включая доступ к здравоохранению (особенно репродуктивному), качественному образованию, социальной защите и борьбе с домашним насилием. Особое внимание уделяется уязвимым группам женщин — пожилым женщинам, женщинам с инвалидностью,

¹⁰ The World Factbook: Egypt. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/egypt/#people-and-society> (дата обращения: 11.11.2024).

¹¹ The World Bank in Egypt. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/03/07/egypt-job-creation-and-affordable-housing-are-vital-to-women-s-empowerment> (дата обращения: 11.11.2024).

¹² National Strategy for the Empowerment of Egyptian Women 2030: Vision and Pillars. Cairo, 2017. P. 21.

¹³ Ibid.

женщинам из малоимущих семей. Программа направлена на повышение осведомлённости о правах женщин и предоставление им доступа к необходимым услугам. Однако из-за недостатка финансирования и неэффективной реализации многие инициативы в этой области не достигают желаемого результата. Необходимо более интенсивное вовлечение местного населения и религиозных организаций для изменения социальных норм¹⁴.

4. «**Защита женщин**». Эта область включает в себя борьбу с различными формами насилия в отношении женщин — домашним насилием, сексуальными домогательствами, принудительным браком. Программа предусматривает создание специальных центров поддержки жертв насилия, профилактическую работу с населением для повышения осведомлённости о проблеме насилия. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что результативность работы в этой сфере существенно снижается из-за недостаточной готовности правоохранительных органов реагировать на заявления о насилии, а также из-за культурных норм, которые часто оправдывают насилие и скрывают его¹⁵.

В целом «Национальная стратегия расширения прав и возможностей египетских женщин до 2030 г.» — это масштабный план, который ставит перед собой важные задачи. Реализация этой стратегии требует значительных усилий, включая увеличение государственного финансирования, изменение социальных норм и укрепление институциональных механизмов, способных обеспечить защиту прав женщин и их продуктивное участие в жизни общества. Успех этой стратегии во многом зависит от политической воли властей, активного участия гражданского общества и изменения менталитета населения.

Правительство Египта уже сейчас последовательно реализует комплекс мер, которые в случае их успешного выполнения приведут к необходимым изменениям, к которым стремятся египтяне. Этот комплекс мер состоит в следующем:

- в средствах массовой информации идёт пропаганда, направленная на изменение мышления общества о традиционных устоях и борьбу со сложившимися стереотипами о статусе женщин. Необходимо признать, что средства массовой информации в нынешних реалиях играют важную роль в повышении осведомлённости общества и формировании общественного мнения. Меняется формат не только ток-шоу и информационных программ, но и переформатируются телевизионные программы и художественные фильмы, которые имеют большое влияние на египетское общество, где в целом создавался негативный образ женщины;
- расширение прав и возможностей женщин рассматривается теперь как коллективная ответственность, которую также должны взять на себя и мужчины;
- особое внимание власти уделяют правам маргинализированных женщин из бедных районов и женщинам с ограниченными возможностями, кроме этого вносятся поправки в существующие законы о личном статусе, чтобы гарантировать права женщин, повышая шансы на сплочение семьи;
- государство продолжает стимулировать семьи поддерживать своих дочерей в стремлении завершить образование, в том числе и путём открытия большего количества «одноклассных» школ, ориентированных на девочек;
- правительство считает важным возобновить религиозный дискурс о «роли женщин в общественной жизни и их праве занимать государственные должности путем распространения обоснованных религиозных мнений и **правильного толкования шариата**

¹⁴ Ibid. P. 22.

¹⁵ Ibid.

(исламской юриспруденции) по вопросу женского труда»¹⁶ с целью противодействия интерпретациям, которые привели к тому, что общество было лишено преимуществ женского труда и возможностей принятия самостоятельных решений;

- предпринимаются определённые шаги по противодействию традициям и устаревшим взглядам лидеров общественного мнения, выступающих против назначения женщин на руководящие должности, создавая негативный образ в общественном мнении подобным личностям;
- власти планируют изменить действующие нормативы, чтобы на законодательном уровне обеспечить женщинам равные возможности для получения высоких государственных должностей;
- в учебную программу вводятся специальные образовательные программы, закрепляющие принципы равноправия, гражданства, мотивирующие женщин к участию в политической жизни страны;
- власти внедряют новые формы пропаганды принципов равноправия путем популяризации историй успеха египетских женщин, культивируя их достижения как образцы для подражания;
- правительство выделяет средства на создание специальных телевизионных программ, театральных постановок, книг, успешно используются социальные сети и электронные игры для распространения культуры равноправия в молодёжной среде;
- на предприятиях внедряется система гибкого графика занятости женщин на постоянной службе и работе на дому, чтобы дать им возможность совмещать свою карьеру и семейные обязанности;
- власти вводят ряд специальных программ по финансовой грамотности женщин, помимо этого, женщинам всё чаще предоставляется расширенный доступ к различным видам технического образования, которые отражают потребности египетского общества и рынка труда;
- на государственном уровне осуществляется поддержка талантливых и способных молодых женщин путём создания по всему Египту специализированных молодёжных центров, ориентированных на выявление и развитие одарённых девушек и спортсменок;
- разрабатываются программы обучения для женщин, работающих в сельскохозяйственном секторе, с целью повышения их производительности и предоставления им новых рыночных возможностей.

В рамках национальной стратегии в 2021 году Египет запустил проект «Стимулирование предпринимательства для создания рабочих мест», благодаря которому на сегодняшний день более 76 000 женщин смогли начать свой бизнес.

Помимо вышеперечисленных мер государственная программа по расширению прав и возможностей египетских женщин включает в себя ещё и стимулирование права по владению активами, такими как жильё. Одним из самых больших активов, которым можно владеть и использовать заёмные средства, является дом. Результаты показывают, что во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки, включая Египет, существуют социальные нормы, которые регулируют владение такими крупными активами только для мужчин. В 2018 году только 5% египетских женщин владели активами (совместно или поодиночке) по сравнению с 95% египетских мужчин.

Одной из таких программ, призванных помочь в решении этой проблемы, является «Египетская программа инклюзивного жилищного финансирования», которая направлена на то, чтобы

¹⁶ Ibid. P. 32.

сделать достойное жильё доступным для людей с низким доходом. С момента своего создания программа помогает женщинам владеть своей собственностью: 23% из более чем 480 000 бенефициаров проекта с низким доходом составляют женщины, и 80% этих женщин принадлежат к беднейшим 40% населения. Проект вносит свой вклад в преодоление разрыва в праве собственности на активы. Эта программа остаётся главным приоритетом для правительства и продолжает успешно работать¹⁷.

Безусловно, существует огромная разница между амбициозными планами и их реализацией. Система, испытывающая нехватку ресурсов, скованная чрезмерной бюрократией и не имеющая опыта работы на местах, движется медленно. Только время покажет, насколько результативны комплексные усилия, направленные на то, чтобы создать образование, отвечающее национальным потребностям страны. Египту предстоит пройти долгий и финансово затратный путь, учитывая масштабы неграмотности, сильное демографическое давление и огромную нехватку образовательных ресурсов. Возможно, улучшение финансового положения, обусловленное ростом доходов от нефти, и корректирование управлением бюджета дадут будущему образованию более яркие перспективы, чем десятилетия назад.

В заключение следует отметить, что решение проблем гендерного неравенства, расширение прав и возможностей женщин в Египте требует многосторонних усилий, затрагивающих государственные институты, гражданское общество, международные организации и сами семьи. Только комплексный подход, сосредоточенный на современном образовании, экономическом развитии и изменении социальных норм, может привести к долгосрочным позитивным изменениям и обеспечить женщинам Египта равные возможности для реализации своего потенциала и деятельного участия в жизни страны. Это не только вопрос социальной справедливости, но и ключ к устойчивому развитию и процветанию Египта в целом.

Литература / References

Dixon M. W. Investing in Inequality Education Reform in Egypt. *Middle East Report*. 2010. № 255. Pp. 40–47.

Egypt in Figures. Education. Cairo: Central Agency for Public Mobilization and Statistics. March 2024.

National Strategy for the Empowerment of Egyptian Women 2030: Vision and Pillars. Cairo, 2017.

Sayed F. Y. *Transforming Education in Egypt: Western Influence and Domestic Policy Reform*. New York: American University in Cairo Press, 2006.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

CAPMAS. Arab Republic of Egypt: Central Agency for Public Mobilization and Statistics. URL: <https://www.capmas.gov.eg/> (дата обращения: 11.11.2024).

CIA. The World Factbook: Egypt. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/egypt/>

National Strategy for the Empowerment of Egyptian Women 2030: Vision and Pillars. URL.: <https://beta.sis.gov.eg/media/413391/final-version-national-strategy-for-the-empowerment-of-egyptian-women-2030.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).

The World Bank Group. The World Bank in Egypt. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/egypt> (дата обращения: 11.11.2024).

USAID. The United States Agency for International Development. Egypt. URL <https://www.usaid.gov/egypt> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁷ The World Bank in Egypt. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/03/07/egypt-job-creation-and-affordable-housing-are-vital-to-women-s-empowerment> (дата обращения: 11.11.2024).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-058-066

**GRACE AND CHARISMA IN THE LIVES OF FEMALE SAINTLY FIGURES:
SOME ANECDOTES IN MEDIEVAL INDIAN SUFI LITERATURE***

© 2025

Raziuddin Aquil¹

The institutions of Sufis have long been open for women to seek blessings and benediction. Despite patriarchal restrictions in society, some women themselves have gone on to distinguish themselves with charisma and power which they used for the benefit of the people. The medieval Indian Sufi literature has for long referred to women in respectful terms. The literature includes anecdotes related to saintly women, making them recognized in both popular perception and in Sufi fraternities as evolved and blessed souls in their own right. Some examples of episodes from the lives of some such charismatic personalities from the Delhi Sultanate will be analyzed in this article to illustrate how they were valued in their own times and celebrated as well as invoked in posterity. The shrines of some of them remain important for centuries after their death. Sufi tradition believes saints never die. They continue to function for general public weal even as they lay resting in their graves. Thus, their tombs attract large numbers of people, especially on Thursday nights and on the occasion of *'urs*, that is, their death anniversary. Central to all these are love for God and service to humanity.

Keywords: Sufism, female Sufis, *bikayat*, *karamat*, Persian literature, women in history, medieval India

For citation: Raziuddin Aquil. Grace and Charisma in the Lives of Female Saintly Figures: Some Anecdotes in Medieval Indian Sufi Literature. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 58–66. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-058-066

**БЛАГОДАТЬ И ХАРИЗМА В ЖИЗНИ ЖЕНЩИН-СВЯТЫХ: ИСТОРИИ ИЗ
СУФИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНДИИ**

Разиуддин Акил

Институты суфиев всегда были открыты для женщин, искавших благодати и благословения. Несмотря на патриархальные ограничения в обществе, некоторые женщины смогли проявить себя, используя харизму и власть на благо общества. Литература индийского средневековья издавна проявляла уважение к женщинам. Эта литература включает истории о святых женщинах, признанных возвышенными и благословенными душами как в обществе, так и в суфийских братствах. В статье рассматриваются эпизоды жизни этих харизматических личностей времён Делийского султаната, чтобы проанализировать, как этих женщин воспринимали современники и потомки. Усыпальницы некоторых из них сохраняют значение в течение многих веков, ибо, по мнению суфиев, святые не умирают и даже из могилы продолжают свою деятельность

* Acknowledgement: An earlier version of this paper was presented in a conference on "Traversing the Land of Tales: Storytelling Traditions in Indian Culture", held at Motilal Nehru College, University of Delhi, India, 9–10 April 2024. Thanks are due to Professor Eugenia Vanina, Dr Kalpana Malik and other participants in that conference for their appreciation and comments on this work.

¹ Raziuddin Aquil, Professor, University of Delhi, Delhi, India; raquil@history.du.ac.in

Разиуддин Акил, профессор Делийского университета, Дели, Индия; raquil@history.du.ac.in
ORCID: 0009-0008-7484-2936

на благо общества. Эти усыпальницы привлекают множество верующих, особенно в ночь четверга и во время 'урса, годовщины успения. Главными для них оставались любовь к Богу и служение людям.

Ключевые слова: суфизм, женщины-суфии, *хикаят*, *карамат*, литература на фарси, женщины в истории, средневековая Индия

Для цитирования: Raziuddin Aquil. Grace and Charisma in the Lives of Female Saintly Figures: Some Anecdotes in Medieval Indian Sufi Literature. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 58–66. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-058-066

*ham ishq talab kuni wa ham jaan khwahi
har dow talabi wali muyassar na-shawad!*

You seek love, and life as well
Both desires can't be fulfilled!

[Bibi Fatima Sam of Delhi, thirteenth century, quoted in *Fawa'id-ul-Fu'ad*, p. 416].

I. INTRODUCTION

This article discusses some enchanting anecdotes (*hikayat*) from a large corpus of medieval Indian Sufi literature. The stories which will be analyzed here are recorded in Sufi texts in Persian, mainly from the period of the Delhi Sultanate. The stories of miracles and other anecdotes in Sufi texts frequently relate to a Sufi shaikh flying on a camel-back to Mecca for Hajj; walls floating in the air at the command of a Sufi; rivers getting dried up to let the Sufi shaikh cross; a river of molten silver flowing underneath the prayer carpet of the saint; soil, stone, firewood transformed into gold; revival of the dead; many cases of spiritual healing for which the people would crowd hospices and shrines; ability to see distant places and to foresee the good and the evil in future, etc. [for some relevant discussion, see Aquil, 2017; also see, for key features of Sufism in Indian history, Rizvi, 1978; Eaton, 1978; Digby, 1986; Alam, 2004 and 2021; Green, 2006; Kugle, 2016; and Viitamaki, 2016].

It is possible to think of these tales as important source through which one can enter Sufi fraternities and their worldview to write a more nuanced history. Recounting these anecdotes and seeing meanings in them will be an attempt towards the recommended practice of interdisciplinary research. Anecdotes involving women make the exercise intersectional as we shall see below. Some of the tales are of folkloric nature referring to tropes which can be part of folklore studies. These are narrated by highly educated Sufi masters and recorded in Persian by poets and writers associated with them. These are, thus, not merely transmitted in the public domain orally, but have a long history of recorded antecedents and versions. Many of these are related to men and women who were historically known to the narrators such as Khawja Hazrat Nizam-ud-Din Auliya, in *Fawa'id-ul-Fu'ad*, the famous collection of his spiritually soaked conversations, *malfuzat*, compiled by Amir Hasan Sijzi [for Nizam-ud-Din's life as a leading Sufi figure in Delhi, see Nizami, 1991b]. In such cases, these can be used as alternative source material of the kind conventional historians are comfortable with — in terms of the reliability of information derived from them. These are, thus, also important for the field of the history of religion and spirituality in the Sultanate period of Indian history [for the history of the Delhi Sultanate, see Jackson, 1999; Kumar, 2007].

The examples of the tales in which women are the main protagonists makes the exercise intersectional. This is important in a context in which prevailing patriarchal attitudes could demean women and question how could some of them behave like men. Rigorous demands of Sufi spirituality, excruciating meditational practices and distancing from this-worldly desires, made it a position that was beyond the usual traits of masculinity. Sometimes it bordered on madness of the kind Majnun

showed for Laila, or qualified appreciation of Rabiya Basari's fanatical love for God and all his creations, which included a stray she-dog which was fed at her door every night. Presence of resourceful women personalities such as Fatima Bin Sam and mothers of Sufi masters such as Shaikh Farid-ud-Din Ganj-i-Shakar and Nizam-ud-Din Auliya make the narratives compelling and authoritative in a community that was emotionally charged in its love for God and service to humanity [for details of the life of Shaikh Farid, the foremost Sufi of Punjab, see Nizami, 1991a]. These could include miracles as a source of benevolence through Sufis' graceful presence, *jamal*. Some stories could also reveal the wrathful feature of Sufis' credentials, *jalal*, especially when dealing with irritating antagonists. Some of the stories of conflict with opponents detail fantastic performance of miracles in which the supremacy of the Sufis was sought to be established. These are something which modern historians searching for hard facts in government files cannot handle. Indeed, they take readers some time to a world beyond the normal and this worldly to an imaginatively rich realm of the paranormal, explained in Sufi terms as *kbirq-i-'adat*.

The *khanqahs* and *dargahs* of Sufis (*Sufiya* or *Auliya*) have long been open for women to seek blessings and benediction. Despite patriarchal restrictions in society, some women themselves have gone on to distinguish themselves with charisma and power which they used for the benefit of the people. The medieval Sufi literature — *malfuzat* and *tazkiras*, besides other genres — have for long referred to women in respectful terms. The literature includes *hikayat* and *karamat* attributed to saintly women, making them recognized in both popular perception and in Sufi fraternities as evolved and blessed souls in their own right. Some examples of episodes from the lives of some such charismatic personalities from the Delhi Sultanate will be given below to illustrate how they were valued in their own times and celebrated as well as invoked in posterity. The *dargahs* of some of them remain important for centuries after their departure from this perishable world. Sufi tradition believes saints never die. They continue to function for general public weal even as they lay resting in their graves (*mazars*) and, thus, their tombs (*dargahs*) attract large numbers of people, especially on Thursday nights (*juma'rat*) and on the occasion of the *'urs*, that is, the death anniversary of the *buzurg* or saint buried there. Love for God and service to humanity remain central to all traditions of Sufism generally. These are conceptually articulated in Sufi traditions as *ishq-i-ilahi* (love for the divine), *tazkiya-i-nafs* (cleansing of the lower self), and *khidmat-i-khalq* (service and care for all the creations of God, which not only includes human beings, but also animals, plants and all objects). Sufis as evolved human beings are, thus, expected to represent what are identified as the best traditions of Islam in terms of grace and beauty of faith (*ihsan* and *iman*). Such persons are filled with thoughts of love for God and His creations [for more detailed explanations of the evolution of these features of Sufism, see Karamustafa, 2007; Chittick, 2007; *Kashf-ul-Mahjub* remains the oldest classic text on Sufi theory].

Majnun's madness for Laila epitomized the ideal of pain endured for seeking union with the beloved. A couple of interesting anecdotes illustrate the point further. Once people were busy in a congregational prayer. Majnun disrupted the prayers of the *namazis* by wandering in their midst. Finishing the *namaz* quickly, they gheraoed and confronted Majnun, and accused him of acting like an uncultured infidel, or *kafir*. Majnun inquired what was his fault, had he said anything? He was told he was blindly roaming around in front of the rows of *namazis* — a terrible violation of norms regarding proper conduct during prayers. Majnun responded that he was so engrossed in the thought of Laila that he never noticed anyone praying while walking across the corridor, but what sort of lovers of God you are that you were engaged in a conversation with Him and yet you noticed my presence? Sufis thought Majnun was better than the 'normal' people, and they were better than Majnun! Another anecdote relates to Majnun's reaction on hearing the news of Laila's death. Since Majnun lamented wasting his life for a perishable Laila, whereas Sufis devoted themselves in their love for eternal God [*Fawa'id-ul-Fu'ad*, p. 35].

II. HIKAYAT-I SUFIYA: ANECDOTES IN SUFI LITERATURE

Rabiya of Basra

Generations of Sufi figures — male or female — were inspired by the extraordinary credentials of Rabiya of Basra in Iraq in her love for God (*ishq-i-Ilahi*), the principal obsession in the Sufi *tariqa* or path. Belonging to the early generation of the Sufis, Rabiya Basri set the agenda by example of what it means to be a Sufi lover of God. Of the many stories relating to Rabiya, who was feared and respected for her iconoclasm, one is particularly instructive. It is the anecdote about her madly rushing around with a bucket full of water in one hand and a bucket carrying fire in the other. When the people stopped and inquired about her intention, she replied that she was going to set the paradise on fire and she will also extinguish the hell-fire. She was protesting that people worship God either out of fear of hell or for the rewards of heaven. Few people worship God just for the love of Him!

Alarmed by the cynical approach of the conservative custodians of religious practices, some of her followers feared that she will be punished by God for her deviance and disrespect for traditional norms of Islam. Happily for them, one of the disciples later saw her in a dream, to his assurance and to the satisfaction of the larger fraternity of devotional Islam of the Sufi kind, that Allah had forgiven all her acts of omission or commission, *gunah*, just for the fact that she used to feed a stray dog outside her home every night.

Sufis have always faced with the challenge of complete dependence on God to the extent that they would not seek help from Him for even a mere creature comfort. They would endure embarrassing poverty both as a test in their faith in all-knowing God's wisdom and as excruciating sacrifice in their love for him. The advice in the Qur'an is not to plead for help from people, nor to turn down any request from them for some favour. The Prophet explained that those seeking help should not be humiliated, nor any help sought from people. If at all, one should seek help from the beneficent God. Elaborating on this, 'Ali Hujwiri has related an anecdote to the effect that a prosperous man (*ahl-i-duniya*) once told Rabiya that she could ask for any help from him whenever needed; he will give whatever she required (*chizi bekhwah az man ta muradat haasil kunam*). Surprised at the audacity of the man, Rabiya retorted: she was ashamed to ask for anything from God, the creator of the world, how could she shamelessly ask for help from the God's creature, someone like her only (*sharm na darom keh az chun khwishtani khwabam*) [*Kashf-ul-Mahjub*, p. 526]?

Dargah of Bibi Fatima Sam

Several references to the spiritual excellence of Bibi Fatima Sam of thirteenth-century Delhi are recorded in Sufi discourses related to Nizam-ud-Din Auliya and his successors in the Chishti order (*silsila*). Later, during the Mughal era, Shaikh Abdul Haqq Muhaddis Dehlawi brought together some of the details from the life of Bibi Fatima Sam in his *Akhbar-ul-Akhyar*, which is the finest collection of biographies of Indian Sufi figures from the Sultanate period onwards [*Akhbar-ul-Akhyar*, pp. 582–585; *Fawa'id-ul-Fu'ad*, pp. 35–36, 416–418].

Bibi Fatima Sam was like a sister to Shaikh Farid-ud-Din Ganj-i-Shakar (Baba Farid of Pak Patan, in Punjab, now in Pakistan) and his brother who was based in Delhi, Shaikh Najib-ud-Din Mutawwakil. Nizam-ud-Din Auliya is quoted by Abdul Haqq Muhaddis as saying that for Bibi Fatima Sam feeding the poor was the most meritorious of all the pious activities. According to her, offering a loaf of bread with a glass of water in the name of God would accrue such blessings from the latter that was not possible to elicit even from lakhs of days of fasting and praying. This was in conformity with the Prophetic tradition, according to which people visiting Prophet Muhammad would not leave before eating things such as

bread and dates. Even if the Prophet is known to have proclaimed, “my poverty is my pride”, there was a lot of emphasis in early Islamic sources, Qur’an and Hadith, on feeding the poor and the needy [for a brief overview of the evolution of Muslim philosophical thinking on poverty from the medieval era to contemporary times, see Khan and Khan, 2023].

Returning to Bibi Fatima Sam, whose *mazar* is located in a small but conspicuous tomb, in Delhi, was a formidable character and commanded a lot of respect in the Sufi circle of her time (thirteenth century). Her charitable endeavours, reputation as someone who had performed the pilgrimage of *hajj* in Mecca, in Arabia, and maintained the sanctity of the ritual purification all her life, as well as ability to dabble in extempore poetry were a source of a lot of popularity [for the arduous, but spiritually blissful journey for *hajj* even three centuries later, see Kugle, 2021]. Fatima Sam could definitely ward off the fakes, pretending love for God and simultaneously seeking pleasures of the body, contradiction in terms, with a rhetorical composition. Enchanted by her personality, Hazrat Nizam-ud-Din, who considered mysticism as an act of *mardangi*, that is, an exercise in masculinity, famously commented that when a lion comes out of its den, no one dares ask whether it was male or female [*Fawa'id-ul-Fu'ad*, pp. 35–36]! In another anecdote, Nizam-ud-Din narrated how he was able to hedge her advice to get married to the daughter of a person known to her, as he was already a dedicated disciple of Shaikh Farid and committed to lead the life of a Sufi renunciant, distancing from the materialism of the world. This renunciation of the Sufis (*tark-i-duniya*) called for an austere lifestyle, not running away for meditation in the jungle, but living with people and serving them in ways possible, which included charitable endeavours and praying for their well-being [*Fawa'id-ul-Fu'ad*, pp. 417–418].

Karamat by Baba Farid's mother

Farid-ud-Din Ganj-i-Shakar had informed his disciples that his mother was known for her mystical attainments. Once a thief broke into their house when all the inmates had retired for the night except for his mother who was engrossed in her prayers. The moment the thief entered the house, he lost his sight. Not knowing how to escape from there, the thief exclaimed that the inmates of that house were like his family members. Whoever is there in the house it can be said with certainty that the terror created by their very presence has blinded him (*az mahabat-i u kur shudam*). He sought forgiveness and intercession: ‘Pray that my sight is restored. I repent and swear that I will not commit theft for the rest of my life’. On hearing the thief’s invocations, the shaikh’s mother prayed for the restoration of his sight. Having got his vision back the thief left the house. His mother kept silent about the incident. Later, in the morning, the thief returned along with his family, narrated the account of the previous night’s encounter and converted to Islam at the hands of the shaikh’s mother (*amadeb-am ba-ahl-i bait-i khwud ta musalman shawam*) [*Siyar-ul-Auliya*, p. 98; for a report on how the family lost her in a jungle on way from Delhi to Ajodhan, see *Akhbar-ul-Akhyar*, pp. 585–586].

Bibi Zulaikha's blessings

Hazrat Nizam-ud-Din Auliya used to refer to his mother, Bibi Zulaikha, as a saintly woman who was wholly dedicated in her devotion to God. During their days of penury when there was nothing to cook at home, she used to tell the children that they were guests of God, even if she would be pretending to be seen cooking something. For Nizam-ud-Din as a child, the very idea of being a guest of God was a matter of great pleasure and satisfaction.

Later in life whenever Nizam-ud-Din was in trouble, he would visit her grave, in Delhi, and seek her blessings as was the case during the struggle with Sultan Qutb-ud-Din Mubarak-Shah Khalji (ruled 1316–1320), who was continuously harassing him. Though his own close associate Khusrau Khan

assassinated the Sultan, Nizam-ud-Din believed he was eliminated due to his mother's curse. He had visited her grave and placed the matter of Sultan's harassment, which needed to be settled else he would not be able to visit her grave fearing his own death at the hands of the tyrant [for a detailed biographical sketch of Bibi Zulaikha, see *Akbbar-ul-Akhyar*, pp. 586–588].

Bibi Sarah

Bibi Sarah was a saintly mother of another early Sufi in Delhi, Shaikh Nizam-ud-Din Abul Mu'ayyad. There is an anecdote about how Delhi was facing a long period of drought, and prayers of people for rain did not help. Nizamuddin took out a thread from the lower end of his mother's skirt (*daaman*). He then waved it looking at the sky and pleading to God: This thread is from the skirt of this pious woman, who has remained protected from the gaze of a stranger (*na-mabram*, who is not allowed to enter a woman's apartment in a purdah culture). Send rain on account of her chastity. Even when the sentence was not completed, it started raining. This anecdote is narrated by Abdul Haq Muhaddis Dehlawi [*Akbbar-ul-Akhyar*, 582].

In the older version of this miracle, which was narrated by Nizam-ud-Din Auliya, a piece of cloth from Bibi Sarah's skirt was used by her son in his prayers, though her name is not mentioned. A group of distressed people came to Shaikh Nizam-ud-Din Abul Mu'ayyad and asked to lead a congregational prayer for rain. Agreed to give a sermon, the Shaikh ascended the pulpit in front of a large gathering. The people noticed that he had stopped his speech to bring out a cloth from his arms and waved it in the sky, reciting something (which was understood through his lip movement). Soon, it started drizzling. The Shaikh then got busy with his sermon. As the drizzle seemed stopping, the Shaikh took out the cloth and waved again. This time the rain came pouring down! On returning home, when inquired about the garment used by him, he replied: it was his mother's skirt, *guft daaman-i walidah-i man bood* [*Fawa'id-ul-Fu'ad*, p. 438]. Her grave is in south Delhi, not far from the tomb of Khwaja Qutb-ud-Din Bakhtiyar Kaki (died 1235). The latter was the successor (*khalifa*) of Khwaja Mu'in-ud-Din Sijzi Ajmeri (died 1236), in the Chishti order of Sufism in medieval India [for a long history of Chishti Sufism, see Ernst and Lawrence, 2002].

Bibi Auliya and her spiritual dedication

In the section on female saintly personalities in his *Akbbar-ul-Akhyar*, Abdul Haqq Muhaddis has also written a short biographical note on Bibi Auliya of Delhi. The despotic Sultan Muhammad bin Tughlaq (ruled 1325–1351) was devoted to her. She was known for enduring all the excruciating pain in spiritual exercises which the most accomplished Sufis were known for practicing. According to reports, she would shut herself in the inner chamber (*hujra*) for meditation for forty days (*chilla*). During this period, she would keep forty pieces of cloves with her. When she would come out after completing the forty-day *chilla*, people would notice that she had taken only a few pieces of cloves, the remaining ones would be lying there. Eating very little or not eating at all is a much recommended act in Sufi discourses. Bibi Auliya had shown it was possible and necessary to overpower hunger [*Akbbar-ul-Akhyar*, p. 588].

III. CONCLUDING REMARKS

To sum up, these evolved human beings, saintly women in this case, dedicated their lives in pursuit of ethical and moral conduct in Sufi spirituality, which brought them near to God. This, in turn, helped them acquire some paranormal powers, perceived ability to perform miracles, *karamat*, for which they became popular in their own life and in times to come. The blessed atmosphere of the Sufi *dargahs* guides people for becoming better human beings and also helps resolve their spiritual and material

concerns — some mercy and kindness. These are particularly relevant in times of so much intolerance, hate and violence in the name of religion. The Sufis would have wondered: God has made everything; did He make a mistake by making someone a woman?

It is possible to understand the anecdotes in Sufi literature from the vantage points of disciplinary practices of folklore studies, history of religion, literary history, and gender and intersectionality. The stories involving women particularly highlight the powers of ethical and moral precepts stressed by those charismatic personalities; women who commanded respect in a society and fraternity that was clearly patriarchal and homosocial. The Sufis took a position that was different from the usual male dismissal of women as problematic, including maintaining ambiguities on participation of women in *mahfil-i sama'*, musical assemblies. Anecdotes of the kind narrated above testify to the major presence of women in Sufi fraternities, sometimes performing miracles of the kind generally attributed to male saints. Some boundaries were certainly being broken.

As in most attempts at achieving excellence in Islamic societies, the practices of the Prophet were considered as the ideal to follow. In this case, respect for women and appreciation of their excellence are reiterated in Sufi conversations and writings with reference to the Prophet. The famous *hadith* on the relief and pleasure in *namaz*, presence of wife Ayesha, and daughter Fatima was discussed in detail in one of the assemblies (*majlis*) of Nizam-ud-Din Auliya. This was done with added emphasis on how noble men pray to God with reference to the extraordinary credentials of women around them. Men with several daughters were also considered to be blessed as God was supposed to have ensured that the latter were born with means for their bread and butter already arranged. Women were also continuously praised for their fine abilities.

Sufis have also struggled to deal with the women's question. As human beings, they needed to deal with bodily desires, for which they could marry a woman (*nikah*), which would mean maintaining a family and siring children, which will in turn be difficult to manage with self-inflicted poverty. Complete devotion and love for God would also mean a life spent in His service to the extent of neglecting the family, which is not an advisable proposition. The wife will expect both physical intimacy and material comfort. In Qur'anic terms, addressing the man, God advises: wives are like a garment to you, and you are a garment for the wives. Thus, marriage was a recommended practice, but some Sufis wanted to remain bachelors (*mujarrad*). This would mean they were deprived of women companions with all their beautiful charm and excellent conduct. The exemplar Prophet Muhammad was clear in his understanding. Marry women for benefiting from four virtuous reasons: their property, pedigree, beauty, and faith (*maal, hasab, husn, and din*). He especially recommended women with faith in Islam, as this would lead to the satisfaction of being in the company of an agreeable fellow believer. The man likes the company of such a wife, the faith of Islam is strengthened without discord, and both love each other. This was better than leading a lonely life and falling in the trap of a vicious Satan as company, which could lead to disgrace. Yet a man completely devoted to God and, therefore, remaining single can be better placed than those who carry the burden of maintaining a family [*Kashf-ul-Mahjub*, p. 530]. Inspired, a leading early Sufi Hasan Basri had humorously commented: light people got salvation, heavy ones were ruined (*naja al-mukhiffuna wa halaka al-muthqiluna*) [*Kashf-ul-Mahjub*, p. 531].

On what pious women themselves thought what was good for them, it will be appropriate to refer to a fine treatise on Sufism by a female Sufi, 'A'ishah al-Ba'uniyah (died 1517), of medieval Damascus, Syria. *The Principles of Sufism* is an authoritative and elegant guide to Sufism by the female Sufi master. The book was originally written in Arabic: *al-Muntakhab fi usul al-rutab fi 'ilm al-tasawwuf* (Selections on the Principles of the Stations in the Science of Sufism). In short, *The Principles of Sufism*, emphasises on repentance (*tauba*), sincerity (*ikhlas*), remembrance (*zikr*), and love (*muhabbat*) as key elements in the

Sufi path for mystical union with God — central features of Sufism worldwide. The author has drawn on important and interesting insights from selections of teachings and anecdotes from the Qur'an, traditions relating to the Prophet, and lives of Sufi masters of previous generations. Daughter of the chief judge of Damascus, Shafi'i jurist Yusuf al-Ba'uni (died 1475), whose family was related to an important branch of Qadiri *silsila* (spiritual genealogy), 'A'ishah was trained as a Sufi master in her own right and was much respected for not only her mystical compositions, but also for piety and charisma [Homerin, 2018]. That a woman mystic could express her spiritual experiences in writing and command respect as an accomplished Sufi practitioner and scholar in the fifteenth- and early-sixteenth-century once again indicates the value of the graceful and charismatic presence of women in Sufi fraternities historically.

The gates of hospices of Sufi shaikhs such as that of Nizam-ud-Din Auliya were open for everyone, and women were not barred from his presence. They were as much entitled to partake in spiritual conversations and poetry as men and other gendered beings did. Patriarchal discriminations apart, the circle of the Sufis showed a remarkable acceptance of women in their midst. Persian Sufi poetry was certainly aimed at transcending all differences. Much of it was about love, and pain and sorrows attached with it. Nizam-ud-Din Auliya liked to quote one such couplet [*Fawa'id-ul-Fu'ad*, p. 323]:

Bar 'ishq tu wa bar tu nazar khwaham kard
Jaan dar gham-i tu zer-o-zabar khwaham kard
 I will look at you and your love
 I will destroy myself in your sorrow

References

- Akhbar-ul-Akhyar of Shaikh Abdul Haqq Muhaddis Dehlawi*. Urdu translation by Subhan Mahmud and Muhammad Fazil. Delhi: Adabi Duniya, 1990.
- Alam M. *The Mughals and the Sufis: Islam and Political Imagination in India, 1500–1750*. Ranikhet: Permanent Black, 2021.
- Alam M. *The languages of Political Islam in India, c. 1200–1800*. Delhi: Permanent Black, 2004.
- Aquil R. *Lovers of God: Sufism and the Politics of Islam in Medieval India*. Delhi: Manohar, 2017.
- Chittick WC. *Sufism: A Short Introduction*, Oxford: Oneworld Publications, 2007.
- Digby S. The Sufi Shaykh as a Source of Authority in Medieval India. *Purushartha*. 1986. Vol. 9. Pp. 55–77.
- Eaton RM. *Sufis of Bijapur, 1300–1700: Social Roles of Sufis in Medieval India*. Princeton: Princeton University Press, 1978.
- Ernst CW. *Eternal Garden: Mysticism, History and Politics at a South Asian Sufi Centre*. Albany: State University of New York Press, 1992.
- Ernst CW and Bruce B. Lawrence. *Sufi Martyrs of Love: The Chishti Order in South Asia and Beyond*. New York: Palgrave Macmillan, 2002.
- Fawa'id-ul-Fu'ad*, Conversations of Shaikh Nizam-ud-Din Auliya, compiled by Amir Hasan Sijzi. Persian text with an Urdu translation by Khwaja Hasan Sani Nizami. Delhi: Urdu Academy, 1990.
- Green N. *Indian Sufism since the Seventeenth Century: Saints, Books and Empires in the Muslim Deccan*. London: Routledge, 2006.
- Homerin Th. E. *The Principles of Sufism of 'A'ishah al-Ba'unyyah*. Delhi: Aleph Book Company, 2018.
- Jackson P. *The Delhi Sultanate: A Political and Military History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

- Karamustafa AT. *Sufism: The Formative Period*, The New Edinburgh Islamic Surveys. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
- Kashf-ul-Mahjub of Shaikh 'Ali Hujwiri*. Edited by Mahmud Abedi. Tehran: Soroush Press, 2013.
- Khan M. and Mohammed Ayub Khan. Poverty in Islamic Philosophy. In *The Routledge Handbook of Philosophy and Poverty*, edited by Gottfried Schweiger and Clemens Sedmak. New York: Routledge, 2023.
- Kugle S. *Hajj to the Heart: Sufi Journeys Across the Indian Ocean*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2021.
- Kugle S. Sufi Attitude toward Homosexuality: Chishti Perspectives from South Asia. In *Literary and Religious Practices in Medieval and Early Modern India*, edited by Raziuddin Aquil and David L. Curley. Delhi and London: Manohar and Routledge, 2016.
- Kumar S. *The Emergence of the Delhi Sultanate*. Delhi: Permanent Black, 2007.
- Nizami KA. *The Life and Times of Shaikh Fariduddin Ganj-i-Shakar*. Delhi: Idarah-i-Adabiyat-i Delli, 1991a.
- Nizami KA. *The Life and Times of Shaikh Nizamuddin Auliya*. Delhi: Idarah-i-Adabiyat-i Delli, 1991b.
- Rizvi SAA. *A History of Sufism in India*, Vol. I. *Early Sufism and its History in India to 1600 AD*. Delhi: Munshiram Manoharlal, 1978.
- Siyar-ul-Auliya* of Amir Khwurd, Islamabad: Markaz Tahqiqat-i-Farsi Iran wa Pakistan, 1978.
- Viitamaki M. Retelling Medieval History for Twentieth-century Readers: Encounter of a Hindu Prince and a Sufi Master in Khwaja Hasan Nizami's *Nizami Bansuri*. In: *Literary and Religious Practices in Medieval and Early Modern India*, edited by Raziuddin Aquil and David L. Curley. Delhi and London: Manohar and Routledge, 2016.

СОЗДАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ СОМАЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: АРАБИЦА, ОСМАНИЯ И ЛАТИНИЦА

© 2025

А. А. Блинов¹

В настоящей работе исследуется история создания письменности сомалийского языка на базе трёх алфавитов: арабицы, османия и латиницы. Подробно проанализированы различные варианты арабского письма для языка сомали, предложенные капитаном Кингом, шейхом Увейсом аль-Барави, Мухаммадом Макахилем и Мусой Галялем, выделены их основные особенности, рассмотрены преимущества и недостатки. Отдельное внимание уделено сложности передачи сомалийских звуков с помощью арабского алфавита, который может быть приспособлен к нуждам местного языка только с внесением дополнительных знаков для отображения десяти кратких и долгих гласных, а также некоторых согласных в сомалийском языке. По результатам сравнения сделан вывод о наиболее подходящей системе письма для языка сомали на базе арабицы. Османия, разработанная шейхом Османом Юсуфом Кенадидом в 1920–1922 гг., является ярчайшим представителем автохтонных письменностей в Сомали. Она пишется слева направо и состоит из 22 букв для обозначения согласных и 8 букв для обозначения гласных, не соединяющихся друг с другом. В форме некоторых знаков обнаруживается влияние арабицы и латиницы, а также эфиопского силлабария. В статье продемонстрированы основные изменения османия, которая была реформирована после Второй мировой войны, а также составлена сравнительная таблица развития долгих гласных на раннем и позднем этапах её становления. Кроме того, описаны два малоизвестных местных алфавита для языка сомали — гадабурси и каддария. В дополнение к этому освещена история развития латиницы в Сомали, продвижением которой занимались главным образом миссионерские общества начиная с конца XIX в. Она была окончательно утверждена в качестве официального сомалийского письма в 1972 г.

Ключевые слова: сомалийский язык, арабица, османия, латиница, Сомали, гадабурси, каддария, сомалийское письмо

Для цитирования: Блинов А. А. Создание письменности сомалийского языка: арабица, османия и латиница. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 1. С. 67–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-067-080

THE CREATION OF WRITTEN SOMALI LANGUAGE: ARABIC, OSMANIA AND LATIN SCRIPTS

Andrey A. Blinov

¹ Блинов Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; progrock1@yandex.ru
Andrey A. Blinov, PhD (Philology), Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; progrock1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9694-8706

This paper examines the history of creation of written Somali language based on three scripts: Arabic, Osmania and Latin. It details the various options of the Arabic script for the Somali language proposed by Captain King, Sheikh Uways al-Barawi, Muhammad Makahil and Musa Galal, highlights their main features, reviews their benefits and drawbacks. The article also focuses on the complexity of rendering Somali sounds with the Arabic alphabet, which can be adapted to the local language only by adding additional signs to display ten short and long vowels, as well as some consonants in the Somali language. The comparison results in a conclusion being made about the most suitable Arabic-based writing system for the Somali language. Osmania, invented by Sheikh Osman Yusuf Kenadid in 1920 – 1922, is the most prominent example of indigenous scripts in Somalia. It is written from left to right and consists of 22 letters for consonants and 8 letters for vowels that are not connected with each other. The shape of some signs reveals the influence of Arabic and Latin letters, as well as the Ethiopian syllabary. The paper indicates the major changes in Osmania, which was reformed after World War II, including the compilation of a comparative table to show the development of long vowels at an early and late stage of its formation. Besides, it describes two little-known local alphabets for the Somali language such as Gadabuursi and Kaddare. In addition, the article covers the history of the Latin alphabet in Somalia, which was promoted mainly by missionary societies since the end of the 19th century. It was finally approved as the official Somali script in 1972.

Keywords: Somali language, Arabic script, Osmania, Latin script, Somali, Gadabuursi, Kaddare, Somali script

For citation: Blinov A. A. The Creation of Written Somali Language: Arabic, Osmania and Latin Scripts. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 67–80. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-067-080

Первые попытки создания сомалийской письменности на базе арабского алфавита относятся к X в., когда шейх Юсуф ибн Ахмад аль-Коунейн прибыл на Африканский Рог из Аравии, чтобы преподавать основы Корана школьникам [Warsame, 2001, p. 343]. Он поставил перед собой задачу искоренить безграмотность и обеспечить всеобщее просвещение на полуострове, используя сугубо арабскую графику для обучения учеников, говорящих только по-сомалийски, однако, столкнувшись с непониманием многих из них на уроках, разработал собственную систему письма, которая представляла собой упрощённую смесь арабских и сомалийских лексем. В ней он впервые адаптировал структуру арабских гласных к сомалийскому языку, что стало результатом его обширных исследований в области фонетики и в дальнейшем получило название «письменность вадад»². Придуманная им графика «отклонялась от грамматических правил арабского языка и содержала некоторые сомалийские слова, доля которых изменялась в зависимости от контекста» [Lewis, 1958, p. 136]. Она употреблялась мусульманским духовенством при сочинении касыд, а также местными торговцами при ведении дел, написании писем и подаче петиций.

Научные изыскания Юсуфа аль-Коунейна высветили целый ряд сложностей с передачей сомалийских звуков, которые мешали другим учёным подобрать для них адекватный эквивалент среди арабских букв. В частности, фонетическая система языка сомали, состоящая из пяти гласных звуков (кратких и долгих), не соответствовала арабской фонетической системе, где таких звуков было всего лишь три. Также требовались дополнительные символы для обозначения велярного взрывного звука [g] и постальвеолярного звука [d], которые отсутствовали в арабском алфавите. Подходящее решение было найдено только в XIX в. благодаря усилиям шейха Увейса аль-Барави (1847–1909), лидера местного религиозного братства кадиристов, который применил улучшенную форму арабского письма для записи стихов и песен на южносомалийском диалекте маай и значительно

² От сомал. *wadaad* — «священник».

стандартизировал графику. Предложенная им структура показывает недюжинный кругозор автора, одинаково хорошо ориентировавшегося в народных языках арабов и особенностях их письменности в странах за пределами арабского мира. Так, для передачи недостающих гласных [e] и [o] в арабском языке аль-Барави использовал дифтонги [au] и [aw], которые, как известно, переходят именно в звуки [e] и [o] в арабских диалектах, образуя фонетическую систему из пяти гласных. С другой стороны, он нередко изображал на письме звук [g] как ڭ, демонстрируя свою несомненную осведомлённость о том, что эта графема регулярно употреблялась для обозначения близкого по месту артикуляции велярного назального звука [ŋ] в различных арабских алфавитах (например, турецкого, казахского, киргизского и уйгурского языков). Что касается звука [d], то Увейс аль-Барави заменял его в своих касыдах буквой ط и знаком ظ. В то же время подходу шейха был присущ ряд недостатков: долгота гласных зачастую не маркировалась [Tosco, 2015, p. 192], а для обозначения звука [g], помимо символа ڭ, периодически использовались арабские буквы ڭ и ڭ довольно неподобающим образом.

Примерно в этот же период помощник политического резидента в Британском Сомалиленде, капитан Кинг написал статью «Сомали как письменный язык» для журнала *The Indian Antiquary* в 1887 г., где представил альтернативную систему письма, объединив в ней черты арабского языка и санскрита. В своей работе исследователь не разграничивал гласные [e] и [i], [o] и [u], записывая их одинаково при помощи слабых согласных ي и و соответственно и не учитывая их долготу, при этом необходимость употребления той или иной единицы определялась контекстом. Также он ввёл в обращение три дополнительных знака ڭ, ڭ и ڭ, ошибочно приняв за отдельные звуки аллофоны одной и той же фонемы. Кроме того, Кинг придумал собственные обозначения для звуков [g] (ڭ) и [d] (ڭ) и изобрёл символы для звуков с дополнительной артикуляцией [r] (ڭ), [l] (ڭ) и [n] (ڭ) [King, 1887, p. 243], слегка видоизменив классические арабские буквы с привлечением элементов санскрита. Тем не менее разработанная им письменность получилась нелогичной и противоречивой, а сам алфавит, состоящий из 28 арабских букв с добавлением пяти новых графем для обозначения согласных и трёх новых графем для обозначения гласных, оказался перегруженным ненужными символами и разрозненными диакритическими знаками³.

Ещё одна система письма на основе арабицы, предназначенная для фиксации звуков сомалийского языка, была создана уже в XX в. местным учёным из Берберы Мухаммадом Абди Макахилем (ум. в 1950), выпускником университета Аль-Азхар, который опубликовал книгу «Составление арабской корреспонденции на сомалийском языке» в 1932 г., включив в неё образцы писем и поговорок на сомалийском языке, записанных арабскими буквами. Тем самым он продолжил работу, начатую его двоюродным братом Мухаммадом Абдилле Маялем до этого⁴. Его проект письменности предусматривал одновременное использование огласовок «фатха» и «кясра» для звука [e] (ڭ) и перевернутой огласовки «дамма» для звука [o] (ڭ). Долгота гласных обозначалась по аналогии с арабским литературным языком путём добавления к ним слабых согласных ي и و соответственно. Подход к передаче звуков [g] и [d] незначительно напоминал методику, описанную капитаном Кингом ранее: первый отображался на письме посредством буквы «кяф» с линией над ней (ڭ), второй — посредством буквы «даль» с тремя точками (ڭ) [Sheikh, 2019, p. 14].

³ Отдельно стоит отметить, что, хотя данная статья изобилует неточностями, её публикацию колониальным служащим, ратующим за использование арабского алфавита для записи языка мусульманской страны под протекторатом Британской империи, можно признать примечательным событием. Она явно не вписывалась в политику англичан того периода, особенно после того, как они открыто поддержали введение латинской графики для некоторых языков своих колоний, ранее использовавших арабскую письменность, таких как хауса или суахили.

⁴ Как и Мухаммад Маяль до него, Макахиль выступал против признания арабского единственным официальным языком в Сомали, однако, с другой стороны, был твёрдым поборником принятия арабской графики для сомалийского языка.

В 1954 г. сомалийский лингвист Муса Хаджи Исмаил Галяль (1917–1980) радикально изменил арабскую графику применительно к сомалийскому языковому материалу. Он представил абсолютно новый набор символов для обозначения гласных, чтобы отказаться от неудобной диакритики, провести чёткое различие между краткими и долгими гласными и облегчить их чтение и письмо. Британский антрополог Йоан Льюис считал эту систему обозначений наиболее точной из всех [Lewis, 1958, pp. 139–140]. Галяль опубликовал статью с результатами своих исследований в журнале *Islamic Quarterly*, где проиллюстрировал разработанную им революционную концепцию конкретными примерами. Гласные здесь были выражены следующими знаками, которые писались слитно с окружающими их арабскими буквами:

[a] [i] [u] [e] [o] [e:] [o:]

При этом звуки [a:], [i:] и [u:] заменялись на письме буквами ا , ي и و соответственно согласно правилам арабской грамматики. В конечной позиции к созданным Галялем знакам для обозначения гласных добавлялся ещё один символ: . Сам автор указывал, что при разработке обозначений для гласных [a], [i] и [u] он вдохновлялся формой арабских огласовок «фатха», «кясра» и «дамма» [Galaal, 1954, p. 115]. Вместо звуков [g] и [d], отсутствующих в арабском языке, учёный предложил использовать символы ج и د . В первом случае Галяль, вероятно, ориентировался на египетский диалект, где присутствует схожий по артикуляции звук [g], часто обозначаемый на письме арабской буквой «джим» с одной точкой (ج)⁵, во втором случае он следовал примеру Мухаммада Абди Макахиля, отдавшего предпочтение такой же форме знака.

Несмотря на детальную проработку графики и её полное соответствие сомалийской фонетике, она была неодобрительно встречена консервативным обществом и вызвала повсеместную критику со стороны местных религиозных кругов. Введение новых букв было истолковано как нарушение незыблемого строя арабского языка и породило опасения, что это может вызвать сложности с преподаванием Корана сомалийским студентам.

Анализируя четыре вышеприведённые системы письма, можно сделать следующие выводы. Капитан Кинг и шейх Увейс аль-Барави явно руководствовались скрытыми мотивами при их создании. Первый стремился помочь колониальной администрации в изучении сомалийского языка, однако не обладал достаточными знаниями в этой области. Второй хотел донести религиозное послание до людей, умевших читать, но не говоривших по-арабски. Оба не являлись лингвистами по призванию и недостаточно хорошо разбирались в сомалийской фонетике. Мухаммад Абди Макахиль, напротив, был прекрасно осведомлён о трудностях, связанных с наличием большего количества гласных в сомалийском языке по сравнению с арабским, и пытался найти решение данной проблемы. Его работа отличалась от других более ясной и доступной манерой изложения. Муса Галяль, будучи профессиональным филологом, уделил основное внимание поиску оптимальных эквивалентов для согласных и гласных звуков, отсутствующих в арабском языке. Его система письма была названа экспертами самой совершенной, хотя и не лишённой недостатков, однако она слишком сильно отличалась от традиционного арабского алфавита. По этой причине он вскоре отказался от неё в пользу латиницы [Sheikh, 2019, p. 19].

В XX в. в Сомали начали появляться самобытные алфавиты, первым из которых стала османия, разработанная шейхом Османом Юсуфом Кенадидом в 1920–1922 гг. Он происходил из знатной семьи (его старшим братом был Али Юсуф Кенадид, правитель султаната Хобьо), но реальной политической власти не имел. Шейха больше интересовали успехи на интеллектуальном поприще:

⁵ В первоначальном варианте написания Галяль изображал звук [g] как ج , а звук [dʒ] — как ج , но впоследствии поменял их местами во избежание путаницы.

он изучал арабский в Хобьо и Могадишо и неплохо знал итальянский. Также Кенадид отвечал за ведение всей корреспонденции своей семьи на арабском языке.

Поскольку султанат Хобьо находился под протекторатом Италии, одним из первых о новом сомалийском письме узнал комиссар местной метрополии. Затем весть об этом дошла до известного африканиста Марчело Орано, направленного в Хобьо в качестве дипломатического представителя, которому шейх Осман преподавал язык сомали. В 1931 г. Орано опубликовал итальянскую грамматику сомалийского языка, в которой упомянул о существовании такого алфавита. Через год его соотечественник Энрико Черулли обратился к Ясину Кенадиду, сыну шейха Османа, за языковым материалом для своей статьи об османии, которая была выпущена в 1932 г. Тем не менее данная письменность долгое время имела ограниченное хождение и не выходила за рамки частной переписки родственников и друзей шейха, принадлежащих к одному клану и живущих на одной территории. Её влияние оставалось минимальным вплоть до окончания Второй мировой войны и прекращения итальянского колониального правления в Сомали, что создало благодатную почву для развития османии.

В 1945 г. Лига молодых сомалийцев — первая политическая партия в Сомали, сыгравшая ключевую роль в получении этим государством независимости, — закрепила в статье 5 своего устава, что сомалийский является будущим языком страны, а османия — её национальным алфавитом. Она начала распространение данной письменности в Могадишо, куда был приглашён преподавать Ясин Кенадид, являвшийся наиболее ярким сторонником османии. Лига открыла несколько школ для обучения новому алфавиту молодёжи, в том числе женщин [Ricci, 1959, p. 110], в основных городах Сомали и за его пределами (например, в Аддис-Абебе, Кении, Йемене и на Занзибаре). Такая настойчивая политическая поддержка османии была неоднозначно принята народными массами, не готовыми смириться с подчинённым положением арабского языка, а сам алфавит не пользовался популярностью. Через десять лет Лига молодых сомалийцев приняла решение исключить из устава статью, закрепляющую за османией статус официальной письменности, и даже провозгласила арабский государственным языком Сомали.

Тем не менее распространение османии в стране продолжилось благодаря деятельности Сомалийского общества языка и литературы, основанного Ясином Кенадидом 5 октября 1949 г. Общество изначально являлось частью Лиги молодых сомалийцев, но впоследствии отделилось от неё и занялось продвижением османии самостоятельно. В 1957 г. оно начало издавать трёхстраничный журнал *Saban Explorer*, полностью составленный на алфавите османия. После обретения независимости Сомали 1 июля 1960 г. развитие османии значительно замедлилось, что совпало с постепенным увеличением роли латиницы в сомалийском языке.

Османия — это алфавит, который пишется слева направо и состоит из 22 букв для обозначения согласных и 8 букв для обозначения гласных, не соединяющихся друг с другом. Она включает отдельные знаки для всех согласных фонем (за исключением гортанной смычки в начале слова, которая опускается по аналогии с современной латинской графикой) и восьми из десяти гласных фонем. При этом в османии, так же как и в латинице, не отражены система тонов и гармония гласных, присутствующие в сомалийском языке.

Энрико Черулли первым из зарубежных учёных описал османию в своей краткой заметке «Местная попытка формирования сомалийского алфавита» (1932), где он перечислил все входящие в неё буквы вместе с их латинскими аналогами⁶:

⁶ Очевидно, что в алфавитной таблице османии, приведённой Э. Черулли, не пропечатались диакритический знак у латинского символа ĝ (четвёртая буква в первом ряду) из-за низкого качества отсканированного источника.

ʃ ʒ ɟ ɪ ɲ ɳ ɔ ʔ ʒ ʒ ʒ ʒ
 ' b t g ɧ ɧ d r s ʃ d g '

ɟ ʃ ɲ ʒ ʒ ɳ ɳ ɳ ɳ ɳ ɳ ɳ ɳ
 q k l m n w h y i u o a

По мнению итальянского ориенталиста, при создании османии её автор черпал вдохновение в латинице и арабице [Serulli, 1932, p. 212]. Первое проявлялось в раздельном написании букв слева направо и графическом сходстве некоторых знаков (например, пятого и шестого символа в верхнем ряду, напоминавших латинские буквы «Н» и «h»), второе — в порядке букв в алфавите, а также отсутствию заглавных букв и отдельных символов для долгих гласных. Действительно, в ранней версии османии не были предусмотрены специальные знаки для обозначения долгих согласных. Например:

- в случае долгих гласных [e:] и [o:] определённый знак дублировался либо передавался с помощью «матрис лекционес» путём добавления к нему символов для обозначения слабых согласных [y] и [w] соответственно;
- метод матрис лекционес также использовался для выражения долгих гласных [i:], [u:] и [a:] по аналогии с арабским языком. Последний звук отображался на письме посредством гортанной смычки (буква «алиф» в арабском).

Таким образом, первоначально каждая долгая гласная в алфавите османия изображалась двойным знаком:

ʒʒ ʒʒʒ ʒʒʒ ʒʒʒʒ ʒʒʒʒʒ
 ba bā be bē bi

ʒʒʒʒʒ ʒʒʒʒ ʒʒʒʒʒ ʒʒʒʒ ʒʒʒʒʒʒʒ
 bī bo bō bu bū

Также допускалось начертание удвоенных букв для обозначения долгих гласных [e:] и [o:], как в нижеуказанных примерах:

ʒʒʒʒʒ ʒʒʒʒʒʒʒ

В форме знаков угадывалось и влияние эфиопского силлабария, хотя, по утверждению итальянского лингвиста Мауро Тоско, Юсуф Кенадид не знал этой системы письма, поэтому она не играла никакой роли в разработке и развитии алфавита османия [Tosco, 2015, p. 197]. Тем не менее знаки для обозначения звуков [b], [t], [h], [s], [g], [l], [m] и [w], очевидно, восходили к эфиопскому письму, где их возможными прототипами являлись такие символы, как ʒ [ʃi], ɟ [ʃi], ɲ [za], ʒ [né], ʒ [sā], ɲ [ba], ʒ [na] и ɳ [ʔa] соответственно. Как мы видим, несмотря на очевидное сходство некоторых знаков, передаваемые ими фонемы в обоих алфавитах отличались друг от друга,

поэтому можно предположить, что изобретатель османии не знал эфиопского языка, но был знаком с его письменностью.

В дальнейшем османия была в значительной степени реформирована. Основные изменения заключались в следующем:

- нерегулярное применение удлинённых знаков для обозначения заглавных букв;
- заимствование пунктуационных знаков из западных языков;
- появление ряда лигатур (особенно в рукописных текстах);
- уменьшение использования знака для гортанной смычки, который чаще всего исключался из последующих алфавитных указателей;
- разработка отдельных символов для записи звуков [a:], [e:] и [o:];
- использование слабых согласных [y] и [w] для передачи долгих гласных [i:] и [u:].

Эти процессы на первый взгляд противоречили друг другу: с одной стороны, особое написание заглавных букв и добавление пунктуационных знаков явились результатом контактирования османии с современными европейскими языками (главным образом итальянским), с другой — использование слабых согласных для маркирования долгих гласных в целом соответствовало традиции арабского и семитских языков. Кроме того, исчезновение гортанной смычки на письме стало следствием её ограниченной фонетической нагрузки в языке сомали (а также большинстве кушитских языков), где любое фонетическое слово начинается с согласной. То же самое произошло и в современной латинской графике сомалийского языка: обозначение гортанной смычки опускается в начале (*af* [ʔaf] «рот; язык») слова, но сохраняется в середине (*la'an* [laʔa: n] «без; отсутствующий») и в конце (*lo'* [loʔ] «скот») слова.

Таким образом, основное различие между ранней и поздней версией османии состояло в отсутствии знака для гортанной смычки, который, как и буква «хамза» в арабице, занимал начальную позицию в алфавите, а также в создании дополнительных символов для отображения звуков [a:], [e:] и [o:]. Эти нововведения были представлены итальянским филологом Марио Майно в его работе «Алфавит османия в Сомали» (1951), где видоизменённые начертания букв были записаны Ясином Кенадидом вручную [Maino, 1951, p. 116]:

ʃ b	ʒ t	l g	ʎ k	h h
o d	7 z	o s	e s	h g
ʃ d	ʒ c	ʎ f	ʎ q	ʎ k
ʎ e	ʃ m	ʎ n	ʎ h	
g i	ʎ u	h o	ʃ a	ʎ e
e y, i	ʎ w, u	h o	ʃ a	ʎ e

По сравнению с алфавитом, описанным Энрико Черулли, здесь отсутствует начальная «хамза», но порядок расположения букв в целом совпадает с арабским алфавитом, за исключением знаков, соответствующих латинским буквам g и d, которые поменяны местами. Символы,

обозначающие звуки [y] и [w], теперь упоминаются в разряде гласных и также используются для передачи звуков [i:] и [u:].

Алфавитная таблица, приведенная Йоаном Льюисом в 1957 г., практически идентична предыдущей с соблюдением порядка расположения арабских букв и опущением начальной «хамзы» [Lewis, 1958, p. 141]. Правда, знак для обозначения звука [h], который изначально располагался последним согласно правилам арабской орфографии, был перемещён автором из конца алфавита к символам для передачи звуков [ħ] и [kh], по всей вероятности из-за их схожего звучания и отображения в латинской транскрипции. Кроме того, благодаря этой перестановке знаки для обозначения слабых согласных w и y и гласных в османии теперь следовали непосредственно друг за другом:

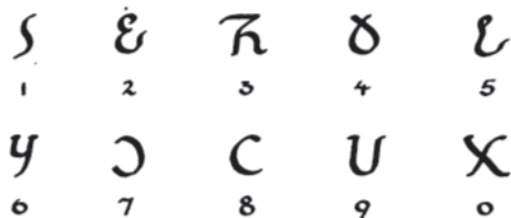
ب	ت	ج	د	غ	ه	ك
b	t	j	d	g	h	kh
ح	ذ	ر	س	ش	ص	ف
h	d	r	s	sh	v	f
ق	ك	ل	م	ن	و	ي
q	k	l	m	n	w	y
ا	ي	ا	و	ا	ا	ي
a	i	u	o	e	aa	ii
ح	و	ا				
uu	oo	ee				

На основании проведённого анализа была составлена сравнительная таблица развития долгих гласных на раннем и позднем этапах становления османии как самобытной системы письма в Сомали:

Изображение долгих гласных в османии		
Звук	Ранняя османия	Поздняя османия
[a:]	س a'	ا aa (отдельный знак)
[e:]	ل, ل ey, ee	ا ee (отдельный знак)
[i:]	ق iy	ي ii/y (отдельный знак)
[o:]	و, و ow, oo	و oo (отдельный знак)
[u:]	و uw	و uu/w (отдельный знак)

В дополнение к вышеуказанным буквенным обозначениям Марио Майно и Йоан Льюис также описали систему нумерации, принятую в османии, которая сильно отличалась от привычных стандартов [Maino, 1951, p. 116; Lewis, 1958, p. 141]. Здесь внимание на себя обращают сразу

два зеркально симметричных знака, обозначающие цифры 7 и 8 и являющиеся отражением друг друга подобно арабским цифрам ٧ и ٨:

Правила записи османии (в её поздней версии) были окончательно закреплены в книге «Наш язык и его письменность», вышедшей в 1971 г. и представлявшей собой 72-страничную азбуку, на последнем листе которой был изображен Юсуф Кенадид с надписью «Основатель алфавита османия». Она ознаменовала дальнейший отход от канонов арабского языка. Так, помимо отсутствия знака для гортанной смычки, порядок расположения символов в данном алфавите уже не соответствовал очередности арабских букв [Afkeenna, 1971, p. 21]:

S N 9 4 H S 8 n b q n 9 O S

alifka soomaalida 'Somali alphabet'
furayaashii 'vowels'

Ч л 8 9 2 8

i 9-----9 8-----8 (ii)

e ь-----ь ll-----ll ee

a S-----S 9-----9 aa

o n-----n nn-----nn oo

u л-----л чл-----чл (uu)

2 9 4 4 S 2 S 8 9 2 8

shibbanayaashii 'consonants'

h	ь	н	k	г	7		
'	8	л	g	l	л	o	d
x	л	l	j	m	b	ч	f
c	y	8	y	n	2	чл	w
q	н	8	s	dh	ь	y	b
kh	л	2	sh	t	л		

Если говорить о литературе на османии в целом, то она практически отсутствует. Известно лишь несколько текстов, которые в разное время были включены итальянскими учёными Ланфранко

Риччи⁷, Марио Майно и Мартино Морено в свои статьи, посвящённые этому алфавиту [Ricci, 1959, pp. 121–149; Maino, 1951, pp. 111–121; Maino, 1953, pp. 68–69; Moreno, 1955, pp. 290–297]. На поздних этапах становления османии в них всё чаще обнаруживаются элементы, заимствованные из европейских языков: прямая речь заключается в кавычки, а перед ней ставится двоеточие; абзацы разделяются на предложения точками; для переноса используется знак равенства; в рукописных текстах периодически встречаются лигатуры.

Из других самобытных сомалийских алфавитов необходимо выделить гадабурси и каддабрию. Единственное упоминание о первом из них содержится в статье Йоана Льюиса «Сомалийская письменность гадабурси» 1957 г. [Lewis, 1958, pp. 142–155]. Алфавит был разработан Абдурахманом Шейхом Нуром из клана Гадабурси в 1933 г. Он занимал должность мусульманского судьи в городе Борама (отсюда второе название данного шрифта — «борама»), расположенном рядом с эфиопской границей, где ввёл в употребление эту систему письма, практикуя её в узком кругу своих сподвижников. Тем не менее за пределами Борамы мало кто слышал об алфавите гадабурси и воспринимал его всерьёз во время создания письменности для языка сомали. При этом сам автор отмечал, что разработал алфавит скорее для собственного пользования и не стремился решить проблему национальной орфографии с его помощью, поэтому гадабурси оказался невостребованным и не получил такого же признания, что и османия, в которую на протяжении нескольких десятилетий вносились дополнительные изменения, чтобы максимально приблизить её к фонетическому строю сомалийского языка.

В гадабурси, так же как и в османии, не предусмотрен отдельный знак для гортанной смычки, хотя хамза может применяться дополнительно в редких случаях. Сам алфавит пишется слева направо и состоит из 21 согласной:

ƒ	J	P	O	Ɔ	Ч
b	t	j	d	g	h
ч	ч	T	S	3	6
kh	h	d	r	s	sh
ʎ	ʎ	J	I	Г	П
ʎ	f	q	k	l	m
U	Q	Y			
n	w	y			

Гласные представлены следующими знаками:

T	H	I	L	C	CC
a	e	i	ii	u	uu
o					
oo					

Расположение букв в гадабурси практически полностью соответствует алфавитному порядку арабского языка. В противоположность османии консонанты «у» и «w» не используются здесь в качестве гласных, за исключением дифтонгов. Знак для обозначения звука [u] также

⁷ Риччи приводит в своей работе об эпистолярной литературе Сомали три письма, написанные на языке османия, однако представляет их только в латинской транскрипции с примечаниями и переводом на итальянский, исключив оригинальные тексты.

распространяется на звук [o], кроме того, одинаково отображаются на письме звуки [a] и [a:], [e] и [e:] без учёта их долготы. Такие недостатки могли быть легко устранены при последующем уточнении отдельных элементов⁸, поэтому эта письменность, несомненно, обладала большим внутренним потенциалом, который так и не был реализован.

Мауро Тоско указывает на элегантный внешний вид гадабурси, который напоминает ему грузинский в отличие от османии, похожей на армянский, хотя отмечает, что некоторые знаки выглядят практически идентично до степени смещения, как, например, символы для гласной «а» и согласного «d» во втором ряду [Tosco, 2015, p. 211]. Латинские эквиваленты также могли совпадать друг с другом при более глубоком рассмотрении, что наблюдается в случае едва различимых букв «d» в первом и втором ряду списка. Судя по всему, вверху таблицы её автор сначала поставил постальвеолярный звук [d], а затем переднеязычный звук [d].

Ещё меньше известно о каддарии, которая стала последней из дошедших до нас автохтонных письменностей Сомали. Она была разработана исследователем местных традиций и фольклора, членом Сомалийской академии наук и искусств Шейхом Хусейном Ахмадом Каддаре в 1952 г. Каддария зародилась в городе Адале, в южной части провинции Средняя Шабелле неподалеку от того места, где появилась османия несколькими десятилетиями ранее. Этот алфавит также писался слева направо, однако, в отличие от османии и гадабурси, включал прописные и строчные буквы, а также не предусматривал отдельных знаков для долгих гласных, которые обозначались путём повторения исходной краткой гласной. Хотя правила употребления прописных букв в каддарии до сих пор остаются загадкой из-за чрезвычайной редкости данного шрифта, строчные буквы предназначались скорее для записи от руки и соединялись друг с другом. Указанная система письма была реконструирована учёным Яном Джеймсом в 2012 г. на основе тщательного изучения двух плохо сохранившихся фотографий алфавита:

Одновременно с развитием арабского алфавита для сомалийского языка и многочисленными попытками создания национальной орфографии в Сомали сложилась письменность на основе латиницы. Одной из первых работ, в которой использовалась латинская графика, явилась «Грамматика сомалийского языка», выпущенная капитаном Фредериком Хантером в 1880 г. В ней он представил следующий алфавит для передачи звуков сомалийского языка: *a b d d e f g g h i j k k' l m n o r s s h t u w y z* [Hunter, 1880, p. 1].

⁸ Например, в гадабурси отсутствовали специальные символы для обозначения тонов, что в целом было свойственно другим разновидностям сомалийской письменности, однако при необходимости они могли быть добавлены впоследствии.

В 1897 г. священники Эванжелист де Ларажасс и Сипрьен де Сампон составили «Практическую грамматику сомалийского языка», в которой предложили свою версию латиницы: *a b d ḋ e f g h ḣ i j k l m n o r s h t u w y*. Во вступлении к книге они с изрядной долей иронии писали: «Величайшим желанием, если не сказать стремлением, Конгрегации пропаганды веры Римской католической церкви является употребление латинских букв во всех классических работах, публикуемых миссионерами на языках народов, к которым они отправляются проповедовать, поэтому для фонетической записи сомалийских слов мы используем... латиницу с её соответствующим произношением» [De Larajasse, 1897, p. VIII].

Действительно, на начальном этапе становления латиницы в Сомали её продвижением занимались главным образом миссионерские общества, что не всегда находило отклик у местного населения. Так, одной из причин Национально-освободительного восстания в Сомали стало то, что его лидер Саид Мухаммад Абдилле Хасан услышал от детей-сирот, обучавшихся в католической миссии, что они принадлежат к «клану католических Отцов» [Laitin, 1977, p. 87]. Интересно, что именно во время так называемой Войны дервишей британский лейтенант Джон Кирк, изучавший язык своего противника в свободное от военной службы время, написал «Граматику сомалийского языка с примерами из прозы и поэзии и описанием йибирского и мидганского диалекта» (1905), в которой он опирался на ранее вышедшие грамматики Хантера и Ларажасса/Сампона, упоминая их в предисловии [Kirk, 1905, p. 1]. В изобретённой им системе письма он добавил к уже имеющимся буквам символы ‘ для звука [ʕ] (звонкий фарингальный фрикатив), hh для звука [ħ] (глухой фарингальный фрикатив) и gh для звука [g] (звонкий велярный спирант). Тем не менее все вышеперечисленные труды объединял один очень крупный недостаток: в них не различались краткие и долгие гласные, что имело решающее значение для обеспечения семантической правильности текста. Кроме того, материалы, размещённые в этих грамматиках, зачастую изобиловали неточностями.

В 1938 г. британская администрация попыталась ввести латинскую письменность на сомалийском языке в одной из начальных школ Бурьо. Это вылилось в серию демонстраций, во время которых три человека были убиты. Открытая неприязнь к англичанам на севере Сомали уходила своими корнями в период государства дервишей, которое вело непримиримую борьбу с насилием европейцев. На юге, напротив, антибританские настроения были не столь сильны, поэтому латиница получила здесь ограниченное хождение, вопреки протестам религиозных общин и невзирая на тот факт, что большинство автохтонных письменностей появилось в Сомали благодаря усилиям кланов из итальянской части страны. Например, в 1955 г. в Могадишо прошла конференция, посвящённая поиску подходящего алфавита для сомалийского языка, на которой был сформирован постоянный комитет, получивший название *Kulanka Afka Somaliyed* («Сомалийское языковое собрание»). Тем не менее использование латинской графики в данном случае не вызвало никакого общественного резонанса.

В дальнейшем применение латиницы для записи местных текстов продолжилось за пределами Сомали в трудах европейских учёных-африканистов, которые иногда сотрудничали со своими сомалийскими коллегами. Так, в 1956 г. Муса Галяль совместно с Богумилом Анджеевским опубликовал сборник народных сказок *Hikmad Soomaali* («Сомалийская мудрость»), в котором употреблялась латинская графика. Многие из этих работ прошли незамеченными в Сомали, и только некоторые из них вызвали негативную реакцию широкой публики, как, например, «Сомалийско-английский словарь» английского лингвиста Роя Абрахама, издание которого откладывалось несколько раз из-за волны критики, обрушившейся на него в стране. Народные массы также выразили своё недовольство после выхода одного из номеров ежедневной итальянской газеты *Corriere della Somalia* в 1957 г., в который по инициативе профессора Бруно Панци была включена целая

страница на языке сомали, записанном латинскими буквами, однако данный эксперимент быстро подошёл к концу [Tosco, 2015, p. 198].

Обсуждение, развернувшееся после этого, затронуло не только выбор национального языка и его письменности, но и сопутствующие вопросы. Дело осложнялось ещё и тем, что в Сомали отсутствовал второй язык, признанный на государственном уровне: английский превалировал в северных областях (Британский Сомалиленд), итальянский господствовал в остальной части страны, а арабский почитался и свято чтился практически повсеместно. Жаркие дебаты не прекращались в Сомали и после обретения независимости в 1960 г., поэтому правительство приняло решение создать несколько специальных комиссий, чтобы выбрать лучший алфавит для сомалийского языка. Первая была организована в 1961 г. для изучения сложившейся языковой ситуации в стране и включала доморощенных экспертов. За время своей работы она рассмотрела не менее 18 систем письма (основанных на арабской, латинской и местной графике). Вторая прошла под эгидой ЮНЕСКО в 1966 г. и состояла из ведущих африканистов того времени — Богумила Анджеевского, Стефана Стрельцина и Жозефа Тубианы. Обе отдали предпочтение латинской графике, разработанной сомалийским лингвистом Шире Джамии Ахмадом, как лучшему алфавиту в техническом отношении [Блинов, 2014, с. 85]. Однако их отчёты были преданы забвению и так и не опубликованы официально из-за постоянных перестановок в правительстве, а предложенные ими варианты обозначений в некоторых аспектах разительно отличались от принятых позднее орфографических норм сомалийского языка, в частности в том, что касалось отображения фарингальных звуков [h] и [ʕ], которые впоследствии были зафиксированы на письме как «x» и «c» соответственно.

Приход к власти генерала Сиада Барре в результате военного переворота 1969 г. позволил предпринять ряд решительных шагов в данном направлении после 19 лет нестабильности. В 1971 г. Верховный революционный совет учредил новую лингвистическую комиссию, цель которой заключалась в написании учебников для начальной школы, разработке грамматики сомалийского языка и составлении словаря сомалийского языка, насчитывающего 10 000 слов. При этом вопрос о выборе письменности для сомалийского языка не поднимался. В течение нескольких месяцев комиссия подготовила четыре учебника по сомалийскому языку, шесть пособий по математике и физике, два руководства по географии и истории, а также словарь сомалийского языка. Все книги были напечатаны латинским шрифтом на англоязычном типографском оборудовании министерства образования, так как комиссия признала латинский алфавит приемлемым вариантом. Эксперимент был объявлен успешным, и 20 октября 1972 г. сомалийское письмо на базе латиницы было окончательно утверждено в качестве официального.

Его введение было приурочено к третьей годовщине сомалийской революции⁹, по случаю которой Сиад Барре выступил с речью:

«Сегодня я хочу сообщить народу Сомали, что было принято единогласное решение ввести письменность для сомалийского языка, чтобы писать на родном языке начиная с сегодняшнего дня и использовать его в административных делах. Мы выбрали адаптированную латинскую графику по экономическим соображениям и из-за удобства пользования. Ресурсы, имеющиеся у нашей нации, не позволяют нам взять на себя бремя создания нового алфавита (для печати и других целей), реализация этой задачи также потребовала бы долгого времени ожидания. Я скажу вам, что конкретно это означает — мы сможем объединить нашу образовательную систему. Весь мир взаимосвязан и имеет определённые общие интересы, такие как торговля, обмен знаниями и ноу-хау: ни одна страна не может позволить себе быть изолированной. Латиница применяется во многих странах мира. Каждое общество хочет, чтобы его язык развивался и изучался большим количеством людей.

⁹ Так в Сомали называли военный переворот 1969 г.

Если бы мы использовали абсолютно новый алфавит, это привело бы к изоляции страны. В то же время латиница имеет особую ценность и значимость, будучи простым и доступным алфавитом, подходящим для быстрого обучения и распространения. Наш алфавит включает 32 буквы, которые будет легко выучить, потому что каждый способен говорить на родном языке. Решив вопрос таким образом, мы также не забыли об обещании бороться с неграмотностью, данным Верховным революционным советом сомалийскому народу (в своем программном документе), что позволит нашему народу научиться читать и писать» [Labahn, 1982, pp. 172–173].

Это заявление дало толчок к популяризации сомалийской письменности на основе латинского алфавита, увеличению количества публикаций на языке сомали и расширению его терминологического аппарата. После официального введения латинского письма в Сомали арабица и османья вышли из употребления.

Литература / References

- Блинов А. А. Арабский язык в Сомали: прошлое и современность. *Восток (Oriens)*. 2014. № 3. С. 77–92 [Blinov A. A. Arabic Language in Somalia: Past and Presence. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 3. Pp. 77–92 (in Russian)].
- Afkeenna iyo Fartiisa*. Xamar: Industrie Grafiche della Somalia, 1971.
- Cerulli E. Tentativo Indegeno di Formare un Alfabeto Somalo. *Oriente Moderno*. 1932. Anno XII. Pp. 212–213.
- De Larajasse É., de Sampont C. *Practical Grammar of the Somali Language*. London: Kegan Paul, 1897.
- Galaal M. Arabic Script for Somali. *Islamic Quarterly*. 1954. Vol. 1. No. 2. Pp. 114–118.
- Hunter F. *A Grammar of the Somali Language*. Bombay: Education Society's Press, 1880.
- King J. Somali as a Written Language. *The Indian Antiquary*. 1887. Vol. XVI. Pp. 242–243.
- Kirk J. *A Grammar of the Somali Language with Examples in Prose and Verse and an Account of the Yibir and Midgan Dialects*. Cambridge: Cambridge University Press, 1905.
- Labahn T. *Sprache und Staat. Sprachpolitik in Somalia*. Hamburg: Helmut Buske, 1982.
- Laitin D. *Politics, Language, and Thought: The Somali Experience*. Chicago: University of Chicago Press, 1977.
- Lewis I. The Gadabuursi Somali Script. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1958. Vol. 21. No. 1/3. Pp. 134–156.
- Maino M. L'Alfabeto "Osmania" in Somalia. *Rassegna di Studi Etiopici*. 1951. Vol. X. Pp. 108–121.
- Maino M. *La Lingua Somala: Strumento d'Insegnamento Professionale*. Alessandria: Ferrari, Occella & C, 1953.
- Moreno M. *La Lingua Somala*. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1955.
- Ricci L. Corrispondenza Epistolare in Osmania. *Rassegna di Studi Etiopici*. 1959. Vol. XIV. Pp. 108–150.
- Sheikh A. *Somaliska med Arabisk Skrift — en Språkhistorisk Studie*. Göteborg: Göteborgs Universitet, 2019.
- Tosco M. Short Notes on Somali Previous Scripts. Cabdirashid M. I., Cabdalla C. M., Saynab A. S. (ed.). *Proceedings of the Conference on the 40th Anniversary of Somali Orthography*. Djibouti: Intergovernmental Academy of Somali Language, 2015. Pp. 189–217.
- Warsame A. How a Strong Government Backed an African Language: The Lessons of Somalia. *International Review of Education*. 2001. Vol. 47. No. 3/4. Pp. 341–360.

MONASTERIES OF THE BAYADS

© 2025

Lkhagvasuren Dorj¹

Buddhism has spread in Mongolia in three waves and the last one reached the highest peak, so that more and more temples came to be built and more people became monks to study the Buddhist teachings. This paper is based upon the study of monasteries of the Bayad ethnic group of Western Mongolia, in the Uvs province, according to the current administration division, where mostly Bayad and Dörvöd ethnic groups live. The Dejeeling Khüree (Tib. *bde rgyas gling küriy-e, dga ldan bshad sgrub nor bu 'phel rgyas gling*) in Khyargas sum, and Tsalgar Khüree (Mo: *Čalar-un küriy-e, Tib. Тө. dgda' ldan bkra shis*) in Malchin sum are monasteries of the Bayad ethnic group. Dejeeleng Khüree monastery, Dayanch Lama's temple, Tsalgariin Khüree monastery were destroyed in 1938. Description of these monasteries is given based on field research, narrative data and scholarly publications.

Keywords: Bayads, Dejeeling Khüree, Dayanch lama, Tsalgariin Khüree

For citation: Lkhagvasuren Dorj. Monasteries of the Bayads. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 81–90. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-081-090

МОНАСТЫРИ БАЯТОВ

Лхагвасурэн Дорж

Буддизм три раза распространялся в Монголии и в последний раз достиг своего пика. В стране стали строить всё больше храмов, и всё больше людей становились монахами, чтобы получать учения буддизма. Данная статья основана на изучении монастырей этноса баятов, живущего в Западной Монголии. Согласно современному административно-территориальному делению аймака Увс, в нём живут в основном баяты и дербеты. Монастыри баятов в настоящее время — Дэжэлин-хурэ (Tib. *bde rgyas gling küriy-e, dga ldan bshad sgrub nor bu 'phel rgyas gling*) в сомоне Хяргас и Цалгар-хурэ (Mo: *Čalar-un küriy-e, Tib. Тө. dgda' ldan bkra shis*) в сомоне Малчин. Монастыри Дэжэлин-хурэ и Цалгарийн-хурэ, а также храм Даянч-ламы были разрушены в 1938 г. На основе полевых исследований, опросных данных и научных публикаций даётся описание этих монастырей.

Ключевые слова: баяты, Дэжэлин-хурэ, храм Даянч-ламы, Цалгарийн-хурэ

Для цитирования: Lkhagvasuren Dorj. Monasteries of the Bayads. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 81–90. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-081-090

Well-known researcher I. M. Maiskii [Майский, 2005] wrote: “The appearance and organization of Lamaist Mongolia and centers of religious life are monasteries. Now they have stopped their activity and founded the basis of transformation to villages or cities”.

¹ Lkhagvasuren Dorj, PhD (Hist.), Buddhist University of Mongolia, Gandantegchenling Monastery, Ulaanbaatar, Mongolia; ganaa19_mgl@yahoo.com

Лхагвасурэн Дорж, к. и. н., Буддийский университет Монголии, монастырь Гандантегченлинг, Улан-Батор, Монголия; ganaa19_mgl@yahoo.com

However, there are a few acting monasteries today. It is evident that the spreading of religion reached its highest peaks the beginning of the twentieth century: monasteries and temples emerged everywhere in Mongolia. Buddhism has spread in three waves in Mongolia, and at the last time reached its highest peak; more and more temples were built, more and more people became monks to study Buddhist teachings. Many scholars unanimously agree that there were no religions except Buddhism that gained such success in Mongolia. Dejeelingiin Khüree² monastery (Tib. *bde rgyas gling*), Dayanch Lama's temple in Khyargas district, Tsalgariin Khüree monastery in Malchin district were destroyed in 1938. However, the Bayad people keep their deep faith in Buddhism and are restoring the monasteries destroyed in the socialist period. Also, they are enriching the preserved and saved culture of Buddhism.

First, I will introduce the research materials and the current status of the studies of these monasteries. Also, all the monasteries and temples will be introduced based on my fieldwork results.

There are very few sources about Bayad monasteries, but they are briefly mentioned in many survey materials. A. V. Burdukov left the most valuable materials on Bayad monasteries as he had lived among the Bayad people for 20 years. His work is the most valuable source for researchers [Бурдуков, 2013, 2014]. Some other publications are also important for our study subject [Майский, 2005; Майдар, 1970; Монгол ардын..., 1979; Думбурай, 2002; Тэрбиш, 2008; Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон, 2009; Монголын сүм хийдийн түүхээс, 2012].

I completed my field research in the area where most of the Bayad people live today: Khyargas and Malchin districts in Uvs Province from 2016–2017. During the field research, I visited the remains of the ruined old monasteries and recorded interviews with people based on a self-prepared questionnaire about these monasteries. Though there are ruins of the two monasteries, the land of monasteries is barely detectable for naked eyes. There were only one or two people who knew data about these monasteries; photographs of the temples were rare. I will briefly describe them according to my field research. Following information was taken into consideration about each monastery:

1. Sources about the monasteries and temples, study reviews, and a brief description of the result of the field study.
2. Brief history of a monastery.
3. Types of temples (*datsan* or *dugan*).
4. Daily recitations, rituals, teachings, offerings.
5. Situation inside and outside the monastery financial office (*jas*).
6. Monk community.

The former Dejeelingiin Khüree monastery was located at Dejeelin hill (Mo. *dejegele-yin öbör*, Khal. *dejeelingiin öwör*) in Bugat subdistrict, Khyargas district, Uvs Province. Kakan mountain (Mo. *γakan ayula*, Khal. *xakan uul*) is in the north, Bugat Khairkhan Owoo (Mo. *buyutu qayirqan-un obuyа*, Khal. *bugat xairxanii owoo*), a sacred heap of rocks, in the sacred land of the Bayads, is in the south. It is a hill or a mountain and Gashuun Spring (Mo. *γasiγun rasiyan*, Khal. *gasuun rašaан*) and Nairt River (Mo. *nayiratu-yin γool*, Khal. *nairtiin gol*) are in the South. There are no temples, nor their remains. Ruins of a clay building is in the northeast, but old people said that the center of Khyargas district was located here. The remnants of the main hall, the Tsogchin³ temple and other structures are noticeable. The foundation of this main temple was up to 1 meter above the ground level. The length of the structure is 29 m and width 24 m. It looks apparently that there were one main temple and nine other structures. It can be

² *Khüree* (Mo. *kürj-e*, Khal. *xüree*). It is a central area which includes several temples with assembly halls, smaller temples, *stūpas*, and therefore it is a religious center. The name of a *khüree* mostly was given by reincarnated persons (*tulku*), the head of the province or other high-ranking people. Sometimes it was named after the land on which it was located.

³ *Tsogchin* (Mo. *cogčing*, Khal. *cogčīn*, Tib. *tsbogs chen*). It means Main assembly hall, Puja or Khural in Mongolian and this is a main temple that all monks have puja or ritual together.

noted by the pile and hollow of dirt. Stone foundations of the pillars of the main temple are still there. Local people broke the stone foundation for themselves because they believe that it is sacred. Once the center of the district sat where the remains of monk yurt are totally blurred. However, local people did not build their fences on the remains of the Tsogchin temple. Therefore, it is clearly visible. Ts. Dorjsüren and other local people rebuilt the temple with logs in size of 5 x 7 meters in 1991.

The new brick temple 8 x 10 meters was built by the help of benefactors in 2012. Now, Aldraa (from the Bayad ethnic group, resident of Khyargas district of Uvs Province and abbot of the reopened Dejeelingiin Khüree monastery) is a person being in charge of the temple. B. Rinchen registered this monastery in his list as Dejeelingiin Khüree, Reshindaraw Bizyalin in Dejeelin valley (Mo. *dejegelen-un am*, Khal. *dejeelingiin am*) in Khyargas district [МОНГОЛ ардын..., 1979, x. 43].

The former Tsalgariin Khüree monastery was the first monastery built by the Bayad people. This monastery was in Malchin district, Uvs Province. Remains of the first structure are at the sunny side of Bayankhairkhan mountain (Mo. *bayanqayirqan ayula-yin öber*, Khal. *bayanxairxan uuliin öwör*), 1 km from the center of Malchin district. There were few ruins, and stone foundations are buried in the soil. There was no base of the temple's wall.

Other remains are in Malchin district. When the center of the district moved to the location of the old monastery and it was destroyed, there were remains of the monastery. This is located behind Togtokh hill (Mo. *togtaqu-un sili*, Khal. *togtoxiin sil*), a branch of Khan Khökhii mountain (Mo. *qan köke-yin ayula*, Khal. *xan xöxi uul*), Berkh mountain (Mo. *berke ayula*, Khal. *berx uul*) is in the south, the sacred Bayankhairkhan mountain (Mo. *bayan qayirqan ayula*, Khal. *bayan xairxan uul*) is in the west of the center of Malchin district, and Gedreg river (Mo. *xederge yool*, Khal. *xederge gol*) flows in the south. The district is in the area of Khangai mountain (Mo. *qangyai ayula*, Khal. *xangai uul*), there are dense forests around the center. There are no remains of the monastery, only stone foundations are well-preserved. The main difference of Tsalgariin Khüree monastery from other monasteries was that the Tsogchin temple remained until 1989 functioning as a warehouse of wool of the district. B. Sanj and other local people built a new temple 8 x 10 m using the old basement of the temple in 1990. Today, Ts. Tsetsenkhüü (from the Bayad ethnic group, resident of Malchin district, Uvs Province and abbot of the reopened Tsalgariin Khüree monastery) is in charge of the temple. B. Rinchen registered this monastery on his list as Tsalgariin Khüree at Berkh Uul [Berkh Mountain] in Malchin district [МОНГОЛ ардын..., 1979, x. 43].

Dejeelingiin Khüree Monastery

(Tib. *dga'ldan bshad sgrub nor bu 'phel rgyas gling*)

GPS readings: North 49° 33' East 93° 49'

On the basis of field records: 2016, 2017, Mongolia, Uvs province, Khyargas district.

Brief history: The monastery was branched from Tsalgariin Khüree in Jonon Wangiin banner (Mo. *khoshuu*) of Dörwöd Dalai Khan Province in the year of the Iron Dog in the 10th sexagenary cycle (1910). On 30th of the middle month of summer in the same year, in the south of Dejeelin mountain, the monastery was built with the support of the Da Lama⁴ Daram, nicknamed Red, Khia Godoodamba, Jamba nicknamed Yellow, Wan Samdanjamts, head of Daichin Wang's banner of Dörwöd Dalai Khan Province, and serviceman Puntsag. The monastery was well-known by the name of the land as Dejeelingiin Khüree monastery. As the monastery was going to be built in the banner of noble Samdanjamts, he gave his donation of one horse and one camel; people of the banner also gave their donation to start the construction of the monastery.

⁴ *Da Lama*. It means Chief monk. Requested by the Second Jebtsundamba *kbutugtu* and Tsengünjaw, minister of Uliastai, Manchu emperor ordered an issue to create this position to administer all the disciples of the *kbutugtu*.

Types of temples (*datsan*⁵ and *dugan*⁶). This monastery consisted of 10 temples such as Tsogchin⁷ Choir Datsan⁸ temple, Jüid Datsan⁹ temple, Sakhius (Tib. *bstan bsrung*)¹⁰, or protector temple, Maitreya temple (Tib. *byams pa*)¹¹, Zoogoin temple, Tsongkhapa temple, Danjuur temple, Yidam temple (Tib. *yi dam*)¹², Migzem temple (Tib. *dmigs brtse ma*)¹³. Those were 1–4 jan temples. After they were built, there was no strength for them because the land contains permafrost with a river nearby. Temple sizes were approximately as follows: Tsogchin 50 x 50.5 m, Choir Datsan 34 x 35m, Jüid Datsan 30 x 32 m, Protector 20 x 21 m, Maitreya 10 x 10.8 m, Zoogoi 20 x 215 m, Tsongkhapa 14 x 14.5 m, Danjur 14 x 4.5 m, Yidam 10 x 10.5 m, Migzem 28 x 28.5 m. All they were in square shape.

The Choir Datsan temple was tilted and even though it was not nice looking from outside, many beautiful Buddhist statues were placed inside. The Tsogchin temple was made from iron sheets. Just in 28 years, this temple developed quickly and became one of the biggest monasteries in Western Mongolia. It became the main center in the land of the Ten Bayad banners and a sacred Dharma place.

Daily recitations, rituals, training and offerings. The Tsogchin temple had a ceremony or rituals at least two times every day. *White* and *Green Tārā* mantra and *Jambaltsanjid* (Tib. *jam dpal mtshan brjod*)¹⁴ were held every day. Other temples had seasonal rituals as well as special requested rituals. For instance, *Khajod* (Tib. *mkha' spyod*)¹⁵ ritual is from 21–25th in the first month of winter in accordance with the traditional Mongolian calendar as a seasonal ceremony. Great Prayer ceremony (*Ikh yerööl*) for Lunar New Year from 1–15th of the first month of spring, Maitreya procession¹⁶ is on the 16th day of the first month of spring, *Maani* ritual¹⁷ from 3–7th of the last month of summer, *Tsam* Dance ceremony and *Sor zalakh*¹⁸ ritual on 29th and 30th in the same month. Many fully ordained monks and novices (Mo. *gečel*, Khal. *gecel*, Tib. *dge tshul*)¹⁹ participated in the *Khailan* (Tib. *khas len*)²⁰ period continuously for 45 days, from 16th of the last month of the summer to 30th of the first month of fall in the Mongolian

⁵ *Datsan* (Mo. *dačang*, Khal. *dacan*, Tib. *grwa tshang*). A place for special Buddhist educational training. Every datsan has its own unique training system with different kinds of rituals and debates. It provides an educational degree or title after students successfully finish a complex curriculum. This is a Buddhist educational college which gives theoretical study based on teaching, debating and compiling.

⁶ *Dugan* (Mo. *duyang*, Khal. *dugan*, Tib. *du khang*). Shrine, temple, assembly hall which has the same meaning as *süm* – ‘temple’.

⁷ *Tsogchin* (Mo. *cogčing*, Khal. *cogčín*, Tib. *tshogs chen*). It means Main assembly hall, Puja or Khural in Mongolian and this is a main temple that all monks have puja or ritual together.

⁸ *Choir Datsan* (Tib. *chos grwa tshang*). Means of “wisdom quality” in Mongolian. It is monastic school teach Buddhist philosophy.

⁹ *Jüid Datsan* (Tib. *rgyud grwa tshang tshang*). The Tantric monastic school, a school of teaching Buddhist secret tantra.

¹⁰ *Sakhius* (Tib. *bstan bsrung*). Wrathful deity, protector spirit. In the Buddhism of Mongolia, the group of the ten wrathful deities protecting the Buddhist teaching is specially worshipped. Also, the name of the ceremony performed in honor of them.

¹¹ *Maitreya* temple (Tib. *byams pa*). The Loving One, the future Buddha. Maitreya will be a successor to Shakyamuni Buddha.

¹² *Yidam* temple (Tib. *yi dam*). Temple of the tutelary deity.

¹³ *Migzem* (Tib. *dmigs brtse ma*). Recitations for prostration to Bogd Tsongkhapa.

¹⁴ *Jambaltsanjid* (Tib. *jam dpal mtshan brjod*). Chanting the names of Mañjuśrī, name of a Buddhist prayer.

¹⁵ *Khajid* (Tib. *mkha' spyod*). This means Sky-goer and an emanation of Tārā. Khajid pūja is on 25th of every month in the Lunar calendar.

¹⁶ *Maitreya* procession. Maitreya circumambulation is a religious ritual to remind the compassion and arrival of Maitreya.

¹⁷ *Maani* ritual (Tib. *mañi sgrub*). A ritual in Buddhism. Avalokiteśvara is a form of the compassionate mind. Öndör Gegeen Dzanabazar wrote the sūtra “Maani dubtab sawmo” or “A Method for Secret Retreat of Mani” which became the main guidebook for the retreat in many monasteries.

¹⁸ *Sor zalakh* (Tib. *zor 'phen*). *Sor* ritual is organized on the 29th of the last month of the winter in most of the monasteries. It is a ritual of Dharmarāja, and the end of the ritual, there are lamps, incenses, tormas offerings. At the end of the ritual, there is bonfire of burning the triangular shape *Sor* offering.

¹⁹ *Novice* (Mo. *gečel*, Khal. *gecel*, Tib. *dge tshul*). Novice monk, male novice, with 10 precepts.

²⁰ *Yar khailan* (Tib. *dbyar khas len*). It means an oath-taking period in summer. During the summer, monks who has fully ordained monk and novice have a pūja for 45 days.

calendar. Elderly people say that the Dejeelingiin Khüree monastery's *Tsam* dance was one of the biggest ceremonies in Western Mongolia.

As mentioned above, this monastery had training for *Gawjiin damjaa* (Tib. *dka'bcu'i dam bca'*) exam²¹. There was no other monastery having this kind of teaching in Western Mongolia. They had a training system like the higher education system today. However, it is not clear what kind of training system they had. Probably, their education system was similar to the Tibetan Tashilhunpo monastery or *Günchin igchaa* (Tib. *kun mkhyen yig cha*)²² training system. They had *Dom* (Tib. *sdom*)²³ ritual every year but eventually, it changed to every two years. The ritual organizers collected donations for the event and the order of seats was defined by charity size. For example, someone giving the biggest donation sat at the highest position. This rule of the *Dom* was the same as the *Dom* at Dashchoimbel College for Buddhist philosophical studies at Gandang Tegchenling Monastery. This monastery had the training for a *Gabj* philosophical degree but the title of degree was not provided. When a monk finished the training, he needed to wait for a while to receive the title and while he waited for it, he was given food offerings. Many people including their family members gave donations to this monk who was waiting for his degree title. This was common to anyone who was waiting for his title everywhere in Mongolia at that time. Also, the monk waiting for his title gave offerings to the abbot of the Tsogchin temple and Choir Datsan temple²⁴.

When lay people requested special ritual services, that was free of charge: monks did not receive any donation for temporary ceremony and healing (Tib. *sku rim*)²⁵ ceremonies. However, when local lay people gave their offerings for the total cost of the ritual or a certain percentage to the *jas*, financial office of the monastery that would give donations to monks. For example, abbot 5%, Tsorj 4%, monks of Choir Datsan and Jüid Datsan temples 4%, *lopon* (Tib. *slob dpon*)²⁶ and *choirombo* (head of Choir Datsan temple) 3%, fully ordained monk and novice monks 1% were provided.

Maitreya procession ceremony took place on 16th of the first month of spring from this monastery, and at the end of the ceremony they had the *Sor* ritual to the east of monastery and north of a small Russian market. *Maitreya* procession was one of the biggest events in all Bayad banners.

The *Tsam* dance ceremony was also a big religious event. The *Tsam* of the Dejeelingiin Khüree monastery was longer than the same ceremony of other monasteries in Western Mongolia. When the event happened, many people came to see it not only from the banners of the Bayads but also from other provinces. It is not clear how many *Tsam* masks they used in the event. Elderly people say that the reason for separating Dejeelingiin Khüree monastery from Tsalgariin Khüree monastery was this *Tsam* event. The creator of the Dejeelingiin *Tsam* was the Tibetan gachen monk Luwsanjantsan. However, there is no historical material about his life. He came to Dejeelingiin Khüree monastery in 1910 and spent many years on religious teachings. A. V. Burdukov participated in the Mongolian People's revolution. He indicated in his book that Tibetan gachen monk Luwsanjantsan performed the *Tsam* Dance ceremony which had been prepared for a long time in Dejeelingiin Khüree monastery. All people of the Bayads including nobles and ordinary people gathered to see the ceremony. That kind of *Tsam* was not used at any other places in Western Mongolia except of Dejeelingiin Khüree monastery. This means that the monastery was capable of taking the event and it was a religious center in Western Mongolia [Бурдуков, 2014, с. 156].

²¹ *Gawjiin damjaa* (Tib. *dka'bcu'i dam bca'*). It is monastic education title given to someone who successfully studied Buddhist philosophy.

²² *Günchin igchaa* (Tib. *kun mkhyen yig cha*). Guidebook of Buddhist philosophy written by Gunchinjamiyanshaduv.

²³ *Dom* (Tib. *sdom*). Vow or feast, festival.

²⁴ Information from Kharagchuud J. Lkhagwa, Bayad ethnic group, in his home in Khyargas sum, Uvs province on July 13, 2016.

²⁵ Healing (Tib. *sku rim*). Healing ceremony, religious service; a protective prayer-ritual for the sake of long life, prosperity etc.

²⁶ *Lopon* (Tib. *slob dpon bla ma*). Master, rank in the assembly.

A special ritual for Bor Khaikhan Mountain also was known as the Bayad ethnic group's sacred place was held in the first month of summer every year by all people from the banners of the Bayads. Also, they had the rituals for Tsagaan Khaikhan (Mo. *ᠰᠠᠶᠠᠨ ᠬᠠᠢᠬᠢᠭᠠᠨ*, Khal. *ᠰᠠᠭᠠᠨ ᠬᠠᠢᠬᠢᠭᠠᠨ*) and Bor Khaikhan (Mo. *ᠪᠣᠷ ᠬᠠᠢᠬᠢᠭᠠᠨ ᠠᠶᠤᠯᠠ*, Khal. *ᠪᠣᠷ ᠬᠠᠢᠬᠢᠭᠠᠨ ᠤᠯᠤ*) sacred places. Some high-ranking monks created a heap of rocks as a mark of a sacred side and conducted the ritual. Baitsaan River (Mo. *ᠪᠠᠶᠢᠴᠠᠶᠠ-ᠶᠢᠨ ᠶᠣᠯ*, Khal. *ᠪᠠᠶᠢᠴᠠᠶᠠ ᠭᠣᠯ*) passes to the south of the monastery but there wasn't any well nearby.

Situation inside and outside of the monastery and *jas*²⁷. There was no wall around the monastery but there was a timber barrier around the circumambulation path of the temple. All temples were built of wood. This was the main monastery of the Bayads. The monks came from Khyargas, Züüingow', Tes district, the banners of Bayad people in old times. Monks lived in the west of the monastery and had a summer break for a short period. There was a small Russian market on top of the small hill next to the monastery and this hill is still called Russian Red Rock. There was a small Chinese market, too. Many lay people lived in surrounding area.

One of the important parts of the monastery is *jas*. The *jas* is pronounced *jis* in Oirat dialect. The monastery had *Tsogchin jas*²⁸, *Choiriin jas*²⁹, and *Migzemiin jas*³⁰. However, elder Lkhagwaa in Khyargas district said that there was also *Tsongkhapa jas*³¹. He said: "I heard about the *jas* of the Dejeelingiin Khüree monastery. This *jas* had a large livestock. I don't know what happened to them eventually. There was a *jas* of the Tsongkhapa temple and my father was herding the camels of the *jas*. Tsongkhapa *jas* had five types of livestock. There were more than 100 camels and my father herded them in the land with blue feather-grass. This was a herd with two male camels. At that time, they were giving one horse every year as the cost for herding to my father. Sadly, my brother was killed in an accident falling from the horse and my father returned all their camels"³².

Monk community. There were 726 monks in Dejeelingiin Khüree monastery around 1937–1938. 342 monks were older than 18 years. 320 were living in the countryside. Younger than 18 years old were 51 and 13 of them were living in the countryside. Monks lived in the countryside mostly in Khyargas, Tes, and Züüingov' district in current Uvs Province [Думбурай, 2002, х. 14].

Well-known Khatanbaatar Magsarjaw with his people (1877–1927) temporarily stayed there in 1911. Da Lama Tserenchimed (1869–1914)³³ lived in the monastery and passed away. From this point, it is apparent that it was not only a religious center but also a political and business center. One of the special features of this monastery was telling of heroic stories with melodies at the peak of the monastery's development. One of the famous people preserving this cultural heritage was M. Parchin (1855–1926). M. Parchin was born in that area, and studied in the monastery at a young age. However, he was very attracted by heroic storytelling with melodies and thus he became a layperson. He was taught by many Bayad heroic storytellers and eventually, he became a very famous heroic storyteller [Зэгдсүрэн, 1966, х. 22.].

Monasteries made a great contribution to the development of heroic storytelling among the people in Western Mongolia. Bayad people have their individual traditions, folksongs. Their folksongs cover various topics including mother, father, homeland, the five types of livestock, freedom, as well as Buddha,

²⁷ *Jas* (Tib. *spyi gsog*). Financial, administrative office, public accumulation/reserves that belonged to particular temples.

²⁸ *Tsogchin jas* (Tib. *tshogs chen spyi gsog*). Office of the Tsogchin temple.

²⁹ The *Choiriin jas* (Tib. *mtshan nyid kyi spyi gsog*). Office of the philosophical school.

³⁰ *Migzemiin jas* (Tib. *dmigs brtse ma'i spyi gsog*). Office supporting the basic prayer of Avalokiteśvara.

³¹ *Tsongkhapa jas* (Tib. *tsong kha pa spyi gsog*). Office supporting the ceremony of Tsongkhapa.

³² Information from Kharagchuud J. Lkhagva, Bayad ethnic group, in his home in Khyargas sum, Uvs province on July 13, 2016.

³³ Da Lama Tserenchimed (1869–1914). He was the Minister of the Inner Affairs of the Bogd Khaan's Mongolia and one of the famous people in politics and religion.

Dharma, and Sangha. When Bayad people hold an opening ceremony of a new yurt, they have the tradition of singing the song, Asar tsagaan dugan. This song:

Penthouse looking White temple
 With a golden pinnacle
 For many monastics
 We are offering a *maṇḍala*
 Baaga Khargai is
 The location of the monastery
 For many monastics
 We are offering a *maṇḍala* [Батаа, Буяндэлгэр, 2002, х. 9].

There was a Dayanch monk assembly in the area. The Bayad people called it Dayanch monk temple. This temple was founded by Tüvdendovdon³⁴ in 1910 who was well-known Dayanch monk among local people³⁵. The temple was destroyed in 1937 without any remains. Local people say that this was a small temple with very few monks.

Tsalgariin Khüree monastery

(Mo. *čalyar-un küriy-e*, Tib. *dga'ldan bkra shis gling*)

GPS: North 49° 64' East 93° 16'

Based on of field records: 2016, 2017, Mongolia, Uvs province, Malchin district.

Brief history: Tsalgariin Khüree monastery became the first religious center in the Ten Bayad banners. It moved from Tögs Buyantiin Khüree monastery³⁶ with a caravan of five camels. The caravan guided by the monks passed over Burzaalai Mountain (Mo. *burjajala ayula*, Khal. *burjaalai uul*)³⁷ and came to the land in Jonon Beiliin banner in Dörwöd Dalai Khan Province in the land of Ten Bayad banners. The first temple was built according to the standard of Tögs Buyantiin Khüree monastery. Most of the monks in the monastery were from Ten Bayad banners and it was the first monastery of the Bayad ethnic group³⁸. After almost 100 years, because of a natural disaster and spread of endemic disease in the area, the astrologer monk examined the situation and said that the summit of Tsagaan Shuwuut mountain

³⁴ Dayanch monk Tüvdendovdon (Tib. *thub bstan stobs ldan*). Tüvshin Tüvdendovdon was born in Saruul Gün banner in Dörwöd Dalai Khan Province, currently Khyargas sum in Uvs province, in the middle month of autumn in 1865 and he was the only son of Tüvshin. In 1877, he started to study the Dharma at 12 years old. He visited Kumbum monastery three times with the caravan on bare feet. He completed many sūtra teachings as well as tantric practices. As a guru, did not eat meat but he ate dairy products such as curd, yoghurt, milk etc. He had retreats in many caves at Dorgiin Khulh, Marts Altan Tövsh. Finally, he had a long retreat in Ekhen Bogoch cave which is called “Dayan Guru cave”. He blamed Dambijatsan for his wrong doings. He was executed for false charges in 1937.

³⁵ Story about Tüvshin Tüvdendovdon of the Ten Bayad have been discussed among the people in current Khyargas sum in Uvs province. His father’s family lived at Dal near the source of the Marts River and behind Bulgan mountain. Their family was poor and they didn’t have any children. Also, they stayed only at one place. There were migrating swans coming near the river Tüi he with his wife were very worried of the swans because of the cold winter. Day by day, it became colder and the pond started freezing. When swan stayed in the middle of the frozen pond, Tüvshin brought the swan at home, and was taking care of the swan. They gave care to the swan at home during the cold winter.

The broken leg of the swan cured during the winter and when the spring came, the color of the swan became black as coal. When the migrating swans came back, they released the swan in the pond. Again, when autumn came, the swan circled over their yurt before. It made a sound and dropped something to their yurt. Tüvshin wrapped the thing carefully and he had faith in it. During the autumn, his wife became pregnant and next year, when the migration bird came, she gave birth to a son. This son was Tüwdendowdon and they said that the bird gave this boy as appreciation present.

³⁶ Tögs Buyantiin Khüree monastery is at Tögs Buyant Khan Mountain in Türgen sum, Uvs province. It was founded in 1725.

³⁷ Burzaalai Mountain. It is in Naranbulag district in Uvs province.

³⁸ The information was recorded from Tsetsenkhüü, abbot of Gandanrashdarjailin monastery, in Malchin district, Uvs province on June 16, 2016.

(Mo. *čayan sibayu-tu ayula*, Khal. *cagaan subuut uul*) is visible from the top of the monastery, and the location of the monastery is not suitable for this reason. According to the astrologer's suggestion, they decided to move the monastery 1 km from that location, and he suggested the new location as it had many auspicious signs³⁹. They moved the temple accordingly to the astrologer's advice, to the source of Khederge River and in the south of Berkh mountain in the year of the Fire Mouse of the 15th sexagenary cycle (1876). White Da Lama Chagdarjav, Da Lama Jamba, and Da Lama Zonrow, brother of Üimeesh, head of the banner, Chagdarjav⁴⁰, head of the Assembly (Khal. *chuulgan*), and other nobles led the Ten Bayad banners and the four Dörwöd banners for this move. They established a great *jas* to fund the reconstruction. Famous craftsman Choindar, from Dörwöd Dalai Khan province, and many other craftsmen started to build the first temple in 1877. They collected 1000 liang silver as the tax for the cost of construction [Тэрбиш, 2008, x. 321].

Types of temples (*datsan* and *dugan*). The complex consists of five temples: Tsogchin temple, Choir Datsan temple, Protector temple and Kalachakra temple (Tib. *dus 'khor*)⁴¹ and there were about 200 monks. It covered over 1.5 sq. km area. There was a wall around the monastery and monks lived in yurts outside the wall. Temple size were approximately as follows: *Tsogchin* temple 34 m, *Choir Datsan* 25 m, *Protector* temple 22 m, *Tarba* and *Juukhai* temple 14.5 m; they were square in shape [Думбурай, 2002, x. 16].

This monastery was closed in 1938 like other monasteries but the Tsogchin temple was used as a warehouse for wool without removing its *Kanjir* (Skr. *gan ji ra*)⁴², dome-like top of the temple. It was the only temple left from the tragic destruction⁴³. However, the temple was dismantled by the initiative of some people in 1989.

Daily recitations, rituals, training and offerings. The Tsogchin temple had two rituals per day. Protector temple had *Śrīdevī* (Tib. *dpal ldan lha mo*)⁴⁴ ritual ceremony every day. There were some rituals in other temples by the request of local people. All ceremony or rituals were free of charge and local people gave offerings needed to the ritual. Ordinary people were not supposed to pay for the temporary ceremony. If people gave their offerings directly to monks without involvement of the treasury of temple, the monks could keep it as their income.

Scheduled rituals were *Gomchod* (Tib. *mgon mchod*)⁴⁵ ceremony for five days starting from 21st of the first month of winter, *Lawrin* (Tib. *bla brang*)⁴⁶ ritual for 3 days starting 22nd of the last month of winter, *Güder* (Tib. *sku gdor*)⁴⁷ rituals for 7 days starting 22nd of the same month, *Śrīdevī* ritual during the whole night on the last day of winter. Elderly people say that after the *Śrīdevī* ritual, there were tracks of monks' seats everywhere in frosts created from the monks' breath on the floor just like birds' path in the snow⁴⁸.

Also, there were Great Prayer Ceremony (*Ikh yerööl*) for Lunar New Year from 1–15 of the first month of spring, *Lawrin* ritual for 3 days from 16th of the middle month of spring, *Yar Khailan* by all

³⁹ Information from Tsetsenkhüü, Bayad ethnic group, abbot of Gandanrashdarjailin monastery, in Malchin district, Uvs province on June 16, 2016.

⁴⁰ Chuulgan darga Chagdarjav. Noble Chagdarjav led the Jonong Beil's banner in Dörwöd Dalai Khan Province from 1854–1900.

⁴¹ Kalachakra temples (Tib. *dus 'khor grwa tshang*). A monastic school for Kalachakra rituals and teachings.

⁴² *Kanjir* (Skr. *gan ji ra*). Derived from the Sanskrit word *gascira*; golden top ornament of a temple.

⁴³ The information was recorded from Tsetsenkhüü, abbot of Gandanrashdarjailin temple, in Malchin district, Uvs province on June 16, 2016.

⁴⁴ *Śrīdevī* (Tib. *dpal ldan lha mo*). 'Glorious goddess', Śrīdevī, one of the ten wrathful protector deities.

⁴⁵ *Gomchod* (Tib. *mgon mchod*). A pūja for Mahākāla.

⁴⁶ *Lawrin* (Tib. *bla brang*). Palace.

⁴⁷ *Güder* (Tib. *sku gdor*). This is Tibetan word and there is a pūja for protector on 29th of every month.

⁴⁸ The information was recorded from Ts. Shirchin, Bayad ethnic group, in Malchin district, Uvs province on July 16, 2016.

monks including gelong and novice for 45 days from the 15 of the last month of month of summer, *Lawrin* for 3 days starting from the 16th of the middle month of fall, *Maitreya* procession ceremony on the 16th of the first month of the spring. A trail of the *Maitreya* procession ceremony is still noticeable.

During the ceremony, people were circumambulating the sacred main heap of stone with the sūtra on their back. There were four small sacred heaps of rocks on the four sides of the main heap. At the time of the ceremony, local herdsman brought loads of milk and curds on camels as offerings were available due to offspring of livestock. This monastery had only *Dom* teaching for *Gabj* training and was giving *Gabj* title to successful graduates. They had Philosophy monastic school temple assembly eight times per year and someone who successfully completed the *Gabj* training collected donations from local people and distributed food offerings like cookies and curds to other monks. Also, the monks who were studying for the *Dom* training had their training fund. They gave 3.72 kg silver and *maṇḍala* (Tib. *dkyil 'khor*)⁴⁹ offering to the abbot and the head of the Choir Datsan temple.

All monks in the monastery participated in the ceremony for Bayankhairkhan mountain on 15th of the first month of summer every year.

Situation inside and outside of the monastery and the *jas*. All five temples had a *jas* and each of the *jas* had livestock at the beginning of the 1900s. At that time, when someone who did not have any family members and had whose livestock died, his or her livestock were given to the *jas*. Later, the *jas* had a treasurer who handled everything on finance. The total number of *jas* were six in 1929 but it was reduced to one in 1932. They faced difficult financial situation. Because of political pressure, they had to pay high tax for community, army etc.

Monk community. 152 monks resided in the monastery. 14 monks were younger than 18 years old, 138 monks were older than 18. 40 monks lived permanently in the monastery and others lived in the countryside [Думбурай, 2001, x. 16]. In 1937–1938, most of the monks became lay people, herdsman. Eventually, only four monks stayed for daily assembly. On the last day, Bandi Sanj, Bor Yondon and Setgen Sanj came in the morning. They discussed that degenerated time had come and it is hard to continue the assembly; they were not four people, and thus they can't compose full monastic assembly. They said that they wish reborn together in the pure land. They locked doors of the temples and gave the key to Yondon who was the chair of the district at that time.

CONCLUSION

Buddhism as spread in three waves in Mongolia and the last one reached the highest peak and more and more temples became built and more people became monks to study the Buddhist teachings. Many scholars unanimously agree that there were no religions except of Buddhism that gained such success previously in Mongolia. This paper based on my study of monasteries of the Bayads. As the current administration unit of Uvs province, mostly Bayad and Dörvöd ethnic groups live in that province and Dejeeling Khüree (Tib. *bde rgyas gling kürüy-e, dga ldan bshad sgrub nor bu 'phel rgyas gling*) in Khyargas sum, and Tsalgar Khüree (Mo: *Calar-un kürüy-e, Tib. Tə. dgda'ldan bkra shis*) in Malchin sum are monasteries of Bayad ethnic group, but Dejeelengiin Khüree monastery, Dayanch Lama's temple, Tsalgariin Khüree monastery were destroyed in 1938. However, the Bayad people keep their deep faith in Buddhism and are restoring the monasteries destroyed in the socialist period. They are enriching preserved and saved culture of Buddhism.

⁴⁹ *Maṇḍala* (Tib. *dkyil 'khor*, Khal. *mandal*). A symbolic representation of a deity's abode. A *maṇḍala* offering symbolizes the offering of the entire universe.

References

- Батаа Ч., Буяндэлгэр Т. *Асар цагаан дуган*. Улаанбаатар: s. n., 2002 [Bataa Ch., Buyandelger T. *White Tent Temple*. Ulaanbaatar: s. n., 2002 (in Mongolian)].
- Бурдуков А. В., *Хуучин ба шинэ Монголд*. Улаанбаатар: Bibliotheca Oiratica, 2013. [Burdukov A. V. *In the Old and New Mongolia*. Ulaanbaatar: Bibliotheca Oiratica, 2013 (in Mongolian)].
- Бурдуков А. В. *XX зууны эхэн үеийн баруун хойд монголын түүхийн чухал сурвалж*. Улаанбаатар: Соёмбо, 2014 [Burdukov A. V. *Important Historical Materials for Northwestern Mongolia at the Beginning of the 20th Century*. Ulaanbaatar: Soyombo, 2014 (in Mongolian)].
- Думбурай А. *Увс аймгийн хүрээ хийд ба түүний лам нарын хувь заяа*. Улаанбаатар: Урлах Эрдэм, 2002 [Dumburai A. *Life of Monks and Monasteries in Uvs Province*. Ulaanbaatar: Urlakh Erdem, 2002 (in Mongolian)].
- Загдсүрэн У. *Монгол ардын баатарлаг туульсын учир*. Улаанбаатар: ШУА, 1966 [Zagdsüren U. *Reason of the Heroic Stories of Mongolia*. Ulaanbaatar: SHUA, 2002 (in Mongolian)].
- Майдар Д. *Монголын хот тосгоны гурван зураг (Эрт дундад үе, XX зууны эх)*. Улаанбаатар: 1970 [Maidar D. *Three Maps of Mongolian Cities and Villages*. Ulaanbaatar: SHUA, 1970 (in Mongolian)].
- Майский И. М. *Орчин үеийн Монгол*. Улаанбаатар: Согоо нуур, 2005 [Maiskii I. M. *Modern Mongolia*. Ulaanbaatar: Sogoo Nuur, 2005 (in Mongolian)].
- Монгол ардын улсын угсаатны судлал, хэлний шинжилгээний атлас*. Улаанбаатар: ШУА, 1979 [Ethnographic and Linguistic Atlas of the Mongolian People's Republic. Ulaanbaatar: SHUA, 1979 (in Mongolian)].
- Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон*. Улаанбаатар: Адмон, 2009 [Brief History of Mongolian Temples and Monasteries. Ulaanbaatar: Admon, 2009 (in Mongolian)].
- Монголын сүм хийдийн түүхээс*. Улаанбаатар: Соёмбо, 2012 [From the History of Mongolian Temples and Monasteries. Ulaanbaatar: Soyombo, 2012 (in Mongolian)].
- Тэрбиш Л. *Ойрадын бурханы шашны түүх*. Улаанбаатар: Соёмбо, 2008 [Terbish L. *History of Oirat Buddhism*. Ulaanbaatar: Soyombo, 2008 (in Mongolian)].

Fieldwork research data providers

- Bataa.Ch., from Bayad ethnic group. Khyargas district, Uws Province, man, 77 years old. (2017).
- Bayarsaikhan D., from Bayad ethnic group. Khyargas district, Uws Province, man, 47 years old. (2015, 2017).
- Bayanmönkh Kh., from Bayad ethnic group. Khyargas district, Uws Province, man, 73 years old. (2013, 2015, 2016).
- Batmandakh Ch., from Bayad ethnic group, Khyargas district, Uws Province, man, 44 years old. (2017).
- Boroo Kh., from Bayad ethnic group, Khyargas district, Uws Province, man, 58 years old. (2016, 2017).
- Dawaa Ts., from Bayad ethnic group. Tes district, Uws province, man. 48 years old. (2015, 2017)
- Delgermaa J., from Bayad ethnic group, Khyargas district, Uws Province, woman, 53 years old. (2016, 2017).
- Tseden-ish G., from Bayad ethnic group. Züüngow' district, Uws Province, man, 73 years old. (2017, 2018).
- Ölziibat B., from Bayad ethnic group. Khyargas district, Uws Province, man, 57 years old. (2016, 2017).
- Tömörbat Ts., from Bayad ethnic group. Khyargas district, Uws Province, 44 years old. (2016, 2017).
- Ochir B., from Bayad ethnic group, Khyargas district, Uws Province, man, 45 years old. (2017).
- Shaapuu R., from Bayad ethnic group. Songinokhairkhan district, man, 77 years old. (2016, 2017).
- Shirchin Ts., from Bayad ethnic group. Malchin district, Uws province, man, 45 years old. (2016).
- Dorjsüren Z., from Bayad ethnic group. Khyargas district, Uws Province, man, 63 years old. (2016, 2017).

УЧАСТИЕ ЯПОНСКИХ УЧЁНЫХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПКАХ В ТУРЦИИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ ЯПОНИИ

© 2025

О. А. Ледовская¹

В статье рассматривается одно из направлений сотрудничества в области культуры между Японией и Турцией, а именно – участие японских специалистов в археологических раскопках в Турции. Приводятся примеры проектов сотрудничества турецких и японских археологов, подчёркивается роль японского принца Микасы в археологических раскопках в Каман-Калехойюке. Японские археологи активно участвуют в исследовании археологических находок в Гёбекли-Тепе, Бюклюкале и на других археологических площадках Турции, где находится множество значимых исторических и культурных памятников. Рассматривается вклад японских археологов в изучение древних цивилизаций Турции, их методы, достижения, влияние на местную археологию, этические аспекты их работы и значение этих исследований для мировой археологии. Дальнейшее развитие сотрудничества отличается стабильностью и взаимной заинтересованностью сторон, является постоянным и результативным компонентом общения между двумя народами.

Ключевые слова: культурная дипломатия, принц Микаса, Анатолия, археологические раскопки в Турции, Каман-Калехойюк, Гёбекли-Тепе

Для цитирования: Ледовская О. А. Участие японских учёных в археологических раскопках в Турции как направление культурной дипломатии Японии. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 1. С. 91–101. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-091-101

PARTICIPATION OF JAPANESE SCHOLARS IN ARHCEOLOGICAL EXCAVANIONS IN TÜRKIYE AS A TREND IN JAPAN'S CULTURAL DIPLOMACY

Olga A. Ledovskaya

The article examines one of the areas of cultural cooperation between Japan and Türkiye, namely, the participation of Japanese specialists in archaeological excavations in Türkiye. The article provides examples of cooperation projects between Turkish and Japanese archaeologists, emphasizes the role of Prince Mikasa in the archaeological excavations in Kaman-Kalehoyuk. Japanese archaeologists are actively involved in the study of archaeological sites of Gebekli Tepe, Byuklukale, where many significant historical and cultural monuments are located. The article examines the contribution of Japanese archaeologists to the study of ancient civilizations of Türkiye, their methods, achievements, influence on local archaeology, ethical aspects of their work and the importance of these

¹ Ледовская Ольга Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.ledovskaya@ivran.ru

Olga A. Ledovskaya, PhD (Hist.), Senior research Fellow, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science, Moscow; o.ledovskaya@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-4161-3132

studies for world archaeology. The further development of cooperation is characterized by stability and mutual interest between the parties, and is a constant and effective component of communication between the two nations.

Keywords: cultural diplomacy, Prince Mikasa, Anatolia, archaeological excavations in Türkiye, Kaman-Kalehoçuk, Gebekli Tepe

For citation: Ledovskaya O. A. Participation of Japanese Scholars in Archeological Excavations in Türkiye as a Trend of Japan's Cultural Diplomacy. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 91–101. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-091-101

Культурная дипломатия Японии в Турции органично вплетена в систему двухсторонних отношений этих стран и отличается стабильностью и взаимной заинтересованностью. На протяжении столетних официальных контактов Токио выдвигал ряд инициатив в регионе Ближнего Востока, касавшихся Турции, направленных на повышение роли Японии в международном культурном сотрудничестве [Ледовская, 2022, с. 245–246].

Подчёркивая «общность народов, в частности, Японии и Турции», что, по мнению многих аналитиков, проявляется в культурных традициях восточных людей, схожих социальных и семейных ценностях [Pehlivanurk, 2015, p. 116], Япония стремится развивать наиболее привлекательные аспекты своего имиджа. Согласно опросам общественного мнения в Турции, именно у Японии сформировался самый позитивный имидж из всех «помогающих этому региону стран» [Сигов Ю., 2015]. По мнению аналитиков, «японцы здесь ни с кем не соревнуются, никому не переходят дорогу, а делают своё дело так, как им видится правильным — отбрасывая всяческие политические и иные «наносные» составляющие подобного взаимодействия» [Сигов Ю., 2015]. Многие турецкие исследователи отмечают, что Турция имеет наиболее развитые отношения в Восточной Азии именно с Японией [Pehlivanurk, 2015, p. 117]. Немаловажную роль играет и своего рода «романтический» фон исторических событий, связанных с взаимным оказанием помощи, солидарностью и поддержкой, а также чувством сострадания обоих народов, которое они испытали во время природных катаклизмов².

Культурная или публичная дипломатия (в материалах МИД Японии они обозначены как публично-культурная дипломатия (*кохо бунка гайко*)) включают в себя способность влиять на другие страны не финансовыми механизмами и военными средствами, а культурными и гражданскими ценностями.

Одним из результативных направлений культурной дипломатии Японии является участие японских специалистов-археологов в раскопках в нескольких районах Турции. Ключевую роль в этом сыграл японский принц Микаса Такахито³, который на протяжении всей своей жизни пользовался заслуженным международным авторитетом среди научных исторических и искусствоведческих кругов. Предметом его исследований была Малая Азия (Анатолия и Месопотамия) [Umut Arik, 1999, p. 174].

В Турции он был известен как крупный «имперский учёный», проявлявший особый интерес к истории этой страны. В 1979 г. он основал Ближневосточный культурный центр Японии (БКЦЯ) в городе Митака близ Токио. А в 1998 г. открылся Японский институт анатолийской археологии (JIАА) как филиал БКЦЯ, который расположился в небольшом турецком поселке Чегыркан в окрестностях Камана. Местоположение его не случайно — неподалеку от этой деревни находится

² В первую очередь это относится к спасению японцами членов команды турецкого фрегата «Эртугрул» у берегов Японии в 1890 г., а также эвакуации из Тегерана японских граждан экипажем “Turkish airlines” во время ирано-иракской войны в 1985 г.

³ Брат императора Японии Хирохито.

городище Каман-Калехойюк, исследованием которого в основном и занимается институт. С 1985 г. БКЦЯ начал систематические исследования этого городища. В 1986 г. принц Микаса перевернул первый комок земли из городища, тем самым положив начало раскопкам, которые не прекращаются по сей день [Umut Arik, 1999, p. 257].

JIАА уже около 40 лет проводит археологические раскопки в Кыршехир-Камане, расположенном на историческом Шёлковом пути, и к настоящему времени было обнаружено более 10 000 артефактов. В 1985 г. экспедиция из Центра ближневосточной культуры в Японии, возглавляемая известным археологом Омурой Сатихиро, начала предварительные исследования в Каман-Калехойюке, в центральной части Анатолии. Основным итогом экспедиции было установление хронологии событий этого региона. В ходе исследования первого уровня, относящегося к периоду Османской империи, были обнаружены китайская керамика и османские монеты. Второй уровень был датирован периодом между серединой XII века до н. э. и IV веком до н. э. Археологи пришли к выводу, что на ранней стадии второго уровня (уровень II_d) регион был независим от территории Фригии⁴. С другой стороны, находки, относящиеся к более поздней фазе II уровня (уровни II_b и II_a), в некоторой степени подвержены влиянию Фригии [Matsumoto, 2001, p. 19].

В территориальный комплекс Японского института анатолийской археологии кроме парка также входят городище Каман-Калехойюк и археологический музей, строительство которого было завершено в 2008 г. при содействии Министерства иностранных дел Японии.

Археологический музей Каман-Калехойюк начал функционировать в 2010 г. при финансовой поддержке правительства Японии. Кроме того, самый большой сад в японском стиле за пределами Японии — «Мемориальный сад принца Микасы» — был построен рядом с музеем в память о раскопках в Калехойюке, начатых японским принцем Микасой с целью создания зоны отдыха для местных жителей. В течение долгого времени JICA (Japan International Cooperation Agency — Японское агентство по международному сотрудничеству) оказывало поддержку деревне Каман, направляя туда старших волонтеров и экспертов, а также проводя тренинги в Японии по археологическим исследованиям и управлению музеем и японским садом. В настоящее время эксплуатацией этих археологических раскопок и японского сада занимаются местные жители Камана. Японский институт анатолийской археологии при поддержке «Фонда принца Микасы» проводит исследования по турецкой археологии, истории и культуре, обучает молодых археологов и экспертов, работающих в этой области, доводит до молодёжи и общественности информацию об истории Древней Анатолии и мира, пропагандирует важное значение защиты исторического и культурного наследия, осуществляет мероприятия по защите природной среды.

Раскопки и исследования в Каман-Калехойюке привели к созданию огромного и бесценного архива археологической информации, артефактов и документации. Сохранение этого материала и просвещение будущих поколений в вопросах сохранения культурного наследия являются основными целями JIАА. Исследователи из Японии, Турции и со всего мира приезжают в Каман-Калехойюк, чтобы поработать на раскопках, изучить и сохранить найденные материалы, провести курсы и обменяться точками зрения. Цель JIАА — быть центром культурного и академического обмена, делиться результатами исследований как на местном, так и на международном уровне, обучать молодых исследователей и особенно стимулировать местных детей, прививать им интерес к истории и культурному наследию.

Нельзя не отметить династийную преемственность семьи принца Микасы в отношении интереса к археологическим раскопкам в Турции, а также к деятельности Японского института анатолийской археологии. Японская принцесса Акико Микаса, внучка принца Микасы, в январе 2018 г. стала

⁴ Могущественное царство существовало с 1200 до 675 года до н. э.

почётным президентом «Фонда принца Микасы» — организации, основанной в 2017 г. для поддержки Японского института анатолийской археологии, получив одобрение правительства Турции.

Новым событием в археологическом сотрудничестве между Японией и Турцией явилось подписание в сентябре 2023 г. соглашения о партнёрстве между турецкой авиакомпанией Turkish Airlines и «Фондом принца Микасы». Турецкий авиаперевозчик поддерживает раскопки, начатые в 1986 г. под руководством принца Микасы в Кыршехир-Камане, расположенном на историческом Шёлковом пути. Целью культурного партнёрства является сохранение культурного наследия Турции и содействие региональному обмену⁵.

Следует также отметить работу японской экспедиции из Педагогического университета Айти, Университета Осаки и Университета искусств и дизайна Дзёсиби⁶. Члены экспедиции в период с 1991 по 1994 г. провели исследование ранневизантийских памятников в Ликийи⁷. Эта экспедиция выбрала для раскопок остров Гемилер и с 1995 г. ведёт там раскопки церкви («Church III») с целью прояснить историю острова. Судя по стилю архитектуры и рельефам, «Church III» была основана в VI веке нашей эры, в период, когда этот регион процветал благодаря морской торговле и движению христианских паломников. Коридор «Церкви III» был украшен мозаичными панно с изображением растений и животных. В конце концов церковь была уничтожена пожаром и заброшена. Сам остров использовался в качестве военной базы в средневизантийский период и снова был заброшен в XIII в., но церковь так и не была восстановлена. Кроме того, были обнаружены важные археологические находки, такие как монеты, керамика и архитектурные элементы, которые способствуют пониманию истории Ликии [Matsumoto and Oguchi, 2001, p. 20].

В 2023 г. между японскими исследователями и Министерством культуры и туризма Турции было достигнуто соглашение по проекту раскопок в Гёбекли-Тепе и Карахан-Тепе, расположенных в верховьях реки Евфрат, где находится Плодородный Полумесяц (условное название региона на Ближнем Востоке) в юго-восточном турецком регионе Анатолия.

Гёбекли-Тепе является одним из старейших храмовых комплексов в мире, датированным приблизительно 9600–8000 гг. до н. э. Это историческое место было обнаружено немецкой экспедицией во время раскопок с 1995 по 2014 г. [Schmidt, 2000, p. 45–54]. Там были найдены шесть явных культовых сооружений, каждое из которых было окружено T-образными каменными колоннами высотой от 1,5 до 6,0 метров. В общей сложности на месте раскопок оказалось 120 колонн, на некоторых из которых были искусно вырезаны фигуры животных, включая львов, стервятников, скорпионов и волков [Nagai, 2021].

По мнению экспертов, комплекс Карахан-Тепе с более чем 200 T-образными стоячими камнями, обнаруженными на раскопках, больше по масштабу, чем Гёбекли-Тепе, зарегистрированный в 2018 г. в качестве объекта Всемирного наследия [Nagai, 2021]. Проведённое радиоуглеродное датирование объектов показало, что строительство сооружений на археологических объектах Гёбекли-Тепе и Карахан-Тепе началось 12 тыс. лет назад, что делает их на 7000 лет старше исторического региона Месопотамии, расположенного в современном Ираке и некоторых частях Кувейта, Сирии, Турции и Ирана.

Обращает на себя внимание тот факт, что мегалитические останки в названных районах Турции были построены на 2000 лет раньше предполагаемого времени, когда люди начали заниматься

⁵ Turkish Airlines укрепляет культурное сотрудничество между Турцией и Японией/ URL: <https://travelvesti.ru/news/turkish-airlines-ukreplyaet-kulturnoe-sotrudnichestvo-mezhdu-turtsiej-i-yaponiej.html?ysclid=lrnhdb9z6k705735556> (дата обращения: 15.01.2024).

⁶ Женский университет искусств и дизайна, Дзёсибидзюцу Дайгаку (Женский университет искусств и дизайна Дзёсиби (сокращённо *Дзёсиби*)) — частная женская художественная школа в Сугинами и Сагамихаре в Японии.

⁷ В древности страна на юге Малой Азии, находилась на территории современных турецких провинций Анталья и Мутла.

сельским хозяйством и животноводством, что в конечном итоге привело к развитию сложных классовых сообществ за счёт распределения излишков продукции. Некоторые археологи теперь определяют, что такие социокультурные изменения произошли до начала ведения сельского хозяйства и животноводства [Nagai, 2021]. Другие эксперты считают, что, если радиоуглеродное датирование памятников Гёбекли-Тепе и Карахан-Тепе является точным, люди, возможно, начали заниматься сельским хозяйством намного раньше, чем предполагалось [Nagai, 2021].

По мнению турецкого профессора археологии Неджми Карула, чтобы делать какие-либо определённые выводы о сооружениях, необходимо одновременно раскопать как можно больше каменных холмов, поскольку каждый из них может помочь собрать воедино части головоломки [Sudilovski, 2022]. Поэтому в 2021 г. турецкие власти сделали официальный запрос об участии японской команды археологов в дальнейших исследованиях благодаря их опыту в области археологии, технологическим знаниям и технической оснащённости.

Директор Японского института анатолийской археологии при Ближневосточном культурном центре в Японии Омура Сатихиро, участвовавший в переговорах с турецкой стороной, заявил, что японские исследователи внесут свой вклад в разгадку фундаментального вопроса о том, как зародилась цивилизация [Nagai, 2021].

Японскую экспедицию возглавляет Таканори Мацуи, президент Технологического института Тиба, специализирующийся на сравнительной планетологии. Ёсихиро Нисиаки, эксперт по доисторической археологии, возглавляющий музей Токийского университета, руководит изучением археологических раскопок. По мнению археологов Института геокосмологии Технологического института Тиба, до сих пор было раскопано только 5% всего комплекса Гёбекли-Тепе и 1% — Карахан-Тепе⁸.

Чтобы точно определить, когда и как были построены храмы из массивных резных камней в Гёбекли-Тепе и Карахан-Тепе, японские учёные проведут геофизические исследования на месте, используя магнитное и радиолокационное оборудование для изучения погребённых в земле останков [Nagai, 2021].

Наряду с этим планируется участие японских экспертов в исследовании исторического места Аянрал, расположенного примерно в 30 км к западу от Гёбекли-Тепе, которое, по мнению археологов, могло быть поселением рабочих, строивших храмы⁹.

Следует назвать ещё одно место в центральной провинции Турции, где продолжают раскопки с участием японских специалистов. Министерство культуры и туризма Турции в 2009 г. инициировало археологические раскопки в Бюклюкале, расположенном в районе Каракечили в Кырыккале. Историческая местность Бюклюкале находится примерно в 100 километрах от Анкары, столицы Турции, там, где дорога из Анкары в Каман проходит через Кызылрмак, самую длинную реку Турции. С древних времен этот регион был крупным транзитным узлом, и крепость Бюклюкале контролировала его. Под эгидой Японского института анатолийской археологии при содействии турецкого университета Ахи-Эврана с участием японского доцента Кимиёси Мацумура были обнаружены новые артефакты, свидетельствующие о том, что деревня Бюклюкале была первым поселением киммерийцев в Анатолии. Киммерийцы были древними кочевниками восточно-иранского происхождения, жившими в прикаспийской степи, часть которых впоследствии мигрировала в Западную Азию.

⁸ Между быком и леопардом. Коммерсантъ наука. № 7. 26.04.2023. С. 38. URL <https://www.kommersant.ru/doc/5951521?ysclid=lrhichbf671077643> (дата обращения: 15.01.2024).

⁹ Ibid.

Они не оставили никаких письменных свидетельств, и большая часть информации о них получена из ассирийских записей VIII–VII веков до н. э.¹⁰

Здесь следует более подробно остановиться на деятельности Мацумуры Кимиёси, который прибыл в Турцию в 1981 г. и с тех пор находится здесь в течение более четырех десятилетий. Мацумура, работая преподавателем в турецком университете Ахи-Эвран, «прослеживает истоки человечества в сердце различных цивилизаций — Анатолии»¹¹.

Мацумура, ранее работавший научным сотрудником Японского института анатолийской археологии, провёл многочисленные исследования на местах археологических раскопок в Турции. С момента своего первого приезда в Турцию в студенческие годы, когда он учился в университете Анкары, он, по его словам, «влюбился в историю страны»¹². Большое влияние на него оказал доктор наук, директор Японского института анатолийской археологии при Центре культуры Ближнего Востока в Японии Омура Сатихиро, который убедил его остаться в Турции и участвовать в археологических раскопках. Мацумура признает, что археология трудна, если рассматривать её только как работу. «Ей нужно посвятить свою жизнь. Я чувствую, что живу и дышу археологией. Я возвращаюсь в Японию только на две недели каждый год, а всё остальное время провожу в Турции», — говорит он. — «Это было целью моей жизни, и я не могу представить себе жизнь в другой сфере деятельности. Это также отличная работа, которая доставляет тебе удовольствие, особенно когда ты открываешь для себя вещи, ранее не известные человечеству. Мне также нравится работать с разными людьми в совершенно другой для меня стране»¹³. Будучи подвижником археологии, он неоднократно сталкивался с вопросом: «Почему японский исследователь ведёт раскопки в древнем месте в Турции вместо того, чтобы изучать историю Японии?» Его ответ был неизменен: «Наша цель здесь — пролить свет на историю человечества»¹⁴.

Работа японских археологов была сосредоточена на исследовании использования железа на протяжении веков, и Анатолия считается единственным местом, где зафиксировано древнейшее его использование в качестве материала для изготовления инструментов. Бюклюкале, где команда японских археологов работает на раскопках с 2009 г., был важным городом могущественной Хеттской империи во втором тысячелетии до н. э. и в предшествующий ассирийский период, когда город был торговой колонией¹⁵. Руководитель экспедиции Мацумура, отмечая, что большая часть истории хеттов остаётся загадкой, возлагает большие надежды на исследования своей команды. По его словам, новые открытия в этой области прольют свет на утраченную историю империи¹⁶.

В этой связи интерес представляет интервью Мацумуры Кимиёси информационному агентству Ihlas (ИНА), в котором он подтвердил, что эксперты определили несколько цивилизаций в Бюклюкале¹⁷. Мацумура объяснил, что на верхнем слое были найдены остатки османского периода. Ниже были обнаружены артефакты эллинистического периода, времени прихода Александра Македонского. Под ним находились архитектурные остатки и следы лидийцев. Ниже этого слоя оказалась

¹⁰ June 2023 in Turkish archaeology. URL: <https://turkisharchaeonews.net/article/june-2023-turkish-archaeology> (дата обращения: 15.12.2024).

¹¹ Japanese archaeologist devotes life to Turkey's history. URL: <https://www.dailysabah.com/turkey/japanese-archaeologist-devotes-life-to-turkeys-history/news?ysclid=lz8bd46noy171026843> (дата обращения: 15.12.2024).

¹² Ibid.

¹³ Japanese archaeologist devotes life to Turkey's history. URL: <https://www.dailysabah.com/turkey/japanese-archaeologist-devotes-life-to-turkeys-history/news?ysclid=lz8bd46noy171026843> (дата обращения: 15.12.2024).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Японский археолог находит следы хеттских цивилизаций в Турции. URL: <https://rusturkey.com/yaponskiy-arkheolog-nakhodit-sledi-khettskikh-tsilivilizatsiy-v-turtsii?ysclid=m4ttt1cbcd830666199> (дата обращения: 22.01.2024).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

крепость, построенная киммерийцами. А под этим слоем обнаружили поселения, датируемые 2000 г. до н. э., относящиеся к хеттскому периоду¹⁸. Он также разъяснил, что при проведении археологических раскопок были разработаны новые методы для просеивания и отбрасывания вырытой земли, так как под землёй находятся клинописные таблички периода хеттов, поэтому использовались уплотнительные системы для ускорения раскопок¹⁹.

Новые артефакты подтверждают следы пребывания киммерийских воинов в построенной крепости. В частности, обращают на себя внимание изображение человека верхом на коне, звериный мотив скифского периода и наконечники стрел, которые, как полагают, относятся к киммерийской эпохе и использовались в битвах²⁰.

Среди уникальных находок следует назвать обнаруженную японской исследовательской экспедицией в феврале 2024 г. древнюю табличку, датируемую 3300-ми гг. правления Хеттского царства. Эксперты отмечают, что почти идеальное состояние реликвии размером с ладонь может помочь разгадать тайны, окружающие древнюю цивилизацию²¹. По мнению Мацумуры, «это открытие на северной стороне раскопок имеет большое значение, потому что все таблички, ранее найденные в Бюклюдкале, были фрагментированы»²². На табличке обнаружено 70 строк текста. Форма клинописных букв датирует её Хеттским царством XIV в. до н. э. Клинопись включает в себя строку: «Четыре города, включая столицу Хаттуса, находятся в катастрофе». Табличка также содержит молитву на хурритском языке, используемом для религиозных церемоний: «молимся о прекращении агрессии». До сих пор таблички с хурритским языком находили только среди руин важных древних городов с прочными связями с королевской семьей, таких как Хаттуса. Эта табличка указывает на то, что Бюклюдкале был таким городом²³. На хурритском языке говорили в королевствах к востоку от Хеттской империи. Считается, что царь хеттов в то время, когда была изготовлена табличка, в политических целях женился на женщине из одного из этих королевств. Затем хетты приняли религию этого королевства и использовали хурритский язык в религиозных церемониях. Табличка написана на двух языках — хеттском и хурритском. Эксперты полагают, что хетты подверглись нападению со стороны другого соседнего королевства, и табличка содержит молитву о победе²⁴.

По мнению японского археолога Хадзимэ Ямамото из Университета Ямагути, эксперта по Хеттскому царству, тот факт, что табличка содержит хурритский язык, указывает на то, что Бюклюдкале был важным городом Хеттского царства²⁵. Он объясняет надпись на найденном артефакте тем, что в то время хетты воевали со страной, расположенной к западу от них. Дипломатические документы из Египта того же периода свидетельствуют о том, что фараон договаривался о политическом браке с женщиной из этой страны. Табличка содержит имя короля вражеской страны, поэтому город, возможно, подвергся нападению, поскольку он расположен в самой западной точке территории Хеттского царства²⁶. Позже Хеттское царство стало крупной державой

¹⁸ Японский археолог находит следы хеттских цивилизаций в Турции. URL: <https://rusturkey.com/yaponskiy-arkheolog-nakhodit-sledi-khettskikh-tsivilizatsiy-v-turtsii?ysclid=m4tt1cbcd830666199> (дата обращения: 22.01.2024).

¹⁹ Там же.

²⁰ Japanese archaeologist devotes life to Turkey's history. URL: <https://www.dailysabah.com/turkey/japanese-archaeologist-devotes-life-to-turkeys-history/news?ysclid=lz8bd46noy171026843> (дата обращения: 22.01.2024).

²¹ Japanese archaeologists unearth pristine ancient tablet in Turkey. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/3111/> (дата обращения: 05.05.2024).

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ Japanese archaeologists unearth pristine ancient tablet in Turkey. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/3111/> (дата обращения: 05.05.2024).

в регионе, поэтому, как считает эксперт, будущие находки на этом месте могут прояснить, как был совершён этот подвиг²⁷.

Там же было обнаружено большое сооружение, которое пережило как ассирийскую, так и хеттскую эпохи и которое использовалось как дворец. Но самой удивительной находкой для японских археологов стала стеклянная бутылка, вероятно, старейшая в своём роде в мире. Японские археологи также обнаружили около 3000 чаш в двух подвальных помещениях «дворца», которые, как полагают, использовались для нескольких ритуалов, посвящённых открытию этого сооружения²⁸.

В 2020 г. с разрешения Министерства культуры и туризма Турции начались археологические изыскания в Учойюке, координируемые Управлением музея Афьонкарахисар. В районе Болвадин в Афьонкарахисаре японские и турецкие учёные ведут поиски затерянного города Пурушандха, упомянутого в письменных источниках примерно 2350 г. до н. э. и связанного с Аккадским царством. Место раскопок в Учойюке было одним из крупнейших поселений в Анатолии и Восточном Средиземноморье в бронзовом веке. В 2024 г. указом президента Эрдогана раскопки были переведены в регулярный режим и продолжаются при поддержке Болвадинского окружного управления и муниципалитета²⁹.

Учёные из турецких университетов и японские археологи Урано Сатоси, Фукацу Юкинори и Коива Наото из университетов Риккё и Хироаки в Японии отмечают, что в записях говорится о том, что аккадский царь Саргон внезапно напал на Пурушандху, захватил город и приказал избить себя и царя города на городских стенах. Обнаруженные отпечатки печатей, датируемые примерно 2300 г. до н. э., позволяют предположить, что это место могло быть Пурушандхой³⁰. Подчёркивая историческое значение Учойюка как одного из важнейших памятников в бассейне реки Акарчай, японские исследователи ставят задачу «пролить свет на неизвестные аспекты истории региона»³¹ и для дальнейших археологических работ надеются получить финансирование от правительства Японии. В случае успеха они намерены привлечь к работе студентов и подготовить предварительный отчёт для научной статьи³².

Таким образом, можно сделать вывод, что совместные турецко-японские научные археологические изыскания дают уникальный общий результат. Это становится тем более важным, что археологические исследователи из других стран на некоторое время практически прекратили раскопки на территории Турции. По мнению Аскольда Иванчика, крупного российского исследователя-археолога, это было связано с тем, что «раньше, когда Турция надеялась войти в Европейский союз и это было целью её политики, страна была гораздо более открытой, в том числе и для сотрудничества с европейскими учёными. Теперь же всё больше и больше памятников не исследуется профессиональными археологами или исследуется в очень малой степени, потому что у Турции не так много денег на раскопки и большие экспедиции финансировались в значительной мере иностранцами, да и своих специалистов недостаточно»³³.

²⁷ Japanese archaeologists unearth pristine ancient tablet in Turkey. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/3111/> (дата обращения: 05.05.2024).

²⁸ Ibid.

²⁹ Japanese archaeologists dig for lost city of 'Purushandha' in Türkiye. URL: <https://www.turkiyetoday.com/culture/japanese-archaeologists-dig-for-lost-city-of-purushandha-in-turkiye-37632/> (дата обращения: 10.12.2024).

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Орлова О. Раскопки в Турции: научные результаты и научная дипломатия /Троицкий вариант. № 13 (257). 03 июля 2018. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/434192/Raskopki_v_Turtsii_nauchnye_rezultaty_i_nauchnaya_diplomatiya?ysclid=royf06je0860222124 (дата обращения: 22.01.2024).

Нельзя не отметить и такой важный аспект работы японских археологов в Турции, как этические вопросы. Этика играет важную роль в археологии, особенно при работе с культурным наследием других стран. Японские археологи строго придерживаются международных стандартов и этических норм, чтобы уважать и сохранять культурное наследие Турции. В частности, они работают в тесном сотрудничестве с местными властями и учёными, обеспечивая защиту и правильное документирование всех находок. В соответствии с «Этическим кодексом японской археологической ассоциации» (JAA), принятым 27 мая 2006 г. на 72-м ежегодном собрании Японской археологической ассоциации³⁴, научные результаты исследований доводятся до сведения широких слоёв общества. «Японская археологическая ассоциация уважает местную историю, культуру и природную среду, а также учитывает свои отношения с местным сообществом, уважает интеллектуальные продукты других лиц и права на интеллектуальную собственность, принадлежащие другим лицам»³⁵. При этом подчёркивается, что японские археологи приступают к археологическим исследованиям после получения соответствующего образования и профессиональной подготовки и, более того, после предварительной подготовки и составления планов. Ассоциация признаёт, что материалы и записи, полученные в результате исследования, являются общим достоянием человечества, и стремится сделать их общедоступными в дополнение к принятию соответствующих мер по их сохранению и управлению. Члены JAA принимают все меры для обеспечения безопасности и гигиены, а также уважения прав человека³⁶.

Вышеперечисленные этические нормы нашли своё подтверждение не только непосредственно в ходе археологических раскопок японских учёных, но и после исследований, когда турецкая сторона обращалась к японским специалистам за проведением анализа находок после проведённых археологических изысканий. Так, в частности, эксперты Японского института анатолийской археологии проводили анализ железного кинжала раннего бронзового века, раскопанного в хеттском поселении Аладжа-Хойюк на территории Турции еще в 1935–1939 гг., когда было обнаружено 14 царских гробниц, в которых находилось много ценных погребальных подношений, включая чаши из золота и искусно изготовленные изделия из бронзы [Milligan, 2024]. Клинок кинжала был изготовлен из железа, а рукоять — из золота. Датируется артефакт периодом между 2400 и 2300 гг. до нашей эры, то есть эпохой бронзового века, когда железо очень ценилось, но человечество ещё не обладало технологиями по обработке железной руды. Однако известно, что люди умели выплавлять метеоритное железо.

Специалисты Японского института анатолийской археологии провели несколько стадий анализа клинка, которые растянулись на целое десятилетие. Так, в 2012 г. было проведено первое рентгенофлуоресцентное исследование лезвия, которое показало, что основными его компонентами являются железо и никель со следами кобальта, что дало основание полагать, что клинок мог быть изготовлен из метеоритного железа. Японские учёные предположили, что хетты сами разработали технологию выплавки железа из метеоритов в середине второго тысячелетия до нашей эры [Milligan, 2024]. В 2017 г. был проведён геохимический анализ, результаты которого также говорили в пользу указанной теории. То, что хетты действительно владели технологией получения железа из метеоритов, подтвердили и недавно расшифрованные глиняные таблички, найденные ещё в середине прошлого века. Расшифровка текстов показала, что в эпоху бронзового века железо ценилось выше золота [Milligan, 2024].

³⁴ Code of Ethics of the Japanese Archaeological Association. URL: <https://archaeology.jp/proceedings/rinrikoryo.html> (дата обращения: 15.12.2024).

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid.

В апреле 2024 г. Японский институт азиатской археологии представил предварительный отчёт, обобщающий и анализирующий выводы предыдущих исследований. Учёные пришли к выводу, что древний кинжал действительно был изготовлен с использованием метеоритного железа за 1000 лет до наступления железного века [Milligan, 2024].

Японские специалисты отмечают, что в последнее время в современной археологии становится актуальным не только публиковать результаты исследований, но и восстанавливать объекты как будущие туристические достопримечательности. Соответственно, археологические экспедиции проводят реставрацию, консервацию и экологическую подготовку объектов по мере необходимости. Теперь археологические миссии должны учитывать, что произойдёт после раскопок, при составлении своих общих планов [Matsumoto and Oguchi, 2001].

Среди методов и технологий, используемых японскими археологами в Турции, следует выделить использование лазерного сканирования и 3D-моделирования. Это позволяет японским учёным создавать точные копии древних артефактов и строений, что облегчает их изучение и сохранность. Кроме того, геофизические методы, такие как магнитометрия и электромагнитные исследования, позволяют выявлять подземные структуры без необходимости раскопок, что существенно ускоряет процесс исследований.

Следует подчеркнуть, что японская императорская семья всячески поддерживает деятельность Института азиатской археологии. Это проявилось и во время визита в Турцию в декабре 2024 г. наследного принца Акисино и принцессы Кико, которые посетили археологический памятник Калехойюк в Камане, связанный с покойным двоюродным дедом — принцем Микасой³⁷. По заявлению Акисино, «продолжение исследований с турецким народом и учёными из других стран на протяжении почти 40 лет очень важно с точки зрения академического обмена»³⁸. Надо иметь в виду, что Японский институт азиатской археологии (JIAA) создал рабочие места для местных жителей. Некоторые из местных детей, которые помогали при раскопках в Каман-Калехойюке, стали археологами. Кроме того, благодаря стипендиальной программе, инициированной принцем Микасой, несколько жителей получили образование и стали врачами и юристами³⁹.

Японо-турецкое сотрудничество в области археологии является примером успешной научно-этической дипломатии. Эти исследования не только углубляют понимание древней истории, но и способствуют укреплению международных связей. В будущем продолжение таких проектов может привести к ещё более значимым открытиям, более тесным научным контактам и обмену опытом между Японией и Турцией.

Литература / References

Ледовская О. А. Япония и Турция: долгий путь к взаимовыгодному партнёрству в XXI веке. М.: ИВ РАН, 2022 [Ledovskaya O. A. Japan and Turkey: a long way to mutually beneficial partnership in the 21st century. Moscow: IVRAN, 2022 (in Russian)].

Сигов Ю. Японский путь» для Центральной Азии. *Деловая газета*. 28.04.2015. № 16(1140).

Barnes Gina L and Okita Masaki. Japanese Archaeology in the 1990s. *Journal of Archaeological Research*. 1999. Vol. 7. No. 4.

³⁷ Наследный принц и принцесса Японии в Каман Калехойюке. URL: <https://adanamersin.com/2024/12/Наследный-принц-и-принцесса-Японии-Каман-Калехойюке/?ysclid=m4pkmwqccq145921457> (дата обращения: 15.12.2024).

³⁸ The Crown Prince and Princess of Japan will visit the archaeological site associated with Prince Mikasa in Türkiye. URL: <https://www.anatolianarchaeology.net/the-crown-prince-and-princess-of-japan-will-visit-the-archaeological-site-associated-with-prince-mikasa-in-turkiye/> (дата обращения: 15.12.2024).

³⁹ Ibid.

Hodder Ian. *The Leopard's Tale: Revealing the Mysteries of Çatalhöyük*. Thames & Hudson, 2006.

Matsumoto Ken and Oguchi Karumi. *Archaeology: Expeditions and Discoveries in West Asia by Japanese Archaeologists*. 2001. Vol. 36. URL: https://www.academia.edu/71269368/ARCHAEOLOGY_Expeditions_and_Discoveries_in_West_Asia_by_Japanese_Archaeologists.

Mellaart James. *Çatal Hüyük: A Neolithic Town in Anatolia*. McGraw-Hill, 1967.

Pehlivanurk B. Turkish-Japanese Relations: Turning Romanticism into Rationality. *International Journal*. 2015. Vol. 67. Issue 1. December 1.

Schmidt Klaus. Gobekli Tepe Southern Turkey. A preliminary Report on the 1995–1991 Excavations. *Paleorient*. 2000. Vol. 28. № 16. P. 51.

Umut Arik. *A Century of Turkish-Japanese Relations. A Special Partnership*. Revised 2-nd edition. Tokyo, 1991.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Между быком и леопардом/ Коммерсантъ наука № 7, 26.04.2023, с. 38 [Between a bull and a leopard. *Kommersant nauka* № 7, 26.04.2023]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5951521?ysclid=lrhcbff671077643> (дата обращения: 15.01.2024).

Наследный принц и принцесса Японии в Каман Калехойюке [Crown Prince and Princess of Japan in Kaman Kalehoiyuk]. URL: <https://adanamersin.com/2024/12/Наследный-принц-и-принцесса-Японии-Каман-Калехойюкте/?ysclid=m4prkmwqqc145921457> (дата обращения: 15.12.2024).

Орлова О. Раскопки в Турции: научные результаты и научная дипломатия. *Троицкий вариант*. № 13 (257). 03 июля 2018 [Orlova O. Excavations in Turkey: scientific results and scientific diplomacy]. *Troitskii variant*. 03 July 2018. № 13 (257). URL: https://elementy.ru/nauchnopolulyarnaya_biblioteka/434192/Raskopki_v_Turtsii_nauchnye_rezultaty_i_nauchnaya_diplomatiya?ysclid=lroyf06je0860222124 (дата обращения: 22.01.2024).

Японский археолог находит следы хеттских цивилизаций в Турции [Japanese archaeologist finds traces of Hittite civilizations in Turkey]. URL: <https://rusturkey.com/yaponskiy-arkheolog-nakhodit-sledi-khettskikh-tsivilizatsiy-v-turtsii?ysclid=m4ttt1cbcd830666199> (дата обращения: 22.01.2024).

Code of Ethics of the Japanese Archaeological Association. URL: <https://archaeology.jp/proceedings/rinrikoryo.html> (дата обращения: 15.12.2024).

The Crown Prince and Princess of Japan will visit the archaeological site associated with Prince Mikasa in Türkiye. URL: <https://www.anatolianarchaeology.net/the-crown-prince-and-princess-of-japan-will-visit-the-archaeological-site-associated-with-prince-mikasa-in-turkiye/> (дата обращения: 15.12.2024).

Japanese archaeologist devotes life to Turkey's history. URL: <https://www.dailysabah.com/turkey/japanese-archaeologist-devotes-life-to-turkeys-history/news?ysclid=lz8bd46noy171026843> (дата обращения: 15.12.2024).

Japanese archaeologists unearth pristine ancient tablet in Turkey. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhk-world/en/news/backstories/3111/> (дата обращения: 05.05.2024).

Japanese archaeologists dig for lost city of 'Purushandha' in Türkiye. URL: <https://www.turkiyetoday.com/culture/japanese-archaeologists-dig-for-lost-city-of-purushandha-in-turkiye-37632/> (дата обращения: 10.12.2024).

June 2023 in Turkish archaeology. URL: <https://turkisharchaeonews.net/article/june-2023-turkish-archaeology> (дата обращения: 15.12.2024).

Mark Milligan The Alaca Höyük meteoric dagger Heritage Daily April 17, 2024. URL: <https://www.heritagedaily.com/2024/04/the-alaca-hoyuk-meteoric-dagger/151557> (дата обращения: 15.12.2024).

Yasuji Nagai. Japanese team to excavate 12,000-year-old sites in Turkey. November 24, 2021. URL: <https://www.asahi.com/ajw/articles/14487942> (дата обращения: 15.01.2024).

Judith Sudilovski Oldest Neolithic settlements in Turkey redefine domestication, society” The Jerusalem Post, 27 May 2022: Oldest Neolithic settlements in Turkey redefine domestication, society. URL: <https://www.jpost.com/archaeology/article-707792> (дата обращения: 15.12.2024).

Sean Thomas. Is an unknown, extraordinarily ancient civilisation buried under eastern Turkey?/ The Spetator. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/does-an-unknown-extraordinarily-ancient-civilisation-lie-buried-under-eastern-turkey-/> (дата обращения: 10.12.2024).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-102-118

[РЕЦЕНЗИЯ НА:] THE ROUTLEDGE HANDBOOK OF THE POLITICAL ECONOMY OF SANCTIONS (EDITED BY KSENIA KIRKHAM). LONDON AND NEW YORK: ROUTLEDGE, 2024. 348 p. ISBN 9781003327448

© 2025

С. Л. Кузьмин¹

В настоящей рецензии рассматривается сборник работ «Руководство Раутледжа по политической экономии санкций», написанных специалистами из ряда стран. В этих работах рассматриваются проблемы, связанные с данной противоречивой темой. Рассказывается о варьирующем характере международных санкций и механизмах их реализации. Анализируются проблемы их эффективности, обоснованности и законности. Рассматривается политическая экономия санкций США, ЕС, Японии, Южной Кореи в отношении РФ, КНР, Ирана, Кубы, Венесуэлы, Турции, Индии и некоторых других стран. В книге представлены мнения государств, накладывающих санкции, и государств, являющихся их целями. Рассматривается влияние вторичных санкций. Санкции анализируются в контексте национальной безопасности, суверенитета, «экономических войн» и устойчивого развития.

Ключевые слова: санкции, США, ЕС, Япония, Южная Корея, Россия, КНР, Иран, Куба, Турция, Индия, Африканский Союз

Для цитирования: Кузьмин С. Л. [Рецензия на:] The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions (Edited by Ksenia Kirkham). London and New York: Routledge, 2024. 348 p. ISBN 9781003327448. Вестник Института востоковедения РАН. 2025. № 1. С. 102–118. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-102-118

[REVIEW OF:] THE ROUTLEDGE HANDBOOK OF THE POLITICAL ECONOMY OF SANCTIONS (EDITED BY KSENIA KIRKHAM). LONDON AND NEW YORK: ROUTLEDGE, 2024. 348 p. ISBN 9781003327448

Sergius L. Kuzmin

This review examines the collection of works “The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions”, written by experts from different countries. Their works address issues related to this controversial topic. They describe varying nature of international sanctions and the mechanisms of their implementation. The problems of their efficacy, legality and legitimacy are analyzed. Authors of the book examine the political economy of the sanctions imposed by the United States, the EU, Japan, and South Korea on Russia, P.R. China, Iran, Cuba, Venezuela, Türkiye, India, and some other countries. The book presents views of the States imposing sanctions and the States that are their targets. The impact of secondary sanctions is being considered. Sanctions are analyzed in the context of national security, sovereignty, “economic wars”, and sustainable development.

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, DSc (Hist.), PhD (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

Keywords: sanctions, USA, EU, Japan, South Korea, Russia, P. R. China, Iran, Cuba, Türkiye, India, African Union

For citation: Kuzmin S. L. [Review of:] The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions (Edited by Ksenia Kirkham). London and New York: Routledge, 2024. 348 p. ISBN 9781003327448. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 1. Pp. 102–118. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-102-118

Вопрос о санкциях против государств весьма актуален. Например, по данным сервиса X-Compliance Интерфакс, который ведёт статистику санкций западных стран против РФ, их число за период с 21.02.2022 по 11.03.2025 г. составило 18906 [<https://x-compliance.ru/statistics> (дата обращения 11.03.2025)]. Литература по данному вопросу представительна — достаточно посмотреть книги, изданные в последние годы. Общепринятого определения санкций нет. Этот термин использовался разными авторами как синоним экономической блокады, бойкота, эмбарго, контрмер, репрессий, «экономической войны», экономического принуждения, экономических силы, агрессии и т. д. [Subedi, 2021, pp. 20–21].

Не только учёные, но и некоторые государства характеризуют применение односторонних санкций как «экономическую войну». «Санкции в строгом смысле слова по международному праву могут быть определены как принудительные меры, принимаемые во исполнение решения компетентного общественного органа, то есть органа, наделённого юридическими полномочиями действовать от имени общества или общности, которые регулируются правовой системой <...> Санкции — это принудительные меры, принимаемые против воли государства или образования, против которых они направлены, и в некоторых случаях они сами по себе незаконны. <...> Учёные-юристы, практика ООН и мнения судей практически единодушны в том, что обязательства, вытекающие из юридически обязывающих резолюций Совета Безопасности о санкциях, должны иметь преимущественную силу над любыми другими противоречащими друг другу международно-правовыми актами». Однако введение односторонних (или автономных) санкций вне рамок ООН становится всё более популярным [Asada, 2020, pp. 3–6].

Законность санкционных мер изучена недостаточно, и здесь имеются разногласия. Односторонние санкции могут нарушать права человека. Во избежание этого ЕС разработал руководящие принципы, призванные обеспечить правовую основу для каждой санкционной меры, эффективные гуманитарные изъятия и правовую защиту пострадавших. Совет ЕС подчеркивает, что ограничительные меры должны соответствовать международному праву, уважать права человека и основные свободы. В ЕС выработаны соответствующие меры. Однако суды там обычно не рассматривают и вряд ли будут рассматривать законность санкций ЕС с точки зрения их соответствия международному праву, хотя о таком соблюдении говорит сам Совет ЕС [Dupont, 2020, pp. 50–51]. Наибольшее число санкций накладывают США [Тимофеев и др., 2024, с. 4]. Там их список составляет 1300 страниц, где подробно описаны 8755 из них, что значительно превышает число санкций, введённых ЕС, Великобританией и ООН. Вопрос об их законности остаётся предметом дискуссий в контексте проблемы суверенитета государств. Имеются документы ООН, запрещающие применение экономических, политических и других мер принуждения для подчинения одного государства воле другого [Subedi, 2021, pp. 24–25, 29].

Другой предмет дискуссий — работают или не работают санкции. Исследователи расходятся во мнениях, по каким показателям измерять успех и как учитывать этические соображения [Jentleson, 2022, p. 190]. Хотя санкции в том виде, как мы знаем их сейчас, появились столетие назад, они имеют более давнюю историю. Из первоначальной цели предотвращения войны санкции превратились в оружие «геоэкономической войны». Более 70% из них введены США в одностороннем порядке.

Эта экстерриториальность санкций поддерживается за счёт подчинения мира финансовой политике США и американским режимам накопления. Санкционная политика США обусловлена их военным превосходством, идеологическим уклоном политики и ролью финансовых рынков США в мировой экономике. В 1990-х и 2000-х годах применение санкций удвоилось по сравнению с периодом 1950–1985 гг., к 2010-м годам оно опять удвоилось [Kirkham, 2022, p. 61; Mulder, 2022, pp. 291–296].

Перейдём к рецензируемой книге. Это один из выпусков широко известной серии руководств (handbook), публикуемых британским издательством Раутледж. Книга имеется в бумажной и электронной формах [The Routledge Handbook..., 2024]. Я использовал электронную книгу. Рецензируемая работа представляет собой скорее синопсис данных в стиле монографии, чем руководство. Книга большая и всесторонне охватывающая данную проблему, что требует достаточно подробного рассмотрения. Некоторые её положения имеют особое значение, в связи с чем я привожу их в виде цитат.

Редактор книги Ксения Киркхэм — преподаватель кафедры военных исследований в Королевском колледже Лондона. Её научные интересы включают «экономическую войну», энергетическую безопасность, устойчивое развитие, политическую экономию санкций и режимы государства всеобщего благосостояния.

Книга состоит из сведений об авторах, введения, пяти частей, разделённых на главы, и указателя. Все главы начинаются с «Введения», где ставится проблема и кратко сообщается о содержании главы, и заканчиваются «Библиографией», где дан список источников. При разборе глав я опускаю указания на эти два раздела.

В общем «**Введении**», написанном редактором, даётся постановка проблемы и кратко излагаются задачи и структура книги. Редактор справедливо отмечает, что «за первые десятилетия XXI века число случаев применения санкций выросло в геометрической прогрессии. Однако мир не стал безопаснее, скорее наоборот — враждебность внутри государств и между ними достигла беспрецедентного уровня. Череда различных кризисов началась с глобального финансового кризиса 2008 г., который выявил пределы неолиберальной модели роста, кризис Еврозоны, многочисленные экологические катастрофы и, совсем недавно, вспышку пандемии COVID-19 и новые военные конфликты. Все эти потрясения изменили привычные модели глобализации и способствовали эскалации напряжённости во всём мире. Хотя санкции кажутся правдоподобным и эффективным политическим и экономическим оружием, их многочисленные побочные эффекты требуют пересмотра существующих подходов, схем и политики. Невыполнение этого требования неизбежно приведёт к нежелательным “сюрпризам” и контрпродуктивным тенденциям, которые в конечном итоге подорвут механизмы власти, применяемые государствами-инициаторами... Данное “Руководство” предлагает пошаговую структуру для такого “пересмотра”». Далее во «Введении» кратко рассматриваются различные главы данной книги.

Часть I. Теоретические и исторические аспекты санкций

1. К. Портела. Оценка эффективности санкций. *Теория. Определение условий для успешного применения санкций.* По данным разных авторов обсуждается применение различных терминов и критериев условий и успеха санкций. *Множественные функции санкций.* Санкции обычно определяются как ограничения для обеспечения соответствия мишени требованиям инициатора. Но соблюдение требований — не единственная, а иногда и не главная цель. Обсуждаются категории целей, выделяемые разными авторами. Отмечается, что санкции могут иметь негативные и даже противоположные желаемым последствия. *Действие санкций.* «Стандартный анализ измеряет

эффективность санкций степенью лишений, которым подвергается объект санкций, и изменениями, наблюдаемыми в его политическом поведении». Выделяются два фактора успеха: всестороннее воздействие на целевую экономику и изменение баланса сил в стране-мишени, когда политика её руководства становится невыгодной её элитам. *Тематическое исследование. Режимы санкций ЕС против России (2014–2023)*. Описаны санкционные режимы ЕС против России в связи с военными конфликтами в Чечне и на Украине. *Обсуждение эффективности санкций ЕС в отношении России*. Приводятся мнения разных исследователей о степени эффективности этих санкций. *Обсуждение*. Основные выводы: главные методы оценки сосредоточены на экономике; перед оценкой степени воздействия важно учесть цели санкций, которые не всегда чётко формулируются. *Заключение*. Отмечено, что имеется ряд нелогичных и даже противоречащих друг другу характеристик в разных исследованиях. Подтверждается вывод о том, что реально санкции направлены не только на соблюдение заявленных требований.

2. Х. К. Озконак. Краткий обзор исторического и современного применения односторонних санкций. *Древний период (до XI в.)*. Первым случаем санкций указываются запреты Афин для купцов Мегары в 433 г. до н. э. Обсуждаются последствия этого для некоторых греческих полисов. *Период коммерческой революции (XI–XIX вв.)* и *Поздний современный период (XIX в. — 1945 г.)*. В обоих разделах анализируются санкции в странах Европы и, частично, Османской империи и Японии. Получается, что вопрос о наличии или отсутствии санкций в истории других государств Востока ждёт своих исследователей. Общий вывод автора представляется верным: «Существует взаимосвязь между применением односторонних санкций, которые оказали стратегически разрушительное воздействие на государства-мишени, и войной между теми, кто вводит санкции с государствами-мишенями». *Современный период (1945 г. — настоящее время)*. Анализируется история санкций после Второй мировой войны. Отмечается, что взаимные санкции Западного и Восточного блоков основывались в основном на идеологии. После разрушения СССР санкции включали обеспечение национальной безопасности, «экономическую войну», восстановление или продвижение демократии (со стороны США и ЕС), стимулирование изменений в политике, поиск средств правовой защиты в ответ на агрессию, борьбу против несоблюдения режима нераспространения ядерного оружия, нарушений прав человека, поддержки терроризма, оборота наркотиков, коррупции и т. д. С 2000-х годов всё чаще применяются секторальные, избирательные или адресные санкции вместо всеобъемлющих. Вводятся вторичные санкции. Если они вводятся широко или нацелены на критически важную деятельность между третьими сторонами и государством-мишенью без эффективных изъятий, они могут оказывать серьёзное негативное воздействие на гражданское население подобно другим санкциям. После 2014 г. некоторые государства (например, РФ и КНР) стали вводить контрсанкции (прежде всего против стран Запада), в том числе на законодательном уровне. По мнению автора, «война санкций» становится альтернативой вооружённому конфликту. *Заключение* содержит краткие выводы. Стоит отметить важный вывод автора: «Общая черта заключается в том, что применение односторонних санкций создаёт серьёзное негативное и неизбирательное гуманитарное воздействие на гражданское население государств-мишеней со времён античности». Глава интересна также и тем, что показывает эволюцию санкций в истории. Связь роста коллективных санкций, введённых ООН в 1990-е гг., с прозападной политикой правительств РФ тех лет автором не обсуждается.

3. Х. Окусако. Теоретические аспекты санкций. *Семантические проблемы. Коллективные и односторонние санкции*. Дается анализ исследований, из которого следует, что между коллективными и односторонними санкциями имеется много промежуточных вариантов. *Негативные и позитивные санкции*. Так автор называет позитивные усилия по изменению политики или

поведения субъектов, на которые наложены санкции, путем некоторых вознаграждений или стимулов (в России это называется «метод кнута и пряника»). *Диверсификация участников.* Изучались в основном санкции, ориентированные на государство, но в последнее время всё больше внимания привлекают негосударственные субъекты: транснациональные компании, финансовые организации и т. д. Общий вывод такой: «В условиях транснационализации социальной и экономической сфер, вызванной углубляющимся процессом глобализации, политическое пространство также должно быть транснационализировано, по крайней мере в некоторой степени, в целях эффективного контроля и регулирования социально-экономической деятельности. В этом смысле режимы международных экономических санкций необходимо будет перестроить путём создания многосторонних/многоуровневых институтов управления в региональном и глобальном масштабах, в которых различные негосударственные субъекты должны участвовать в качестве мощных заинтересованных сторон, берущих на себя не только права и полномочия, но также обязательства и ответственность». *Вопросы власти и легитимности. Власть и экономические санкции.* Экономические санкции анализируются с точки зрения международного законодательства и его трактовок. *Вопросы справедливости.* Обсуждаются некоторые вопросы соблюдения прав человека и борьбы с терроризмом в связи с санкциями. Заключается, что нужны многоуровневые/многосторонние институты глобального управления санкциями, отличные от нынешних, в эпоху глобализации. *Значение и потенциал управления глобальными экономическими санкциями. Необходимость глобального управления экономическими санкциями.* Обосновывается необходимость создания глобальных систем управления ими, так как санкции типа тех, что накладывают США, — односторонние и (или) вторичные, а Совет безопасности ООН представляет лишь пять стран и не может эффективно регулировать глобальную санкционную политику. *Важность многоуровневого управления.* Обсуждаются вопросы глобальной и трансграничной политики. Автор обращает внимание на многосекторальное управление. *Высокий потенциал многосекторального управления.* Приводятся аргументы в пользу глобального многосекторального управления. *Заключение.* Основной вывод автора — что «нынешние режимы международных экономических санкций должны быть преобразованы в глобальные системы управления экономическими санкциями, чтобы сделать экономические санкции ещё более “разумными”». Этот вывод, в разных формах приведённый в нескольких местах главы, представляется недостаточно аргументированным и убедительным. Ведь такая транснационализация означает углубление или другую форму глобализации. А глобализация ведёт к трансграничному структурированию и централизации власти, возрастающему доминированию одного или нескольких транснациональных центров влияния в мире, что будет мало отличаться от имеющегося сейчас положения с санкциями.

4. К. Киркхэм, И. Цзя, Е. У. Теоретическая идентификация механизмов санкций.

Санкции — «альтернатива войне». Этот концепт предложил ещё президент США В. Вильсон. Однако практика показала, что санкции могут подталкивать государства-мишени к войне. Обсуждаются пять основных теорий того, как санкции могут изменять политику стран-мишеней: реалистическая, либеральная, теория общественного выбора, институционалистская и неовеберианская. Отмечается, что ни одна из них не может в полной мере объяснить отношения государства и общества, групп интересов при формировании решений, связанных с последствиями санкций. *Санкции — «инструмент войны».* Экономические санкции — второй по значимости инструмент внешней политики после военной силы, но их эффективность неоспорна: они сильно настраивают население государств-мишеней против государства-инициатора. Научные работы по Ираку, Венесуэле, Кубе, Мьянме и Ирану показывают снижение качества жизни и дальнейшее ущемление прав целевых групп населения, которые, как ожидалось, будут поддерживать санкции. Обсуждаются попытки

разработать методы снижения такого негативного воздействия. *Заглянем внутрь государств, подвергшихся санкциям.* На примере ЮАР, России и Ирана показано, что государства-мишени испытывают лишь краткосрочные потрясения, а в долгосрочной перспективе они становятся более самостоятельными, устойчивыми к санкциям и агрессивными к государствам-инициаторам. *Заключение.* В нём сделан интересный и важный вывод: «Когда мы имеем дело с теориями, не может быть одной истинной теории, подходящей для всех... кажущиеся противоположными теории могут не быть взаимоисключающими — они просто являются ключами к изучению одних и тех же явлений с разных точек зрения». Соответственно, чтобы избежать ущерба для населения, рекомендуется до введения санкций изучить внутреннее положение в стране-мишени, что делается далеко не всегда.

5. В. Боуэн, М. Моран. Санкции, сдерживание и недавний пример России. *Принуждать, сдерживать и сигнализировать.* Дан краткий обзор литературы по санкциям и сдерживанию. *Доверие и восприимчивость.* Обсуждаются вопросы, которые учитываются при введении санкций. *Тематическое исследование: санкции и неспособность сдержать Россию.* Приводятся угрозы к России (предупреждения о «сдерживании») со стороны представителей администраций США, Великобритании и ЕС в случае её конфликта с Украиной. *Оценка достоверности.* Обсуждается применение разработанной Лебоу концепции достоверности для оценки провала сдерживания и связанной с этим угрозы санкций. *Более широкие толкования.* По словам автора, надежды США и Великобритании на «сдерживание» РФ до начала конфликта были слабыми, но их заявления в тот период создали условия для последующего введения санкций. По его мнению, несколько волн санкций будут иметь катастрофические последствия для экономики России со временем. Картина, аналогичная концепции «крепости Россия», разворачивается в Китае и Иране. Меры, принимаемые этими странами в ответ на санкции, рассматриваются как попытка подорвать доминирующее положение Запада в применении санкций. *Заключение.* По мнению автора, хотя попытка сдерживания России была безуспешной, угроза западных санкций была необходима, «по крайней мере, по трём причинам: сигнальный эффект, стимулирующий эффект и необходимость переоценки долгосрочных взаимозависимостей с Россией».

Часть II. Политическая экономия санкций

6. А. Ватансевер. Международные санкции в отношении нефти. Почему некоторые государства-мишени более эффективны в их избегании. *Определение эффективности нефтяных санкций.* Рассматриваются промежуточные цели для определения эффективности санкций, но конечные их цели могут быть другими: смена режима, нераспространение ядерного оружия, прекращение войны. Достижение промежуточных целей не всегда ведёт к достижению целей конечных. Как только промежуточные цели достигнуты, несмотря на отсутствие средств нейтрализации санкций, их эффективность может снижаться. Ключевой измеримой целью может быть вынужденное сокращение экспорта нефти. Санкции, нарушающие экспорт нефти, могут стать неэффективными, если государство-мишень найдёт способы их обхода и если они не сопровождаются мерами, направленными на добычу нефти. Существенным показателем эффективности может быть скидка на цену продаваемой нефти. *Исследовательская база.* Обсуждаются различия между странами-мишенями в возможностях обхода санкций. *Эффективность нефтяных санкций в отношении России, Ирана и Венесуэлы.* Приведены довольно старые данные по санкциям в отношении России (9-й пакет ЕС). Эффективность санкций в отношении Венесуэлы была выше и привела к значительному сокращению добычи нефти. Иран дольше других находился под нефтяными санкциями. Там добыча и экспорт нефти снизились, но затем восстановились после «ядерной сделки» 2015 г. Но после

возобновления санкций в 2018 г. добыча нефти сократилась. В России, в отличие от Ирана и Венесуэлы, добыча и экспорт нефти даже возросли. *Реакция государств-мишеней на нефтяные санкции: эндогенные факторы, определяющие их эффективность. Факторы, характерные для нефтяного сектора государств-мишеней.* Обсуждаются различия между нефтяными отраслями России, Ирана и Венесуэлы и причины того, почему российский нефтяной сектор оказался более устойчивым к краткосрочным санкциям. *Экономический контекст государства-мишени санкций.* Российская нефтяная промышленность функционировала в условиях, которые больше способствовали развитию при санкциях, чем таковая в Венесуэле и Иране. Обсуждаются эти условия. *Способность обходить санкции, превращая их в источник ренты внутри страны и за рубежом,* обсуждается также в сравнительном аспекте. *Заключение.* Эффективность санкций может зависеть от того, как государства-мишени управляют своей нефтяной промышленностью и макроэкономикой, а также их способности получать «санкционную ренту».

7. Дж. Гордон. Внесение в финансовый чёрный список и возвращение к неизбирательным санкциям. *Замораживание активов и надлежащая правовая процедура* обсуждаются применительно к разным, преимущественно ближневосточным ситуациям. «Замораживание активов и аналогичные финансовые санкции часто, по сути, направлены против целых секторов, а в некоторых случаях — на то, чтобы парализовать или обанкротить государство. Это особенно верно в отношении финансовых “чёрных списков”, составляемых Соединёнными Штатами». Раздел *Внесение в чёрный список и влияние на сектора* состоит из трёх подразделов, посвящённых Кубе, Ирану и Венесуэле. В частности, санкции США против Ирана направлены на то, чтобы поставить под угрозу такие сектора его экономики, как доступ к топливу, иностранным инвестициям, международной торговля и взаимодействие с международной банковской системой. Обсуждаются санкции в отношении иранского Корпуса стражей Исламской революции и влияние их на международные экономические связи Ирана. *Заключение* подводит итоги. В частности, отмечается, что, несмотря на риторику о заботе о народе страны-мишени при введении «умных санкций», нет никаких признаков, что такая забота существует.

8. Х. Аггиа, Дж. Грауфогель, К. фон Зост. Прекращение международных санкций: действующие лица, процессы и последствия. *Концептуализация прекращения санкций.* Прекращение санкций изучено хуже их введения. Введение санкций призвано сигнализировать о международном осуждении страны-мишени, их прекращение даёт ей возможность восстановить экономические связи и репутацию. *Когда и как ЕС, ООН, США и региональные организации отменяют санкции?* Обсуждаются отмена санкций и их введение. По основе базы данных “International Sanctions Termination (IST) dataset” авторы провели статистическую обработку. Диаграмма на с. 104 показывает, что по частоте введения санкций главные их цели со стороны США — права человека, демократия и наказание за злодеяния против гражданских лиц, для ЕС и региональных организаций — демократия и права человека. Из этой диаграммы также следует, что санкции ООН накладываются чаще за военные конфликты. Следует отметить, что из приводимых данных видна предвзятость основных критериев при введении санкций Западом и региональными организациями: ведь права человека и демократия там формулируются по западным лекалам. *Различия в сроках прекращения и продолжительности действия санкций.* Обсуждение здесь также иллюстрируется диаграммой на основе статистики. Наиболее длительные санкции санкционированы ООН (в среднем 62 мес.), за ними следуют ЕС (46 мес.), США (44 мес.) и региональные организации (23 мес.). Обсуждаются причины этого. На региональные организации приходится наибольшее число отменённых санкций (95%), на США — наибольшее число продолжающихся санкций (31%). Наиболее длительные санкции США в отношении Кубы — около 60 лет, наиболее короткие — США и ЕС в отношении

России в ответ на неудавшийся переворот в августе 1991 г. — 3 дня. Но надо отметить, что это был ещё СССР и действия ГКЧП были его внутренним делом; следовательно, эти санкции были вмешательством Запада во внутренние дела другой страны. *Различная структура санкций.* Обсуждается механизм разработки и формулирование санкций. Построена диаграмма результатов применения санкций. Все изученные инициаторы санкций (см. выше) чаще всего снимают их в результате согласия (в том числе молчаливого) с требованиями инициатора, реже — при «капитуляции» инициатора, или путем переговоров, или заходят в тупик. Лишь для санкций ООН бывает только два варианта: согласие с этими санкциями (чаще) или тупик. США занимают последнее место по включению чётких требований о прекращении санкций, т. к. они ввели наибольшее число неоднозначных санкций, когда конкретные требования не прописаны (30%). *Заключение.* Инициаторы санкций регулярно отменяют их, когда правительства стран-мишеней не выполнили политические требования. При этом США чаще всего вводят санкции, а в случае политического неуспеха прекращают их в 1/4 случаев, что больше, чем в ЕС, ООН и региональных организациях. Наиболее чёткие требования к прекращению действия санкций устанавливает ООН. Авторитарные и экономически сильные страны лучше других противостоят санкциям. Можно заключить, что данная статья уникальна тем, что её выводы обоснованы статистикой.

9. А. Хофер. Насилие на расстоянии: исправление неадекватности международного права, представление об экономическом принуждении. *Пробел в международном праве относительно санкций.* На основе анализа международного законодательства и исследований показано, что санкции являются формой насилия, что противоречит запрету на применение силы, закреплённому в ст. 2(4) Устава ООН. *Санкции как насилие.* На основе анализа исследований по международному праву показано, что структурные и экономические санкции являются формами насилия. «Из-за своей карательной природы санкции являются инструментами взаимодействия, которые создают иерархию между тем, кто применяет санкции, и объектом санкций (это не означает, что последний принимает эту позицию). Они являются проявлением фактического неравенства между государствами». В виде примера приводятся США, пользующиеся зависимостью стран от доллара и наиболее часто вводящие экономические санкции, в том числе вторичные или экстерриториальные. Основная логика стран-инициаторов в том, что экономический ущерб приносит политическую выгоду. Хотя в наше время избирательные санкции направлены против конкретных секторов экономики, они часто предназначены для нанесения максимального ущерба государствам-мишеням. Обсуждаются санкции против режима Б. Асада в Сирии за серьёзные нарушения прав человека и международного гуманитарного права, на деле способствовавшие инфляции, сокращению занятости, снижению заработной платы, падению покупательной способности, росту чёрного рынка, ухудшению инфраструктуры, социальных услуг и т. д. Санкции затруднили восстановление Сирии, поддерживая бедность населения. *Переосмысление санкций в международном праве.* Показано, что адресные санкции также создают насилие в отношении гражданского населения. Однако «юристы-международники могут легко прибегнуть к формализму: мы не изобретаем правила, это делают государства, и до сих пор государства не создали правил, ограничивающих применение санкций». Отмечается, что современные западные санкции против России направлены на подрыв её экономики. *Заключение.* Главные выводы обоснованы: «Хотя формально санкции были инструментом ведения войны, в настоящее время они рассматриваются как форма правосудия в межгосударственной системе, особенно среди западных государств и учёных. Как ясно из обсуждения в этой главе, экономические санкции вряд ли являются решением международных проблем и приводят к экономическому и структурному насилию. <...> Если санкции являются средством восстановления

справедливости и оказания помощи страдающему населению, как мы можем примирить это с фактом, что они вызывают дальнейшую несправедливость и страдания?»

10. З. Леони, М. Куреши, С. У. Парселс. Санкции. Когда санкции терпят неудачу: разделение и политика США в отношении Китая. *Разъединение как косвенная санкция: определение.* В контексте экономических санкций кратко обсуждаются возможности ослабления взаимной зависимости КНР и США. *От американо-китайской экономической и технологической взаимозависимости к геоэкономическому соперничеству.* Приводятся сведения об отношениях США и КНР после разрушения СССР и показатели их возраставшей экономической взаимосвязи. Переход к санкциям в последнее время может нанести краткосрочный ущерб США, но в долгосрочной перспективе они должны снизить зависимость от китайской экономики. Разделы *Политика Обамы и Трампа по отделению от Китая* и *Стратегия Байдена по «позитивному разделению»* представляют краткие обзоры изменений американской политики в отношении КНР при этих президентах. *На пути к «железному занавесу 2.0»? Что это означает для изучения санкций.* В 2020-х гг. вероятность возникновения нового «железного занавеса» возросла. «Железный занавес-2» подтвердил бы наличие значительной части стран, на которые невозможно повлиять экономическими средствами и которые предпочли бы остаться за пределами либерального миропорядка. *Заключение.* «От Обамы к Трампу и от Трампа к Байдену политика США не смогла изменить поведение Китая, стало очевидно, что необходим сдвиг в подходе США; это побудило администрацию Байдена работать над более последовательной, чётко сформулированной и амбициозной политикой отделения по сравнению с его предшественниками. <...> В настоящее время идёт процесс переориентации, ускоренный войной на Украине, который потенциально может привести к созданию “Железного занавеса 2.0” <...> Прекращение взаимодействия, скорее всего, станет долгосрочной политикой». Эти прогнозы трудно комментировать, тем более что «Железный занавес-2» при Дж. Байдене так и не возник, а при сменившем его президенте Д. Трампе прогнозировать американо-китайские отношения пока рано.

11. В. Амели. Односторонние санкции как замедлители устойчивого развития. *Эволюция санкционных режимов.* В 1990-х и 2000-х гг. санкции были всеобъемлющими и применялись преимущественно ООН. Санкции против Сербии и Черногории привели к росту инфекций и повышению смертности, санкции США против Кубы и Гаити — к резкому росту случаев недоедания, санкции против Ирака — к резкому повышению детской смертности. Всеобъемлющие санкции стали ассоциироваться с тяжёлыми гуманитарными последствиями и «коллективным наказанием». В результате санкции стали вводить избирательно, в основном их вводят США и ЕС. Секторальные санкции замедляют устойчивое развитие. Из них наиболее серьёзные гуманитарные последствия имеют финансовые санкции. Вторичные санкции с точки зрения международного права незаконны. Государственные и частные предприятия часто выбирают «чрезмерное соблюдение» санкций, опасаясь наказания со стороны Управления по контролю за иностранными активами США и нарушения отношений с американскими предприятиями. Дана краткая история санкций против Ирана, Сирии и Венесуэлы. *Зависимость от природных ресурсов, экономический рост и устойчивое развитие.* Для этих трёх стран важный фактор спада экономики — степень её зависимости от нефти и от торговых связей с США до санкций. Приведены графики сокращения ВВП на душу населения. *Искусственно созданное инфляционное давление* — доминирующий механизм, замедляющий развитие и приводящий к обеднению населения. Обсуждаются уровень бедности в разных странах, инфляция, её роль в росте бедности населения и механизмы этого в Иране и Венесуэле. *Снижение способности к обмену иностранной валюты* влияет на замедление экономического развития, снижение уровня жизни, возникновение дефицита по цене продуктов питания,

медикаментов, основного оборудования и промышленных запасных частей. В Сирии и Венесуэле это вызвало рост голода и недоедания. Санкции на Иран усилили неравенство в обществе. В Тегеране 4000 преждевременных смертей и 40000 смертей в Иране ежегодно происходят от неблагоприятных условий среды. Этому способствует использование старых автомобилей с высоким уровнем выбросов: санкции не позволяют Ирану импортировать технологии и оборудование для снижения выбросов. *Чрезмерное соблюдение требований частными и государственными структурами при санкциях США и ЕС ухудшает в том числе продовольственную безопасность, связи социальных и научных кругов и т. д.* Обсуждается влияние на Иран и Сирию. *Перспективы и направления на будущее.* Односторонние санкции ставят под угрозу безопасность людей, а не государства.

Часть III. Страны-мишени. Голоса стран под санкциями

12. **И. Тимофеев.** **Действительно ли санкции работают? Случай современных западных санкций против России.** *Баланс санкций и контрсанкций до 2022 г.* Обсуждаются санкции США против России и её ответ. *Санкции 2022 года.* Кратко излагается предыстория конфликта России и Украины последних лет, реакция Запада и меры России по противостоянию.

13. **Чж. Сюй, Л. Вэй.** **Санкции США и китайская политическая экономия.** *Новая волна санкций.* Обсуждается динамика санкционных действий США против КНР. *Реакция.* Раздел посвящён реакции разных слоёв общества КНР на действия США. *Либералы. Националисты. Левые.* Отмечается, что в последние годы левые в КНР завоёвывают всё большую аудиторию. *Смешанное послание китайского правительства.* Три лагеря, указанные выше, тесно связаны с официальной политикой КНР, но всё же не полностью следуют ей, власти и КПК в своей политике используют элементы из разных лагерей. Политика избегания конфликтов с Западом эффективна для развития КНР. *Заключительные заметки.* Основным направлением остаётся сотрудничество КНР с Западом. Обсуждаются возможности доминирования указанных трёх лагерей в политике КНР в зависимости от отношений с Западом.

14. **Х. Масуди.** **Иранские дискурсы и практика, связанная с санкциями США: администрации Рухани и Раиси.** Обозначены основные санкции США против Ирана после Исламской революции. Обсуждаются разные варианты их введения. Как правило, наиболее успешны санкции, которые преследуют конкретные и ограниченные цели и осуществляются при поддержке международных институтов. *Санкции как инструмент внешней политики.* Санкции — разновидность карательных действий правительств друг против друга для изменения поведения или даже политической системы. Основной вывод из применения экономических санкций — что они не смогли изменить поведение стран. *Санкции США против Ирана. Санкции администрации Трампа против Ирана. Санкции администрации Байдена против Ирана. Санкции конгресса США против Ирана.* Эти разделы — обзор санкций, введённых разными ветвями власти США. *Дискурсы Ирана против санкций.* Обсуждаются высказывания иранских властей о санкциях США. *Практики Ирана против санкций.* Обсуждаются внешнеполитические действия Ирана для нейтрализации западных санкций. *Заключение.* Для преодоления санкций Иран стремится к развитию наукоёмкой экономики, её диверсификации, расширению торговли с соседями, сотрудничеству с другими странами под санкциями.

15. **Р. Р. Родригес.** **Политическая экономия санкций: случай Кубы.** *Экономические санкции США против Кубы: историческая основа.* Обсуждается история введения санкций против Кубы с 1959 г. *Санкции США против Кубы: эмбарго, бойкот или блокада.* Обсуждаются формы санкций США. *Санкции США против Кубы: экстерриториальность.* Обсуждаются международные

аспекты санкций США против Кубы. *Чрезмерное соблюдение: «сдерживающий эффект» продления санкций США в отношении Кубы.* Отмечается, что чрезмерное соблюдение требований имеет место, когда банки замораживают активы, не подпадающие под действие санкций, отказывают физическим лицам в возможности открывать или поддерживать банковские счета или совершать транзакции только потому, что они являются гражданами страны, на которую наложены санкции. Чрезмерное соблюдение некоторых требований банками препятствует участию государств, международных организаций, дипломатов и отдельных лиц в странах-мишенях в международном сотрудничестве, функционированию диппредставительств, представительств международных организаций, реализации гуманитарных проектов. США пытаются контролировать действия третьих стран экстерриториально, нарушают право кубинцев на развитие в противоречии с международным правом.

16. Ф. Б. Фримпонг. Непредвиденные последствия санкций государств-членов Африканского союза: мифы и реальность. *Процедуры санкций в Африканском союзе.* В нём состоят 55 государств, его конституция наделяет его правом вводить санкции к членам, которые нарушают согласованные законы, — за неуплату взносов, неконституционную смену правительств, неследование политике Союза. Последний ввёл санкции против бóльшего числа своих членов, чем другие региональные организации. Подвергаются предупредительным и промежуточным санкциям, отстранению от заседаний Союза члены, которые не выполняют обязательства более двух лет. Наиболее частая форма санкций — приостановление членства. *Экономические эффекты от санкций.* Приводятся и обсуждаются случаи применения санкций Африканским союзом в 2003–2022 гг. Периоды действия санкций обычно приводили к снижению ВВП на душу населения. «Санкции оказывают непредвиденное воздействие на гражданское население, которое затрагивает обычных людей в большей степени, чем лидеров страны, на которую они направлены».

Часть IV. Третьи стороны. Последствия вторичных санкций

17. Н. Мияваки. Последствия изменений курса санкционной политики Японии и Кореи. *Введение: «двусмысленный стиль» санкций.* Обсуждается следование Японии и Кореи санкционному курсу США. Обсуждаются санкционные меры. *Концепция «игры в как будто» в санкциях Японии и Южной Кореи.* Обсуждается то, как Япония и Южная Корея, хотя и дали формальное согласие следовать санкционному курсу США против России, пытались уклониться от его проведения. *Более «искренние» санкции введены в 2022 г., но серьёзные исключения ещё существуют.* В 2022 г. Япония и Южная Корея решили ввести экономические санкции против России. Обсуждается их характер. *Серьёзные исключения или лазейки? Сахалинская и корейская компании «закрываются».* Обсуждаются особенности сокращений экономических связей Японии и Южной Кореи с Россией после 2022 г. *Концепция санкций на частном уровне объясняет масштаб лазеек.* Обсуждается недовольство частных компаний Японии и Южной Кореи санкциями против России. *Заключительные замечания: могут ли Япония и Корея избавиться от неприятных воспоминаний о случаях Германии и Ирана?* Япония была заинтересована в разработке нефтяных месторождений Ирана, но санкции США вынудили её отказаться от этого. В этом есть аналогия вмешательству США в планы советских трубопроводов в ФРГ в 1960-х — 1980-х гг. Следование санкциям США связано с двусторонним союзом обеих стран с США, который является ключевым в сфере их военной и политической безопасности.

18. А. Кафруни. Наступление санкций США: последствия для «третьих сторон» и трансатлантических отношений. Обсуждаются в основном Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) в отношении Ирана, проект трубопровода «Северный поток», эскалация технологической

войны США с Китаем и влияние этого на европейские компании и государства. *Европа, США и СВПД*. Попытка ЕС поддержать СВПД против американских возражений стала одним из самых серьёзных разногласий в мире со времён Второй мировой войны. Эти действия рассматриваются как активное противодействие ЕС Соединённым Штатам по важному стратегическому вопросу, когда ЕС старался отстаивать автономию своих решений. В 2018 г. ЕС, РФ и КНР поддержали СВПД и подтвердили мирный характер ядерной программы Ирана. Но США ввели санкции, мешавшие Ирану получить доступ к долларам, блокировавшие его торговлю автомобилями, самолётами, сталью и алюминием. В результате многие европейские компании ушли из Ирана. В 2019 г. объём торговли ЕС с Ираном сократился на 75%, иранский экспорт — на 94%. Санкции США сохранялись. В 2022 г. США ввели вторичные санкции на экспорт иранской нефти. *«Северный поток–2»: США, Германия и европейская энергетическая автономия*. Обсуждается история вокруг газопровода «Северный поток–2». Указывается, что линия на прекращение деятельности этого трубопровода проводится США с тем, чтобы уменьшить зависимость Германии от российских углеводородов и усилить — от американских. *Европа под перекрёстным технологическим огнём*. Описывается история американских санкций против китайской компании «Хуавэй» и реакции ЕС на это. В *Заключении* отмечается, что влияние вторичных санкций США на Европу связано с превосходством доллара и значимостью американского рынка. Попытки Европы сохранить здесь «автономию» безуспешны.

19. К. Киркхэм, А. Топлишек. Влияние западных санкций на глобальные цепочки поставок и «зелёный переход»: пример производства электромобилей в Южной Корее и ЕС. *Влияние санкций на глобальные цепочки поставок*. Обсуждаются изменения в характере цепочек поставок в связи с санкциями. Атмосфера борьбы с санкциями сильно подрывает уверенность бизнеса и доверие к отношениям, уже пострадавшим от пандемии COVID-19. Санкции и экспортный контроль становятся всё более взаимосвязанными. Американские санкции к КНР направлены на изменения глобального производства в рамках свободных от КНР цепочек поставок. Обсуждается технологическое сотрудничество США и Южной Кореи в связи с американскими санкциями против КНР.

20. М. К. Власкамп. Как реагируют третьи стороны на товарные санкции? Типы сырьевых санкций. Обсуждаются сырьевые санкции, в частности, на нефть, газ и редкоземельные элементы. Выделены три группы санкций на импорт: направленные против конкретного товара из страны; касающиеся не самого товара, а физических и юридических лиц, вовлечённых в сырьевой сектор; затрудняющие производство или продажу товара иностранному субъекту. *Реакции на санкции в отношении природных ресурсов*. Рассмотрен ряд их сценариев. (I) Третье государство поддерживает санкции, компании соблюдают их. (II) Третье государство поддерживает санкции, компании игнорируют их. (III) Третье государство игнорирует санкции, компании соблюдают их. (IV) Третье государство игнорирует санкции, компании игнорируют их. (V) Третье государство выступает против санкций, компании соблюдают их. (VI) Третье государство выступает против санкций, компании игнорируют их. В связи с санкциями решения третьих сторон не всегда совпадают с реакциями компаний в них.

21. М. Ондер. Обзор вторичных санкций: Турция под угрозой западных экономических санкций. *Концептуализация вторичных санкций*. Санкции бывают первичными или вторичными, всеобъемлющими или избирательными, односторонними или многосторонними. Приводится схема, отражающая типологию экономических санкций. *Цели вторичных санкций*. Эти цели — расширение многостороннего сотрудничества, дополнение основных санкций, рост стоимости, целевые институции, расширение сферы применения санкций, обеспечение международной поддержки, сдерживание нежелательного поведения, катализ изменения поведения государства,

более строгое соблюдение норм международного права, помощь формированию коалиций, применяющих санкции. Следует отметить, что эти цели частично перекрываются, а некоторые из них относятся и к первичным санкциям. *Барьеры на пути к эффективности: проблемы, которые необходимо преодолеть* — трудность применения, важность убеждения третьих сторон, соблюдение торговых соглашений, отсутствие прозрачности, уклонение от выполнения. *Турция как «третья сторона»*. Обсуждается уникальное геополитическое положение Турции на Востоке и Западе в связи с возможностями обхода вторичных западных санкций в отношении России. Эти санкции были успешны в документированном изменении поведения (например, в банковском секторе), но недокументированные отношения между предприятиями, видимо, трудно изменить.

22. Р. Чаухан. Развивающаяся Индия и санкции: соблюдение баланса норм и интересов. *Историческое наследие санкций.* Описана история применения санкций Индией в отношении других стран. *Индийская политика санкций.* Описана история применения санкций в отношении Индии. *Исторический обзор: Индия как основная мишень.* Описана история санкционного давления США на Индию в связи с её ядерной программой. *Индия в качестве второстепенной цели — «третьей стороны».* В этом качестве для Индии особенно важны санкции к Ирану и России. *Россия: санкции против «друга».* Обсуждаются вопросы соблюдения баланса интересов и глобальных норм, влияние на Индию западных санкций против России. *Иран: санкции против торгового партнёра.* Обсуждаются те же два вопроса, что о санкциях против России. *Заключение: взаимное приспособление.* В случае с Россией Индия зависела в основном от поставок военной техники, с Ираном — от поставок нефти. Государства-инициаторы санкций сотрудничали с Индией в поисках компромисса. Индия пытается сбалансировать свои интересы и международные обязательства. В отличие от КНР Индия не разработала законодательные меры против санкций.

Часть V. Горячие дебаты: правовые аспекты санкций

23. А. Ф. Духан. Гуманитарные последствия односторонних санкций. *Сфера применения односторонних санкций.* В международном праве нет чёткого определения санкций, а имеющаяся терминология противоречива. Приведены цитаты из документов ООН о том, что односторонние санкции не соответствуют международному праву, а односторонние принудительные меры ему противоречат. В результате государства предпочитают представлять одностороннюю деятельность не как принудительные меры, а использовать другие термины, в частности, санкции. Приводятся разные классификации санкций. *Гуманитарные последствия односторонних санкций: основные факты.* «Как правило, всё население государства-мишени подвергается негативному воздействию односторонних санкций, а также чрезмерного соблюдения санкций <...> Секторальные санкции в отношении товаров, имеющих решающее значение для экономики, ведут к общему экономическому кризису, растущему уровню безработицы, бедности, отсутствию продовольственной безопасности и сокращению доступных программ социальной поддержки <...> Санкции в отношении отдельных лиц и компаний затрагивают права указанных лиц и членов их семей, сотрудников компаний и зачастую всего сектора экономики, если они вводятся в отношении лиц, отвечающих за такие сектора <...> Лишают людей доступа к образованию и Интернету, возможности ходить на работу и путешествовать, затрагивая, таким образом, их право на труд, на здоровье, чистую воду и санитария, на питание, образование, свободу выражения мнений, свободу передвижения и, следовательно, их право на жизнь и право на развитие <...> Односторонние санкции и их чрезмерное соблюдение могут повлиять на права всего населения страны, даже если санкции формально включают только адресные меры <...> Чрезмерное соблюдение односторонних санкций препятствует,

задерживает или удорожает закупки... товаров, включая гуманитарные товары и услуги, такие как продукты питания первой необходимости, медикаменты, медицинское оборудование и запасные части к такому оборудованию, даже если эти товары не входят в санкционные списки и не подпадают под действие санкционных режимов, даже если это необходимо срочно и если они необходимы для спасения жизни. Такая практика... лишает людей в этих странах доступа к своей собственности, выполнения своих финансовых обязательств и осуществления предпринимательской деятельности, занятий повседневными делами, включая заказы товаров, переводы или получение денег от своих семей, простые платежи на обычные нужды, бронирование авиабилетов и отелей, участие в международном сотрудничестве, в том числе в сферах культуры, науки, спорта и многих других. Они также препятствуют их доступу к правосудию, в том числе в национальных и международных судах и инвестиционных трибуналах для реагирования на обвинения и для самозащиты, тем самым отказывая в таких фундаментальных правах, как презумпция невиновности, надлежащая правовая процедура, право на защиту и справедливые слушания и судебные процессы». Я привожу эту длинную цитату (опуская ряд примеров), поскольку она содержит детальный перечень нарушений прав человека, вызываемых введением даже избирательных санкций, которые считаются на Западе самыми гуманными. *Влияние односторонних санкций на достижение целей в области устойчивого развития.* Приводится ряд примеров того, как данные санкции препятствуют устойчивому развитию, вызывают кризисы, влияющие прежде всего на самые уязвимые группы населения. *Последствия для гуманитарных организаций и гуманитарной деятельности.* На основе ряда примеров сделаны выводы, что гуманитарные льготы очень ограничены и неэффективны даже в отношении доставки жизненно необходимых товаров. Предоставление исключений по гуманитарным соображениям очень длительное, дорогое и запутанное. Один из главных выводов следующий: «Гуманитарные последствия односторонних санкций и чрезмерного их соблюдения... обычно затрагивают всё население страны, в отношении которой введены санкции, оказываясь особенно пагубными для наиболее уязвимых групп: беднейших слоев населения, мигрантов, людей, страдающих хроническими и тяжёлыми заболеваниями, женщин, детей и пожилых людей. В результате затрагиваются почти все категории прав человека: гражданские, экономические, социальные, культурные, право на развитие, во многих случаях даже право на жизнь». В целом выводы автора хорошо обоснованы примерами и документами.

24. Д. Андресен. Вторичные санкции США всё-таки законны? Соответствие санкций США общим принципам международного права. Автор пишет, что, хотя некоторые предполагают, что все санкции, применяемые государствами независимо от Совета безопасности ООН, незаконны, ни в обычном, ни в позитивном международном праве нет оснований для поддержки этого утверждения. По его мнению, распространенная и растущая практика государств по введению экономических санкций, видимо, наносит решающий удар по таким аргументам; трудно определить в отсутствие явного нарушения установленной нормы международного права, являются ли вторичные санкции незаконным вмешательством или злоупотреблением правами. Обсуждается несколько работ, призванных обосновать правомочность вторичных санкций. *Вопросы и ответы о юрисдикции.* Обсуждаются юрисдикционные притязания США при введении вторичных, экстерриториальных санкций. При таких санкциях иностранные участники, если будут участвовать в санкционных видах деятельности, будут лишены некоторых привилегий на американском рынке. Хотя эти санкции направлены на влияние на иностранных лиц, они имеют прочную юрисдикционную основу на территории гражданства Соединённых Штатов, поскольку реально регулируют деятельность только граждан США. *Юрисдикция к иностранным компаниям, принадлежащим или контролируемым США.* Указывается, что трудно рассматривать как осуществление

экстерриториальной юрисдикции санкции США против граждан США: эти санкции следуют логике, аналогичной таковой в отношении лишения привилегий. Отмечается, что «международное право допускает значительную свободу действий при применении юрисдикции в области безопасности». Правда, критерии обоснованности этой безопасности не обсуждаются. *Юрисдикция в отношении реэкспорта американских товаров*. Юрисдикция по принудительному исполнению в контексте реэкспорта американских товаров также рассматривается на основе принципа безопасности. Посредством контроля за реэкспортом США разъясняют иностранным компаниям условия доступа на рынок. Как это соотносится с декларируемыми США принципами свободного рынка, автор не обсуждает. *Юрисдикция в отношении использования финансовой системы США иностранными лицами за рубежом*. Обсуждаются юрисдикция США в отношении своей финансовой системы при введении вторичных санкций и несколько примеров, связанных с этим вопросом. В *Заключении* указывается, что вторичные санкции США «не являются незаконными ни в соответствии с общими принципами международного права, такими как невмешательство, ни в соответствии с международным правом юрисдикции... Санкции, связанные с контролем за реэкспортом, и вторичные финансовые санкции не являются незаконными в соответствии с международным правом юрисдикции. <...> Несмотря на частые заявления об обратном, когда речь заходит о принудительных действиях США, они, как правило, имеют очень веские территориальные или национальные основания для юрисдикции США. Но в некоторых случаях, особенно в контексте контроля за реэкспортом, может потребоваться опора на принцип безопасности юрисдикции». Данная глава в значительной мере построена на дискуссии с работой Ruys, Ryngaert (2020). Глава показывает негативные стороны использования доллара США как мировой валюты для суверенитета других государств, хотя это в ней не обсуждается.

25. П. Аскарри. Принцип невмешательства и дилемма законности односторонних принудительных мер. *Односторонние принудительные меры (ОПМ) и вмешательство во внутренние дела государства, против которого введены санкции. ОПМ как контрмеры.* Только Совету Безопасности ООН разрешено применять эти меры, тогда как отдельным государствам можно принимать «соразмерные, ограниченные и обратимые меры против виновного государства только в том случае, если эти реакции не противоречат определённым обязательствам» (перечислены). «Политические лидеры государств, вводящих санкции, обычно оправдывают их как действия по защите прав человека, пресечению международного терроризма или по другим причинам “общего блага” <...> На самом деле большинство нынешних мер по борьбе с коррупцией, особенно те, которые принимаются США, в основном являются частью американской внешней политики, направленной на то, чтобы заставить другие государства предпринять определённые действия». США связывают введение санкций с правом на ведение свободных экономических отношений. Однако среди государств и исследователей нет единого мнения по экстерриториальному применению мер в области прав человека. *ОПМ и вмешательство во внутренние дела государства, против которого введены ОПМ как контрмеры.* Общеизвестно, что контрмеры не могут носить карательного характера. Только Совету Безопасности ООН разрешено применять их. «Тем не менее, международное обычное право разрешает потерпевшему государству принимать соразмерные, ограниченные и обратимые меры против виновного государства только в том случае, если эти реакции не противоречат определённым обязательствам, таким как обязательство не применять силу, обязательства гуманитарного характера и обязательства уважать права человека» и т. д. Но США предпринимает более широкие действия. Обсуждается применение разных мер в разных ситуациях. *Суверенные права, принуждение и принцип Лотоса.* Этот принцип предусматривает, что, согласно международному праву, государства обладают «широкими дискреционными полномочиями, которые

лишь в определённых случаях ограничиваются запретительными нормами. Другими словами, для государств не существует никаких ограничений, за исключением случаев, когда существует норма международного права, запрещающая то или иное действие или бездействие». Обсуждается коллизия с применением ОПМ, когда одни страны это санкционируют, а другие возражают. По мнению некоторых авторов, существует конкретное обязательство «уважать право других государств на иностранное вмешательство в их внутренние дела, которое существенно отличается от права быть свободным от экономического принуждения». Однако Генеральная ассамблея ООН не раз подчёркивала, что ОПМ противоречат международному праву. *Экстерриториальное применение санкций в области прав человека и принцип невмешательства*. Исследования показывают, что ОПМ оказывают большое негативное воздействие на права человека. *ОПМ и вмешательство в дела третьих государств*. Приводятся примеры по данному вопросу, в частности, с отношениями Ирана и США. Заключается, что «ОПМ в целом угрожают фундаментальным правам международного сообщества и основополагающим принципам международного права, таким как суверенное равенство, невмешательство, добросовестность и сотрудничество между государствами».

26. А. Али. Оценка законности санкций ЕС, введённых в отношении Российской Федерации с 2022 г. *Юрисдикция Суда ЕС в отношении общей внешней политики и политики безопасности и Роснефти-2017*. Обсуждаются коллизии, связанные с обсуждением в Европейском суде вопросов, связанных с компанией Роснефть, в частности, вопросов о его юрисдикции в данном случае. *Законность мер против «режима Януковича»: незаконное присвоение государственных средств*. Обсуждаются меры ЕС против бывшего президента Украины В. Януковича. *Экономические секторальные санкции и (широкая) свобода действий институтов ЕС*. Обсуждаются санкции ЕС после вхождения Крыма в состав РФ. *Санкции против России после февраля 2022 г.: дело “Russia TV France”*. Обсуждаются юридические решения структур ЕС при введении запрета вещания этой телекомпании. *Ограничительные меры и семейные связи*. Обсуждаются юридические меры ЕС в отношении некоторых граждан РФ в последние годы.

* * *

Итак, большинство авторов рецензируемой работы соглашается с законностью санкций Совета Безопасности ООН, но сомневается в законности односторонних и вторичных санкций. В книге показано несоответствие таких санкций международному праву, а также то, что даже избирательные санкции приводят к серьёзным отрицательным последствиям в экономике, гуманитарной сфере и к массовым нарушениям прав человека. Поскольку санкции остаются одним из главных орудий Запада, можно сделать вывод, что, поскольку права человека декларируются как одна из основ западной демократии, её неотъемлемой чертой являются двойные стандарты.

Далее, из данной работы следует, что, хотя санкции становятся всё более распространёнными и разнообразными, их природа с давних времён остаётся прежней: это один из инструментов наказания за коллективную ответственность (или вину) — причём не только тех, кого объявляют ответственным или виновным, но и остальных, кто с ними связан в силу принадлежности к одной этнической, социальной или политической совокупности, причём независимо от того, могут ли они повлиять на события.

Правомерность коллективной вины обсуждается в рамках права, социологии, философии и психологии [Ясперс, 1999]. Иногда коллективная ответственность и(или) виновность разделяются. В этих случаях политическая ответственность возлагается на каждого члена общества лишь в силу того, что он к этому обществу относится — независимо от его личного участия в событиях [Арендт, 2013, с. 206–209].

Представление о коллективной ответственности или вине существует как минимум со времён античности, и лежало оно в основе не только наказания Афинами мегарских купцов в 433 г. до н. э. (что приводится неоднократно в данной книге), но и в более жестоких формах, например, в актах геноцида, этнической дискриминации, английских и американских ковровых бомбардировках жилых кварталов немецких и японских городов с уничтожением сотен тысяч мирных жителей и т. п. Получается, что в политике западных демократий сохраняется в «облегчённом» виде тот самый архаичный стиль, который там принято осуждать как реакционный и тоталитарный.

В целом рецензируемая работа, за исключением некоторых недочётов, полезна для исследователей, политиков и разработчиков политики. В то же время представленные в ней материалы ставят некоторые вопросы, которые нуждаются в дальнейшем изучении.

Литература / Reference

Арендт Х. *Ответственность и суждение*. М.: изд. Института Гайдара, 2013 [Arendt H. *Responsibility and judgment*. Moscow Gaidar Institute, 2013 (in Russian)].

Тимофеев И. Н., Рождественская О. С., Соколова Т. С., Чуприянова П. И. *Политика санкций: понятие, институты, практика: учебно-методические материалы № 11*. НИ РСМД, 2024 [Timofeev I. N., Rozhdestvenskaya O. S., Sokolova T. S., Chupriyanova P. I. *Sanctions Policy: Concept, Institutions, Practice: Educational and Methodological Materials no 11*. Moscow: NP RSMD, 2024 (in Russian)].

Ясперс К. *Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии*. М.: Прогресс, 1999. 146 с. [Jaspers K. *The Question of Guilt. On Germany's Political Responsibility*. Moscow: Progress, 1999 (in Russian)].

Asada M. Definition and legal justification of sanctions. *Economic Sanctions in International Law and Practice*. London — New York, 2020. Pp. 3–23.

Dupont P.-E. Human rights implications of sanctions. *Economic Sanctions in International Law and Practice*. London — New York, 2020. Pp. 39–61.

Jentleson B. W. *Sanctions. What Everyone Needs to Know*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2022.

Kirkham K. *The Political Economy of Sanctions: Resilience and Transformation in Russia and Iran*. London: Palgrave Macmillan, 2022.

Mulder N. *The Economic Weapon. The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War*. New Haven — London: Yale University Press, 2022.

Ruys T. and Ryngaert C. Secondary Sanctions: A Weapon Out of Control? The International Legality of, and European Responses to, US Secondary Sanctions. *The British Yearbook of International Law*. 2020. Pp. 1–116.

Subedi S. P. *The status of unilateral sanctions in international law // Unilateral Sanctions in International Law*. Oxford etc.: Hart, 2021. Pp. 19–60.

The Routledge Handbook of the Political Economy of Sanctions (Edited by Ksenia Kirkham). London–New York: Routledge, 2024. Официальный сайт: <https://www.routledge.com/The-Routledge-Handbook-of-the-Political-Economy-of-Sanctions/Kirkham/p/book/9781032355634>.

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-119-124

ВТОРОЙ СЪЕЗД РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ГИМАЛАЕВ И ТИБЕТА

© 2025

А. И. Коган, С. И. Каверин¹

Обзор посвящён Второму съезду Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета, состоявшемуся в ноябре 2024 г. в Санкт-Петербурге. Главной целью деятельности ассоциации является объединение и координация усилий исследователей, изучающих природу, культуру, историю и языки Гималайского региона и Тибетского нагорья. В рамках съезда была проведена междисциплинарная научная конференция «Российские исследования Гималаев и Тибета — 2024: природа и культура». На мероприятии в качестве участников и гостей присутствовало в общей сложности более 40 учёных, представлявших научные центры и учебные заведения Санкт-Петербурга, Москвы, Екатеринбурга, Краснодара, Красноярска и Тюмени.

Заседания конференции проходили в Зоологическом институте Российской академии наук (ЗИН РАН). В очном режиме и режиме онлайн было сделано 20 докладов, в которых затронут весьма широкий круг проблем, относящихся как к гуманитарным (искусствоведение, этнография, языкознание, история востоковедения), так и к естественнонаучным (ботаника, зоология, география) отраслям знания. Одним из важных моментов съезда была постановка вопроса о географических границах изучаемого региона. Участникам был также показан документальный фильм о гималайских исследованиях в России.

Ключевые слова: хроника конференции, Гималаи, Тибет, междисциплинарные исследования, индология, тибетология, история востоковедения

Для цитирования: Коган А.И., Каверин С.И. Второй съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 119–124. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-119-124

THE SECOND CONGRESS OF RUSSIAN ASSOCIATION OF RESEARCHERS ON THE HIMALAYAS AND TIBET

Anton I. Kogan, Sviatoslav I. Kaverin

The review covers the proceedings of the 2nd Congress of Russian Association of Researchers of the Himalaya and Tibet held in November 2024 in Saint-Petersburg. The main aim of the Association is to integrate and coordinate the efforts of researchers engaged in the study of nature, culture, history and languages of the Himalayan region and the Tibetan Plateau. The Congress hosted the interdisciplinary academic conference ‘Russian

¹ Коган Антон Ильич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kogan_anton@yahoo.com

Anton I. Kogan, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kogan_anton@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9220-4665

Каверин Святослав Игоревич, научный сотрудник Института востоковедения РАУ, Ереван; swat.slav@gmail.com
Sviatoslav I. Kaverin, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAU, Yerevan; swat.slav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1086-0488

Studies on the Himalaya and Tibet — 2024: Nature and Culture'. The total number of its participants and guests exceeded 40 academics representing research centers and educational institutions of Saint-Petersburg, Moscow, Yekaterinburg, Krasnodar, Krasnoyarsk and Tyumen. Sessions of the conference took place in the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences. Twenty five and online talks presented at the Conference addressed a wide range of issues relating to both the humanities (art history, ethnography, linguistics, history of oriental studies) and natural sciences (botany, zoology, geography). One of the important points of the Congress was raising the issue of geographical boundaries of the region under study. The participants were also shown a documentary film on Himalayan studies in Russia.

Keywords: conference chronicle, Himalaya, Tibet, interdisciplinary research, Indology, Tibetology, history of oriental studies

For citation: Kogan A. I., Kaverin S. I. The Second Congress of the Russian Association of Researchers on the Himalayas and Tibet. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 1. Pp. 119–124. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-119-124

28–29 ноября 2024 г. в Зоологическом институте РАН (Санкт-Петербург) прошёл Второй съезд Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета (РАИГиТ). Данное мероприятие было проведено в соответствии с решением, принятым на Первом съезде ассоциации, проходившем 23–24 ноября 2021 г. Главной целью деятельности РАИГиТ (основана 5 марта 2019 г.) является объединение и координация усилий исследователей, изучающих природу, культуру, историю и языки Гималайского региона и Тибетского нагорья.

Важнейшей составляющей съезда была междисциплинарная научная конференция «Российские исследования Гималаев и Тибета — 2024: природа и культура». К началу съезда были напечатаны красочная программа и материалы конференции. На мероприятии в качестве участников и гостей присутствовало более 40 учёных, представлявших научные центры и учебные заведения Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Краснодара, Красноярска и Тюмени. Заседания проходили в смешанном (очно-заочном) формате. Доклады затрагивали весьма широкий круг проблем, относящихся как к гуманитарным (искусствоведение, этнография, языкознание, история востоковедения), так и к естественнонаучным (зоология, ботаника, география) отраслям знания. Особенностью конференции 2024 г. было отсутствие параллельных секционных заседаний. Благодаря этому естественники и гуманитарии, слушая доклады друг друга, получали возможность составить весьма широкое представление о современных исследованиях Тибета и Гималаев в самых разных аспектах.

Утреннее заседание **первого** дня конференции (28 ноября) открыл президент Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета *Л. Я. Боркин* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербургский союз учёных). Затем было зачитано приветственное слово участникам и гостям мероприятия от Почётного консульства Непала в Санкт-Петербурге. Далее были заслушаны шесть докладов различной тематики.

Доклад *М. Ф. Альбедиль* (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) «Начало русского пути в Гималаи: князь А. Д. Салтыков» был посвящён анализу описаний двух индийских путешествий русского художника и писателя кн. Алексея Дмитриевича Салтыкова (1806–1859). Докладчик показал, что письма А. Д. Салтыкова, содержащие путевые заметки, представляют немалую ценность: с одной стороны, как источник по истории Индии, в частности её пригималайских областей, а с другой — как материал для лингвистического изучения эпистолярного стиля. Не менее значимы картины путешественника: они дают немало интересной информации об особенностях традиционного костюма индийских народов.

Кроме того, анализ живописи А. Д. Салтыкова с позиций визуальной антропологии может позволить выявить социокультурные установки художника, редко фиксируемые в вербальных текстах.

В докладе *Д. А. Кораблина* (Институт востоковедения РАН, Москва) «От тибетского искусства к гималайскому стилю: подходы, определения и история создания европейских коллекций (XX век)» был дан анализ эволюции западных представлений об искусстве Тибета и сопредельных гималайских областей в ходе интенсификации контактов Европы и США с данным регионом в минувшем столетии. Удалось проследить возникновение в ходе этой эволюции таких понятий, как «гималайский стиль» и «племенное искусство Гималаев».

Н. Г. Альфонсо (Государственный музей Востока, Москва) в своём докладе «Ритуальный сосуд из человеческого черепа: традиции и современность», основываясь на ряде тибетских текстов, рассказала о технологии производства ритуальных сосудов-*капала*, широко используемых в практике буддизма *ваджраяны*. Были даны также краткие описания подобных сосудов и их имитаций, хранящихся в Государственном музее Востока в Москве. Докладчик наглядно продемонстрировал, что продаваемые на торговых площадках в Интернете предметы, напоминающие сосуды-*капала*, в действительности представляют собой сувенирную продукцию.

На том же заседании были заслушаны два доклада, посвящённые изучению флоры и фауны Тибета и Гималаев: доклад *С. Ю. Золкина* (Главный ботанический сад РАН, Москва) «Создание иллюстрированной электронной базы данных по видам и местам произрастания растений (на примере 6-й Западно-Гималайской комплексной биогеографической экспедиции Санкт-Петербургского союза учёных)» и совместный доклад *В. С. Артамоновой* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *С. В. Павловой* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *Д. Ю. Александрова* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *В. В. Боброва* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *Е. А. Коблика* (Научно-исследовательский зоологический музей, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), *А. А. Махрова* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва) и *Б. И. Шефтеля* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва) «Позвоночные животные Тибета, названные в честь российских путешественников и исследователей».

В завершение утреннего заседания первого дня конференции с докладом по теме «Внук великого русского писателя, американский майор Илья Толстой и операции США в Тибете» выступил *Л. Я. Боркин* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербургский союз учёных). Слушатели узнали ряд интересных фактов биографии одного из представителей семейства Толстых — Ильи Андреевича Толстого (1903–1970). В 1924 г. он эмигрировал из Советского Союза в США, в начале 1940-х поступил на службу в американскую армию и примерно в это же время возглавил первую американскую миссию в Тибет, к организации которой непосредственное отношение имела тогдашняя разведывательная служба США — Управление стратегических служб (УСС). В докладе кратко описаны работа миссии, деятельность И. Толстого после её завершения, а также операции ЦРУ в Тибете во 2-й половине XX в.

Вечернее заседание первого дня было посвящено обсуждению ряда организационных вопросов. Итогом отчётно-перевыборного собрания стало принятие резолюции о времени и месте следующего съезда РАИГиТ.

Утреннее заседание **второго** дня (29 ноября) открыло выступление *Ю. И. Елихиной* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский государственный университет) с докладом «Непальские костяные украшения ламы-тантриста из коллекции Государственного Эрмитажа».

Продемонстрированный докладчиком богато украшенный набор, состоящий из ритуального передника, шапочки и двух костяных браслетов, надевали исполнители тибетской ритуальной мистерии *цам*.

В докладе *А. И. Когана* (Институт востоковедения РАН, Москва) «Реконструкция языковых контактов в верхней части бассейна Инда: промежуточные итоги» кратко изложены результаты новейших исследований языкового состава населения горных областей, расположенных в верхнем течении р. Инд (прежде всего в пределах нынешних Ладакха и Балтистана), до начала их заселения тибетцами в VIII в. н. э. Этимологический анализ заимствованной лексики тибетских диалектов указанного региона дал основания полагать, что территория сегодняшнего Балтистана в дотибетскую эпоху была заселена носителями ранней формы языка *бурушаски*, в то время как в Ладакхе в тот же период говорили на некоем индоиранском диалекте, обнаруживающем историко-фонетические особенности *дардской* языковой группы. Как выяснилось, этот диалект оказал заметное лексическое влияние не только на *ладакхи*, но и на *бурушаски*, где слова, усвоенные из данного источника, образуют отдельный, чётко выделяемый по формальным критериям этимологический пласт арийских заимствований.

Т. Е. Морозова (Государственный институт искусствознания, Москва) представила доклад по теме «Живое искусство древних *чарья-нритья-гити*». Эти ритуальные песенно-танцевальные представления зародились и бытуют в лоне буддийских обрядовых традиций *ваджраяны*. Благодаря мастерству непальских музыкантов и танцовщиков происходит дальнейшее совершенствование исполнительской школы этого уникального творчества, постепенно выходящего за рамки ритуальности и всё более укрепляющегося в статусе традиционного национального искусства.

Доклад *Л. А. Стрельцовой* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Народный танец лимбу *дхан нач*» продолжил тему традиционного исполнительского искусства жителей Непала. *Дхан нач* исполняют на различных праздниках не вступившие в брак юноши и девушки народности *лимбу*, проживающей помимо Непала также в индийском штате Сикким. Это танец развлекательного типа, сопровождаемый пением. Согласно одной из версий, его прототипом были движения, совершавшиеся при обмолоте риса. В настоящее время он считается одной из допустимых форм ухаживания.

Далее *Ю. И. Елихина* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург) и *С. Ю. Бадаева* (Красноярск) представили доклад «Некоторые этнографические зарисовки из жизни дардов по материалам поездок в Ладакх». Богатый иллюстративный материал, сопровождаемый комментариями исследователей, вызвал живой интерес. Можно надеяться, что в дальнейшем данные зарисовки, не вошедшие в сборник материалов конференции, будут опубликованы.

С. Ю. Золкин (Главный ботанический сад РАН, Москва) выступил с докладом «История, современность и перспективы российских исследований флоры и растительности Гималаев и Тибета». Начало изучению ботаники горного региона на границе Центральной и Южной Азии фактически было положено унтер-офицером Филиппом Ефремовым, посетившим Кашмир и Ладакх в конце XVIII в. Неблагоприятная политическая обстановка долго делала неосуществимыми мечты российских учёных пересечь Тибет для поиска прохода в Индию. Определённых успехов во 2-й половине XIX в. достиг Н. М. Пржевальский (1839–1888), проникший во время своих 3-го (1879–1880) и 4-го (1883–1885) путешествий на северо-запад Тибетского нагорья и описавший растительность данного региона. Участником его экспедиций был ботаник В. И. Роборовский (1856–1910). В докладе были охарактеризованы гербарии, собранные офицером В. Ф. Новицким (1869–1929) и экспедицией под руководством Г. Н. Потанина (1835–1920). Не остался без внимания и вклад экспедиций Н. К. и С. Н. Рерихов (1925–1928). Практические итоги продолжительной

экспедиции 1961 г. в Индию, организованной Советом ботанических садов СССР, стали особенно ценными. С 2011 г. под эгидой Санкт-Петербургского союза учёных и созданного в нём Центра гималайских научных исследований проходят регулярные комплексные гималайские экспедиции, с 2019 г. осуществляемые совместно с РАИГиТ.

Заседание продолжил *Б. К. Ганнибал* (Санкт-Петербургский государственный университет) с докладом «Сосновые леса с участием *Pinus gerardiana* на восточной границе ареала вида (штат Химачал-Прадеш, Индия)». Сосна Жерарда распространена не только в отдельных районах на севере Индии, но также в Северном Пакистане и на востоке Афганистана, где известна как *джалгоза* (среди прочих местных названий). Для горского населения перечисленных стран это значимый источник дохода, поскольку семена сосны в тонкой скорлупе теперь стали одним из продуктов питания горожан, в т. ч. в Китае, куда в последние годы идёт основной экспорт данного продукта.

На заседании также были сделаны два совместных доклада, посвящённых земноводным высокогорья: доклад *Л. Я. Боркина* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербургский союз учёных), *С. Н. Литвинчука* (Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург), *Д. А. Мельникова* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург) и *Д. В. Скоринова* (Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург) «Распространение, цитогенетика и экология триплоидных зелёных жаб рода *Bufo* в восточном высокогорье Химачал-Прадеша (Западные Гималаи, Индия)» и доклад *А. О. Свирина* (Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург), *В. Л. Вершинина* (Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург), *П. К. Иброгимовой* (Тюменский государственный университет) и *Л. Я. Боркина* (Зоологический институт РАН, Санкт-Петербургский союз учёных) «Генетическая дифференциация жаб рода *Duttaphrynus* (*Bufo*nidae) в Западных Гималаях, Уттаракханд, Индия (предварительные данные)».

Заключаящей темой утреннего заседания второго дня конференции стали высокогорные млекопитающие. Прозвучал доклад «Эндемики Тибета — хомячки рода *Urocricetus*: систематика и адаптации кожного покрова к высокогорью», который подготовили *Н. Ю. Феоктистова* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *О. Ф. Чернова* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *В. С. Лебедев* (Научно-исследовательский зоологический музей, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), *А. А. Банникова* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), *А. В. Суров* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва). Затем доклад, озаглавленный «Причины повышенного видового разнообразия насекомоядных млекопитающих восточных склонов Цинхай-Тибетского плато», представили *Б. И. Шефтель* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *А. А. Банникова* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), *В. С. Лебедев* (Научно-исследовательский зоологический музей, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова).

Вечером второго дня конференции состоялось заключительное общее заседание. *Е. А. Коблик* (Научно-исследовательский зоологический музей, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва), *А. А. Банникова* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), *В. С. Лебедев* (Научно-исследовательский зоологический музей, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), *А. В. Суров* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва), *Н. Ю. Феоктистова* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва) и *Б. И. Шефтель* (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Москва) выступили с докладом «Предварительные итоги Первой непальской экспедиции московских зоологов под эгидой Российской ассоциации исследователей Гималаев и Тибета». Исследователи *Ю. В. Ефремов* и *И. Г. Чайка* из г. Краснодара представили коллегам основные итоги

10-й Гималайской экспедиции. Далее состоялся показ документального фильма «Русские Гималаи. Прогулки в облаках» московского режиссёра *В. Шуванникова*. В фильме был, в частности, отмечен вклад сотрудницы ИВ РАН *А. С. Крыловой* в изучение индоарийского языка *куллуи* (Индия, штат Химачал-Прадеш).

Итогом вечернего заседания стала общая дискуссия с подведением итогов конференции, обсуждением перспектив и планов и принятием резолюции. По мнению президента РАИГиТ *Л. Я. Боркина*, одними из важных моментов съезда стали постановка и обсуждение вопроса о географических границах изучаемого региона, поскольку теперь часто высказывается мнение, что Гималаи и Тибет в их западной части следует изучать вместе с «периферией» — Каракорумом, Памиром и Гиндукушем. Сторонником данной идеи является географ *Ю. В. Ефремов*, вице-президент РАИГиТ, который также высказал предложение о проведении конференции по районированию Гималаев с участием специалистов различного профиля.

Материалы конференции были изданы в виде сборника «Российские исследования Гималаев и Тибета — 2024: природа и культура (материалы конференции, Санкт-Петербург, 28–29 ноября 2024 года)». Под редакцией *Л. Я. Боркина*. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2024.

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТИБЕТОЛОГИЯ И БУДДОЛОГИЯ НА СТЫКЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ»

© 2025

А. М. Шустова¹

Статья представляет собой отчёт о проведённой в Институте востоковедения РАН 11–12 ноября 2024 г. Пятой международной конференции «Тибетология и буддология на стыке науки и религии». Вслед за этой конференцией 13–14 ноября 2024 года была проведена Третья Всероссийская научно-практическая конференция переводчиков буддийских текстов «К русскоязычному буддийскому канону. Перевод текста как диалог культур». Обе конференции объединили в единый коллектив российских исследователей буддизма.

Первый день конференции «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» был посвящён истории, философии и культуре буддизма. Второй день – результатам долгосрочного междисциплинарного совместного российско-буддийского проекта по комплексному изучению сознания, понятие о котором является главным элементом буддийской философии и практики.

Особенностью второго дня конференции стало участие в нём с докладами буддийских геше, которые являются не только тибетскими монахами и знатоками буддийской философии и практики, но и прошли специальную подготовку в области естественных наук.

Пятая международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» стала продолжением большой работы по научному освоению самой разной буддийской тематики и традиционно продемонстрировала интерес к ней как научного сообщества, так и практикующих буддистов, а также широких слоёв людей, интересующихся буддизмом.

Ключевые слова: обзор конференции, буддология, тибетология, нейрофизиология, изучение сознания, история буддизма

Для цитирования: Шустова А. М. Пятая международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 125–134. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-125-134

FIFTH INTERNATIONAL CONFERENCE “TIBETAN AND BUDDHIST STUDIES IN THE INTERSECTION OF SCIENCE AND RELIGION”

Alla M. Shustova

The article is a report on the Fifth International Conference “Tibetan and Buddhist Studies in the Intersection of Science and Religion” held at the Institute of Oriental Studies on November 11–12, 2024. Following this conference on November 13–14, 2024, the Third Russian National Research and Practical Conference of

¹ Шустова Алла Михайловна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ashustova@ivran.ru

Alla M. Shustova, PhD (Philosophy), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ashustova@ivran.ru

ORCID: 0000-0001-9372-6553

Translators of Buddhist Texts “Towards a Russian language Buddhist canon. Translation of the text as a dialogue of cultures” was held. Both conferences united in a single team of Russian researchers of Buddhism.

The first day of the conference “Tibetan and Buddhist Studies in the Intersection of Science and Religion” was dedicated to the history, philosophy and culture of Buddhism. The second day is the results of a long-term interdisciplinary, joint Russian-Buddhist project to comprehensive study of consciousness, the concept of which is the main element of Buddhist philosophy and practice.

A feature of the second day of the conference was the participation in it of the reports of the Buddhist Geshe, which are not only Tibetan monks and experts of Buddhist philosophy and practice, but also passed special training in the field of natural sciences.

The Fifth International Conference “Tibetan and Buddhist Studies in the Intersection of Science and Religion” has become a continuation of a great work on the research of a very different Buddhist theme and traditionally demonstrated interest in it both the scientific community and practicing Buddhists, as well as the wide layers of people interested in Buddhism.

Keywords: conference review, Buddhist studies, Tibetan studies, Neurophysiology, the study of consciousness, the history of Buddhism

For citation: Shustova A. M. Fifth International Conference “Tibetan and Buddhist Studies in the Intersection of Science and Religion”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 1. Pp. 125–134. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-125-134

Пятая международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» состоялась 11–12 ноября 2024 года в Институте востоковедения РАН. Конференция была организована Центром индийских исследований и Отделом Кореи и Монголии ИВ РАН. Как и предыдущие четыре подобных мероприятия², пятая конференция была осуществлена при поддержке фонда содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет»³.

Фонд «Сохраним Тибет» был организован в 2009 году и с тех пор провёл уже более 500 различных мероприятий. Его деятельность прежде всего направлена на всестороннее содействие сохранению культурных и философских традиций Тибета и Древней Индии.

Фонд прилагает особые усилия для сохранения литературного наследия великих буддийских наставников философской традиции древнеиндийского университета Наланды. В Наланде, крупнейшем образовательном центре Древней Индии, учили и работали такие великие буддийские ученые как Атиша, Нагарджуна, Бодхидхарма, Дхармакирти, Васубандху, Наропа, Чандракирти, Камалашила, Шантидэва, Шантаракшита, Арьядэва, Асанга, Дигнага. Все они — классики философии буддизма, и изучение их трудов является базовым для современного буддийского образования.

Буддийские наставники Наланды разработали систему знаний и практик Махаяны (санскр. — большая колесница, или великий путь), легшей в основу северного или тибетского буддизма, традиции которого вслед за монгольским воспринял и российский буддизм, исторически распространённый в Калмыкии, Туве, Бурятии и Забайкалье. Сердцевиной Махаяны является дух сострадания, сердечной помощи и самопожертвования, которые на самом деле близки всем российским людям, независимо от того, являются ли они буддистами или нет.

² См. обзоры Второй и Третьей международных конференций «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» соответственно [Шустова, 2019а; 2021].

³ Фонд «Сохраним Тибет» в настоящее время имеет название «Наланда».

С целью продвижения знаний Наланда фондом «Сохраним Тибет» была создана книжная серия «Наланда», в рамках которой уже опубликованы труды таких буддийских философов как Шантидева («Собрание практик (Шикшасамуччая)», 2014; «Путь бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара)», 2021); Пабонка Ринпоче («Освобождение на вашей ладони», 2015); Чже Цонкапа («Сокращенное руководство к этапам пути Пробуждения (Средний Ламрим)», 2015); Шантракшита («Украшение срединности (Мадхьямака-аламкара). С комментарием автора», 2015); Майтрея («Уттаргантра», 2017; «Украшение махаянских сутр (Махаяна-сутра-аламкара)», 2021); «Различение середины и крайностей (Мадхьянта-вибханга). Различение явлений и подлинной сущности (Дхарма-дхармата-вибханга)», 2021); Кхуну Лама Ринпоче («Драгоценный светильник. Хвала бодхичитте», 2018).

Сотрудничество Института востоковедения РАН с фондом содействия сохранению культурных и философских традиций Древней Индии и Тибета «Сохраним Тибет» помимо конференции «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» и проведения ряда семинаров⁴ с тибетологами и буддийскими наставниками выразилось также в организации и проведении международной конференции «К русскоязычному буддийскому канону. Перевод текста как диалог культур». То, насколько важны качественные переводы, знает каждый учёный-востоковед. Поэтому объединение в рамках этой конференции историков-востоковедов, буддологов и тибетологов, сотрудничающих с издательствами и буддийскими организациями, переводчиков буддийской литературы, исследователей буддийской культуры, а также переводчиков-синхронистов, работающих с буддийскими наставниками, очень важно.

13–14 ноября 2024 года вслед за Пятой международной конференцией «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» была проведена Третья международная конференция «К русскоязычному буддийскому канону. Перевод текста как диалог культур». Первая конференция прошла в 2018-м⁵, вторая была проведена в онлайн формате в 2020 году⁶.

Конференция «К русскоязычному буддийскому канону. Перевод текста как диалог культур» 2024 года⁷ была проведена в рамках двух пленарных заседаний: «Буддийский канон и его адаптация в разных историко-культурных условиях» и «Использование современных технологий для перевода буддийских текстов на русский язык» и четырёх секций: «Проблемы перевода отдельных памятников. Тибетский язык»; «Общие вопросы перевода. Организация переводов, создание словарей, книгоиздание»; «Проблемы перевода текстов по Ваджраяне и тибетской медицине»; «Проблемы перевода отдельных памятников. Санскрит, китайский и другие языки».

Обе конференции, проводимые неслучайно сразу одна за другой, объединили в единый коллектив российских исследователей большого и сложного мира буддизма. Они не только явились важным событием в научной жизни Института востоковедения, но и стали значительным вкладом в развитие российского востоковедения в целом.

⁴ См.: В Москве прошёл семинар Раисы Крапивиной по проблемам перевода «Украшения из постижений» // Фонд Наланда. URL: <https://yk.savetibet.ru/archives/7431> (дата обращения: 27.01.2025).

⁵ См.: Конференция переводчиков буддийских текстов 2018 // К русскоязычному буддийскому канону. URL: <https://buddhist-translations.ru/conference2018.html> (дата обращения: 27.01.2025).

⁶ См. Всероссийская научно-практическая конференция переводчиков буддийских текстов «К русскоязычному буддийскому канону» // Институт востоковедения РАН. URL: <https://ivran.ru/anonsy?artid=16092> (дата обращения: 27.01.2025); Конференция переводчиков буддийских текстов 2020. К русскоязычному буддийскому канону. URL: <https://buddhist-translations.ru/conference2020.html> (дата обращения: 27.01.2025).

⁷ См.: Третья международная конференция «К русскоязычному буддийскому канону. Перевод текста как диалог культур» // Институт востоковедения РАН. URL: <https://ivran.ru/novosti?artid=218874> (дата обращения: 27.01.2025); Конференция переводчиков буддийских текстов 2024 // К русскоязычному буддийскому канону. URL: <https://buddhist-translations.ru/conference2024.html> (дата обращения: 27.01.2025).

Как известно, буддология всегда занимала значительное место в российской науке о Востоке. Так, российская буддологическая школа ведёт своё начало с конца XVIII века и отмечена трудами таких выдающихся учёных как И. П. Минаев (1840–1890), С. Ф. Ольденбург (1863–1934), Ф. И. Щербатской (1866–1942), А. М. Позднеев (1851–1920), Б. Я. Владимирцов (1884–1931), С. А. Козин (1879–1956), О. О. Розенберг (1888–1919), Е. Е. Обермиллер (1901–1935), Ю. Н. Рерих (1902–1960), а также отмечена работами их более поздних коллег. К российской буддологии тесно примыкает российская санскритология, которая развивалась на основе работы с санскритской буддийской литературой, в том числе в результате переводческой и исследовательской работы с текстами буддийских наставников Наланды.

В 1897 году академик С. Ф. Ольденбург основал международную литературную серию — «*Bibliotheca Buddhica*. Собрание оригинальных и переводных буддийских текстов», горячо поддержанную российскими и зарубежными буддологами. К 1937 году, когда эта серия была закрыта, удалось опубликовать 30 томов в более чем 100 выпусках. Публикация осуществлялась на санскрите, китайском, тибетском и монгольском языках с введениями и научным аппаратом преимущественно на английском, французском и немецком языках.

30 томов серии «*Bibliotheca Buddhica*»⁸ неоднократно переиздавались на родине буддизма — в Индии. В 1997 году индийским издательством Motilal Banarsidass было предпринято репринтное переиздание книг серии.

Насколько был важен проект по изданию и переводу с восточных языков буддийских текстов, а также изданию их комментариев, указывают слова историка Востока, тибетолога и монголоведа Ю. Н. Рериха, который называл эту серию одним из величайших достижений С. Ф. Ольденбурга, «которое принесло Российской Академии наук заслуженную славу» [Рерих, 1999. С. 183].

Ю. Н. Рерих, вернувшись в Россию в 1957 году и поступив на работу в Институт востоковедения, также приложил огромные усилия, чтобы серия «*Bibliotheca Buddhica*» была продолжена. Под его редакцией, но уже после его кончины был издан важнейший текст палийского канона Тхеравады — сборник афоризмов Будды Шакьямуни «Дхаммапада» [Дхаммапада, 1960] в переводе с пали В. Н. Топорова. Тогда в этой серии ещё был опубликован труд А. И. Вострикова «Тибетская историческая литература» [Востриков, 1962]. Затем издание серии было вновь остановлено, вплоть до 1985 года, когда был издан XXXIII том под названием «Памятники индийской письменности из Центральной Азии», подготовленный Г. М. Бонгард-Левиним и М. И. Воробьёвой-Десятовской. Последний, 40-й том — «Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3» был издан в 2004 году [Памятники..., 2004]. Работа современных буддологов и тибетологов, переводчиков буддийской литературы, а также исследователей буддийской культуры, объединившихся в работе обеих конференций, продолжает достаточно сложную, растянувшуюся на многие десятилетия исследовательскую и переводческую деятельность их замечательных предшественников.

Хотя и проходившие в едином ключе обе конференции имеют свои особенности и специфику. Конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» впервые была проведена в форме Круглого стола 12 ноября 2014 года и имела заголовок «Исторические и духовные связи Тибета с Россией, Индией и Монголией». Она получила положительный отклик не только у учёных-востоковедов, занимающихся соответственной тематикой, но и, что важно, у буддийских монахов, наставников и философов. Понятно, что сотрудничество академических учёных и практикующих буддийских наставников способствует получению наиболее значимых результатов, что доказала история развития российской буддологии.

⁸ См. [Андросов, 2011].

В течение прошедших десяти лет, начиная с 2014 года, интерес к буддологическим и тибетологическим исследованиям в нашей стране постоянно расширялся. Особый резонанс получили проведённые по инициативе и при участии Далай-ламы XIV две конференции между российскими учёными и буддийскими философами «Фундаментальное знание: диалоги российских и буддийских учёных» в Дели и Дхарамсале (Индия)⁹. Эти события ознаменовали новый этап в развитии отечественной буддологии: к исследованию буддизма, которым традиционно занимались учёные гуманитарного профиля, подключились специалисты естественных наук, таких как нейрофизиология, психология, биология и физика. Это создало уникальную ситуацию в науке, а также позволило начать развивать новое направление междисциплинарного научного знания, причем российские учёные выступили здесь в авангарде исследовательской работы.

Нужно отметить, что существовали исторические предпосылки для того, чтобы именно российские учёные возглавили этот новый этап в изучении буддизма. Во-первых, это длительное, в течение сотен лет, существование на территории России буддизма, одной из четырех традиционных российских религий. Русскоговорящие буддийские монахи и их наставники в разной мере всегда были подключены к процессу научного освоения буддийской философии, учения и практики.

Во-вторых, российский буддизм не стоит особняком, а исторически, философски и на уровне религии является неотъемлемой частью буддийского мира в целом. Российские буддисты не только восприняли тибетский буддизм, ведущий своё начало от буддийских учителей Древней Индии, но и никогда не прерывали связь с остальным буддийским миром. Уместно привести слова Далай-ламы XIV, сказанные им на первом форуме диалога с российскими учёными: «России, которая стоит на стыке западной и восточной культур, отведена особая роль. Во времена моей юности российские учёные-философы из Бурятии, Калмыкии и Тувы учились в наших монастырях, поэтому нас связывают стародавние узы. Кроме того, во времена XIII Далай-ламы велась переписка с российским царём. Поэтому я бесконечно рад, что мне выпал случай встретиться и побеседовать с учёными из России»¹⁰. Далай-лама XIV приложил немало усилий для организации и продвижения российских исследовательских проектов в буддийских монастырях Индии.

И, в-третьих, это наличие достаточно продвинутой российской буддологической научной школы, основание которой положили замечательные учёные XIX века. Таким образом, современным учёным есть на что и на кого опереться.

Что касается естественных наук, то и здесь уже давно сложилась соответствующая научная школа, представители которой занимаются изучением тонких процессов в человеке, исследованием его ума и сознания. Такие учёные как В. М. Бехтерев, Н. П. Бехтерева, И. М. Сеченов, И. П. Павлов, А. Р. Лурия, Л. С. Выгодский далеко продвинули российскую науку в области нейрофизиологии.

Таким образом, российская наука имеет хорошие предпосылки для новых исследований буддизма с использованием продвинутой методологии и инструментария XXI века.

Пятая международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» началась с приветственного слова заместителя директора ИВ РАН, доктора политических наук В. А. Кузнецова.

⁹ Далай-лама и российские учёные. Диалоги о природе сознания. Сессия 1 // Сохраним Тибет! URL: <http://savetibet.ru/2017/10/31/dalai-lama-14.html> (дата обращения: 27.01.2025); В Дхарамсале начался диалог между российскими и буддийскими учёными «Понимание мира» // Сохраним Тибет! URL: http://savetibet.ru/2018/05/05/dalai_lama.html (дата обращения: 27.01.2025). См. также: [Шустова, 2018; 2019б].

¹⁰ В Дхарамсале начался диалог между российскими и буддийскими учёными «Понимание мира» // Наланда URL: http://savetibet.ru/2018/05/05/dalai_lama.html (дата обращения: 27.01.2025).

Первый день конференции был посвящён истории, философии и культуре буддизма. Философские аспекты учения Будды были затронуты в докладах И. Л. Кучина и Н. Р. Музафаровой (Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ) «О чувственном восприятии самости», а также в докладе И. С. Урбанаевой (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ) «Буддизм и квантовая физика: критический анализ сравнительных подходов».

Истории буддизма в Калмыкии, Бурятии и Монголии были посвящены доклады Б. Л. Митруева (Калмыцкий научный центр РАН, Элиста) «Сведения о путешествии калмыцкого Бааза-бакши в биографии 13-го Далай-Ламы»; С. Л. Кузьмина (ИВ РАН), О. Батсайхана (Институт международных исследований, Улан-Батор, Монголия) «К вопросу об указе цинского императора о том, что реинкарнации Джебцзундамба-ламы должны выявляться только в Тибете»; О. Батсайхана (Институт международных исследований, Улан-Батор, Монголия) «Свод законов, установленный указом Богдо Джебцзундамба-хутухты VIII как законодательная основа теократической монархии Монголии»; Ц. П. Ванчиковой (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Улан-Удэ) «Г. Ц. Цыбиков и “паломники особого назначения”» и Б. У. Китинова (ИВ РАН) «Джунгары — защитники учения Цзонхавы».

Вопросы буддийской культуры, искусства и иконографии были затронуты в докладах М. М.-Б. Харуновой (ИВ РАН) «Искусство и иконография Тувы как источник визуального изучения буддийской культуры Тувы» и С.-Х. Д. Сыртыповой (ИВ РАН) «Архат Бакула, дарующий богатство: иконографические и портретные изображения».

В докладе К. А. Бичелдея и У. П. Бичелдей (Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Кызыл; Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Кызыл) «Музей буддизма в храме Тубден Шедруб Линг как новый научный центр буддологии и тибетологии» были поставлены вопросы организации научной работы в таких учреждениях как буддийские храмы, которые зачастую имеют достаточно обширные музейные фонды.

О деятельности Далай-ламы XIV по налаживанию межрелигиозных и межкультурных связей в современном мире было сообщено в докладе А. М. Шустовой (ИВ РАН) «Далай-лама XIV о диалоге религий и культур».

Сотрудники калькуттского Института азиатских исследований им. Маулаи Абул Калама Азада (при Министерстве культуры правительства Индии) П. Рой и С. П. Гхош представили доклад «Будда Гаутама: объединяющая сила в Азии». В нём развивались идеи о всеобъемлющем культурном значении буддизма, который смог объединить в единую культурную империю в Азии совершенно разные по этническому происхождению и языковой принадлежности народы.

Второй день конференции был посвящён результатам долгосрочного большого междисциплинарного совместного российско-буддийского проекта по комплексному изучению сознания, понятие о котором является главным элементом буддийской философии и практики. Проект начался в 2019 году на базе специально организованного исследовательского центра в системе буддийских монастырей-университетов, расположенных в штате Карнатака южной Индии. Со стороны России в нём участвуют сотрудники Института мозга человека им. Н. П. Бехтерева РАН, Института медико-биологических проблем РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова при поддержке Института радиоэлектроники РАН и отделения физиологии РАН.

Начальные результаты исследовательской работы по изучению изменённых состояний сознания были представлены на Четвёртой международной конференции «Тибетология

и буддология на стыке науки и религии» в 2020 году¹¹. В 2021 году был издан сборник докладов этой конференции¹².

Второй день конференции 2024 года был открыт докладом академика К. В. Анохина (Институт перспективных исследований мозга МГУ) «Вхождение науки в масштабные исследования сознания» и приветственным словом Т. В. Черниговской (Институт когнитивных исследований СПбГУ) «Приветствие: наука нового времени — философия и искусство».

Затем были заслушаны доклады, связанные с экспериментальными исследованиями некоторых видов буддийских медитаций и практик по развитию сознания. Их представили С. В. Медведев (ГНЦ РФ ИМБП РАН) и содокладчики Ю. А. Бойцова, Ю. С. Жиронкина, А. Я. Каплан, Е. В. Кокурина, Нгаванг Норбу, Лодой Сангпо — «Пятилетие российских лабораторий в тибетских монастырях. Принципиальные результаты»; А. Я. Каплан (Лаборатория нейрофизиологии и нейроинтерфейсов, биологический факультет МГУ) — «Нейрофизиологические проявления тантрической медитации гухьясамаджи: первые итоги исследований в буддийских монастырях Индии и Непала»; Е. В. Михайлец (НИУ ВШЭ) с содокладчиками А. М. Разореновой (Сколтех, Центр нейробиологии и нейрореабилитации им. Владимира Зельмана; МГППУ, Научно-образовательный центр нейрокогнитивных исследований (МЭГ-Центр)), В. Л. Чернышёвым (НИУ ВШЭ) — «Исследование стадий медитации гухьясамаджа в данных ЭЭГ с помощью нового алгоритма сегментации временных рядов»; Ю. А. Бойцова (ГНЦ РФ ИМБП РАН) и содокладчики Е. В. Кокурина, Ю. С. Жиронкина, Нгаванг Норбу, Лодой Сангпо, С. В. Медведев — «ЭЭГ-корреляты медитаций у практиков в традиции сутры и тантры»; В. Д. Абрамова (Институт «Международный томографический центр», Новосибирск) и содокладчики Е. Д. Петровский, Д. Д. Безматерных, Ю. С. Жиронкина, А. М. Коростышевская, М. Б. Штарк, А. Я. Каплан — «ФМРТ и ЭЭГ исследование мозговой активности. Состояния медитации тибетских монахов».

Далее следовали доклады, посвящённые некоторым особенностям проведения научных исследований в области буддийской практики. Их представили Е. В. Кокурина (Фонд поддержки исследований мозга имени академика Н. П. Бехтеревой) и её содокладчики Ю. А. Бойцова, Ю. С. Жиронкина, Нгаванг Норбу, Лодой Сангпо — «Особенности структурированного интервью и психологического опроса при исследовании медитаций у практикующих монахов»; Ю. С. Жиронкина (Фонд «Сохраним Тибет») — «Ум ясного света как предмет научных исследований — взгляд буддийской традиции»; В. Г. Лысенко (Институт философии РАН) — «"Не-я" в нейронных сетях: чат-бот Клод-3 опус как буддист».

О философских аспектах взаимодействия буддизма и науки было сообщено в докладах Р. Н. Крапивиной (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) «Из опыта перевода философского буддийского текста: о нейронауке и информации в буддизме» и В. С. Белимовой (Институт философии РАН) «Диалог буддизма и науки с позиции межкультурной философии».

Особый интерес вызвали сообщения и доклады буддийских монахов геше Лхакдора (Библиотека тибетских трудов и архивов, Дхарамсала, Индия) «Внутренняя наука исследования ума и внешняя наука исследования материи»; геше Лодоя Сангпо (Общество образовательных и культурных программ монастыря Ганден Джангце (Gajang Education and Cultural Society), Мундгод, Индия) «О проекте исследования йоги сна и ясных снов и личном опыте участия в научно-исследовательских проектах» и геше Нгаванга Норбу (Буддийский институт международного гелупинского фонда (The Buddhist Institute of Geluk International Foundation), Индия) «Преподавание научных дисциплин в тибетских буддийских монастырях».

¹¹ См.: [Шустова, 2021].

¹² См.: [Труды ..., 2021].

Геше Лхадор хорошо известен российским буддологам. Он на протяжении многих лет работал личным переводчиком Далай-ламы XIV. В настоящее время он является директором Библиотеки тибетских трудов и архивов в Дхарамсале, (Индия). Библиотека уже давно стало местом, куда приезжают учёные и студенты из западных стран, а также из России для стажировки в области буддийской философии и практики.

Геше Лхадор активно поддерживает образовательные и научные проекты, направленные на сближение буддизма с наукой. Он принял активное участие в разработке для монахов крупных монастырских университетов специальных научных дисциплин, включающих знания по физике, биологии и нейронауке.

Геше Лхадор неоднократно выступал в Институте востоковедения РАН на научных конференциях и хорошо запомнился проведением трёхдневного семинара под названием «Методы раскрытия потенциала человеческого сознания в буддизме» 15–17 ноября 2019 года¹³. Этот семинар был приурочен к 600-летней годовщине ухода в паринирвану великого буддийского учителя Чже Цонкапы. Геше Лхадор использовал для своих комментариев два произведения Чже Цонкапы — «Счастливая судьба» и «Хвала Будде Шакьямуни за учение о взаимозависимости».

Участие тибетских геше Лодоя Сангпо и геше Нгаванга Норбу стало также важным моментом конференции. Дело в том, что специалисты такого уровня, каковыми являются оба геше, впервые участвуют в подобных научных форумах. Лодой Сангпо и Нгаванг Норбу являются не только тибетскими монахами и знатоками буддийской философии и практики, но и прошли специальную подготовку в области естественных наук. С самого начала они были активными участниками инициированного Далай-ламой XIV диалога буддизма с российской наукой, а также проекта по исследованию различных видов буддийской медитации и состояния тукдам и уже имеют достаточно большой опыт общения с российскими учёными, опыт выступлений на научных площадках.

Нужно отметить, что среди буддийских монахов ширится круг подобных специалистов. В 2019 году в Москве и Петербурге обучение по курсу «Подход срединного пути в нейронауке» («Middle Way Approach in Neuroscience») проходила группа из восьми буддийских монахов. С ними занимались преподаватели из Института мозга человека РАН, Центра исследования сознания МГУ им. М. В. Ломоносова, Института высшей нервной деятельности и нейрофизиологии РАН, Высшей школы экономики. Получение теоретических занятий в области нейрофизиологии они совмещали с практической подготовкой по электроэнцефалографии (ЭЭГ) и другим инструментальным методам. Вернувшись в Индию, они передали свои знания и опыт другим монахам-исследователям. Обученные таким образом монахи даже в отсутствие своих российских коллег способны поддерживать деятельность созданных российскими учёными в тибетских монастырях Индии лабораторий и продолжать начатые исследования.

Всего на конференции «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» 2024 года было представлено 27 докладов исследователей, представляющих Институт востоковедения РАН, Институт восточных рукописей РАН, Институт философии РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Калмыцкий научный центр РАН, Лабораторию нейрофизиологии и нейроинтерфейсов биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт когнитивных исследований СПбГУ, НИУ ВШЭ, ГНЦ РФ

¹³ См.: Видео. Геше Лхадор. Методы раскрытия потенциала человеческого сознания в буддизме // Наланда. URL: <https://savetibet.ru/2020/06/18/geshe-lhaddor.html> (дата обращения: 27.01.2025).

Института медико-биологических проблем РАН, Институт «Международный томографический центр» в Новосибирске, Фонд поддержки исследований мозга имени академика Н. П. Бехтеревой (Москва), фонд «Сохраним Тибет», а также иностранные организации: Институт международных исследований Академии наук Монголии (Улан-Батор, Монголия), Институт азиатских исследований им. Мауланы Абул Калама Азада Министерства культуры Индии (Калькутта, Индия), Библиотеку тибетских трудов и архивов (Дхарамсала, Индия), Общество образовательных и культурных программ монастыря Ганден Джангце (Мундгод, Индия), Буддийский институт Международного гелугпинского фонда (Мундгод, Индия).

Большой интерес вызвала примыкающая к двум конференциям организованная отдельно дискуссия профессора биологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующего лабораторией нейрофизиологии и нейрокомпьютерных интерфейсов Александра Яковлевича Каплана с учёными-буддистами геше Нгаван Норбу и геше Лодой Сангпо, которая состоялась в Институте востоковедения 18 ноября 2024 года. Её организаторами выступили ИВ РАН и фонд «Сохраним Тибет». Профессор А. Я. Каплан принимал участие во встречах с Далай-ламой в рамках программы «Фундаментальное знание: диалог российских и буддийских учёных» и является одним из организаторов и активным участником совместного российско-буддийского исследовательского проекта по исследованию сознания.

Пятая международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» стала продолжением большой работы по научному освоению самой разной буддийской тематики и традиционно продемонстрировала интерес к ней как научного сообщества, так и практикующих буддистов, а также широких слоёв людей, интересующихся буддизмом.

Литература / References

Андросов В. П. Библиотека Буддика (Bibliotheca Buddhica). *Философия буддизма*. Отв. ред. М. Т. Степанянц. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2011 [Androsov V. P. Library of Buddika (Bibliotheca Buddhica). *The philosophy of Buddhism*. Ed. M. T. Stepanyanz. Moscow: Publishing company “Vostochnaya Literatura”, 2011 (in Russian)].

Востриков А. И. *Тибетская историческая литература*. Отв. ред. Ю. Н. Рерих. М.: Издательство восточной литературы, 1962. (Bibliotheca Buddhica, XXXII) [Vostrikov A. I. *Tibetan historical literature*. Ed. Yu. N. Roerich. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnaya Literatura, 1962. (Bibliotheca Buddhica, XXXII) (in Russian)].

Дхаммапада. Отв. ред. Ю. Н. Рерих. Перевод с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова. М.: АН СССР. Институт востоковедения, 1960. Т. III. (Bibliotheca Buddhica, XXXI) [*Dhammapada*. Ed. Yu. N. Roerich. Translation from Pali, the introduction and comments of V. N. Toporov. Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies, 1960. Vol. III. (Bibliotheca Buddhica, XXXI) (in Russian)].

Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г. М. Бонгард-Левина, М. И. Воробьевой-Десятовской и Э. Н. Тёмкина. М.: 2004. (Памятники письменности Востока, LXXIII, 3. Bibliotheca Buddhica, XL) [*Monuments of Indian writing from Central Asia*. Iss. 3. Ed. texts, research, tr. and comment. G. M. Bongard-Levin, M. I. Vorob'ova-Desyatovskaya and E. N. Temkin. Moscow: 2004. (Writing monuments of the East, LXXIII, 3. Bibliotheca Buddhica, XL) (in Russian)].

Рерих Ю. Н. Индология в России. // Рерих Ю. *Тибет и Центральная Азия: Статьи, лекции, переводы*. Научный ред. М. И. Воробьева-Десятовская. Самара, Издательский дом «Агни», 1999. С. 173–199 [Rerih Ju. N. Indology in Russia. *Tibet i Zentral'naya Asia: stat'i, lekzii, perevody*. Ed. M. I. Vorob'ova-Desyatovskaya. Samara, Izdatel'skii Dom Agni, 1999. Pp. 173–199 (in Russian)].

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 31. Тибетология и буддология на стыке науки и религии — 2020. Отв. ред. выпуска С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. М.: ИВ РАН, 2021 [*Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Issue 31. Tibetology and Buddhism at the intersection of science and religion — 2020. Ed. S. L. Kuzmin, T. L. Shaumyan. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021 (in Russian)].

Шустова А. М. Понимание мира: диалог российских и буддийских учёных. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 9. С. 68–72 [Shustova A. M. Understanding the world: dialogue of Russian and Buddhist scientists. *Asia and Africa Today*. 2018. No. 9. Pp. 68–72 (in Russian)].

Шустова А. М. Международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» как важный вклад в развитие российского востоковедения. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019а. № 2 (8). С. 326–333 [Shustova A. M. International conference “Tibetology and Buddhism at the intersection of science and religion” as an important contribution to the development of Russian oriental studies. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2019a. No. 2 (8). Pp. 326–333 (in Russian)].

Шустова А. М. Диалог Далай-ламы с российскими учёными: как одухотворить науку. *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 23. Тибетология и буддология на стыке науки и религии — 2019. Отв. ред. вып. С. Л. Кузьмин, Т. Л. Шаумян. М.: ИВ РАН, 2019б. С. 292–306 [Shustova A. M. Dialogue of the Dalai Lama with Russian scientists: how to spiritualize science. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Iss. 23. Tibetology and Buddhism at the intersection of science and religion — 2019. Ed. ext. S. L. Kuzmin, T. L. Shaumyan. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019b. Pp. 292–306 (in Russian)].

Шустова А. М. Далай-лама и наука. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 4. С. 149–161 [Shustova A. M. Dalai Lama and science. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 4. Pp. 149–61 (in Russian)].

Шустова А. М. Обзор Четвертой Международной конференции «Тибетология и буддология: на стыке науки и религии». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 1(15). С. 259–272 [Shustova A. M. Overview of the Fourth International Conference “Tibetology and Buddhism: at the intersection of science and religion”. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2021. No. 1 (15). Pp. 259–272 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Далай-лама и российские учёные. Диалоги о природе сознания. Сессия 1 // Наланда. URL: <http://savetibet.ru/2017/10/31/dalai-lama-14.html> (дата обращения: 27.01.2025).

В Дхарамсале начался диалог между российскими и буддийскими учёными «Понимание мира» // Наланда. URL: http://savetibet.ru/2018/05/05/dalai_lama.html (дата обращения: 27.01.2025).

В Москве прошёл семинар Раисы Крапивиной по проблемам перевода «Украшения из постижений» // Наланда. URL: <https://uk.savetibet.ru/archives/7431> (дата обращения: 27.01.2025).

Конференция переводчиков буддийских текстов 2018 // К русскоязычному буддийскому канону. URL: <https://buddhist-translations.ru/conference2018.html> (дата обращения: 27.01.2025).

Видео. Геше Лхакдор. Методы раскрытия потенциала человеческого сознания в буддизме // Наланда. URL: <https://savetibet.ru/2020/06/18/geshe-lhakdor.html> (дата обращения: 27.01.2025).

Всероссийская научно-практическая конференция переводчиков буддийских текстов «К русскоязычному буддийскому канону» // Институт востоковедения РАН. URL: <https://ivran.ru/anonsy?artid=16092> (дата обращения: 27.01.2025).

Конференция переводчиков буддийских текстов 2020. К русскоязычному буддийскому канону. URL: <https://buddhist-translations.ru/conference2020.html> (дата обращения: 27.01.2025).

Третья международная конференция «К русскоязычному буддийскому канону. Перевод текста как диалог культур» // Институт востоковедения РАН. URL: <https://ivran.ru/novosti?artid=218874> (дата обращения: 27.01.2025).

Конференция переводчиков буддийских текстов 2024 // К русскоязычному буддийскому канону. URL <https://buddhist-translations.ru/conference2024.html> (дата обращения: 27.01.2025).

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-135-138

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА

© 2025

А. В. Болдырев¹

В настоящей статье представлен обзор круглого стола ««Экскурс в историю Турции. Памяти выдающегося турколога-османиста Светланы Филипповны Орешковой (1935–2023)». Мероприятие состоялось в Москве, в Институте востоковедения РАН, 14 октября 2023 г. и было организовано Сектором Турции Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. Светлана Филипповна Орешкова 65 лет проработала в Институте востоковедения РАН. Она была крупнейшим специалистом в области османистики. Её перу принадлежат многочисленные научные статьи и монографии по истории, внешней политике, экономике и социальной структуре Османского государства. В работе круглого стола приняли участие представители ИВ РАН, различных вузов и научно-исследовательских институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону. Собравшиеся на мероприятии обсудили наиболее актуальные с точки зрения сегодняшнего дня вопросы истории Турции, проанализировали историю современных проблем общественно-политического развития и будущего турецкого общества и государства. В рамках мероприятия была проведена презентация последней работы С. Ф. Орешковой — книги воспоминаний «Османистика: личный опыт и некоторые размышления о развитии этой отрасли востоковедной науки».

Ключевые слова: Светлана Филипповна Орешкова, османистика, Османское государство, история Турции

Для цитирования: Болдырев А. В. Обзор круглого стола. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 1. С. 135–138. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-135-138

A REVIEW OF THE RFOUND TABLE

Andrey V. Boldyrev

This article provides an overview of the round table “An Excursion into the History of Türkiye. In Memory of the Outstanding Ottoman Turkologist Svetlana Filippova Oreshkova (1935-2023)”. The event took place in Moscow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on October 14, 2023 and was organized by the Turkey Sector of the Center for Middle and Near Eastern Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Svetlana Filippovna Oreshkova worked at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences for 65 years. She was a leading specialist in the field of Ottoman studies. She wrote numerous scientific articles and monographs on the history, foreign policy, economy and social structure of the Ottoman Empire. Representatives of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, various universities and research institutes from Moscow, St. Petersburg and Rostov-on-Don took part in the round table. Those gathered at the event discussed the most pressing issues in the history of Türkiye from

¹ Болдырев Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. Boldyrev, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3982-2848

the point of view of today, and analyzed the history of contemporary problems of socio-political development and the future of Turkish society and state. The event included a presentation of S. F. Oreshkova's latest work, a book of memoirs entitled "Ottoman Studies: Personal Experience and Some Reflections on the Development of this Branch of Oriental Studies".

Keywords: Svetlana Filippovna Oreshkova, Ottoman Studies, Ottoman State, History of Türkiye

For citation: Boldyrev A. V. A Review of the Round Table. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 1. Pp. 135–138. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-135-138

С. Ф. Орешкова

14 октября 2024 г. в Институте востоковедения РАН, в Зале учёных советов состоялось заседание круглого стола «Экскурс в историю Турции», посвящённое памяти выдающегося российского историка-османиста Светланы Филипповны Орешковой (1935–2023). Организатором мероприятия выступил Сектор Турции Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН.

С. Ф. Орешкова родилась 16 октября 1935 г. В 1958 г. после окончания Института восточных языков МГУ пришла на работу в Институт востоковедения АН СССР. Темой её исследований стали внешняя политика Османского государства, российско-турецкие отношения, особенности османского феодализма, структура османского общества и государства, исследования по истории Крымского ханства. С. Ф. Орешковой написано 8 монографий, ей принадлежат участие в коллективных трудах, десятки статей в журналах и сборниках, глав в справочных изданиях и энциклопедиях.

На мероприятии были обсуждены наиболее актуальные с точки зрения сегодняшнего дня вопросы истории Турции, проанализирована история современных проблем общественно-политического развития и будущего турецкого общества и государства. В рамках мероприятия была

проведена презентация последней работы С. Ф. Орешковой — книги воспоминаний «Османистика: личный опыт и некоторые размышления о развитии этой отрасли востоковедной науки».

В работе приняли участие представители различных вузов и научно-исследовательских институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону.

Со вступительным словом выступил **зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, д. и. н., проф. В. Я. Белокреницкий**, отметивший важный вклад С. Ф. Орешковой в изучение истории Турции и формирование школы последователей историков-османистов.

М. н. с. Сектора Турции Центра изучения стран БСВ ИВ РАН Т. Е. Михайлова представила последнюю работу С. Ф. Орешковой — книгу воспоминаний «Османистика: личный опыт и некоторые размышления о развитии этой отрасли востоковедной науки». Она подчеркнула, что в своей работе С. Ф. Орешкова блестяще изложила перспективы развития османистики. Стиль изложения построен как непринуждённая беседа с читателем, особенно это касается тех глав, где автор делился личными воспоминаниями о московском востоковедении 1950-х гг., о своём вхождении в профессию османиста. Докладчик особо отметила, что «мемуары» С. Ф. Орешковой представляют собой разноплановое и многоаспектное повествование.

Д. и. н., проф. СПбГУ А. А. Колесников (Санкт-Петербург) выступил с докладом о перспективах развития отечественной туркологии.

К. и. н., с. н. с. Сектора Турции Центра изучения стран БСВ ИВ РАН А. В. Болдырев (Москва) рассмотрел Восточный вопрос и российско-турецкие отношения в историографическом наследии С. Ф. Орешковой, отметив, что С. Ф. Орешкова считала Восточный вопрос прежде всего европейским орудием, толкавшим Россию и Турцию заниматься зачастую совсем не теми проблемами, которые им полезно и разумно было бы решать.

К. и. н., с. н. с. Сектора Турции Центра изучения стран БСВ ИВ РАН И. И. Иванова (Москва) рассмотрела политический статус и устройство острова Кипр в исторической ретроспективе, проанализировав ключевые этапы его уникального исторического развития.

Зав. Сектором курдоведения, к. полит. н., с. н. с. ИВ РАН К. В. Вертяев (Москва) представил в докладе результаты исследований проекта создания независимого Курдистана после окончания Первой мировой войны в 1918–1920 гг. на основании изучения британских архивных документов.

Доклад **к. и. н., с. н. с. ИМЭМО и ИВ РАН И. А. Свистуновой (Москва)** о немусульманских меньшинствах Османской империи в период Танзимата был посвящён вопросу влияния реформ XIX века на систему миллетов в Турции. Автор проанализировала изменения в положении немусульманских меньшинств в османском обществе и восприятие реформ самими представителями немусульманских миллетов.

В историографическом докладе **зав. Сектором Турции Центра изучения стран БСВ, д. э. н., в. н. с. ИВ РАН, проф. Н. Ю. Ульченко (Москва)** о предпосылках догоняющего развития Турецкой Республики были рассмотрены причины экономического отставания Османской империи, которые, по мнению докладчика, целесообразно связывать не только с особенностями регулирования внешней торговли, но создававшими достаточных ограничений для проникновения европейского экспорта. Докладчику ближе позиция тех авторов, которые объясняют деградацию экономики империи её неспособностью обеспечить эффективное развитие машинного производства капиталистического типа в своей стране, что в свою очередь, объясняется спецификой формирования в условиях Османской империи таких важнейших факторов производства, как труд и капитал.

В своём докладе о Турции и ЕС с точки зрения эволюции подходов к взаимному сотрудничеству **к. и. н., с. н. с. Сектора Турции Центра изучения стран БСВ, А. Г. Гаджиев (Москва)**

подчеркнул, что история отношений между Турцией и ЕС — это сложный, многогранный, неоднозначный процесс с множеством парадоксов. Рассмотрев исследования, посвящённые изучению данного процесса на протяжении последних тридцати лет, он отметил применение разных подходов, которые с течением времени в связи с возникновением новых факторов подвергались заметному переосмыслению.

Ст. преподаватель Военного университета им. кн. А. Невского МО РФ, к. э. н., н. с. ИВ РАН С. Л. Волкова (Москва) рассмотрела динамику торгового сотрудничества Турции и Башкортостана в 1990–2000-х гг. По её мнению, торговые отношения Турции и Башкортостана являются перспективным направлением, взаимовыгодным для обеих сторон, что важно для развития российско-турецких связей в непростых политических, а также экономических условиях, сложившихся в мире.

Д. и. н., в. н. с. ИВ РАН И. В. Зайцев (Москва) в своём докладе рассказал о результатах исследований османских дефтеров (реестровых книг) как источников по истории Восточной Европы.

Директор научного центра ЮФУ, д. и. н. В. В. Цибенко (Ростов-на-Дону) в докладе об исторической памяти в современной Турции рассмотрела особенности исторической политики Анкары.

Избранные научные труды С. Ф. Орешковой

М. А. Гасратян, С. Ф. Орешкова, Ю. А. Петросян. *Очерки истории Турции*. М.: Наука, 1983. 294 с.

Орешкова С. Ф. *Русско-турецкие отношения в начале XVIII в.* М.: АН СССР, 1971. 196 с.

Орешкова С. Ф. *Немировский конгресс. От двусторонних османо-российских отношений к восточному вопросу*. М.: ИВ РАН, 2015. 292 с.

Орешкова С. Ф. *Османская империя. Очерки истории. Общий очерк истории Османской империи и статьи об особенностях развития этого имперского государства*. М.: Рубежи XXI, 2018. 587 с.

Орешкова С. Ф. *Крымское ханство в XV–XVI вв. (К вопросу о роли османского вассала в политическом становлении постордынской Восточной Европы)*: в 2 т. /Отв. ред.: Мейер М. С. М.: ИВ РАН, 2021. Т. 1. 306 с., Т. 2. 316 с.

Орешкова С. Ф. *ОСМАНИСТИКА. Личный опыт и некоторые размышления о развитии этой отрасли востоковедной науки*. М.: ИВ РАН, 2023. 272 с.

Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. *Россия и Турция: проблема формирования границ*. М.: Гуманитарий, 2006. 256 с.

П. А. Толстой. *Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота*. Авт. вступит. ст. Орешковой С. Ф. Сост. Зайцев И. В., Орешкова С. Ф. М.: Наталис, 2006. 302 с.

Русский посол в Стамбуле: П. А. Толстой и его описание Османской империи в начале XVIII в. Отв. ред. Лазарев М. С., Халфин Н. А. Сост. и авт. вступит. ст. и примеч. М. Р. Аруновой и С. Ф. Орешковой. М.: Наука, 1985. 160 с.

Ульченко Н. Ю., Орешкова С. Ф., Репенкова М. М. *Россия и Турция. Прыжок через пропасть (1960–1979)*. М.: Просвещение, 2011. 157 с.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ С. Ф. ОРЕШКОВОЙ

© 2025

А. В. Болдырев¹

В статье рассматриваются Восточный вопрос и российско-турецкие отношения в историографическом наследии С. Ф. Орешковой. Говоря о месте, которое занимала Османская империя в международных отношениях начала XVIII в., С. Ф. Орешкова обращала внимание на правомерность применения термина «Восточный вопрос» лишь со второй половины XVIII в., подразумеваемая несамостоятельность османского правительства в решении внутрисударственных конфликтов. Анализируя российско-турецкие отношения, С. Ф. Орешкова отмечала, что вплоть до XVII в. шёл естественный геополитический рост ареала земледельческой культуры Русского государства. От мирного продвижения на юг России пришлось отказаться после вхождения в её состав украинских земель. Так началась череда войн, создавших впечатление об извечной конфронтации Османской и Российской империй. По мнению исследовательницы, значительно чаще русско-турецкие войны являлись результатом общеевропейских конфликтов и интриг европейской дипломатии. При этом С. Ф. Орешкова подчёркивает, что государственными деятелями России осознавался тот факт, что к концу XVIII в. российские границы дошли до своих разумных пределов. Применительно к России завершение Восточного вопроса она рассматривает на примере Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда Россия осознала, что цели держав по Восточному вопросу разошлись и Россия отныне должна самостоятельно определяться в отношении к балканской проблеме и Османской империи. С. Ф. Орешкова также рассмотрела изучение Турции в России в контексте русско-турецких отношений. Таким образом, подводя итоги Восточному вопросу и российско-турецким отношениям, С. Ф. Орешкова пришла к выводу, что Восточный вопрос следует рассматривать прежде всего как «европейское орудие», толкавшее Россию заниматься зачастую совсем не теми проблемами, которые бы ей полезно и разумно было тогда решать. Эту концепцию она аргументированно доказывала в своих научных трудах, оставляя широкое поле для дискуссий.

Ключевые слова: Орешкова, Восточный вопрос, российско-турецкие отношения, Россия, Турция, Османская империя

Для цитирования: Болдырев А. В. Восточный вопрос и российско-турецкие отношения в историографическом наследии С. Ф. Орешковой. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 139–145. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-139-145

¹ Болдырев Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru
Andrey V. Boldyrev, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3982-2848

THE EASTERN QUESTION AND RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE HISTORIOGRAPHICAL HERITAGE OF S. F. ORESHKOVA

Andrey V. Boldyrev

The article examines the Eastern Question and Russian-Turkish relations in the historiographic legacy of S. F. Oreshkova. Speaking about the place occupied by the Ottoman Empire in international relations of the early eighteenth century, S. F. Oreshkova drew attention to the legitimacy of using the term “Eastern Question” only from the second half of the eighteenth century, implying the lack of independence of the Ottoman government in resolving internal conflicts. Examining Russian-Turkish relations, S. F. Oreshkova noted that up until the seventeenth century there was a natural geopolitical growth of the area of agricultural culture of the Russian state. Russia had to abandon its peaceful advance to the south after the incorporation of Ukrainian lands. Thus, began a series of wars that created the impression of an eternal confrontation between the Ottoman and Russian empires. According to the researcher, much more often the Russo-Turkish wars were the result of pan-European conflicts and intrigues of European diplomacy. At the same time, S. F. Oreshkova emphasizes that Russian statesmen were aware of the fact that by the end of the eighteenth century Russian borders reached their reasonable limits. With regard to Russia, S. F. examines the end of the Eastern Question using the example of the Russo-Turkish War of 1877–1878, when Russia realized that the goals of the powers on the Eastern Question had diverged and that Russia should now independently determine its attitude toward the Balkan problem and the Ottoman Empire. S. F. Oreshkova also examined the study of Türkiye in Russia with regard to Russian-Turkish relations. Thus, summing up the Eastern Question and Russian-Turkish relations, S. F. Oreshkova comes to the conclusion that the Eastern Question should be considered, first of all, as a “European tool” that pushed Russia to deal with problems that were often not at all those that it would have been useful and reasonable for it to solve. She convincingly proved this concept in her scientific works, leaving a wide field for discussion.

Keywords: Oreshkova, Eastern Question, Russian-Turkish relations, Russia, Türkiye, Ottoman Empire

For citation: Boldyrev A. V. The Eastern Question and Russian-Turkish Relations in the Historiographic Heritage of S. F. Oreshkova. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 1. Pp. 139–145. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-139-145

В своей первой монографии, посвящённой истории российско-турецких отношений, С. Ф. Орешкова утверждала, что «подстрекательство европейской дипломатии... явилось главным фактором, понудившим Османскую империю после десятилетия мирной внешней политики решиться на войну с Россией (в 1710–1713 гг. — А. Б.)». Однако война не соответствовала интересам двух стран, и в этих условиях, несмотря на явное военное преимущество, турецкое командование «с радостью» согласилось на русское предложение о начале мирных переговоров. В силу этого «даже полная победа и поражение русской армией на Пруте и пленение самого царя не принесло ничего иного, кроме длительной, затяжной войны...» [Орешкова, 1971, с. 190–191].

Поэтому, по мнению исследовательницы, русско-турецкий мирный договор 1711 г. был не только большим дипломатическим успехом России. Русская армия во главе с Петром I получила возможность почётно и без потерь выйти из окружения. В то же время Прутский мир отвечал также жизненным интересам Турции. «Турецкое правительство было вполне удовлетворено территориальными уступками со стороны России (Азов. — А. Б.). Оно исходило лишь из своих собственных целей, отказавшись защищать интересы Карла XII...» [Орешкова, 1971, с. 192].

В этом плане позиция турецкого везира Балтаджи Мехмед-паши, подписавшего Прутский мир, «не являлась случайностью, но продолжением той политики, которую Турция проводила в первое десятилетие XVIII в., уклоняясь от участия в военных конфликтах европейских держав» [Орешкова, 1971, с. 193].

Следует отметить категоричность подобных выводов. Так, вызывает сомнение готовность турецкой стороны сразу же пойти на переговоры с Россией, учитывая безусловное военное превосходство османов и катастрофическое положение самой русской армии. Вышеизложенное следует объяснить идеологемами того времени, когда вышла монография.

Говоря о месте, которое занимает Османская империя в международных отношениях начала XVIII в., С. Ф. Орешкова обращает внимание на неправомерность применения термина «Восточный вопрос» к периоду начала XVIII в. в некоторых работах советских историков конца 70-х гг. Она отмечала, что употребление термина «Восточный вопрос», как и всех подобных условных терминов, требует строгих дефиниций. ...Возник он (термин) в 20-х годах XIX в. и затем ретроспективно был распространён на более ранний период... Термин «Восточный вопрос» несёт определённую смысловую нагрузку, подразумевает несамостоятельность османского правительства в решении внутригосударственных конфликтов. Подобную ситуацию мы наблюдаем лишь со второй половины XVIII в., но ни в коей мере не в первой половине этого века» [Орешкова, 1978, с. 110–111].

Рассматривая российско-турецкие отношения в начале XVIII в., С. Ф. Орешкова совместно с М. Р. Аруновой опубликовали в 1985 г. письма первого постоянного посла (посла-резидента) России в Османской империи в 1701–1714 гг. П. А. Толстого Петру I об экономическом состоянии Османской империи, её внутреннем и внешнеполитическом положении, взаимоотношениях Турции с правителями вассальных территорий, с европейскими и азиатскими странами [Русский посол, 1985]. Затрагивалась в письмах и проблема российско-турецких отношений. Так, составители отмечали, что одной из причин отрицательного отношения Порты к развитию торговых связей с Россией П. А. Толстой называл возможность тесных контактов последней с христианскими народами Османской империи. Отмечалось также отсутствие в инструкциях главе российского посольства каких-либо военных планов в отношении Турции [Русский посол, 1985, с. 32].

Продолжая рассматривать тему России и Турции в начале XVIII в., С. Ф. Орешкова обращала внимание на турецкое публицистическое сочинение первой трети XVIII в., посвящённое внешней политике, в котором российско-турецкие отношения и военные конфликты характеризуются как «местные события, в которых ни то, ни другое государство заинтересованы не были» [Орешкова, 1996, с. 143]. Вплоть до XVII в. политика Москвы следовала курсом, заложенным Иваном III (1462–1505) [Ульченко, Орешкова, Репенкова, 2011, с. 10]. С. Ф. Орешкова подчёркивает, что «шёл естественный геополитический рост ареала земледельческой культуры. От спокойного и мирного продвижения на юг России пришлось отказаться после вхождения украинских земель в состав её государства. ...Русское государство было вынуждено воевать за свои новые владения не только с Речью Посполитой, но и с Османской империей, с которой только тогда и появилась у неё общая граница» [Ульченко, Орешкова, Репенкова, 2011, с. 12]². Бахчисарайское перемирие (1681), которым завершилась война с Россией, впервые официально зафиксировало территориальное разграничение владений российской и османской держав [Орешкова, ч. 2, 2001, с. 24]. Бахчисарайский договор, заключённый в том же году, был подписан тремя сторонами — Россией, Османской империей и Крымским ханством. С. Ф. Орешкова указывала в связи с этим на то, что

² Польский король Ян Собеский пошёл на подписание Вечного мира (1686), по которому Киев, Смоленск и Левобережная Украина признавались российскими только при условии, что Россия включится в антиосманскую войну «Священной лиги» [Ульченко, Орешкова, Репенкова, 2011, с. 13]. После этих уступок в том же 1686 г. Россия разорвала перемирие 1681 г. с Османской империей и присоединилась к «Священной лиге».

последнее обстоятельство свидетельствовало, что османское правительство передавало северные границы с Россией в ведение крымских ханов, разочаровавшись в каких-либо выгодах для себя от этого региона [Орешкова, 2005, с. 36].

Так началась, отмечала С. Ф. Орешкова, череда последовавших затем девяти войн, создавших впечатление об извечной конфронтации Османской и Российской империй. «Не всегда войны были следствием непримиримых противоречий этих двух империй. Значительно чаще они являлись результатом общеевропейских конфликтов и интриг европейской дипломатии. Однако сути дела это не меняет. В XVIII–XIX вв. Россия и Османская империя воевали между собой больше, чем с кем бы то ни было, и враждебное отношение друг к другу глубоко проникло в сознание и турецкого, и российского общества» [Орешкова, ч. 2, 2001, с. 14].

В то же время С. Ф. Орешкова подчёркивает, что государственными деятелями России осознавался тот факт, что к концу XVIII в. российские границы дошли до разумных пределов, что не предотвратило того, что в XIX в. произошло ещё четыре русско-турецкие войны, а в XX в. Россия вступила в Первую мировую войну. Причин для этого было несколько — как объективного, так и субъективного характера [Орешкова, 2005, с. 36].

Они обозначились во второй половине XVI в., когда в отношениях Османской империи с Русским государством помимо торговых и дипломатических связей возникли два новых аспекта — религиозный и военный. Как указывала С. Ф. Орешкова, в это время московское правительство начинает выступать в качестве защитника порабождённых народов православного Востока, причем эта доктрина распространялась как на балканские, так и на ближневосточные народы, исповедующие православие [Орешкова, 1984, с. 38]. В связи с этим С. Ф. Орешкова подчёркивает, что представители покорённых османами христианских народов во многом не только сформировали в общественном мнении России представление об Османской империи, но и повлияли на формирование внешней политики государства. «Этнорелигиозные проблемы ... были актуальны и для обеих держав, порождая порой конфликты в их отношениях. ... Политико-религиозные мотивы, толкавшие её (Россию — А. Б.) к такому продвижению, явно преобладали, отгесняя на задний план собственно государственные интересы» [Орешкова, 2005, с. 42–43].

Помимо желания помочь единоверцам «имперская алчность» и относительная лёгкость продвижения в Закавказье способствовали тому, что были присоединены территории, освоение которых впоследствии потребовало гораздо большего времени и сил, чем на их завоевание, несмотря на то, что в русском обществе и в его правящих кругах постепенно всё сильнее и сильнее росло понимание ненужности и опасности продолжения завоеваний на юго-западе [Орешкова, 2005, с. 43].

Правомерно в связи с этим обращение С. Ф. Орешковой к истории, казалось бы, события достаточно локального характера — мирных переговоров между Россией и Османской империей в период Русско-турецких войн 1735–1739 гг.³ Она подчёркивает, что именно тогда руководитель внешней политики Российской империи А. И. Остерман «сверг страну в то, что позднее стало называться общеевропейским Восточным вопросом. Фактически это означало для России отказ от двусторонних отношений с Османской империей и её самостоятельности в решении проблемы разграничения геополитического пространства на юге, т. е. задачи, которая явно выходила на первый план российской политики в XVIII в.» С. Ф. Орешкова разделяет мнение историка-слависта Александра Александровича Кочубинского [Кочубинский, 1899]⁴, отмечавшего ещё в конце XIX в., что

³ Немировский конгресс 1737 года — съезд уполномоченных России, Австрии и Османской империи в г. Немирове, во дворце графа Юзефа Потоцкого, с целью урегулировать военно-политические вопросы, вытекавшие из результатов военной кампании 1736 г. в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

⁴ Кочубинский А. *Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса*. Одесса, 1899.

«то, что в XIX в. стало называться Восточным вопросом, впервые дало о себе знать на Немировском конгрессе, хотя само название проблемы появилось позже... Тогда же всё явственнее стала выявляться... направленность этой международной проблемы — не только антиосманская, но и анти-российская» [Орешкова, 2015, с. 234].

По мнению С. Ф. Орешковой, Европа боялась усиления России и сознательно стремилась, с одной стороны, вовлечь её в османские проблемы, а с другой — поставить российско-османские отношения под свой контроль. Этим целям как раз и отвечал Восточный вопрос, провозглашённый как коллективная проблема европейской международной политики. Он стал тем инструментом, который позволял европейскому сообществу в нужный для него момент отвлекать Россию от её возможного воздействия на развитие международных отношений в Европе и самостоятельного решения жизненно важной для неё проблемы своих южных границ [Орешкова, 2015, с. 234–235].

Применительно к России завершение Восточного вопроса С. Ф. Орешкова рассматривает на примере Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [Орешкова, 2018а]. На заседаниях Священного союза⁵ он впервые прозвучал как официальное название проблемы, требующей коллективного общеевропейского решения. В международном дипломатическом контексте под «Восточным вопросом» стала пониматься необходимость совместными усилиями европейских стран добиться устранения османского владычества над христианскими народами Балканского полуострова.

Для России, подчеркивала С. Ф. Орешкова, «Восточный вопрос» имел особую предысторию и включал в себя два аспекта, жизненно важных для судеб российской государственности и формирования российского самосознания. Первый касался безопасности южных границ [Орешкова, 2015, с. 91]⁶, второй — судеб христианских народов Османской империи [Орешкова, 2015, с. 235]. Война 1877–1878 гг. оказалась неизбежной из-за той ситуации, которая сложилась в славянских районах Османской империи [Орешкова, 2018а, с. 97]. В результате войны и по итогам Берлинского конгресса «Россия, наконец, осознала, что “Восточному вопросу”, который, как она воспринимала, должен был совместными общеевропейскими усилиями решить проблему Османской империи ... пришёл конец. Цели держав разошлись. России надо было самостоятельно определяться в отношении к балканской проблеме и Османской империи» [Орешкова, 2018а, с. 99].

Подводя итоги развитию Восточного вопроса, Светлана Филипповна отмечала, что «оценка участия России в решении Восточного вопроса ... нуждается в более глубоком осмыслении, чем это делается в современной историографии. Объективный взгляд на эту проблему требует учитывать не только российско-европейские интересы и отношения, но и реалии османской истории и российско-османских отношений» [Орешкова, 2015, с. 234–235].

Применительно к российско-турецким отношениям С. Ф. Орешкова рассматривала изучение Турции в России. Она подчёркивала, что за три века в России была создана огромная литература о русско-турецких войнах, их военном и дипломатическом аспектах, о «Восточном вопросе» как общеевропейской международной проблеме. Большой поток сведений шёл из Европы и от нетурецких народов Османской империи. С. Ф. Орешкова обращала внимание на то, что общее направление этой литературы состояло не в том, чтобы изучать эту империю, а в том, чтобы показать её слабость, подчеркнуть страдания того или иного народа и его желание с иностранной помощью

⁵ Священный союз был образован 26 сентября 1815 года российским императором Александром I, императором Францем I Австрийским и королём Фридрихом Вильгельмом III Прусским. К нему впоследствии присоединились практически все монархи Европы, за исключением Великобритании и Османской империи. Целями Священного союза было сохранение установленного на Венском конгрессе (1815) международного порядка, недопустимость революций и предотвращение войн. Священный союз был призван утверждать принцип легитимизма — законного права монархов править своими народами. Любые попытки покушения на это право (то есть революционные и национально-освободительные выступления) члены Священного союза обязались подавлять совместными усилиями.

⁶ Вторая проблема касалась судеб христианских народов Османской империи [Орешкова, 2015, с. 235].

освободиться от имперских пут [Орешкова, 2008, с. 17]. Тем не менее длительность межгосударственных отношений способствовала тому, что исподволь накапливались в России собственные знания о её южном соседе. Особое место в развитии отечественной туркологии С. Ф. Орешкова отдаёт двум знаменитым отечественным востоковедам — Осипу Ивановичу Сенковскому и Александру Касимовичу Казем-Беку, сыгравшим каждый по-своему выдающуюся роль в развитии научных знаний о Турции [Орешкова, 2008, с. 17].

Проблема Чёрного моря и Черноморских проливов в русско-турецких отношениях была рассмотрена С. Ф. Орешковой совместно с известным туркологом Н. Ю. Ульченко в монографии «Россия и Турция: проблема формирования границ» [Орешкова, Ульченко, 2006]. С. Ф. Орешкова подчёркивает, что «европеизация» России и вовлечение её в европейские антиосманские коалиции сделали её южные границы ареной многочисленных войн. Причём войны эти велись уже не только для защиты российских рубежей от кочевников ... но и для обретения выхода к морю и достижения удобных для защиты географических рубежей. Эта задача была выполнена во времена Екатерины II, когда российская граница достигла Чёрного моря» [Орешкова, Ульченко, 2006, с. 173–174]. «Власти России проявляли здесь определённую сдержанность, не раз заявляя о нежелательности дальнейшего разрастания своей территории» [Орешкова, Ульченко, 2006, с. 174].

С. Ф. Орешкова отмечала, что «особой проблемой в истории российско-турецких границ является проблема Чёрного моря и проливов Босфор и Дарданеллы» [Орешкова, Ульченко, 2006, с. 174]. Фактически к XIX в. с точки зрения экономической, связанной с функционированием торговых путей, она уже была решена. Однако идея передела мира, витавшая в Европе во второй половине XIX в. и приведшая в конце концов к развязыванию Первой мировой войны, снова поставила данную проблему в разряд актуальных [Орешкова, Ульченко, 2006, с. 175].

Позднее, касаясь этой проблемы в своем фундаментальном труде, посвящённом истории Османской империи, С. Ф. Орешкова обращала внимание на то, что «историки обычно как об общепринятой истине пишут о том, что именно Пётр I положил начало движения России к тёплым морям... Это западноевропейское стремление повернуть политику России на юг, отвлечь её от европейских проблем стало для историков аксиомой. А между тем Пётр после начала борьбы за Балтику к турецкому направлению больше не возвращался» [Орешкова, 2018b, с. 512]. Продолжая эту мысль, С. Ф. Орешкова подчёркивает, что осознание российскими политиками, что Россия достигла разумных пределов, не отвратило её от череды войн с Османской империей в XIX и в начале XX в. В период Первой мировой войны «Россия присоединилась к европейским намерениям разделить османские владения и претендовала на Чёрное море» [Орешкова, 2018b, с. 561].

Таким образом, подводя итоги Восточному вопросу и российско-турецким отношениям в историографическом наследии С. Ф. Орешковой, следует отметить, что С. Ф. Орешкова рассматривала Восточный вопрос прежде всего как «европейское орудие, толкавшее Россию заниматься зачастую совсем не теми проблемами, которые бы ей полезно и разумно было тогда решать» [Орешкова, 2023, с. 123]. Эту концепцию она аргументированно доказывала в своих научных трудах, оставляя широкое поле для дискуссий.

Литература / References

Орешкова С. Ф. *Русско-турецкие отношения в начале XVIII в.* М.: АН СССР. Институт востоковедения, 1971 [Oreshkova S. F. Russian-Turkish relations at the beginning of the 18th century. Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies, 1971 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. Турецкий документ первой половины XVIII в. О международной ситуации в Европе и внешнеполитических целях Османской империи. *Туркологический сборник 1976*. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 109–119 [Oreshkova S. F. Turkish document of the first half of the 18th century. On the international situation in Europe and the foreign policy goals of the Ottoman Empire. *Turkological collection 1976*. Moscow: Science, GRVL, 1978. Pp. 109–119 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII века об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени. *Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. Сборник статей*. М.: ИВ РАН, 1996. С. 129–212 [Oreshkova S. F. An unknown Turkish work from the mid-18th century on relations with Russia and the Ottoman understanding of European international relations of that time. *Ottoman Empire: problems of foreign policy and relations with Russia. Collection of articles*. Moscow: IV RAN, 1996. Pp. 129–212 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. Османская империя во второй половине XVII в.: внутренние проблемы и внешнеполитические трудности. *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2*. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 5–23 [Oreshkova S. F. The Ottoman Empire in the second half of the 17th century: internal problems and foreign policy difficulties. *The Ottoman Empire and the countries of Central, Eastern and South-Eastern Europe in the 17th century*. Part 2. Moscow: Monuments of historical thought, 2001. Pp. 5–23 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения. *Вопросы истории*. 2005. № 3. С. 34–46 [Oreshkova S. F. The Ottoman Empire and Russia in Light of Their Geopolitical Delimitation. *Questions of History*. 2005. No. 3. Pp. 34–46].

Орешкова С. Ф. Изучение Турции в России. *Турция на рубеже XX–XXI веков*. Сост. и отв. ред. Зайцев И. В. и Ульченко Н. Ю. М.: ИВ РАН, 2008. С. 13–21 [Oreshkova S. F. Study of Turkey in Russia. *Turkey at the turn of the 20th-21st centuries*. Comp. and ed. by Zaitsev I. V. and Ulchenko N. Yu. Moscow: IV RAN, 2008. Pp. 13–21 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. *Немировский конгресс. От двусторонних осmano-российских отношений к восточному вопросу*. М.: ИВ РАН, 2015 [Oreshkova S. F. Nemirovsky Congress. From bilateral relations of Ottoman-Russian relations to the Eastern question. Moscow: IV RAN, 2015 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. «Восточный вопрос». Предыстория и война 1877–1878 гг. как его завершение. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018а. № 2. С. 91–103 [Oreshkova S. F. «The Eastern Question». Prehistory and the War of 1877–1878 as its Completion. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2018 a. No. 2. Pp. 91–103 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. *Османская империя. Очерки истории. Общий очерк истории Османской империи и статьи об особенностях развития этого имперского государства*. М.: Рубежи XXI, 2018b [Oreshkova S. F. *Ottoman Empire. Essays on History. General outline of the history of the Ottoman Empire and articles on the features of the development of this imperial state*. Moscow: Frontiers of the 21st Century, 2018b (in Russian)].

Орешкова С. Ф. *ОСМАНИСТИКА. Личный опыт и некоторые размышления о развитии этой отрасли востоковедной науки*. М.: ИВ РАН, 2023 [Oreshkova S. F. *OSMANISTICS. Personal experience and some thoughts on the development of this branch of oriental science*. Moscow: IV RAN, 2023 (in Russian)].

Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю. *Россия и Турция: проблема формирования границ*. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006 [Oreshkova S. F., Ulchenko N. Yu. *Russia and Türkiye: the problem of border formation*. Moscow: Academy of Humanitarian Research, 2006 (in Russian)].

Русский посол в Стамбуле: П. А. Толстой и его описание Османской империи в начале XVIII в. Отв. ред. Лазарев М. С., Халфин Н. А. Сост. и авт. вступит. ст. и примеч. М. Р. Аруновой и С. Ф. Орешковой. М.: Наука, 1985 [Russian Ambassador in Istanbul: P. A. Tolstoy and his description of the Ottoman Empire at the beginning of the 18th century. Ed. by Lazarev M. S., Khalfin N. A. Comp. and author. introduction and notes by M. R. Arunova and S. F. Oreshkova. Moscow: Nauka, 1985 (in Russian)].

Ульченко Н. Ю., Орешкова С. Ф., Репенкова М. М. *Россия и Турция. Прыжок через пропасть (1960–1979)*. М.: Просвещение, 2011 [Ulchenko N. Yu., Oreshkova S. F., Repenkova M. M. *Russia and Türkiye. A Leap Over the Abyss (1960–1979)*. Moscow: Prosveshchenie, 2011 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-146-154

**ФЕНОМЕН «ВОЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ» В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ КАК
ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ МОДЕРНИЗАЦИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)**

© 2025

Т. Е. Михайлова¹

В статье рассматривается развитие западного искусства в Османской империи как отражение процессов модернизации во второй половине XIX в., выявляющее сложное сочетание новых и традиционных черт. В центре повествования — феномен так называемых «военных художников», так как именно в этом преломлении развивалось вестернизированное искусство на протяжении почти всего XIX в.

Ключевые слова: османское искусство, Османская империя, военные художники, модернизация, вестернизация

Для цитирования: Михайлова Т. Е. Феномен «военных художников» в Османской империи как отражение процессов модернизации (вторая половина XIX в.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 146–154. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-146-154

**THE PHENOMENON OF “MILITARY ARTISTS” IN THE OTTOMAN EMPIRE
AS A REFLECTION OF THE WESTERNIZATION PROCESSES
(SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY)**

Tatiana E. Mikhailova

The article deals with the development of Western art in the Ottoman Empire as a reflection of the modernization processes in the second half of the nineteenth century, revealing a complex combination of new and traditional features. At the center of the narrative is the phenomenon of the so-called “military artists”, since it was a medium through which Westernized art developed throughout almost the entire nineteenth century.

Keywords: Ottoman art, the Ottoman Empire, military artists, modernization, westernization

For citation: : Mikhailova T. E. The Phenomenon of “Military Artists” in the Ottoman Empire as Reflection of the Westernization Processes (Second Half of the Nineteenth Century). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 1. Pp. 146–154. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-146-154

Вестернизированная живопись как новое явление в османском искусстве возникла в первой половине XIX в. Её появление было отмечено ярким своеобразием – новое искусство явилось порождением военных реформ, в рамках которых в 1790-х гг.

¹ Михайлова Татьяна Евгеньевна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tatyana-mm@mail.ru
Tatiana E. Mikhailova, junior research assistant, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; tatyana-mm@mail.ru

в Стамбуле открылись первые училища, организованные по образцу европейских военных школ², и именно там впервые начали преподавать основы западной живописи.

В середине XIX в. Османская империя представила результаты своего нового художественного обучения на Всемирной выставке в Лондоне (1851): в османском павильоне были выставлены картины и литографии студентов османских высших военных училищ [Витол, 2000, с. 89].

На протяжении практически всего XIX в. художественное образование в Османской империи осуществлялось в основном в военных школах, и художники — представители новой вестернизированной живописи, за единичными исключениями, были военными. Позднее этот феномен получил наименование «военные художники», именно о них пойдёт речь в этой работе.

Если от первой половины XIX в. сохранились имена лишь трёх османских «новых» художников [Михайлова, 2023, с. 203–211], то с середины столетия развитие вестернизированной живописи существенно активизировалось: нам известны десятки имён мастеров. Подавляющее большинство художников были полностью забыты и возвращены из небытия благодаря фундаментальным трудам Сами Йетика (1878–1945) и Пертева Бойяра (1897–1981), изданным уже в середине XX в. [Yetik, 1940; Boyar, 1948]. Будучи сами «военными художниками», авторы провели кропотливые архивные изыскания и составили сборники биографий, опубликовав все имевшиеся в архивных документах (доступных авторам) упоминания о художниках османской эпохи и их судьбах³. Источниками по данной теме служили ежегодники (*салнаме*) училищ и иных учреждений, где обучались или преподавали офицеры, имевшие специальность «художник» и/или в дальнейшем работавшие в государственных сферах, связанных с изобразительным искусством⁴. Таким образом, С. Йетик и П. Бойяр сформулировали и принцип причисления к профессии художника в Османском государстве XIX в.

Материалом для данной работы послужили биографии выпускников военных училищ 1847–1883 гг.⁵ Всего за этот период из училищ выпустилось 67 «военных художников».

Организация обучения

Второй период Танзимата, начавшийся с объявления Декрета о реформах 1856 г., ознаменован серьёзным увеличением числа учебных заведений. Однако художники обучались в основном в тех же военных училищах, что и в первой половине XIX в.: МБХ и Военном училище (*Мектеб-и Харбийе*, 1835, далее Харбийе). Лишь несколько художников, начиная с 1860-х, закончили иные учебные заведения (также высшие военные) — Бахрийе и Военно-медицинское училище (*Мектеб-и Тыббийе*, 1838 г., далее Тыббийе)⁶. Как и в первой половине XIX в., художественное образование оставалось столичной роскошью.

В МБХ и Харбийе с 1850-х гг. появились специализированные «классы художников» (*рессам сынфы*). В МБХ они назывались *рессам* (художники), в Харбийе — *рессам пияде*

² Морское инженерное училище (Мюхендисхане-и Бахр-и Хумаюн, далее — Бахрийе, 1793 г.) и Султанское сухопутное инженерное училище (Мюхендисхане-и Берри-и Хумаюн, далее — МБХ, 1795–1796 гг.).

³ С. Йетик начал составлять труд «Наши художники», но успел издать только первый том. После его смерти работу завершил его ученик П. Бойяр, опубликовавший сочинение «Турецкие художники. Биографии и произведения».

⁴ Прежде всего это архивы военных училищ — «Мират-и Харбийе» («Зерцало Харбийе»), «Мират-и Мюхендисхане» («Зерцало Мюхендисхане»), а также военные архивы («Аскери салнаме»).

⁵ После первых троих художников — выпускников 1830-х гг. следующий выпуск художников состоялся лишь в 1847 г. [Boyar, 1948, s. 26–27]. 1883 г. взят в качестве условной даты, года основания первого высшего художественного училища Османской империи — Школы изящных искусств. Отныне в истории османской живописи началась новая эпоха.

⁶ Всего в 1860–1883 гг. из Бахрийе выпустились шесть художников, из Тыббийе — лишь один, но при этом самый знаменитый и успешный османский мастер второй половины XIX в. Ахмед Али-паша (Шекер-паша).

(художники-пехотинцы). Информация о таких классах регулярно появляется в *салнаме* в 1850–1860-х гг., но позже исчезает из документов. Впрочем, судя по документам, лишь немногие художники закончили специализированные художественные классы (11 человек). Помимо *рессам сынлыфы*, будущие художники обучались в классах *пияде* (пехота, Харбийе), *топчу* (артиллерия, МБХ и Харбийе), педагогическом (*менше-и муаллим*, Харбийе), фортификационном (*истихкам*, Харбийе) и даже ветеринарном (*байтар*, Харбийе)⁷.

Учащиеся столичных училищ в большинстве своём и сами были жителями Стамбула или пригородов (около 40 выпускников). Художники-студенты из других регионов Османской империи появляются только со второй половины 1870-х годов⁸, их немного: четверо из Эдирне, по 1–2 человека из городов Анатолии: Измира, Бурсы, Манисы, Эрзурума, Арабгира, Килиса, двое из Дамаска, по одному из Бейрута и Наслича (балканская провинция Манастыр).

Если место рождения «военных художников» указано в архивных документах практически всегда, то социальное происхождение большинства из них проследить невозможно. Лишь в редких случаях указывалось имя отца или иного родственника, если таковой являлся известным лицом.

Стажировки

По окончании учёбы лучшие выпускники могли быть рекомендованы к поездке на стажировку в Европу. Первые стажёры, отправленные османским правительством, начали выезжать за рубеж в 1830 г. В период 1830–1839 гг. в Европу отправились 36 человек, среди которых были три первых известных нам «военных художника», а также некий Ариф-эфенди, получивший в Париже образование литографа. В эпоху Танзимата (1840–1876), согласно официальным данным, в Европе стажировались уже 197 османских подданных [Şişman, 2004, s. 9–13, 21, 72].

Зарубежные стажировки особенно активизировались после Декрета о реформах 1856 г. В том же году османским правительством было принято и согласовано с французскими властями решение об открытии в Париже *Мектеб-и Османи* («Османской школы» — далее ОШ, 1857–1864), созданной с целью адаптации османских подданных перед стажировкой во французских учебных заведениях. С этого времени основным местом стажировок становится Париж или другие города Франции⁹ (в основном османцы получали образование в военных или промышленных школах).

В ОШ предусматривалось 3-летнее обучение с упором на изучение французского языка. Обучение живописи также входило в учебный курс, причём и здесь ориентиром служила программа военной школы — Сен-Сир (*École militaire de Saint-Cyr*): копирование картин и рисование с натуры, пейзажная живопись, графические техники, работа с гипсовыми рельефами [Şişman, 2004, s. 43–44]¹⁰.

Из всех художников-выпускников 1847–1883 гг. за границей стажировались лишь девять человек: восемь «военных художников» и один — получавший светское образование¹¹. В 1847 г. в Вену уехал выпускник МБХ. В 1851–1852 гг. два выпускника (из Харбийе и МБХ) отправились

⁷ Следует учесть, что только у половины художников-выпускников указаны классы специализации.

⁸ Исключение составляет художник Эдирнели Салим (Салим из Эдирне) — закончил МБХ в 1863 г. [Boyar, 1948, s. 38].

⁹ В первой половине XIX в., а также в 1850-х гг. османские стажёры обучались в Париже, Вене, Лондоне и других европейских городах.

¹⁰ За 20 лет до этого (1830-е гг.) военный колледж Сен-Сир послужил образцом при создании Харбийе [Желтяков, Петросян, 1965, с. 20].

¹¹ Мы можем немного расширить этот список, если отнесём к художественному образованию обучение гравировальному делу. В таком случае появляются ещё три человека (из них двое немусульман — армянин и грек) — ученики *ислахатхане* (воспитательный дом для обучения художественно-ремесленным профессиям) либо *санайи мектеби* (промышленно-художественного училища), стажировавшиеся во Франции в 1860–1870-х гг. Дальнейшая судьба стажёров неизвестна [Şişman, 2004, s. 106, 117, 157].

в Англию (учебные заведения неизвестны) [Boyar, 1948, s. 27, 30]. Затем в течение длительного времени «военные художники» за рубеж не выезжали¹².

Только через десять лет, в 1862 г., за рубеж отправились двое выпускников Харбийе: Али Эшреф (1842 — после 1894) и будущий знаменитый мастер Сюлейман Сейид (1842–1913). Сперва оба отучились в ОШ, затем первый поступил на обучение в гравировальную мастерскую, второй продолжил художественное образование в мастерской французского художника [Şişman, 2004, s. 96, 152]. В 1864 г. в Париж уехал выпускник Тыббийе Ахмед Али (более известный как Шекёр-паша — «Сахарный паша» (1841–1907), обучался в Школе изящных искусств).

Затем снова последовал длительный перерыв — до 1880 г., когда за границу поехал Халил-паша (1857–1940, выпускник МБХ 1873 г., учился в парижской Школе изящных искусств [Boyar, 1948, s. 53]). Последний «военный художник» рассматриваемого периода, обучавшийся живописи в Европе, — Хасан Рыза (1858–1913), но он стоит особняком, так как уехал за границу (в Италию) не по государственной программе, а по личной инициативе.

В среднем зарубежные стажировки продолжались 6–7 лет. Осман Хамди провёл за границей 12 лет, Хасан Рыза — 10 лет [Boyar, 1948, s. 66, 188].

И в 1860-е, и в 1880-е гг. османцы обучались во Франции у салонных академических мастеров, причём известных и именитых. С. Сейид посещал мастерскую А. Кабанеля¹³, Шекер-паша и Осман Хамди учились у Г. Буланже и Ж.-Л. Жерома, Халил-паша — у Жерома и Г. Куртуа¹⁴.

Трудоустройство

При трудоустройстве художников-выпускников военных училищ превалировала исключительно практическая направленность, чаще всего — обеспечение преподавательскими кадрами учебных заведений, действующих или вновь открывавшихся. Выпускников как военный персонал определяли к месту службы — в качестве учителей живописи (в основном в военные школы). При этом основными и бессменными преподавателями живописи и рисунка в высших училищах являлись европейские мастера¹⁵, и лишь единицы из османцев удостоивались права преподавать в училищах, которые сами окончили (МБХ, Харбийе)¹⁶. Охотнее брали учителей в Тыббийе, но и такое трудоустройство было большой редкостью. Чаще всего по мере расширения сети столичных и провинциальных *идади* (иначе *идадие*) и *рюштие*¹⁷ именно в эти средние школы определяли «военных художников» (чаще в *рюштие*). Эта тенденция ощутимо возросла в 1870-х гг., так как с 1869 г. уроки рисования в этих школах стали обязательными [Кауа, 2019, s. 90]. В целом около 40 художников преподавали в военных школах.

¹² Как раз в этот период в Париж отправился Осман Хамди (1842–1915) — единственный за указанный период штатский, получивший за рубежом художественное образование. Будучи выпускником Мектеб-и Маариф-и Адлийе («Школа просвещения»), он выехал за рубеж совершенствоваться в юриспруденции, однако увлёкся живописью и поступил в парижскую Школу изящных искусств. Впоследствии основал и возглавил османскую Школу изящных искусств.

¹³ Александр Кабанель (1823–1889) — французский художник-академист, в 1860-е гг. считался «первым живописцем империи» [Бонафу, 2010, с. 38].

¹⁴ Жан Леон Жером (1824–1904), Гюстав Буланже (1824–1888) — французские салонные художники, ориенталисты. Гюстав Куртуа (1852–1923) — французский художник-академист.

¹⁵ Пьер Ге и Жозеф Шранц преподавали в Харбийе десятки лет, ещё с 1830–1840-х гг. Именно у них брал уроки живописи султан-художник Абдулазиз [Кауа, 2019, s. 78].

¹⁶ За исключением Бахрийе — это училище готовило кадры почти исключительно для своих нужд. Практически все немногочисленные выпускники-художники (меньше десяти человек) либо оставались преподавать в Бахрийе, либо служили в художественных мастерских султанских судоверфей.

¹⁷ Школы *рюштие* (неполное среднее) и *идади* (полное среднее образование) появились в Османском государстве в 1830-е гг. и готовили к поступлению в высшие учебные заведения [Ихсаноглу, 2006, с. 330–332, 340–341].

Крайне редки в послужном списке художников гражданские учебные заведения (учителя живописи в столичных и провинциальных промышленных школах), они встречаются лишь у четырёх человек.

К популярному трудоустройству можно отнести работу в типографиях (в основном в Харибийе или МБХ), а также в художественных мастерских (*ресимхане, наккашхане*) различных учреждений — в генштабе, на султанских судоверфях (*дениз фабрикалары*), в Бахрийе и Топхане (Арсенал).

Трое служили фотографами (в том числе при армии). Ещё несколько выпускников по окончании обучения отправились на службу непосредственно в армию, причём только у одного указана должность *рессам* (художник), остальные являлись армейскими чиновниками. Наконец, один мастер — Мустафа Васфи исполнял обязанности художника на фаянсовой фабрике, а позже возглавил её¹⁸. Это редкий случай столь высокого продвижения в карьере «военного художника». Помимо Мустафы Васфи, лишь шестеро человек достигли директорских должностей: трое возглавили учебные заведения и трое — типографии.

Военная карьера

Для выпускников училищ самым важным показателем успешности карьеры являлось продвижение по военной службе. В архивных ежегодниках могут отсутствовать даты рождения и смерти, сведения о работе, но высший в карьере военный чин указан всегда. Сведения о повышении по военной службе вообще составляют наиболее подробную часть биографии каждого художника. Часто с новым военным званием связан переход с одного места работы на другое.

Выпускники оканчивали военное училище в звании *мюлязым* (лейтенант). Примерно половина художников, окончивших училища в 1847–1883 гг., дослужились до званий *бинбаши* (майор, командир батальона) и *колагасы* (секунд-майор). Восемнадцать человек достигли чинов *каймакам* (подполковник) и *миралай* (полковник). Шестеро удостоились генеральских званий — *мирилива* (бригадный генерал, четыре художника) и *ферик* (генерал-лейтенант, два человека).

Художники, дослужившиеся до высоких воинских чинов, чаще всего являлись и выдающимися мастерами своей эпохи, сыгравшими важную роль в развитии вестернизированного османского искусства. Однако такая взаимосвязь прослеживается не всегда. Так, один из двух генерал-лейтенантов, Шекер-паша, — наиболее известный художник своей эпохи, в то время как другой, Ферик Абдуллах (1825–1875, выпускник МБХ 1847 г.), большую часть жизни служил военным чиновником в Восточной Анатолии, работы его не сохранились [Boyar, 1948, s. 27–28].

Другими знаками отличия на военной службе служили ордена — *Меджиди* и *Османи* (иначе — *Меджидийе* и *Османийе*), учреждённые по западным образцам¹⁹. Художники удостоивались орденов достаточно редко и в основном — 4-й или 5-й степеней, за исключением Шекер-паши, кавалера орденов всех степеней.

«Военные художники» и формирование художественной среды

Источники демонстрируют нам жизнь османских художников во второй половине XIX в. как строго регламентированную, встроенную в военную и образовательную государственные структуры. Лишь у единичных художников была возможность заниматься свободным творчеством

¹⁸ Несколько ваз, декорированных Васфи-пашой, были отправлены в Великобританию в качестве подарков королевской семье [Boyar, 1948, s. 59–60].

¹⁹ *Меджиди* (5 степеней) был введён при султানে Абдулмеджиде (1852) и явился первым орденом-аналогом западных наград, *османи* (4 степени) появился в правление Абдулазиза (1861) [URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/nisan-madalya> (accessed: 07.11.2023)].

в собственных художественных мастерских, но и это являлось дополнением к основным служебным обязанностям. И всё же в сухом перечислении биографических данных можно увидеть признаки постепенного формирования новой художественной среды, связанной с западным искусством.

В первой половине 1870-х гг. в Стамбуле прошли публичные выставки вестернизированной живописи — абсолютно новое явление османской жизни. Обе выставки были организованы придворным художником Шекер-пашой²⁰. Первая состоялась в 1873 г. в Промышленной школе. Подготовка к ней длилась два года и включала освещение в прессе для привлечения публики. Большинство участников были европейские художники, проживавшие в Османской империи, кроме того выставлялись несколько художников-османцев (из известных — только Шекер-паша) и студенты из Тыббийе, Промышленной школы и Мектеб-и Султани [Pera Ressamları, 2010, s. 12]²¹.

Вторая выставка открылась в 1875 г. в здании Дарюльфюнун²². Большинство участников также были европейцами. Из османских художников принимали участие знаменитые Шекер-паша, Халил-паша, Осман Хамди, Осман Нури, а также некоторые другие [Ankara Resim, 2012, s. 101].

Именно на этой выставке побывал знаменитый российский тюрколог В. Д. Смирнов, узнав об её открытии из прессы. Его вердикт был разгромным: «Неправильность теней, отсутствие симметрии в частях тела, ни с чем несообразимый подбор красок, неудачная группировка, неестественность поз и уродливость фигур». Лишь картины иностранных мастеров, проживавших в Стамбуле, показались учёному «хоть сколько-нибудь похожими на живопись... Туземцы же не отличились». Посетителей выставки В. Д. Смирнов практически не видел, зато приехали представители власти — министр просвещения Джевдет-паша с несколькими чиновниками [Смирнов, 1876, с. 541, 543].

На выставке у В. Д. Смирнова произошла любопытная встреча с неким «чиновником с аксельбантами» (учёный не понял, чиновник это или художник), который с гордостью заявил: «Мало ещё! [...] Я вот устрою здесь школу живописи» [Смирнов, 1876, с. 542]. Очень вероятно, что это был знаменитый Осман Хамди, штатский чиновник, действительно организовавший и возглавивший через десять лет Школу изящных искусств.

Начиная с 1880-х гг. в биографиях появляются упоминания о почётных золотых и серебряных медалях в сфере искусства (*лиякат, имтийяз* — «за заслуги»), аналогичных медалям за творческие достижения в европейской художественной среде. Всего шесть «военных художников» рассматриваемого периода были удостоены таких медалей. Это знаменитые мастера второй половины XIX в.: Осман Нури (1839–1906), Шекер-паша, Халил-паша²³. Менее известны Хашим-бей — служащий *наккашхане* училища Бахрийе, Сервили Ахмед Эмин — преподаватель живописи в МБХ и выдающийся фотограф, преподнёсший султану альбом фотографий, Ахмед Шекюр — преподаватель Харбийе по зарисовкам оружия и картографии (*меч ве харита терсими*) [Boyar, 1948, s. 48, 58].

На основании вышеизложенного попробуем составить наиболее распространённый тип османского «военного художника» второй половины XIX в.

²⁰ Первые две выставки западного искусства состоялись при султани Абдулмеджиде (1839–1861), но никакого общественного отклика не имели. Первая выставка проходила в султанском дворце Чираган, представляла картины западных художников с видами Стамбула и предназначалась только для султана и его приближённых (1845). Вторая выставка была организована европейскими преподавателями Харбийе в стенах этого учебного заведения и состояла из работ студентов: рисунков акварелью и углём и литографий (1849) [Кауа, 2019, s. 78]. Следующая выставка состоялась только в 1873 г.

²¹ Галатасарайский лицей (1868) — первый османский лицей, открыт при участии французских властей, преподавание велось на французском языке [Желтяков, Петросян Ю. А., 1965, с. 47].

²² Дарюльфюнун («Дом наук») — первый османский университет, открывался несколько раз: в 1870, затем в 1874 г.: [Желтяков, Петросян Ю. А., 1965, с. 54–56].

²³ Из штатских художников серебряной и золотой медалями был удостоен Осман Хамди — за работу, выставленную на выставке во Франции [Boyar, 1948, s. 188].

Это житель Стамбула или пригорода, выпускник Харбийе или МБХ, никогда не покидавший пределы своего государства, служивший в одной из провинций Османской империи. Сразу после окончания училища был направлен в среднюю военную школу преподавать живопись. Другой популярный вариант трудоустройства — типография (при одном из немногочисленных высших военных училищ). Дойдя до высшего в карьере звания (обычно майор или секунд-майор), художник, как правило, успевал сменить несколько мест службы, причём смену работы в основном влекло повышение в звании. Год смерти часто неизвестен (лишь дата вступления в последний военный чин). Творческое наследие не сохранилось.

Проиллюстрируем этот типаж на нескольких конкретных примерах.

Судьба художника Тевфика (1850 — после 1892) очень характерна для большинства выпускников указанного периода. Родился в Стамбуле, окончил Харбийе (1871). Преподавал живопись в стамбульском военном лицее Кулели. Получив чин секунд-майора, был откомандирован в резервный армейский полк в Токат (Анатолия). Там же получил последний чин майора (1892), после чего его следы теряются. Работы не сохранились [Boyar, 1948, s. 51].

Более успешным можно считать жизненный путь художника Джелия (1859 — после 1907). Сын представителя первой плеяды «военных художников» первой половины XIX в. Хюсю Юсуфа. Родился и умер в Стамбуле, окончил Харбийе (1878). Преподавал рисунок в стамбульском рюштие Бешикташ. С получением звания *юзбаш* (капитана, 1889) перешёл в рюштие Соук Чешме. После этого, уже в ранге секунд-майора, преподавал живопись в идади Тыббийе. Лишь через 17 лет он получил последнее повышение по службе (чин майора, 1907) и после этого в последний раз сменил работу — был принят учителем рисования в военный лицей Кулели. По словам младших современников (также «военных художников»), славился своими пейзажами углём. Работы не сохранились [Boyar, 1948, s. 63].

Такова судьба подавляющего большинства «военных художников». Тем более впечатляющей на их фоне выглядит жизнь одного из самых известных художников эпохи — Шекер-паши (прозвище «сахарный, сладкий» получил благодаря чрезвычайно доброжелательной и приветливой манере общения). Учился в Тыббийе (окончил в конце 1850-х гг.). Проявил незаурядные способности в живописи и был назначен помощником преподавателя живописи ещё в годы учёбы. Отправлен на стажировку в Париж (1864–1870). В Париже принимал участие в выставках, представив, в числе прочих работ, графический портрет султана Абдулазиза (не сохранился). После возвращения со стажировки в один год получил звание капитана и секунд-майора, а также стал адъютантом султана (1871), после чего начался стремительный взлёт его карьеры. До конца 1870-х возвысился до звания каймакама (подполковника, 1878), а в 1890 г. стал бригадным генералом. Кавалер орденов Османи и Меджиди всех степеней (Меджиди 1 степени получил вскоре после присвоения звания генерала). Преподавал живопись в столичных высших и средних военных школах — в том числе в Тыббийе, а также в штатской Санайи мектеби (Промышленной школе). Исполнял обязанности придворного художника и церемониймейстера по приёму при дворе иностранных гостей. Имел собственную художественную мастерскую. Лично подбирал за рубежом картины для нового султанского дворца Долмабахче. Владелец около двух десятков иностранных орденов, включая французский Орден почётного легиона и российский орден Св. Анны [Tollu, 1967, s. 5; Boyar, 1948, s. 38–41].

* * *

В сплетении новых и традиционных черт, в чрезвычайно своеобразном облике османская вестернизированная живопись развивалась и утверждалась на исторической сцене, отражая

под своим углом зрения особенности приобщения османского общества к западным культурным процессам.

Если в первой половине XIX в. султаны окружали себя почти исключительно европейцами и ориентировались только на их вкусы, то полвека спустя картины османских художников уже украшали султанские дворцы наряду с работами европейцев, и османским мастерам доверялось выбирать и покупать в Европе произведения искусства.

Положение османских художников-новаторов было парадоксальным — подавляющее большинство воспринимали себя прежде всего как военнотружущих. Так же воспринимало их и общество. Показательно замечание русского художника И. К. Айвазовского, посетившего Стамбул в 1874 г.: «При отъезде моём в Константинополь в местных газетах было напечатано: [...] Генерал Айвазовский, едущий из России, скоро прибудет в нашу столицу. Гражданский мой чин редакторы константинопольских газет [...] переименовали в соответствующий военный, позабыв прибавить к тому слово «живописец»» [Русская старина, 1878, с. 296].

Деятельность художников проходила в виде военной службы и имела в основном прагматическую прикладную направленность: преподавать (учителя рисования), быть частью издательского дела (художники в типографиях), выполнять художественно-прикладные проекты самого разного назначения (художественные мастерские при учреждениях).

Главным новшеством второй половины XIX в. можно считать первые попытки ввести западное искусство в публичное пространство — появление открытых выставок, обсуждение в османской прессе художественных вопросов (с 1870-х гг.). Вместе с тем большинство картин на выставках принадлежали кисти европейских художников — османские мастера были представлены пока ещё очень скромно. «Публикой», имевшей возможности лицезреть, оценивать и приобретать произведения искусства, по-прежнему оставались только султан, высшие сановники и сами «военные художники»²⁴. Именно благодаря им и их приобретениям сохранилась часть наследия османских мастеров той эпохи, впрочем, совсем небольшая. Подавляющее число произведений нового искусства не выставлялись на публичных выставках, увидеть их можно было только в стенах училищ (или иных учреждений), где работали художники. Их ценителями были ученики этих же училищ (также будущие «военные художники»). С их слов мы знаем о стилистических особенностях различных османских художников, произведения которых по большей части не сохранились.

Новые художественные процессы оставались в указанный период привилегией столицы, но наметилось и расширение границ — за счёт преподавания основ западной живописи в провинциальных средних школах, количество которых постепенно увеличивалось.

В 1870-х гг. созрели условия для выхода вестернизированного искусства на новый уровень — создания штатского (а не военного) высшего художественного образования, имевшего целью дальнейшую интеграцию в европейское культурное пространство. Деятельность в этом направлении активизировалась с планов по созданию Школы изящных искусств (Санайи-и Нефисе-и Мектеби) [Ankara Resim, 2012, s. 101–102].

Литература/ References

Бонафу П. *Ренуар*. М.: Молодая гвардия, 2010 [Bonafoux, P. *Renoir*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2010 (Russian translation)].

²⁴ Наиболее состоятельные «военные художники» также покупали картины своих коллег. Известно, что после смерти Ибрагим-паши, одного из первых известных османских мастеров (1815–1891), ряд его произведений приобрёл Шекер-паша [Boyar, 1948, s. 23].

Витол А. В. Советская медаль для султана (Имидж Турции на Западе в середине XIX в.). *Османская империя. События и люди*. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Ю. А. Петросяна. Под ред. М. С. Мейера, С. Ф. Орешковой. М.: Гуманитарий, 2000. С. 84–93 [Vitol A. V. Soviet Medal for the Sultan (The image of Turkey in the West in the middle of the 19th century). *The Ottoman Empire. Events and people*. To the 70th anniversary of the birth of Yu. A. Petrosyan. Ed. M. S. Meyer, S. F. Oreshkova. Moscow: Gumanitariy, 2000. Pp. 84–93].

Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века). М.: Наука, 1965 [Zheltyakov A. D., Petrosyan U. A. The History of Education in Turkey (late 19th — early 20th century). Moscow: Nauka, 1965].

Ихсаноглу Э. Османские учебные и научные институты. *История Османского государства, общества и цивилизации*. Т. 2. Под ред. Э. Ихсаноглу. М.: Восточная литература, 2006. С. 263–372 [İhsanoğlu E. Osmanlı Eğitim ve Bilim Kurumları. *Osmanlı Devleti ve Medeniyeti Tarihi*. Ed. E. İhsanoğlu. Moscow: Vostochnaya literature, 2006. V. 2. Pp. 263–372].

Михайлова-Могильницкая Т. Е. Османские реформы первой половины XIX в. и зарождение нового искусства (живописи). *Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)*. Сб. ст. Под ред. В. Я. Белокреницкого, Н. М. Мамедовой, Н. Ю. Ульченко. М., 2023. С. 203–211 [Mikhailova-Mogilnitskaya T. E. Ottoman reforms of the first half of the 19th century and the birth of a new art (painting). *Muslim Region to the South of Russian Boundary (Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan. Ethnic Kurdistan)*. Ed. V. Y. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. U. Ulchenko. Moscow, 2023. Pp. 203–211].

Иван Константинович Айвазовский и его XLII-летняя художественная деятельность, 1836–1878 гг. Главы XI–XV. *Русская старина*. Т. XXIII. 1878. Выпуски 9–12. СПб: тип. В. С. Балашева, 1878. С. 281–306 [Ivan Konstantinovich Aivazovsky and His 42-year Artistic Activity. Chapters 11–15. *Russian Antiquity*. V. XXIII. 1878. Issues 9–12. S.-Petersburg: Printing House V. S. Balashev, 1878. Pp. 281–306].

Смирнов В. Д. Турецкая цивилизация. Ея школы, софта, библиотеки, книжное дело: из поездки в Константинополь, летом 1875 г. СПб.: б. и., 1876 [Smirnov V. D. Turkish civilization. Her schools, softa, libraries, book business: from a trip to Constantinople, in the summer of 1875. Saint Petersburg, 1876].

Ankara Resim ve Heykel Müzesi. Ed. Z. Yasa-Yaman. Ankara: Kültür ve turizm bakanlığı, 2012.

Boyar S. P. Türk Ressamları. Hayatları ve Eserleri. Ankara: Jandarma Basımevi, 1948.

Kaya G. S. Sultan Abdülaziz ve Döneminin Resim Sanatı. *Milli Saraylar Sanat Tarih Mimarlık Dergisi*. Sayı: 17. İstanbul: TBMM Milli Saraylar Daire Başkanlığı Yayını, 2019. S. 76–101.

Pera Ressamları — Pera Sergileri: 1845–1916. Katalog. İstanbul: Norgunk Yayıncılık, 2010.

Şişman A. Tanzimat Döneminde Fransa'ya Gönderilen Osmanlı Öğrencileri (1839–1876). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2004.

Tollu C. Şeker Ahmet Paşa. İstanbul, 1967.

Yetik S. Ressamlarımız. İstanbul: Marifet Basımevi, 1940. Cilt 1.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/nisan> — madalya (accessed: 07.11.2023).

НЕМУСУЛЬМАНСКИЕ МИЛЛЕТЫ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД ТАНЗИМАТА

© 2025

И. А. Свистунова¹

Реформы эпохи Танзимата, которые осуществлялись в Османской империи в середине XIX в., повлияли на жизнь немусульманских миллетов. Статья рассматривает изменения в области гражданских прав, управления общинами и организации системы образования у немусульман. Султанская власть стремилась усилить единство османского общества, разделённого на религиозные общины. Вместе с тем ослабление влияния миллетов на своих членов, которые получили новые гражданские права и новые возможности для образования, в том числе светского характера, способствовало развитию у них национальных идентичностей на этнической основе. В то же время западные страны в эпоху Танзимата обрели дополнительные возможности для вмешательства во внутренние дела Османской империи, что способствовало усилению тенденций к распаду многонациональной империи.

Ключевые слова: Османская империя, Турция, Танзимат, система миллетов, немусульманские меньшинства, история Османской империи

Для цитирования: Свистунова И. А. Немусульманские миллеты Османской империи в период Танзимата. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 155–162. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-155-162

NON-MUSLIM MILLETS IN THE OTTOMAN EMPIRE DURING THE TANZIMAT PERIOD

Irina A. Svistunova

The reforms of the Tanzimat era, which were implemented in the Ottoman Empire in the mid-nineteenth century, affected the lives of non-Muslim millets. This article examines changes in civil rights, community governance and the organization of education among non-Muslims. The Sultan's administration sought to strengthen the unity of Ottoman society, which was divided into religious communities. However, the weakening influence of the millets on their members, who gained new civil rights and new educational opportunities, including secular ones, contributed to the development of ethnically based national identities among them. At the same time, Western countries during the Tanzimat era gained additional opportunities to interfere in the internal affairs of the Ottoman Empire, which contributed to the increasing tendencies towards the disintegration of the multi-ethnic empire.

¹ Свистунова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svistunova.irina@gmail.com

Irina A. Svistunova, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; svistunova.irina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5191-9090

Keywords: the Ottoman Empire, Türkiye, Tanzimat, millet system, non-muslim minorities, history of the Ottoman Empire

For citation: Svistunova I. A. Non-Muslim Millets in the Ottoman Empire During the Tanzimat Period. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 155–162. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-155-162

В истории Османской империи XIX в. был отмечен целым рядом реформ, известных под общим названием Танзимат. Началом эпохи Танзимата считается Гюльханейский декрет (хатт-и шериф) 1839 г., подготовленный султаном-реформатором Махмудом II, но провозглашённый уже после его кончины его сыном и преемником султаном Абдулмеджидом I. В последующие годы проводились новые реформы и принимались новые законы. Танзимат продолжался до 1876 г., когда в империи была принята первая Конституция.

Многочисленные и разнообразные реформы эпохи Танзимата отразились в том числе и на положении немусульманских миллетов. В статье будут рассмотрены изменения в области гражданских прав, управления миллетами и организации системы образования, затронувшие православный, армянский и иудейский миллеты Османской империи. Автор оставляет за рамками статьи немусульманские меньшинства в арабских и балканских провинциях, помещая в фокус исследования три исторических миллета в центральной части империи.

Система миллетов в Османской империи

Турецкая колонизация Малой Азии привела к постепенному распространению ислама в христианских регионах. Кто-то принимал ислам по социально-экономическим причинам, стремясь повысить свой статус в обществе, получить земельный надел большего размера и уменьшить выплату налогов Османскому государству. Нередко в ислам переходили последователи еретических учений, которые находились в конфликте с православной и католической церквями. Бывали и случаи насильственной исламизации, особенно на Балканах. Представители христианского населения становились мусульманами за счет системы девширме, по которой юношей забирали из семей и отправляли в другие районы страны, где они были вынуждены принимать ислам и становиться янычарами или служащими во дворце, а иногда просто невольниками в крестьянских хозяйствах состоятельных турок [Шакарян, 2010, с. 455].

При этом в составе Османского государства всегда сохранялось значительное количество немусульманского населения. По данным турецкого историка Ташансу Тюркера, до выхода из состава Османской империи в XIX в. балканских народов доля мусульманского населения в стране составляла около 60% [Тюркер, 2010, с. 474]. Соответственно 40% населения страны оставалось немусульманским, а в начальный период турецких завоеваний эта цифра была еще выше.

Законодательное регулирование положения немусульман в Османской империи было необходимым условием существования государства. Оно началось ещё при султанине-завоевателе Мехмеде II. Постепенно сложился порядок, известный как «система миллетов». Российская османистка С. Ф. Орешкова писала, что эта система межконфессиональных отношений послужила основой имперской структуры. Миллетами называли религиозные общины, которые получили право на существование и определённую внутреннюю автономию [Орешкова, 2010 (1), с. 439].

Вскоре после завоевания турками Константинополя было законодательно оформлено существование в исламском государстве православной общины (Рум миллети), которая включала в себя греков, болгар, сербов, православных арабов. Несколько позднее в империи появились ещё два миллета — армянский и иудейский. Немусульмане могли сохранять свою веру и обряды, наследовать

имущество и заключать браки на основе своих религиозных норм и традиций. При этом они платили особые налоги: джизью — подушную подать за право жить в мусульманском государстве (оплачивали вместо военной службы) и харадж — налог на владение землёй и другой собственностью.

Главы религиозных общин (патриархи и раввины) стали их духовными и юридическими руководителями, наделёнными широкими полномочиями регулировать жизнь своих единоверцев. Они получали от султана фирман о назначении на должность и несли ответственность перед султанской властью за поддержание порядка внутри религиозной общины. Фактически главы миллетов стали частью имперской администрации и системы управления Османским государством, а сама империя оказалась разделённой на этнорелигиозные общности, слабо связанные между собой [Орешкова, 2010 (2), с. 262].

Танзимат и гражданские права немусульманских меньшинств

Реформы эпохи Танзимата глубоко отразились на положении немусульманских меньшинств, хотя преобразования встречали неоднозначную реакцию османского общества. Гюльханейский декрет 1839 г. провозгласил равенство прав и обязанностей всех подданных империи вне зависимости от их вероисповедания. Многие положения документа остались декларативными. Тем не менее улемы и османские сановники, стремившиеся сохранить привилегированное положение мусульманского миллета, встретили их настороженно. В 1847 г. была предпринята попытка уравнивать мусульман и немусульман в вопросах налогообложения, что нередко саботировалось на местах. Попытка начать призывать немусульман в армию вызвала недовольство последних [Орешкова, 2010, с. 440].

Султанский Указ о реформах (хатт-и хумайюн) 1856 г. подтверждал положения Гюльханейского декрета и окончательно уравнивал в правах мусульман и немусульман, по сути разрушая систему миллетов. Указ был принят на завершающем этапе Крымской войны, когда османская власть находилась под влиянием европейских стран, которые помогли ей одержать победу над Россией. Англия и Франция подталкивали Высокую Порту к наделению мусульман и немусульман равными гражданскими правами. Все подданные империи получили право занимать должности в государственных учреждениях и служить в армии. Упоминание об Указе 1856 г. было включено в Парижский трактат, подписанный по итогам Крымской войны, что придало ему характер международного обязательства султанского правительства. После этого европейские державы получили легальный предлог для вмешательства во внутренние дела Османской империи [Петросян, 2003, с. 294].

Гражданские реформы эпохи Танзимата, в значительной степени порождённые западными идеями, были направлены на выстраивание прямых связей между государством и его подданными. Ослаблению влияния миллетов на своих членов способствовало также происходившее в период Танзимата развитие концепции османизма и понятия османского подданства. В 1869 г. был принят Закон о национальности, в котором говорилось, что османским подданным считается каждый человек, родители или только отец которого являются подданными Османского государства. Таким образом, выстраивался новый формат отношений между индивидуумом и государством, в то время как ранее индивидуум рассматривался как член миллета, с главой которого взаимодействовала султанская власть [Якушев, 2013, с. 55–56].

Танзимат и система управления миллетами

Еще одним фактором, который способствовал размыванию прежней структуры отношений между османским государством и немусульманскими меньшинствами, стало увеличение количества

немусульманских религиозных общин. В период Танзимата произошло выделение из православного и армянского миллетов новых конфессиональных сообществ, которые хотя и не получили такого же статуса, однако стали официально признанными религиозными общинами. В основном это касалось различных католических и протестантских течений, которым покровительствовали западные страны. Еще в 1831 г. статус независимой общины обрели армяне-католики. После 1839 г. этот процесс получил новый импульс. В 1850 г. по инициативе послов европейских государств была официально признана независимость протестантов. К началу XX в. в Османской империи насчитывалось уже не три немусульманских общины, а семнадцать [Карташян, 2013, с. 86–87].

Реформирование положения немусульманских меньшинств продолжалось. После издания Указа 1856 г. османское правительство поручило руководству немусульманских миллетов представить на рассмотрение властям свои уставы, определявшие новый порядок управления общинами. Очевидно, что правительство стремилось к тому, чтобы изменения согласовывались с запросами самих меньшинств, а не были просто навязаны им сверху. В то же время утверждение разработанных миллетами уставов рассматривалось как инструмент укрепления национального единства в стране и ограничения нежелательного для Порты влияния западных стран на немусульман [Güllü, 2016, s. 26].

В 1860-е годы султан утвердил уставы православного и армянского миллетов. Главы общин, оставаясь духовными лидерами, утрачивали право руководить гражданскими делами, которые передавались в ведение светских советов. Советы, включавшие представителей различных профессий, создавались при главе миллета, но одновременно ставились под контроль султанских властей, которые получали возможность влиять на внутреннюю жизнь религиозной общины. Советы образовывались не только при патриархе, но также при митрополитах, отвечавших за различные регионы страны.

Старейшины иудейского миллета занимали консервативную позицию по отношению к предложенным реформам и не торопились представлять властям устав. При этом светские круги общины стремились к развитию системы образования и прочим нововведениям. Они даже направили султанскому правительству собственный проект устава и реформы общины. В 1867 г. появилось предписание османского правительства создать светские советы при раввинах в Стамбуле и провинциях. Но эти реформы были реализованы только в 1909 г. при младотурках [Molho, 2011, s. 90].

Влияние Тазимата на систему образования в немусульманских миллетах

Важным нововведением эпохи Танзимата стало открытие в империи светских учебных заведений — начальных, средних и высших школ. Вопрос о создании в стране светских начальных и средних школ встал на повестку дня османского правительства ещё при жизни султана Махмуда II в 1838 г. Был издан фирман об обязательном начальном образовании, что стало попыткой подражания европейской системе. Но сами школы начали появляться несколько позже — в 1840-е годы [Güzey, 2020, s. 126]. В 1850 г. возник первый лицей, который должен был готовить будущих студентов университетов. Для управления новой системой образования османским правительством был создан Временный совет по образованию, который в 1857 г. был преобразован в Министерство просвещения. Первый национальный университет, преподавание в котором велось на турецком языке, открылся в 1869 г.

Реформы затронули также традиционную систему образования немусульман. Немусульманские миллеты Османской империи со времён султана Мехмеда II имели возможность сохранять культурную автономию и давать образование детям в собственных школах, которые создавались

при храмах. Образованием детей, как у мусульман, так и в немусульманских общинах занималось не государство, а религиозные учреждения и частные благотворительные фонды, которые финансировали учебные заведения за счёт собственных средств. Учителями в школах немусульманских миллетов были священнослужители.

Указ о реформах 1856 г., в котором уделялось большое внимание вопросам образования, признал за немусульманами право обучаться в турецких учебных заведениях. Некоторые турецкие учебные заведения принимали немусульман и раньше, но это было скорее исключением. Так, в 1847 г. среди студентов Военно–медицинского училища было 300 турок, 40 греков, 29 армян и 15 иудеев [Molho, 2011, s. 91].

Почти одновременно с появлением светских учебных заведений у мусульман такие школы начали появляться и у немусульманских миллетов. Организация образования внутри миллетов перестала быть исключительной прерогативой духовных лиц. Создание при главах общин светских советов, которые получили возможность влиять на вопросы образования, привело к увеличению количества учебных заведений миллетов.

Особое внимание образованию всегда уделяли православные греки, для которых оно было возможностью сохранения своей национально–культурной идентичности и греческого языка после того, как они утратили своё византийское государство, ставшее османским. Ещё до начала реформ Танзимата у греков существовали учебные заведения, которые выходили далеко за рамки начального образования. В первую очередь следует упомянуть стамбульский Православный мужской лицей в районе Фенер, который был основан во времена султана Мехмеда II в XV в. Выпускники этого лицея нередко занимали видные позиции в османском обществе, становясь церковными иерархами, в том числе патриархами, главными переводчиками в различных государственных учреждениях, известными учёными, художниками, композиторами и писателями.

В 1803 г. переводчик государственного совета Д. Моробейзаде создал и возглавил Греческую академию в стамбульском районе Куручешме. Академия не подчинялась Греческой патриархии, став фактически светским учебным заведением, приоритетом которого было обучение греческих детей из бедных семей и сирот. В ней были созданы отделения языка и литературы, геометрии, математики, медицины. Академия была закрыта османскими властями в 1820 г. после греческого восстания в Морее [Deri, 2009, s. 64–65].

После начала Танзимата у греческой православной общины в Стамбуле появились новые известные учебные заведения. В 1844 г. патриархия создала мужской лицей и богословскую школу на острове Хейбелиада (греч. Халки), входящем в состав Принцевых островов, расположенных недалеко от Стамбула. В 1846 г. в османской столице возник ещё один мужской лицей, который позже получил название Зографьон.

Представители армянского миллета начали создавать учебные заведения в Стамбуле с конца XVIII в. Их финансировали состоятельные армянские торговцы и ремесленники. В 1825 г. был создан лицей в районе Пангалты. В 1838 г. в столице появилась первая школа–пансионат для сирот. После начала Танзимата количество армянских школ стало постепенно расти. В 1859 г. в Стамбуле насчитывалось 42 школы, в которых обучалось более 5 тыс. учеников, а в 1871 г. было уже 48 школ, в которых училось более 6 тыс. человек [Deri, 2009, s. 77].

В 1869 г. был принят закон, предусматривавший введение всеобщего образования (три–четыре года обучения в школе). Тогда же была предпринята попытка усилить государственный контроль над частными учебными заведениями. Школы мусульман и немусульман отныне могли функционировать, только имея официальное разрешение от Министерства просвещения и губернатора.

Учителя частных школ также должны были получать разрешение на свою деятельность [Güzey, 2020, s. 131].

Иудейская община оказалась более консервативной в вопросах образования, чем православный и армянский миллеты. Иудейское духовенство не принимало никаких нововведений, в том числе выступало против обучения членов общины — как в европейских учебных заведениях, так и в государственных турецких школах. Более тридцати лет члены иудейской общины не хотели отправлять детей в Военно-медицинское училище Стамбула, открытое для представителей всех этноконфессиональных групп. Не откликнулись на призыв государства отправлять девочек в училище для акушеров, открытое в 1842 г. К тому же иудеи требовали обеспечения учащимся особых условий питания в учебных заведениях, что не всегда было легко организовать. Свои учебные заведения иудеи начали создавать лишь во второй половине XIX в.

По итогам Танзимата, позволившего государству модернизировать систему образования у немусульманских меньшинств, в османском обществе возникла целая прослойка образованных иудеев, которые затем участвовали в деятельности по распространению в общине светского образования.

В эпоху Танзимата в сфере образования для немусульманских меньшинств Османской империи стали активно действовать иностранные школы. Франция, Великобритания и Америка оказывали особое покровительство армянам, а Греция — православному (греческому) миллету. Влияние западных стран и созданных ими учебных заведений способствовало становлению армянской католической и армянской протестантской общин в Османской империи [Deri, 2009, s. 121]. Это дополнительно закрепляло распад исторического армянского миллета, из которого в XIX в. вышли армяно-католическая и армяно-протестантская общины.

Реформы Танзимата открыли путь развитию этнонациональных культур народов империи. Так, в греческих школах усилилось внимание к эллинизму. В 1861 г. в Стамбуле было создано Общество эллинской филологии, которое взяло на себя роль локомотива развития светского образования среди османских греков.

Греческая исследовательница А. Анагностопулу полагает, что реформы образования периода Танзимата носили революционный характер по сравнению с предшествовавшими эпохами. Однако они не были направлены на сближение различных этноконфессиональных групп османского общества. Речь шла не о формировании османской системы образования, а о турецком образовании и отдельном образовании для различных национальных меньшинств [Anagnostopulu, 2011, s. 19]. С появлением светских учебных заведений определяющим фактором учебных программ становилась не только религия, но также языки, на которых говорили и обучались османские подданные из различных миллетов.

* * *

Реформы эпохи Танзимата привели к трансформации османской системы миллетов, существовавшей несколько столетий и представлявшей собой один из несущих столпов организации внутренней жизни империи. Европейские страны пытались обеспечить немусульманским меньшинствам гражданские права в привычном для них понимании. Но формирование общей османской идентичности для всех подданных без различия вероисповедания продвигалось небыстро и не просто как в организационном, так и в идеологическом плане.

Разрушение прежних укладов не всегда было по нраву самим представителям немусульманских меньшинств, которые стали чувствовать себя менее защищёнными. Консервативные слои

немусульманских общин с недоверием относились к идее реформирования существовавшего уклада, что особенно ярко проявилось на примере иудейской общины.

В то же самое время развитие светской системы образования и ослабление контроля миллета над жизнью членов общины позволило либерально настроенным кругам участвовать в развитии национальных идентичностей на этнической, а не общегосударственной (османской) основе.

Для западных стран эпоха Танзимата открыла новые возможности для вмешательства во внутренние дела Османской империи. В этом процессе они использовали вопрос о правах немусульманских меньшинств в качестве инструмента для влияния на жизнь страны, что способствовало усилению тенденций к распаду многонациональной империи [Deri, 2009, s. 47].

Что касается султанского правительства, то, проводя реформы, власти стремились предотвратить угрозу этнического сепаратизма, остро воспринимаемую после освобождения Греции. Руководство страны пыталось усилить единство османского общества, разделённого на религиозные общины, члены которых вели почти автономный от других миллетов образ жизни. Однако разрушение религиозной общины в классическом виде, в котором она существовала на протяжении столетий, подстегнуло рост национального сознания и развитие этнических национализмов. В конечном итоге реформы эпохи Танзимата, призванные укрепить империю, не смогли предотвратить её распада и не воспрепятствовали нарастанию центробежных тенденций.

Литература/ References

Карташян А. З. Некоторые аспекты формирования системы миллетов в Османской империи. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2013. Вып. 4. С. 85–93 [Kharatyan A. Z. The Millet system's formation in the Ottoman Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2013 (4). Pp. 85–93 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. (1) Османская система религиозных обществ и её роль в создании имперской структуры и судьбах нетурецких народов империи. *Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции*. М.: ИВ РАН, 2010. С. 436–446 [Oreshkova S. F. The Ottoman System of Religious Societies and its Role in the Formation of the Imperial Structure and in the Fate of the Non-Turkish People of the Empire. *Russia and Islamic World: Historical Retrospective and Modern Trends*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2010. Pp. 436–446 (in Russian)].

Орешкова С. Ф. (2) Становление Османской империи: ислам и византийское наследие. *Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А. С. Тверитиновой (1910–1973)*. М.: ИВ РАН, 2010. С. 248–268 [Oreshkova S. F. The formation of the Ottoman Empire: Islam and Byzantine inheritance. *The Ottoman world and Ottoman Studies. Collection of articles for the 100th anniversary of the birth of A. S. Tveritina (1910–1973)*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2010. Pp. 248–268 (in Russian)].

Петросян Ю. А. *Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки*. М.: Наука, 2003 [Petrosyan Yu. A. *The Ottoman Empire: Strength and Destruction. Historical essays*. Moscow: Nauka, 2003 (in Russian)].

Тюркер Т. Османская модернизация, ислам, проблема личности и государства. *Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции*. М.: ИВ РАН, 2010. С. 471–477 [Turker T. The Ottoman Modernization, Islam, the Problem of Personality and the State. *Russia and Islamic World: Historical Retrospective and Modern Trends*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2010. Pp. 471–477 (in Russian)].

Шакарян А. Девширме в Османской империи: анализ функций. *Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции*. М.: ИВ РАН, 2010. С. 447–457 [Shakaryan A. Devshirme in the Ottoman Empire: an Analysis of Functions. *Russia and Islamic World: Historical Retrospective and Modern Trends*. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2010. Pp. 447–457 (in Russian)].

Якушев М. И. *Христианские субъекты Османской империи — Антиохийский и Иерусалимский патриархаты — в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века.* М.: Индрик, 2013. 534 с. [Yakushev M. I. *The Antioch and Jerusalem Patriarchates as subjects of the Ottoman Empire in the Policy of Russian Empire from the 1830s to the early twentieth century.* Moscow: Indrik, 2013. 534 p. (in Russian)].

Anagnastopulu A. *Tanzimat ve Rum Milletinin Kurumsal Çerçevesi. 19.Yüzyıl İstanbul'da Gayrimuslimler.* İstanbul, 2011. Ss. 1–38 [Anagnastopulu A. *Tanzimat and Organizational Frame of the Orthodox Millet. Non-Muslims in Istanbul in the 19th Century.* Istanbul, 2011. Pp. 1–38 (in Turkish)].

Güllü R. E. *Ermeni Milleti Nizamnamesi'nin İlanı ve İçeriği. Osmanlı'nın Seçkin Tebaası İken Yabancılaşan Topluluk: Bursa Ermenileri.* Bursa, 2016. Ss. 25–40 [Gullu R. E. *The Proclamation and Contents of the Statute of Armenian Millet. From Distinguished Ottoman Scociety to Alienating People: Armenians of Bursa.* Bursa, 2016. Pp. 25–40 (in Turkish)].

Güzey A. R. *Osmanlı Devleti'nde Azınlık ve Yabancı Okullar İle Maarif-İ Umumiyye Nizamnamesi ve Tanzimat Sonrası Eğitim. Sosyal Bilimler Dergisi.* Yıl: 7, Sayı: 44, Şubat 2020. Ss. 124–144 [Guzey A. R. *Education after Reforms in Minorities and Foreign Institutes with Statute on Education in Ottoman State. The Journal of Social Science,* Year: 7, No: 44, February 2020 (in Turkish)].

Deri M. *Türkiye'de Azınlıklar ve Azınlık Okulları (Rum – Yahudi ve Ermeni Cemaatleri).* İstanbul, 2009. 288 s. [Deri M. *Minorities and Minorities Schools in Turkey (Greek – Jewish and Armenian Societies).* Istanbul, 2009. 288 p. (in Turkish)].

Molho R. *Tanzimat Öncesi ve Sonrasında İstanbul Yahudileri. 19.Yüzyıl İstanbul'da Gayrimuslimler.* İstanbul, 2011. Ss. 84–91 [Molho R. *Jews of İstanbul before and after Tanzimat. Non-Muslims in Istanbul in the 19th Century.* Istanbul, 2011. Pp. 84–91 (in Turkish)].

ОСТРОВ КИПР В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

© 2025

И. И. Иванова¹

В статье рассматриваются основные этапы развития Кипра в исторической ретроспективе. Представлен классический период в истории острова под властью эллинов и римлян, даже Кипр под властью Византии, правление Османской империи на Кипре, Кипр в составе Британской империи. Особое внимание уделено современной истории Кипра с 1960 г. и до наших дней.

Ключевые слова: Османская империя, турки-киприоты, греки-киприоты, эносис, Турецкая Республика Северного Кипра

Для цитирования: Иванова И. И. Остров Кипр в исторической ретроспективе. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 163–173. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-163-173

THE ISLAND OF CYPRUS IN HISTORICAL RETROSPECT

Inessa I. Ivanova

The article examines the main stages of Cyprus' development in historical retrospect. It presents the classical period in the history of the island under the rule of the Hellenes and Romans, even Cyprus under the rule of Byzantium, the rule of the Ottoman Empire in Cyprus, Cyprus as part of the British Empire. Special attention is paid to the modern history of Cyprus from 1960 to the present day.

Keywords: Ottoman Empire, Turkish Cypriots, Greek Cypriots, Enosis, Turkish Republic of Northern Cyprus

For citation: Ivanova I. I. The Island of Cyprus in Historical Retrospect. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 163–173. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-163-173

В туристических проспектах Кипр обычно именуется островом Афродиты, античной богини любви и красоты. Однако человеческая деятельность здесь началась задолго до того, как сложился миф об Афродите. Этот третий по величине средиземноморский остров был заселён ещё в доисторические времена. Благодаря своему расположению на перекрёстке путей из Европы, Азии и Африки он является одним из древнейших очагов человеческой цивилизации. Минувя эпоху бронзового века, древний и классический период (1050–750 гг. до н. э.), начнём наше исследование с эллинистического периода истории.

¹ Иванова Инесса Ильинична, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; iniv2016@mail.ru

Inessa I. Ivanova, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; iniv2016@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3696-2290

Классический период в истории Кипра — под властью эллинов и римлян: 480 г. до н. э. — 330 г.

В 334 г. до н. э. великий греческий полководец Александр Македонский начал свой грандиозный Восточный поход. Первые победы Александра над персами на Кипре произвели большое впечатление на кипрское общество. В 333 г. до н. э. местные правители решили выступить на его стороне. Когда Александр появился на Кипре, он был встречен как освободитель греков. Полководческая и государственная деятельность Александра Македонского продолжалась недолго: в 323 г. до н. э. он умер от лихорадки в возрасте 33 лет. Но время Александра стало своеобразным переходом от классической к эллинистической эпохе. В результате его походов не только была уничтожена Ахеменидская держава и создана новая, превосходящая её по размерам, но и значительно раздвинуты границы греческого мира, появились условия для соединения достижений древнегреческой и древневосточных цивилизаций в рамках эллинистической культуры античного мира. Все эти явления проявились и в истории Кипра, ставшего неотъемлемой частью эллинистического мира.

После смерти полководца правителем Кипра становится один из его военачальников — Птолемей. Стоит отметить, что династия Птолемеев рассматривала остров в основном в качестве военной базы. В ходе междоусобных столкновений Птолемей потеряли в 58 г. до н. э. и Кипр, ставший на некоторое время частью римской провинции Киликия. С 58 г. до н. э. по 330 г. н. э. продолжался римский период кипрской истории.

После обращения проконсула Сергия Павла (его крестили (45 г. н. э.) святые Павел и Варнава) Кипр становится первым государством, которым правит христианин. Интересно, что в период правления Римской империи Кипр называли «Купрум», что в переводе с латыни означает «медь». Такое наименование чётко отражает интересы римлян на острове: в основном они занимались добычей полезных ископаемых.

Во время правления римлян, которое продлилось около трёх веков, экономика Кипра получила динамичное развитие, которое было связано в первую очередь с увеличением активности в торговой сфере.

Кипр под властью Византии: IV–XII века н. э.

После того, как Римская империя распалась, центр экономической и политической жизни переместился в более богатые и духовно более развитые восточные районы. Об этом свидетельствовало и основание императором Константином I Великим в 324–330 гг. на берегах Босфора новой столицы империи, названной позже по имени её основателя Константинополем. Новый Рим возник на месте древней колонии Византии, память о ней отразилась в названии Восточной Римской (Византийской) империи, оформившейся как самостоятельное государство в 395 г.

В состав новой империи вошёл и Кипр, Византия просуществовала вплоть до XII века, и всё это время Кипр находился под её властью. Государственной религией в Византии являлось христианство, причём церковь обладала достаточно большой властью.

Первые несколько веков правления Византии были мирными для Кипра. В это время на острове произошло несколько крупных землетрясений, в результате которых был разрушен ряд старых поселений. На замену им на Кипре были выстроены новые города. Если раньше столица Кипра находилась в Пафосе, то теперь её перенесли в Саламис. В VII веке рядом с ним появился новый город Фамагуста. Также был заложен новый город Лефкосия (современная Никосия). Именно Лефкосия в XII веке станет столицей Кипра.

В VI веке на Кипр из Китая была привезена технология производства шёлка, и в скором времени изготовление этой ткани стало одним из важнейших ремёсел на острове. Одновременно с этим процветали судостроительные верфи острова, где строилось много кораблей.

В VII веке на остров напали арабы с целью его оккупации и превращения в базу для дальнейшего наступления в Восточном Средиземноморье. Нападения арабов продолжались вплоть до 965 года и закончились после решающего сражения, в котором византийский император Никифорас II Фокас одержал победу.

Франкское правление на Кипре: 1192–1489 гг.

В 1191 году власть на Кипре меняется в очередной раз: во время Третьего крестового похода остров переходит в руки английского короля Ричарда Львиное Сердце. Ричард I понимал, что Кипр будет иметь огромное стратегическое значение в обеспечении крестоносцам опоры в Восточном Средиземноморье. С другой стороны, король справедливо полагал, что удержать власть на острове будет нелегко. Ричард попытался продать остров рыцарскому ордену Тамплиеров, но тамплиеры отказались от предложения, потому что на острове произошло крупное восстание.

Тогда Ричард принял решение о продаже Кипра французам: остров перешёл под власть Ги де Лузиньяна — французского дворянина, управлявшего до этого Латино-Иерусалимским королевством. Так была основана династия, владевшая Кипром на протяжении почти 300 лет. Греки называли этот период кипрской истории временем «франкократии» [Республика Кипр, 1992, с. 38], поскольку в своей власти над местным населением лузиньяны опирались на западноевропейских, прежде всего французских рыцарей, принёсших на остров порядки своей родины. Иными словами, в Кипрском королевстве утвердились отношения, характерные для средневековой Европы, а само королевство представляло собой типичное феодальное государство с ограниченной властью монарха.

Вместе с тем развитие кипрской экономики продолжалось: в XIV веке Аммохостос и Никосия стали крупными торговыми центрами, выполнявшими поставки вин, сахара, а также целого ряда сельскохозяйственных товаров.

Венецианский период на Кипре: 1489–1571 гг.

Последней из французской династии Лузиньянов на Кипре стала Катерина Корнаро, которая в 1489 г. отказалась от своих прав на управление островом и передала их Венецианской республике.

Сразу после этого на острове начало усиливаться венецианское влияние, генуэзцы были полностью изгнаны с Кипра. Новые властители постарались установить максимально жёсткий контроль над островом, чтобы обеспечить беспрепятственное снабжение своих кораблей, а также их свободное передвижение в восточной части Средиземноморья. Удерживать свою власть на Кипре долго венецианцам не удалось. Уже в 1522 г. они столкнулись с угрозой потери контроля над островом, которая исходила от Османской империи. В ответ венецианцы занялись возведением крепостных стен вокруг Никосии, а также укреплением крепости Фамагусты. В тот же период в Аммохостосе была построена башня Отелло, которая получила своё название в честь шекспировской трагедии. Она сохранилась до сих пор и считается одним из наиболее значимых памятников венецианского периода.

Правление Османской империи на Кипре: 1571–1878 гг.

В 1571 г. Кипр был окончательно захвачен Османской империей — начинается Османский период. Одной из важных перемен в жизни острова стало заметное изменение этнического и религиозного состава кипрского общества. На Кипре сформировалась турецкая община в основном за счёт переселенцев из Анатолии, и она представляла собой составную часть турецкого этноса. Турки постепенно расселились по всей стране, в результате чего районы проживания общин постепенно настолько перемешались, что не осталось ни одной сколько-нибудь значительной по площади однонациональной единицы [Attalides, 1979, p. 45]. Турки на Кипре издавна стремились исключительно к военной, административной или духовной карьере и презрительно относились к ремеслу, торговле, ростовщичеству, чем активно занимались греки [Attalides, 1979, p. 46].

Так на острове появилась значительная мусульманская, главным образом тюркоязычная, община. С её утверждением связано и начало функционирования на острове таких институтов мусульманской духовной культуры, как мечети, духовные училища (медресе). С течением времени мусульманская община стала увеличиваться за счёт обращения в ислам части киприотов-христиан, в основном тех греков, которые стремились войти в османский правящий класс.

Другой важной переменной в жизни киприотов стало повышение роли православной церкви и её иерархов. Османы стремились превратить кипрскую православную церковь в самостоятельную организацию, так как боялись усиления католической церкви, тесно связанной с Западной Европой. Архиепископ Кипра стал не только религиозным лидером, но и лидером этнических греков, а церковь стала хранителем греческого культурного наследия и несла ответственность за сбор налогов и их передачу турецкой администрации [Gazioglu, 1994, s. 10–11].

Тяжёлые налоги и злоупотребление местной администрации вызвали серию восстаний, но все они были подавлены. Примечательно, что они не имели этнорелигиозной направленности: в них принимали участие и греческие, и турецкие жители острова.

С началом борьбы Греции за независимость от Османской империи с 1821 г. восстания начинают охватывать и Кипр. Несмотря на получение Грецией независимости в 1829 г., Кипр остался в составе империи.

Кипр в составе Британской империи: 1878–1960 гг.

Разрастание конфликта началось с начала вмешательства в кипрские дела Великобритании. В остром международном соперничестве на Ближнем Востоке Великобритания до середины XIX века выступала за сохранение Османской империи, но в 70-х годах в Лондоне было отдано предпочтение другому курсу, направленному на раздел турецких владений. В связи с этим заметно возросло для английских государственных деятелей и стратегическое значение Кипра как чрезвычайно удобной базы в Восточном Средиземноморье. Поэтому они поспешили использовать поражение султанской Турции в войне с Россией (1877–1878), чтобы установить свой контроль над островом.

4 июня 1878 г. в Лондоне был подписан тайный англо-турецкий договор о помощи Англии в защите азиатских владений султана от притязаний России. Он получил название Кипрской конвенции, поскольку в соответствии с этим соглашением англичанам предоставлялось право «оккупации и управления островом» на условии ежегодной выплаты в султанскую казну 99 799 ф. ст. В том же месяце британские войска высадились в Ларнаке, и таким образом закончилось Османское правление Кипром, которое продолжалось 308 лет [Solsten, 1993, p. 20].

В 1882 г. Кипр получил колониальную конституцию, был создан Законодательный совет из 12 избираемых членов и 6 официальных представителей администрации. В его составе греческой общине было выделено 9 мест и только 3 — турецкой, что означало наличие больших политических возможностей именно у греческого населения острова. Британские власти собирались сделать ставку в вопросе управления Кипром именно на греков, так как греки представляли большую часть населения острова.

Вместе с тем среди греков-киприотов постепенно получало популярность национальное движение за эносис, т. е. присоединение Кипра к «матери-родине» Греции. Его участники начали проводить митинги, манифестации, направлять петиции и меморандумы английским властям. Усилились дебаты об эносисе в 1914 г., когда после вступления Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германии Великобритания объявила о денонсации договора 1878 г., что означало полное присоединение Кипра к Британской империи. Аннексия Кипра была закреплена Лозаннским мирным договором 1923 г. В 1925 г. Кипр был объявлен коронной колонией Великобритании [Stephen, 2001, p. 18].

Что касается турок-киприотов, то здесь можно отметить, что когда политическая власть в 1878 г. перешла в руки англичан и Кипр оказался вне границ Османской империи, положение местных турок коренным образом изменилось: они утратили политическую власть и оказались на положении меньшинства по отношению к более многочисленной и экономически сильной греческой общине. Лидеры турок-киприотов начиная с XX века стали считать, что сотрудничество с колониальной администрацией поможет им избежать подчинения греческой общине, сохранить политическое влияние и обеспечить экономическое развитие общине [Attalides, 1979, p. 61].

Поэтому базой национально-освободительного движения на Кипре против колониального правления Англии стала община греков-киприотов, главным лозунгом которой продолжал оставаться эносис. После Второй мировой войны греческая община (в том числе её лидер — архиепископ Макариос) продолжала смотреть на правительство Греции как на естественного защитника своих интересов. В 40–50-е годы все греческие организации Кипра продолжали борьбу под лозунгом эносиса [Panteli, 1984, p. 109].

Именно в этот период политика «разделяй и властвуй», проводимая Англией в отношении киприотов и направленная на противопоставление общин, дала свои первые всходы. Многие турки-киприоты, одетые в полицейскую форму, участвовали в карательных акциях против греков-киприотов, что, естественно, вызывало ответную реакцию.

В 1955 г. Национальная организация кипрских борцов ЭОКА² начала вооружённую борьбу против английского господства. ЭОКА требовала воссоединения с матерью-родиной (Греция) подобно воссоединению с Грецией Крита (1913 г.) и островов Додеканез (1947 г.). И, естественно, пушечным мясом, которое англичане использовали в борьбе с ЭОКА, стали турки-киприоты. Всё это привело к тому, что антиколониальные акции ЭОКА стали сочетаться с ярко выраженной шовинистической антитурецко-кипрской деятельностью [Small States, 1976, p. 58].

В условиях распада британской колониальной империи Лондон отчётливо осознавал стратегическую важность острова и отверг эносис как форму реколонизации. Союзником Англии в противодействии эносису стала Турция. Надо сказать, что до 50-х годов Турция фактически не проявляла сколь-либо повышенного внимания к судьбам Кипра. Однако благодаря усилиям Англии уже в 1955 г. турецкое правительство заявило, что эносис Кипра, находящегося всего в 60 км от побережья Турции, недопустим по соображениям стратегической безопасности Турции.

² Подпольная организация ЭОКА была создана в 1951 г. греческим полковником, уроженцем Кипра Г. Гривасом.

Здесь следует подчеркнуть, что греки-киприоты в этот период совершили большую стратегическую и тактическую ошибку, за которую они расплачиваются и поныне. Так, сознавая своё численное превосходство и требуя эносиса, греки-киприоты фактически полностью игнорировали интересы, да и само существование турецкой общины. Такая позиция давала в руки англичан возможность вмешательства в судьбы Кипра под предлогом защиты интересов турецкого меньшинства, а также вынуждала турок-киприотов искать внешнюю поддержку.

В этот период в Турции стали нагнетаться антигреческие настроения, проводиться демонстрации под лозунгом «Кипр — турецкий». В Стамбуле в ночь с 6 на 7 сентября 1955 г. произошёл греческий погром. А на Кипре активизировала свою деятельность ЭОКА (Национальная организация греческих борцов-киприотов), которая начала нападение на английские военные объекты и притеснение турок-киприотов. В то же время при поддержке английской администрации была создана аналогичная организация турок-киприотов «Волкан», позднее переименованная в ТМТ (Турецкая организация обороны). Первое вооружённое столкновение между боевиками ЭОКА и «Волкан» произошло в 1957 г. [Gazioglu, 2003, s. 28–30].

В условиях усиливающегося международного давления и всё большей нестабильности на острове британское правительство пришло к пониманию того, что Кипр удержать всё-таки не получится.

6–11 февраля 1959 г. в Цюрихе прошла первая, подготовительная, конференция по вопросу о будущем Кипра. В ней приняли участие делегации Греции и Турции во главе с премьер-министрами Константиносом Караманлисом и Аднаном Мендересом. Позже, 17 февраля, в Лондоне к ним присоединились премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан и представители греческой и турецкой общин Кипра — архиепископ Макариос и Фазиль Кючук [Gönlübol, Ülman, Bilge, Sezer, 1996, s. 339]. Цюрихско-лондонские соглашения заложили основу для создания Республики Кипр. Они состояли из следующих договоров: Договор о создании Республики Кипр [No. 5476 Treaty, 1962, p. 2], Договор о союзе [No. 5475. TREATY, 1960, p. 3], Договор о гарантиях и Конституция. Согласно Договору о создании Республики Кипр Великобритания смогла сохранить на острове две военные базы. Договор о гарантиях предоставлял Великобритании, Греции и Турции право вмешиваться во внутренние дела острова, чтобы воспрепятствовать разрастанию внутренних конфликтов. Договор о союзе давал Греции и Турции право держать на Кипре воинские контингенты численностью 950 и 650 человек соответственно. Максимально допустимая численность британских войск на острове при этом не оговаривалась. Общинное представительство в государственных органах, согласно Конституции, определялось процентным соотношением греков-киприотов и турок-киприотов — 70:30. В то же время реальное соотношение населения было 80:20. Данное противоречие с самого начала существования государства делало невозможным нормальное его функционирование и создавало политический тупик [Hitchens, 1989, p. 50].

Современная история Кипра: с 1960-го года и до наших дней

Ещё во время провозглашения Кипра независимым 16 августа 1960 г. было понятно, что остров не будет жить мирно. Конституция закрепила доминирование греков в политической жизни страны, однако с точки зрения греков оно было недостаточным, турки тоже оказались не удовлетворены, требуя равноправия с греками. В ноябре 1963 г. архиепископ Макариос, который стал первым президентом Кипра, предложил на рассмотрение вице-президента Фазиля Кючука 13 поправок к конституции, увеличивающих роль греков в политике острова. Эти предложения в рамках информирования также были переданы Великобритании, Греции и Турции. Однако ещё до получения

ответа от Кючука 16 декабря Анкара отвергла эти поправки, а спустя неделю в Никосии вспыхнули вооружённые столкновения между боевиками ЭОКА и ТМТ, результатом которых стали жертвы среди мирного населения. Позднее столкновения распространились и на другие районы острова. Ограниченные контингенты греческих и турецких войск на Кипре начали готовиться к вооружённому столкновению. В этих условиях в роли «миротворца» выступила Великобритания. 26 декабря британские войска вошли в Никосию, создав в ней так называемую «зелёную линию» — нейтральную зону между кварталами греческих и турецких общин. Тем самым был сделан первый шаг к разделению острова, а греко-турецкий конфликт на Кипре вступил в горячую фазу. В 1964 г. было принято решение о введении на остров миротворческого контингента ООН [Иванова, 2011, с. 94].

Новое обострение межобщинных отношений произошло в августе 1964 г. С подачи и одобрения Анкары «с целью защиты турецкого населения от притеснений со стороны греков» боевиками ТМТ началось активное переселение турак-киприотов из деревень со смешанным греко-турецким населением в отдельные районы, занятые исключительно турецкой общиной [Gönlübol, Ülman, Bilge, Sezer, 1996, s. 384]. Эти районы были укреплены и охранялись вооружёнными отрядами ТМТ и военным контингентом Турции. Контроль над этими районами со стороны официального правительства оказался невозможен. Главный укрепрайон находился в турецком квартале Никосии. Другие анклавов располагались в турецких кварталах Фамагусты и Ларнаки. Особенно напряжённо ситуация складывалась вокруг кипрских деревень Коккина и Мансура, где, по мнению международных наблюдателей, боевики ТМТ получали военную помощь Турции. Туда был направлен контингент недавно сформированной кипрской гвардии, возглавленной генералом Георгиосом Гривасом. В районе этих деревень произошли ожесточённые бои, и ситуацией воспользовалась Турция для вооружённой интервенции с воздуха. 7–8 августа турецкие самолёты провели массированные бомбардировки городов и сёл в северо-западной части Кипра, в результате которых погибли и были ранены десятки мирных жителей. 9 августа 1964 г. Совет Безопасности принял резолюцию «с настоятельным призывом к правительству Турции о немедленном прекращении бомбардировок Кипра и применении против него как бы то ни было войск, а также правительству Кипра с тем, чтобы оно отдало приказ всем находящимся под его контролем вооружённым силам немедленно прекратить огонь» [Резолюция Совета Безопасности, 1964, р. 2]. На Кипр были отправлены миротворческие силы ООН, после чего боевые действия на острове затихли.

В апреле 1967 г. в Греции произошёл военный переворот, и к власти пришёл режим «чёрных полковников». В Анкаре надеялись, что с военной диктатурой, которая в меньшей степени считается с общественным мнением и настроениями большинства, будет легче договориться, в том числе по вопросу Кипра. В сентябре 1967 г. на мосту через реку Эфрос, разделяющую Грецию и Турцию во Фракии, произошла встреча нового премьер-министра Греции Константиноса Коллиаса и премьер-министра Турции Сулеймана Демиреля. Однако переговоры, касавшиеся Кипра, закончились неудачей: греки предлагали расширить политические полномочия греков-киприотов, турки отстаивали цюрихско-лондонские соглашения 1959–1960 гг.

Через два месяца на Кипре возобновились бои. Военные подразделения греков-киприотов во главе с генералом Гривасом начали наступление на районы, контролировавшиеся турками-киприотами и ТМТ. Лишь вмешательство войск ООН и новая резолюция Совета Безопасности [Резолюция Совета Безопасности, 1967, с. 3] прекратили боестолкновения. В то же время в Турции началась мобилизация войск для вторжения на остров. Анкара предъявила Афинам ультиматум, потребовав отзыва греческих военных с оккупированных территорий, отзыва с Кипра генерала Гриваса, роспуска греко-кипрской национальной гвардии, компенсации ущерба, нанесённого

туркам-киприотам, и обеспечения большей безопасности турецко-кипрской общине. Создалась реальная опасность войны между Грецией и Турцией.

Однако в результате усилий ООН и Великобритании, для которой большая война на острове ни к чему, греческие войска вынуждены были отступить. Президент Макариос, хотя и отказался распустить кипрскую национальную гвардию, был вынужден сократить её численность. В декабре 1967 г. на территориях, контролировавшихся ТМТ, руководство турецкой общины провозгласило «временную администрацию Республики Кипр» [Иванова, 2011, с. 95]. Были предприняты шаги по созданию законодательных, исполнительных, судебных органов этой администрации. До февраля 1973 г. турецко-кипрскую администрацию возглавлял Фазиль Кючук, затем его сменил Рауф Денкташ. Президент Макариос охарактеризовал эту «администрацию» как «полностью незаконную», но она продолжала существовать де-факто [Республика Кипр, 1992, с. 67].

Новое обострение обстановки на Кипре произошло в 1974 г. Президент Кипра Макариос был свергнут национальной гвардией греков-киприотов под руководством генерала Гриваса. Бывшие соратники по борьбе за независимость Кипра после её провозглашения начали расходиться во взглядах: если Макариос выступал за ограничение политических возможностей турок-киприотов, то генерал Гривас просто не желал видеть на острове ни одного турка. С 1954 г. все вооружённые столкновения с ТМТ (Турецкая организация обороны) проходили под его командованием. В 1974 г., почувствовав за собой поддержку режима «чёрных полковников», осью политики которого был лозунг «Греция для греков-христиан», генерал Гривас решил сместить своего слишком миролюбивого коллегу.

Турция, опасаясь того, что в результате переворота Кипр либо будет присоединён к Греции, либо на острове разразятся масштабные антитурецкие репрессии, начала планировать проведение военной операции. Первоначально она предложила Соединённому Королевству как одной из стран-гарантов провести военную операцию для наведения порядка на Кипре совместно, однако Великобритания ответила отказом. Турция 20 июля 1974 г. в одностороннем порядке ввела свои войска на Кипр в рамках военной операции, получившей кодовое название «Атилла». Крупномасштабные бои продолжались с 20 по 23 июля 1974 г. 22 июля Совет Безопасности ООН издал резолюцию, требующую от участников конфликта немедленно ввести режим прекращения огня, также в соответствии с резолюцией контингент Вооружённых сил ООН по поддержанию мира на Кипре был значительно усилен и направлен на линию соприкосновения [Резолюции Совета Безопасности, 1974, р. 2]. Локальные перестрелки в разных районах Кипра продолжались до середины августа, но продвижение турецких войск было остановлено. Они заняли 37% территории Кипра и закрепились на острове. Линия, на которой они остановились, стала границей между греческой и турецкой общинами [Иванова, 2011, с. 95].

Затем 13 февраля 1975 г. было объявлено о создании «Турецкой Федеративной Республики Кипр», которая сначала существовала формально в составе Республики Кипр. Однако 15 ноября 1983 г. руководство турецкой кипрской общины объявило о создании «Турецкой Республики Северного Кипра», фактически независимой от греческой части острова. В самопровозглашённой республике был проведён референдум, одоббивший конституцию, состоялись президентские и парламентские выборы. Таким образом, произошло окончательное разделение острова.

С начала 90-х годов в процессе урегулирования кипрского вопроса всё активнее принимает участие ООН. В 1992 г. основой для переговоров между сторонами становится пакет предложений, разработанных лично Генеральным секретарём ООН Бутрос-Гали. Генеральный секретарь запланировал отдельные встречи с лидерами греческой и турецкой частей средиземноморского острова, чтобы попытаться сблизить стороны в решении вопросов, связанных с землевладением

и беженцами. Бутрос-Гали предложил план создания двухзональной, двухобщинной федерации, которая запретила бы любую форму раздела, отделения или союза с другим государством. Для турок Северного Кипра это означало бы возвращение к состоянию 1974 г. Предложение было отвергнуто.

Южный же Кипр активно интересовался возможностью вступления в Европейский союз. В 1990 г. он подал заявку на членство в ЕС. 13 декабря 1997 г. в Люксембурге произошло заседание Европейского совета, на котором было принято решение о возможном вступлении Кипра в состав Европейского союза [Институт Европы, 1998, с. 25]. В 1998 г. между Республикой Кипр и Европейским союзом начались переговоры о вступлении.

Ответом на это стала совместная декларация президентов Турции и ТРСК, в которой они заявили, что такое решение ЕС подрывает все усилия по мирному разрешению вопроса, а существование Турецкой Республики Северного Кипра является необходимым. 31 августа 1998 года руководством ТРСК было вынесено предложение о создании конфедерации. Оно основывалось на равенстве греческой и турецкой сторон, призывало провести конструктивные переговоры, нацеленные на достижение окончательного решения вопроса [Иванова, 2011, с. 97]. Однако и эта инициатива разбилась о взаимное нежелание сторон к проведению диалога.

При посредничестве ООН диалог был возобновлён в 2002 г., когда Генеральным секретарём ООН Кофи Аннаном был представлен новый план по урегулированию греко-турецкого конфликта на Кипре. Он предполагал создание на Кипре единого государства «Объединённой Кипрской Республики», состоявшей из двух автономных частей — греческой и турецкой, которая бы объединяла весь остров (за исключением британских военных баз). Права на автономию турецкой части острова при этом бы признавались международным сообществом. Предполагалось также создание президиума из шести человек, которые по очереди будут занимать пост премьер-министра, смена каждые 10 месяцев президента и вице-президента — грека и турка. Соотношение греков и турок в президиуме должно было стать следующим: 4 грека и 2 турка. Это было лучшим за всё время соотношением мест в органах власти для турецкой общины. Взамен турки должны были уступить часть территории острова (она сокращалась с 37% до 28,5%), а также предоставить условия для возвращения 85 тысяч греческих беженцев в прежние места проживания. План также включал федеральную конституцию, конституции для каждого государства, ряд конституционных и федеральных законов и предложений о флаге Объединённой Республики Кипр и национальный гимн. Он также предлагал создание комиссии по примирению для сближения двух общин и разрешения споров прошлого.

В апреле 2004 г. «план Аннана» был представлен на референдум, результаты которого поставили крест и на этой попытке урегулирования греко-турецкого конфликта на Кипре: более трех четвертей греков-киприотов отказались от создания единой модели государства по плану Аннана (за — 24%, против — 75,8% при 88% явке). Турки-киприоты проголосовали (за — 64,9%, против — 35,1% при 87% участвовавших в голосовании)³. План Аннана был первым проектом, удовлетворившим турецкую кипрскую общину: приобретение международного признания, своей никем не оспариваемой конституции — это то, чего турки добивались с момента провозглашения ТРСК. Уменьшение подконтрольной территории было ценой, которую турки готовы были заплатить. Греков же перспектива вступления в Европейский союз вдохновляла гораздо больше, чем какие бы то ни было территориальные претензии в случае объединения острова по итогам референдума, момент вступления Кипра в ЕС как минимум откладывался на неопределенный срок, а скорее всего, вступление острова в состав Европейского союза не состоялось бы вовсе.

³ URL: <http://www.economist.com/europe/2014/11/27/intractable-or-insoluble> (дата обращения: 15.09.2023).

Таким образом, греки-киприоты проголосовали против объединения, и 1 мая, как и планировалось, Кипр вошёл в состав ЕС. Однако, поскольку руководство Европейского союза не сменило своих позиций относительно ТРСК, возникла весьма деликатная ситуация. Так как ЕС отрицает существование ТРСК, а правительство греческой части Кипра претендует на то, чтобы представлять всё население Кипра, включая турецко-кипрскую общину, формально в состав ЕС вошла вся территория Кипра. Однако так как турецкая община не желает подчиняться решениям правительства Южного Кипра и на севере острова находятся турецкие войска, законы ЕС не распространяются на эту территорию. В итоге сложилась парадоксальная ситуация — фактически с 1 мая 2004 г. Турция оккупирует часть территории Европейского союза.

Процесс переговоров, проходивший после плана Аннана, из-за непримиримой позиции греков-киприотов всякий раз оканчивался безрезультатно. Хотя переговоры велись о создании на Кипре двухобщинной двухзональной конфедерации, греки-киприоты рассматривали турок-киприотов как национальное меньшинство и выступали за создание унитарного государства.

В этой связи началом нового этапа кипрской истории можно считать послание, которое дал президент Турецкой Республики Р. Т. Эрдоган совместно с президентом ТРСК Э. Татаром в 2020 г. Суть послания заключается в следующем: «ТРСК продолжит свою независимость, и в этой связи решением кипрского вопроса может быть лишь формула двух государств, опирающаяся на равный суверенитет» [Kohen, 2020, s. 3]. Такова позиция Турецкой Республики и ТРСК — путь к переговорам может лежать только через признание на Кипре двух государств.

Киприотам ещё предстоит пройти сложный путь, и здесь не обойтись без взаимных уступок, терпения и такта, нужен прорыв на новый уровень политического мышления, выход на новые рубежи политической практики.

Литература / Reference

Иванова И. И. Кипрская проблема на современном этапе. *Конфликты и конфликтные зоны в Азии и Северной Африке в начале XXI века*. М.: ИВ РАН, 2011. С. 90–102 [Ivanova I. I. Cyprus Problem at the Modern Times. *Conflicts and Conflict Areas in Asia and Northern Africa at the Beginning of XXI Century*. Moscow, 2011. P. 90–102].

Институт Европы Российской Академии Наук, Ассоциация Европейских Исследований (АЕВИС). Европейский союз: факты и комментарии. Выпуск 11: октябрь–декабрь 1997 г. Под ред. Борко Ю. А. М., 1998 [The Institute of Europe of Russian Academy of Sciences, *European Union: Facts and Comments. № 11. October–December, 1997*. Moscow, 1998].

Республика Кипр. Справочник. М.: Восточная литература, 1992 [The Republic of Cyprus. *Reference book*. Moscow: Oriental Literature, 1992].

Attalides M. *Cyprus Nationalism and International Politics*. N.Y., 1979.

Gazioglu Ahmet. *Kıbrıs Türk Tarihi İngiliz Dönemi 1878–1990*. Lefkosa: Kıbrıs Arastırma ve Yayın Merkezi, 2003 (in Turkish).

Gazioglu Ahmet. *Kıbrıs Türk Tarihi. Türk Donemi 1570–1878*. Lefkosa: Kıbrıs Arastırma ve Yayın Merkezi, 1994 (in Turkish).

Gönlübol Mehmet, Ülman A. Halûk, Bilge A. Suat, Duygu Sezer, v. s. *Olaylarla Türk Dış politikası (1919–1995)*. Dokuzuncu baskı. Ankara, 1996 (in Turkish).

Hitchens C. *Hostage to History*. Cyprus from the Ottomans to Kissinger. N.Y.: Verso, 1989.

Kohen S. *Yeni Kıbrıs Gerçeği*, Milliyet 17.11.2020 (in Turkish).

Panteli S. *A New History of Cyprus*. London: East West Publications, 1984.

Small States in Modern World. Nicosia, 1976.

Solsten Eric. *Cyprus, A Country Study*. Washington: Library of Congress, 1993.

Stephen Michael. *The Cyprus Question*. London: Northgate Publications, 2001.

Электронные ресурсы /Electronic Resources

Резолюция Совета Безопасности ООН 1964 года. Номер документа: S/RES/193. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/211/79/PDF/NR021179.pdf?OpenElement> [The UN Security Council Resolution of 1964. Document number: S/RES/193. [Electronic resource].

Резолюция Совета Безопасности ООН 1967 года. Номер документа: S/RES/244. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/241/20/PDF/NR024120.pdf?OpenElement> [The UN Security Council Resolution of 1967. Document number: S/RES/244. [Electronic resource].

Резолюции Совета Безопасности ООН 1974 года. Номер документа: S/RES/354. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NRO/290/17/PDF/NRO029017.pdf?OpenElement> [UN Security Council Resolutions of 1974. Document number: S/RES/354. [Electronic resource].

No.5476 Treaty Concerning the establishment of the Republic of Cyprus. Signed at Nicosia, on 16 August 1962. https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CY_600816_TreatyNicosia.pdf (%20GR%20TR_600816_Treaty%20of%20Guarantee

No.5475. TREATY OF GUARANTEE, SIGNED AT NICOSIA, ON 16 AUGUST 1960. https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CY%20GR%20TR_600816_Treaty%20of%20Guarantee.pdf

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2025

Н. Ю. Ульченко¹

В статье анализируются сформировавшиеся в отечественной литературе точки зрения на причины наблюдавшегося с XIX в. экономического отставания Османской империи от стран Запада. Они группируются в зависимости от сложности и многофакторности оценок: от сравнительно простых, объясняющих деградацию османской промышленности конкуренцией готовых импортных изделий из стран Запада до более глубоких, представляющих собой авторскую версию объяснения того обстоятельства, что конкуренции ввозных промышленных товаров Османская империя не смогла противопоставить развитие собственной промышленности капиталистического типа. Во втором случае речь идёт об анализе довольно сложной системы множества факторов, формировавших специфику османского экономического уклада, включая не только меры государственного регулирования, но и исламскую этику и ментальность, на которых они во многом базировались. Основным препятствием на пути капиталистической трансформации производства в Османской империи представляется неспособность социально-экономической среды обеспечить трансформацию ремесленников и купцов в предпринимательское сословие капиталистического типа. Если первым мешала избыточная государственная регламентация системы организации и производства в ремесленных цехах, то вторым — моральные и этические нормы мусульманского общества, проявившиеся, в частности, в ограничениях наследственного права и иных установках, препятствовавших долговременному накоплению капитала, что было непременной предпосылкой его трансформации из торгового в предпринимательский.

Понимание истоков экономического отставания Османской империи важно с точки зрения понимания специфики последующей траектории догоняющего развития Турции, равно как и некоторых проблем развития современной экономики страны и сложностей в их решении.

Ключевые слова: Османская империя, экономическое отставание, конкуренция западных промышленных товаров, ислам, ремесленные цехи, исламское право, торговый капитал

Для цитирования: Ульченко Н. Ю. О предпосылках догоняющего развития Турецкой Республики. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 1. С. 174–182. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-174-182

¹ Ульченко Наталия Юрьевна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ulchenko-n@rambler.ru

Natalia Yu. Ulcheko, DSc (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; ulchenko-n@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-0078-1199

ON THE PREREQUISITES FOR “CATCH-UP DEVELOPMENT” OF THE TURKISH REPUBLIC

Natalia Yu. Ulchenko

The article analyzes the points of view formed in Russian literature on the causes of the economic lag of the Ottoman Empire from Western countries since the nineteenth century. They are grouped depending on the complexity and multifactorial nature of the assessments: from relatively simple ones explaining the degradation of the Ottoman industry by the competition of finished imported products from Western countries, to deeper ones, representing the author's version of the explanation of the fact that the Ottoman Empire could not counter the development of its own capitalist-type industry to the competition of imported industrial goods. In the second case, we are talking about an analysis of a rather complex system of factors that shaped the specifics of the Ottoman economic system, including not only government regulation measures, but also Islamic ethics and mentality, on which they were largely based. The main obstacle to the capitalist transformation of production in the Ottoman Empire seems to be the inability of the socio-economic environment to ensure the transformation of artisans and merchants into a capitalist-type entrepreneurial class. If the former was hampered by excessive state regulation of the organization and production system in craft workshops, the latter was hampered by the moral and ethical norms of Muslim society, which manifested themselves in particular in restrictions on inheritance law and other attitudes that hindered the long-term accumulation of capital, which was an indispensable prerequisite for its transformation from commercial to entrepreneurial. Understanding the origins of the economic lag of the Ottoman Empire is important from the point of view of understanding the specifics of the subsequent trajectory of Türkiye's catch-up development, as well as some of the problems of the country's modern economy and the difficulties in solving them.

Keywords: The Ottoman Empire, economic backwardness, competition of Western industrial goods, Islam, craft workshops, Islamic law, trading capital

For citation: Ulchenko N. Yu. On the Pre-Requisites for “Catch-Up” Development of the Turkish Republic. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 1. Pp. 174–182. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-174-182

Начало экономического отставания Османской империи от стран Европы приходится на XIX век, что, по мнению ряда исследователей, совершенно не случайно совпало с пересмотром системы внешнеторгового регулирования, которого придерживалась Великая Порта.

Действительно, на XIX век пришлось существенные изменения в таможенном регулировании Османской империи, которое прежде характеризовалось высокой степенью нейтральности: единый (недифференцированный) внешнеторговый тариф для экспорта и импорта в 3% от заявленной стоимости товара, обладая определённой фискальной функцией, функции регулирующей был лишён.

Но на протяжении XIX столетия между Османской империей и её западными внешнеторговыми партнёрами были заключены две серии торговых договоров: первая — в период с 1838 по 1846 г. и вторая — в 1861–62 гг.

Первая серия внешнеторговых договоров закрепила преимущество импорта, для которого ставка таможенной пошлины составила 5%, перед экспортом — ввозные операции облагались по ставке 12%. Что же касается второй серии торговых договоров, то хотя по настоянию турецкой стороны ввозные пошлины были повышены до 8%, в остальной территории Османской империи фактически превращалась для западных стран в свободный рынок сбыта, в пределах которого не действовали никакие количественные и отраслевые внешнеторговые ограничения. Таким образом,

установившийся режим фритрейда дополнил исстари действовавшие капитуляционные соглашения, которые обеспечивали заморским купцам в Османской империи юридическую защиту имущества и жизни.

Подписание новых торговых соглашений пришлось на период начала и дальнейшего распространения в Европе промышленной революции, которая существенно обострила вопрос о рынках сбыта и источниках сырья для бурно развивавшейся промышленности. В итоге рынок Османской империи стал стремительно подвергаться экспансии готовых изделий из стран Западной Европы, которые одновременно были заинтересованы в вывозе турецкого сельскохозяйственного и минерального сырья.

Начавшиеся в этот период существенные изменения в экономической жизни Османской империи неоднократно анализировались отечественными исследователями, результатом чего стало формирование двух школ или систем оценки последствий европейской торговой экспансии в Османской империи.

Согласно первой системе европейский экспорт стал фактором деградации ремесленного производства в Османской империи и её последующего промышленного отставания от стран Европы, хотя прежде, на стадии ремесленного производства, османские мастера успешно конкурировали с европейскими. Яркий представитель этой школы — отечественный исследователь А. Д. Новичев, который в своей работе 1937 г. писал: в 1861–62 гг. «Турция оформила свои кабальные торговые договоры с иностранными державами..., в основу которых были положены капитуляции как первостепенная база взаимоотношений Турции с иностранцами, ставившая турок в подчинённое положение по отношению к иностранцам в их собственном государстве» [Новичев, 1937, с. 246]. К этой теме он обратился и в своей гораздо более поздней работе 1973 г.: «...всё более разрушительное воздействие на турецкую промышленность оказывал импорт иностранных товаров. Никакой протекционистской защиты турецкое правительство не знало. ...Ручные станки прекращали работу, а взамен открывались лавки для продажи импортных товаров», — резюмирует он, цитируя турецкого историка Х. Шанда [Новичев, 1973, с. 87].

Близкую точку зрения выражал и советский историк А. Ф. Миллер. Он писал: «В то время, когда в Европе вслед за Англией завершала промышленную революцию также Франция, Турция была лишена единственного оружия слабого в промышленном отношении государства — оружия протекционизма» [Миллер, 1948, с. 66].

Схожие причинно-следственные связи усматривал и советский/российский историк Ю. А. Петросян в своей работе от 1990 г.: «...местное промышленное производство оказалось беззащитным перед лицом иностранной конкуренции» [Петросян, 1990, с. 199].

Таким образом, оценки, доминировавшие в значительной части работ советской туркологической школы и представлявшие Османскую империю преимущественно как потерпевшую сторону от внешнеторгового нашествия западных стран, дожили до времени новой России и заняли определённое место уже в постсоветских исследованиях.

Вместе с тем уже в 1970-е годы в недрах советской туркологии начинает формироваться система оценок, относящихся к альтернативной школе, принципиальным отличием которой является, во-первых, понимание промышленного отставания Османской империи как объективного, а потому неизбежного итога взаимодействия двух экономических систем — Османской и Западной, которые после промышленной революции оказались на принципиально разных уровнях развития. Во-вторых, итоги этого взаимодействия подчёркнуто рассматриваются не только в плоскости экономических потерь Османской империи, но и определённых приобретений. В-третьих, экономическое отставание Османской империи видится результатом более сложной и глубокой

системы причинно-следственных связей, чем массовый нерегулируемый ввоз европейской промышленной продукции.

К представителям второй школы, безусловно, относится И. Л. Фадеева. Соглашаясь с тем, что торговая экспансия отвечала интересам Англии, она подчеркивала предопределённый характер неравноправности отношений «столь неравных в экономическом отношении партнёров», какими были Англия и Турция в середине XIX века: «Экономика Османской империи в середине XIX в. не могла обеспечить её конкурентоспособность на мировом рынке, что в тех условиях неизбежно вело к закабалению страны европейским капиталом» [Фадеева, 1982, с. 119]. Но, отмечая все отрицательные стороны подобного англо-турецкого альянса, И. Л. Фадеева призывала «не упускать из виду, что Турция была одной из первых стран мусульманского Востока, которая пришла к необходимости реформ и более активного сотрудничества с Западом, попыталась осуществить некоторые реформы, ...в известной мере способствовавшие дальнейшему развитию капиталистических элементов в экономике страны» [Фадеева, 1982, с. 119].

Схожую точку зрения выражает С. М. Иванов: «...издержки, которые феодальные общества несли при развитии их экономических связей с капиталистическим миром в рассматриваемую эпоху, были исторически обусловлены и неизбежны. Обойти или миновать этот путь развития (при наличии любых субъективных факторов) Османская империя не могла» [Иванов С. М., 1989].

С. М. Иванов обращает внимание и на ряд негативных для Османской империи последствий, связанных с вступлением в силу договоров 1861–62 гг.: применение недифференцированной таможенной пошлины, что лишало её функции регулирования объёмов внешней торговли; развитие системы производства, ориентированной на запросы внешних рынков, а потому оторванной от исторически сложившихся в османском обществе потребностей и др. Но он же приводит и весьма широкий перечень позитивных изменений в хозяйственной жизни Османской империи под влиянием контактов с мировым капиталистическим рынком: повышение региональной специализации и товарности производства, рост приморских городов, заимствование отдельных элементов экономической жизнедеятельности буржуазных обществ [Иванов С. М., 1989, с. 206–207].

В числе работ второй школы особое место занимает статья Н. А. Дулиной «Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи» (1976 г.). Подобно И. Л. Фадеевой и С. М. Иванову, она отмечает, что совершенно различные экономические потенциалы Османской империи и Англии с самого начала предполагали обмен готовой продукции на сырьё. Вместе с тем договор привёл к увеличению торговых оборотов империи, к ликвидации системы государственных монополий и принудительных государственных закупок. При этом, по мнению Н. А. Дулиной, договор 1838 г. не может рассматриваться как *единственная* причина замедления развития турецкой экономики после его заключения. Таким образом, она на тот момент оказывается первой, кто делает шаг к пониманию иных, не связанных с европейской торговлей, причин экономического отставания империи: «Конкуренцию дешёвых европейских товаров не выдерживали прежде всего отрасли ремесленного производства. Однако ремесленное производство было уничтожено не только в Османской империи, но и во всех европейских странах после изобретения паровых машин, вызвавших быстрое развитие капитализма. Разница состояла в том, что в европейских странах ремесленное производство уничтожала собственная капиталистическая промышленность, а в Османской империи — ввозные товары. Следовательно, империя всем ходом исторического развития была поставлена перед необходимостью развивать собственную промышленность капиталистического типа» [Дулина, 1976, с. 74, 76]. Таким образом, как следует из рассуждений автора, истинные причины отсталости связаны с отсутствием адекватного ответа на экономические вызовы эпохи, то есть с неспособностью империи к организации

на своей территории собственного крупного машинного производства капиталистического типа. Далее Н. А. Дулина предлагает и свою версию этих причин, которая, правда, пока сформулирована в весьма общей форме: речь идёт об особенностях формирования капиталистического способа производства в Османской империи, которые заключались в вынужденном синтезе и взаимной борьбе новых (капиталистических) форм социально-экономической организации и сохранявшихся институтов традиционного мусульманского общества [Дулина Н. А., 1976, с. 80].

Более чётко сформулированную версию ответа на непростой вопрос о причинах подобной неспособности предложил С. М. Иванов в работе, вышедшей в свет уже в начале XXI в. Как представляется, итоговый вывод его работы следующий: основным препятствием на пути капиталистической трансформации Османской империи стала её неспособность сформировать адекватный системе капитализма предпринимательский класс ни как носителя предпринимательского духа, ни как обладателя необходимого капитала, аккумулированного в результате процесса первоначального накопления [Иванов С. М., 2005].

Что касается первого, С. М. Иванов обращает внимание на специфику ремесленной цеховой организации Османской империи и формируемый ею тип личности: «В своей производственной деятельности индивид в течение своей жизни был неразрывно связан с жизнью своего ремесленного цеха... Жёсткая производственная иерархия... копировала жёсткую соподчинённость и иерархию должностных лиц в государственных структурах Османской империи. Внутрицеховая дисциплина доходила до раболепия младших перед старшими, уродовала развитие личности...» И далее: «Трудовая этика османских ремесленников опиралась на религиозные предписания того или другого духовного ордена, любое отклонение от которых было по существу греховным... Нововведения и усовершенствования запрещались, что делало невозможным не только совершенствование технологии, но ... и становление творческой, активной и инициативной личности... Застойная трудовая этика означала и застой в развитии личности», — резюмирует автор [Иванов С. М., 2005, с. 210–211].

Наконец, мотив прибыли, а значит, роста производства на основе возможной капитализации во многом заглушался, а то и полностью отрицался особенностями социальной и религиозно-культурной жизни османского общества. Труд в исламе признаётся основным фактором производства. Тем самым крупное предпринимательство не поддерживается, а поощряется активность мелких производителей, в рамках которой не должно быть большой разницы в уровнях доходов между работником и работодателем. По мнению С. М. Иванова, идеология имущественного равенства, которая пронизывала сознание османских ремесленников (классическая османская доктрина не допускала больших различий в оплате труда ремесленников: разница в их доходах не превышала 4–7-кратного уровня), формировала условия, при которых внутри анатолийских цеховых организаций не возникали и не могли возникнуть условия для рождения человека нового времени с присущим ему буржуазным сознанием [Иванов С. М., 2005, с. 210].

Таким образом, речь идёт о невозможности формирования в Османской империи из среды ремесленников достаточно массового класса предпринимателей, крайне важного в структуре организации капиталистического производства.

Касаемо накопления капитала С. М. Иванов отмечает существенное ограничивающее влияние безусловно доминировавшего в обществе мусульманского религиозного сознания. Согласно экономическим воззрениям мусульман, капиталы должны постоянно находиться в обращении, поощрять и обслуживать товарооборот. Но в описанных условиях единственной формой капитала мог быть капитал торговый.

Кроме того, в рамках классической экономической доктрины ислама производительное накопление капитала затрудняется и тем, что в ней значительное место занимает идея богоугодного передела имущества богатых в пользу бедных. С. М. Иванов цитирует известнейшего турецкого историка Халили Иналджика: «Убеждение в том, что благотворительность и милосердие угодны Аллаху... определяло экономическое поведение мусульман при решении важнейших хозяйственных вопросов во всех мусульманских странах, а османские турки были особенно ревностны в исполнении этих религиозных предписаний». «В таких условиях открытое долговременное накопление капитала частным лицом в целях его дальнейшего использования для производственных нужд в принципе было аморально, а значит, и нелегитимно», — заключает С. М. Иванов [Иванов С. М., 2005, с. 18–19].

Существование у турок «купеческих династий» было явлением редким. Применительно к средневековой истории османского торгового капитала это означало, что накопление внутри одной семьи обычно прерывалось с кончиной главы купеческого дома. Накопленные богатства отходили в фонд государства, т. к. одним из основных принципов экономической политики было стремление уравнивать население в распределении богатства и собственности, или распределялись среди родственников. Иными словами, общепризнанной нормой было «распыление капитала». Между тем, подчеркивает С. М. Иванов, именно длительность процесса накопления, растянутая на время жизни многих поколений купеческих семей в Западной Европе, создала историю буржуазии и стала становым хребтом капитализма [Иванов С. М., 2005, с. 20].

Аргументировав подобным образом неготовность Османской империи к развитию по классическому капиталистическому пути, С. М. Иванов согласен с оговоркой того рода, что речь идёт лишь о теоретических построениях, которые оставляют открытым вопрос, где и насколько исламские постулаты воплощались в практике экономической жизни.

С точки зрения формирования представления об использовавшихся практиках отрицания или обхода исламских постулатов в реальной жизни османского общества весьма интересна работа П. В. Шлыкова «Вакфы в Турции: трансформация традиционного института». Автор обращает внимание на функциональную классификацию вакфов — разделение на благотворительные, семейные и поделённые или наполовину семейные. В случае благотворительных вакфов основателю не оставалось никакого дохода с коммерческих объектов вакфа. Семейные вакфы, напротив, создавались исключительно для финансовой поддержки потомков основателя. С точки зрения благочестия основание семейного вакфа не уступало учреждению благотворительного: ведь благотворительность в исламе начинается с семьи и дома. Члены семьи вакифа рассматривали вакуфное учреждение как некое семейное предприятие, у которого были лишь ограниченные стимулы к расширению спектра социальных услуг. Непрочность института собственности в мусульманском праве вынуждала искать разные способы её сохранения. Учитывая отсутствие эффективной альтернативы, государство было вынуждено соблюдать неприкосновенность вакуфной собственности. «Вакфы формировали альтернативный частный сектор» — резюмирует П. В. Шлыков [Шлыков, 2011, с. 36]. С помощью вакфов можно было обойти сложный порядок наследования, зафиксированный в мусульманском праве, которое во избежание слишком высокой концентрации имущества предоставляет мусульманину возможность свободно распорядиться только третьей частью своего имущества. Вакфы позволяли совершенно свободно «посмертно» распоряжаться своим имуществом, а значит — избежать его фрагментации. Но нормы общественной жизни всё же требовали от основателя вакфа выделять часть средств на социально-благотворительные цели. В итоге доля чисто семейных вакфов была незначительной (менее 10%). Следовательно, обеспечение спокойствия и безопасности имущества требовало усилий и трат. А значит, С. М. Иванов, видимо,

правомерно призывает относиться к классической экономической доктрине ислама как к своеобразному довлеющему морально-психологическому «фону», наличие которого необходимо учитывать при осмыслении практики хозяйствования в Османской империи [Иванов С. М., 2005, с. 212].

В числе прочего исследователи обращают внимание и на специфическую политику Порты, которая нередко пресекала экономические начинания турок. Социальный статус человека в Османской империи определялся его положением во властных структурах, а не его собственностью и финансовыми возможностями. Власть была первична, богатство — вторично. В итоге в Османской империи престиж торгово-предпринимательской деятельности был традиционно ниже государственной или военной службы. Купечество никогда не входило в состав представителей власти в султанской Турции, а было включено в социально-политические структуры в качестве зависимого податного слоя. Учитывая то, что власть была прерогативой мусульман, Порта охотнее позволяла включаться во внешнеэкономические обороты политически несостоятельным османским инационалам, а не мусульманам. По оценкам С. М. Иванова, данная политика султанских властей по отношению к экономическим инициативам турок сохранялась вплоть до последних десятилетий существования Османской империи [Иванов С. М., 2005, с. 223–224].

Весьма схожие, временами даже более категоричные выводы делает и Н. А. Иванов [Иванов Н. А., 2008, с. 194–199]. Отмечая принципиальную несовместимость традиционного мусульманского общества с капиталистическим способом производства, он обращал внимание на следующие моменты:

1. Традиционный ислам был враждебен самому принципу частной собственности. Земля и основные фонды рассматривались как достояние уммы.
2. Ислам никогда не признавал и не признает ценности индивида. На протяжении всей своей истории ислам как система религиозных и социальных ценностей имел коллективистский характер.
3. Развитию буржуазного предпринимательства препятствовала экономическая политика Порты. С развитием частной инициативы была несовместима система всеобщей государственной регламентации и контроля.
4. Серьёзным препятствием для развития буржуазного предпринимательства в османскую эпоху была эгалитаристская философия ислама, осуждение роскоши и богатства. Став обладателям богатства, мусульманин должен был внести закят, пожертвование и проч. В отличие от западного христианства этот бесплатный альтруизм не был чисто этическим учением, а имел по существу силу закона.

Применительно к периоду первоначальной капиталистической трансформации справедлива следующая оценка: османские ремесленники в классическую для империи эпоху были не в состоянии выделить из своей среды прослойку лиц-носителей хозяйственной инициативы. Исходя из логики западноевропейской истории, можно было бы предположить, что такая прослойка общества на исходе средневековья формировалась в Османской империи в среде крупных купцов. Однако, резюмирует С. М. Иванов, цитируя М. С. Мейера, «османские купцы на протяжении XVI–XVIII вв. так и не смогли преодолеть важнейший исторический рубеж в эволюции своего экономического поведения: перейти от торговой к предпринимательской, т. е. организационно-производственной деятельности» [Иванов С. М., 2005, с. 211].

По оценкам С. М. Иванова, для турецкого анатолийского купечества условия выхода в линейное историческое пространство созрели лишь в конце XIX века. В это время туркам удалось пробиться к международной торговле, используя торговые связи с новым торговым контрагентом Османской империи — Германией. Но окончательный перелом в экономическом поведении

османских турок произошёл лишь в годы Первой мировой войны. Пользуясь условиями военного времени, турецкое правительство смогло, наконец, отменить режим капитуляций. В результате позиции иностранного капитала и тесно связанной с ним инациональной буржуазии заметно ослабли. Между тем война создала сильный стимул для развития османского экспорта. В 1916 г. турецкая пресса выступила с характерным лозунгом «Давай, турок, обогащайся!» Иностранцы наблюдали писали о том, что в турецкого купца вселился новый дух. Его вошедшая в поговорку медлительность в делах сменилась быстротой в решениях и действиях. Он почувствовал вкус к деланию денег, он превратился в настоящего современного бизнесмена [Иванов С. М., 2005, с. 235–236].

Почему важен ответ на вопрос о причинах экономического отставания Османской империи? Их понимание во многом объясняет и последующую траекторию догоняющего развития, и истоки экономических проблем страны, остающихся нерешёнными по сей день. Что касается моделей экономической модернизации, избранных Турцией на последующих этапах развития, они предсказуемо характеризуются широтой и многообразием форм государственного участия и достаточно поздним обращением к преимущественно рыночному способу развития — только в 80-е годы XX в. Опять же последний оказался не свободен от глубоко укоренившейся этатистской социально-экономической традиции. Так, сократив участие в реальном производстве, государство начало дозвлетать на национальном финансовом рынке. Наконец, сегодняшние экономические трансформации, заключающиеся в расширении частично модернизированных форм государственного участия в экономическом развитии страны, позволяют говорить о формировании в Турции новой модификации опять же государственного капитализма.

Исторически не сложившаяся склонность к техническим инновациям и изобретательству, видимо, отчасти объясняет стагнацию объёмов производства высокотехнологичной продукции современной обрабатывающей промышленности Турции.

Таким образом, современная турецкая экономика в той или иной мере продолжает испытывать на себе воздействие, как оказалось, весьма прочно укоренившегося и остающегося в определённой мере влиятельным османского экономического традиционализма.

Литература / References

Дулина Н. А. Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи. *Народы Азии и Африки*. 1976. № 3. С. 69–80 [Dulina N. A. The Anglo-Turkish Treaty of 1838 and its impact on the economic development of the Ottoman Empire. *The Peoples of Asia and Africa*. 1976. No. 3. Pp. 69–80 (in Russian)].

Иванов Н. А. Труды по истории исламского мира. Сост. Н. М. Горбунова. М.: Вост. лит., 2008. С. 1–501 [Ivanov N. A. Works on the history of the Islamic world. Comp. N. M. Gorbunova. Moscow: East lit., 2008. Pp. 1–501 (in Russian)].

Иванов С. М. Гл. II, III, IV, Заключение. *Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII — начало XX в.)*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 78–210 [Ivanov S. M. Chapters II, III, IV, Conclusion. *Foreign economic relations of the Ottoman Empire in Modern Times (the end of the XVIII-beginning of the XX century)*. Moscow: Nauka, Main Editorial Office of Oriental Literature, 1989. Pp. 78–210 (in Russian)].

Иванов С. М. *Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX века)*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 1–352 [Ivanov S. M. *The Ottoman Empire in the world economic system (the second half of the nineteenth-early twentieth century)*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2005. Pp. 1–352 (in Russian)].

Миллер А. Ф. *Краткая история Турции*. М.: ОГИЗ, 1948. С. 1–303 [Miller A. F. *A brief history of Türkiye*. Moscow: OGIZ, 1948. Pp. 1–303 (In Russian)].

Новичев А. Д. *Очерки экономики Турции до мировой войны*. М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937 [Novichev A. D. *Essays on the economy of Turkey before the World War*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937. Pp. 1–312 (in Russian)].

Новичев А. Д. История Турции. III. Новое время. Часть II (1839–1853). Л.: Изд-во ЛГУ, 1973 [Novichev A. D. History of Turkey. III. A new time. Part II (1839–1853). Leningrad: Leningrad University Press, 1973 (in Russian)].

Петросян Ю. А. *Могущество и гибель Османской империи*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 1–280 [Petrosyan Yu. A. *The power and death of the Ottoman Empire*. Moscow: Nauka, Main Editorial Office of Oriental Literature, 1990. Pp. 1–280 (in Russian)].

Фадеева И. Л. «Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX века». М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1982. С. 1–159 [Fadeeva I. L. «The Ottoman Empire and Anglo-Turkish relations in the middle of the nineteenth century», Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature, 1982. Pp. 1–159 (in Russian)].

Шлыков П. В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М.: Издательский дом Марджани, 2011. С. 1–551 [Shlykov P. V. Waqfs in Turkey: the transformation of the traditional institution. Moscow: Marjani Publishing House, 2011. Pp. 1–551 (in Russian)].

**ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ НЕЗАВИСИМОГО КУРДИСТАНА В ПОЛИТИКЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1918–1920) НА ОСНОВАНИИ ИЗУЧЕНИЯ
БРИТАНСКИХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

© 2025

К. В. Вертяев¹

Британская оккупация Месопотамии во время и после окончания Первой мировой войны, её отторжение от Османской империи оказали долгосрочное влияние на политическое будущее созданного британцами мандатного государства Ирак (1920), в равной степени как и на всю внутреннюю политическую динамику Ближневосточного региона. Вопрос создания независимого Курдистана не был в числе актуальных политических повесток того времени, тем не менее именно в период британской оккупации Месопотамии (1918–1920) курды Южного Курдистана ближе всего находились к возможности создания курдского независимого государства, которая по разным причинам оказалась упущенной. На основании изученных автором британских архивных источников в статье анализируется курдская политика Великобритании как государства-мандатария в период оккупации Месопотамии и причины, повлиявшие на тот факт, что курдское государство в указанный период так и не возникло.

Ключевые слова: Курдистан, Великобритания, Османская империя, Ирак, Иракский Курдистан

Для цитирования: Вертяев К. В. Проект создания независимого Курдистана в политике Великобритании после Первой мировой войны (1918–1920) на основании изучения британских архивных документов. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 183–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-183-194

**THE PROSPECTS OF AN INDEPENDENT KURDISTAN IN BRITISH POLITICS
AFTER THE END OF WORLD WAR I (1918–1920). BASED ON A STUDY OF
THE BRITISH ARCHIVES**

Kirill V. Vertiaev

The British occupation of Mesopotamia during and after the First World War, its separation from the Ottoman Empire, had a long-term impact on the political future of the British-created Mandatory State of Iraq (1920), as well as on the entire internal political dynamics of the Middle East region. The issue of creating an independent Kurdistan was not among the pressing political agendas of that time, however, it was during the British occupation of Mesopotamia (1918–1920) that the Kurds of Southern Kurdistan were closest to the achievement of creating an independent Kurdish state, which for various reasons was missed. Based on the British archival sources studied

¹ Вертяев Кирилл Валентинович, кандидат политических наук, с.н.с. Института востоковедения РАН, Москва; kitezh@mail.ru

Kirill V. Vertiaev, PhD (Political Science), senior research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; kitezh@mail.ru

by the author, the article analyzes the Kurdish policy of Great Britain as a mandatory state during the occupation of Mesopotamia and the reasons that influenced the fact that the Kurdish state never emerged during this period.

Keywords: Kurdistan, Great Britain, Ottoman Empire, Iraq, Iraqi Kurdistan

For citation: Vertiaev K. V. The Prospects of Independent Kurdistan in British Politics After the End of the World War I (1918–1920). Based on a Study of British Archives. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 183–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-183-194

Как известно, по завершении Первой мировой войны произошла британская оккупация Месопотамии и Южного Курдистана, что явилось одним из факторов, ознаменовавших последовавший распад Османской империи. В целом это был сложный и противоречивый период, который оказал глубокое влияние на историю и дальнейшее развитие региона. Британия впервые оккупировала доселе незнакомую для британцев Месопотамию и Южный, а также частично Восточный (Персидский) Курдистан, выйдя на момент заключения Мудросского перемирия 31 октября 1918 г. к городу Алтын Кеprü в районе Киркука. При этом такие города как Мосул, Эрбиль, а также Сулеймания оставались вне зоны фактической военной оккупации Британии. Британцами был выдвинут ультиматум, и командующий 6-й Османской армией отдал приказ о выводе турецких войск из всего Мосульского вилайета [PRO, AIR 20/513, 1918].

Британская оккупация региона имела далеко идущие последствия, включая установление здесь политической и социальной динамики, которая продолжает формировать историю и политику Ирака по сей день. Можно сказать, что наследие британского колониализма в Месопотамии оказало долгосрочное влияние на внутреннюю динамику региона и его отношения с международным сообществом.

В период Первой мировой войны части территории нынешнего Иракского Курдистана находились попеременно под российской, британской и турецкой оккупацией (как османской армией, так и армией созданного затем нового Анкарского правительства).

Британская оккупация оказала прямое воздействие не только на становление и подъём курдского национализма, но и на приведение в действие маховика процессов, в результате приведших к возникновению здесь уже в наши дни автономного региона Курдистан в составе Ирака, претендующего на полную независимость. В поле зрения исследователя при этом находится обширный массив событий военного, дипломатического и политического характера. Библиографическим базисом для такого изучения становится в основном британский архивный массив по линии британских министерств (Форин офиса, Министерства по делам Индии, Военного министерства), а также мемуарная литература. Важнейшим источником информации о представлениях британских военных и политических комиссаров о курдах и Курдистане являются «Ежемесячные отчёты политических офицеров на оккупированных территориях» (1919)², доступные онлайн в Национальной цифровой библиотеке Катара. Примечательно, что в катарской библиотеке присутствуют документы, которые могут быть засекречены или недоступны в британских архивах.

Отвечая на вопрос, почему в рамках утвердившегося после Первой мировой войны Версальского мира не возникло государство Курдистан, следует сразу оговориться, что история не терпит сослагательного наклонения. Причины, по которым так и не возникло независимое государство Курдистан, обозначенное ещё в Севрском договоре 1920 г., остаются спорными, не всегда очевидными. Изучение британской политики именно в отношении курдов не может опираться на какую-то прочную научную традицию, поскольку многое здесь происходило впервые. Как справедливо отмечал М. С. Лазарев, выдвижение курдского вопроса на авансцену международных

² www.qdl.qa.

отношений в Ближневосточном регионе после Первой мировой войны было новостью для своего времени [Лазарев, 1989, с. 7]. В этом контексте мы будем абстрагироваться, имея в виду не весь Курдистан как историко-этнографический регион, разделённый границами четырёх государств, а только Иракский (Южный) Курдистан как основной объект данного исследования, в современных условиях претендующий на политическую субъектность вплоть до создания отдельного государства.

Вопреки устоявшемуся мнению, Великобритания до заключения договорённостей Хусейна-МакКона в 1915 г. не рассматривала вопрос расчленения ни Османской, ни тем более Персидской империй. Более того, Великобритания выступала за консолидацию центральной власти в империях. Строительство немцами Багдадской железной дороги рассматривалось как инструмент геополитического влияния Германии в регионе и как следствие — прямая угроза торговым интересам Англии. При этом экономические интересы, в частности, контроль над нефтеносным Мосульским вилайетом становились определяющими. Однако отчётливо нефтяная тема нигде в доступных донесениях особо не акцентировалась.

До середины Первой мировой войны внешняя политика Англии стремилась защитить территориальную целостность Османской империи и особенно проливов с предотвращением гипотетической российской угрозы им, а также нефтяным регионам Персидского залива. Исходя из этих приоритетов, британцы в начале войны не собирались оккупировать Месопотамию.

Однако на таком фоне выкристаллизовывался ещё один приоритетный фактор направления интересов британской политики в отношении Месопотамии — нефть. Изначально под нефтяным фактором в большей степени подразумевались не собственные нефтяные ресурсы региона, промышленное использование которых началось в Киркуке только в 1927 г., а безопасность нефтяных регионов в Персидском заливе как важный параметр, который определял политику британцев в Месопотамии. Так, в докладе комиссии де Бунсена 1915 г. указывалось, что хотя курдские районы имели меньшую экономическую ценность по сравнению с их стратегическим значением, «это все равно делает для нас желательным перенос нашего контроля на Мосул, в окрестностях которого есть ценные нефтяные месторождения, владение которыми другой державой нанесло бы ущерб нашим интересам» [Eskender, 2012, p. 26].

Как следует из изученных архивных документов³, основные и устойчивые дебаты о будущем Курдистана начались вскоре после Мудросского перемирия и датируются примерно 1919–20 гг. При этом Британия отказалась поддерживать сепаратизм персидских курдов, поскольку это бы сказалось на её престиже на международной арене, так как Персия была отдельным государством. Таким образом, к моменту Мудросского перемирия в ноябре 1918 г. правительство Великобритании, имевшее контакты с такими курдскими националистами, как Шериф паша (Южный Курдистан) и Бедирханы (Северный Курдистан), было как минимум осведомлено о планах курдов создать независимое государство. На Парижской мирной конференции державы-победители наметили для курдов процедуру создания собственного государства, что было закреплено условиями Севрского договора 1920 г. В соответствии с ним державы-победители предусматривали гипотетически автономный или независимый Курдистан к востоку от Евфрата, к югу от Армении и к северу от турецкой границы с Сирией. Однако многие курды юго-восточной Анатолии в тот период были вовлечены в повстанческое движение революцией, которая поднялась в Турции под руководством Мустафы Кемалю, и перспектива возникновения независимого Курдистана на этих территориях была весьма туманной.

По сути, как государственное образование Ирак был создан в 1920 году путём выделения в него трёх вилайетов Османской империи: Басра, Мосул и Багдад. Однако вопрос о включении

³ Многие из них доступны онлайн на сайте Национальной цифровой библиотеки Катара, а также в сборнике британских архивных документов о курдах: Records of the Kurds. Cambridge University Press, 2016. Vol. 5–6.

вместе с Мосулом в состав Ирака и курдов оставался дискуссионным. В апреле 1920 года Лига Наций на конференции в Сан-Ремо выдала мандат на управление Ираком Великобритании, что окончательно оформило зависимый от Британии статус Ирака, который впоследствии стал королевством после подписания англо-иракского договора 10 октября 1922 года. Конференция определила распределение мандатов класса «А» Лиги Наций по управлению территориями бывшей Османской империи на Ближнем Востоке. Точные границы всех территорий остались неопределёнными. Решения конференции были включены в оставшийся нереализованным Севрский мирный договор 1920 года, но так как Турция его отклонила, они были окончательно утверждены Советом Лиги Наций лишь 24 июля 1922 года до принятия Лозаннского договора 1923 года. Несмотря на это, дискуссии о будущем Курдистана и целесообразности его включения в состав Ирака ещё продолжались, особенно после Каирской конференции, созванной по инициативе Черчилля, военного министра и министра по делам колоний. Это наглядно было продемонстрировано в переписке Черчилля и Перси Кокса, активно выступавшего за включение Южного Курдистана в состав Ирака по экономическим и геостратегическим интересам, и его точка зрения в итоге и победила [Olson, 1992, pp. 29–45].

Севрский договор был заменён Лозаннским договором (1923) — соглашением, которое признало новое национальное правительство Турции, базирующееся в Анкаре. В отличие от Севра, этот новый договор не содержал прямых ссылок на курдов, не говоря уже о признании их национальных прав. Населённые курдами районы в юго-восточной Анатолии («Северный Курдистан») остались под турецким правлением, в то время как окончательный статус оккупированного Великобританией вилайета Мосул и его населённых курдами подрайонов («Южный Курдистан») — источника разногласий между Великобританией и Турцией — были переданы на рассмотрение Лиги Наций. Три года спустя дипломатической борьбы между Турцией и Англией Лига передала бывший Османский вилайет поддерживаемому Великобританией Хашимитскому Королевству Ирак, и раздел Османского Курдистана, под которым подразумевались курдские земли под контролем Османской империи, был завершён [Hurewitz, 1979, pp. 143–146].

Научная проблема в плане объективной оценки роли Великобритании в том, что курдское государство так и не возникло, никак не отменяет роль иных неблагоприятных для курдского национального движения в тот период факторов, к которым, помимо вышеуказанных, стоит, безусловно, отнести и мобилизационный потенциал кемалистского движения в Турции в указанный период.

В этой связи особый интерес представляет выпущенное Кембриджским университетом в 2015 г. 11-томное издание «Records of the Kurds (1847–1979)», содержащее британские архивные документы, донесения военных, переписку дипломатов, имеющих отношение к курдам и курдскому вопросу. Многие из них ранее оставались недоступными для российских исследователей. Наблюдения аспектов формирования курдского национализма и территориальности даны здесь в контексте британских интересов в регионе, отражая как тогдашние политические предубеждения, так и заблуждения отдельных авторов. Они сосредоточены главным образом на всеобъемлющей перспективе более широких дипломатических отношений британского правительства с Персией, Россией и Турцией. В них, в частности, большее внимание уделяется мониторингу международных пограничных споров и пограничных вопросов, оценкам стратегических вопросов обороны против любого возможного вторжения в Британскую Индийскую империю, нежели вопросам озабоченности в поддержке тех или иных национально-освободительных движений. Также интересы Британии концентрируются здесь и на коммерческом аспекте с целью установления каналов для торговли английскими товарами. Великобритания не стремилась напрямую установить свою собственную региональную гегемонию в Курдистане, и поэтому можно утверждать, что эти

документы в совокупности своей раскрывают курдскую политику Великобритании с определённой степенью нейтралитета.

Главным направлением британской политики в части керзоновской доктрины «безопасности Индии» было сохранение контроля над эмиратами Персидского залива. Безусловно, приоритетным направлением британской политики на Востоке являлось установление контроля над Южным Кавказом и Каспием по той же причине — с его нефтяными ресурсами, тем более что на них прямо претендовала также Германия. При этом ориентиры на установление британского контроля над Мосульским вилайетом с его к тому времени уже более-менее изведанными нефтяными запасами отчетливо не звучали в британских дипломатических донесениях и переписке того времени.

Поистине катастрофическое положение, сложившееся на Кавказском и Персидском фронтах после падения российской монархии, побудило Великобританию жёстко взять инициативу решения проблем Кавказа в свои руки, стараясь использовать данную ситуацию в собственных интересах, несмотря на ограниченность сил и ресурсов после Первой мировой войны (пример тому — провальная миссия Дастенфорса в Баку в 1919 г.⁴). Вторым аспектом являлось использование Британией военного потенциала Британской Индии в деле оккупации Месопотамии. В 1917 г. Восточный комитет Военного кабинета посчитал, что Британская Индия была истощена в Месопотамии, и решил избежать отправки дополнительных войск в Иран из Европы, отправив миссию отборных людей для обучения местных новобранцев в Тифлисе. Военное министерство обязалось предоставить 150 офицеров и 300 унтер-офицеров для организации местных сил самообороны и замены русской Кавказской армии [Nicholson, 1962, p. 233]. Французы взяли на себя ответственность за район к северу от Кавказа [Bean, 1941, p. 113]. На завершающем этапе Первой мировой войны, когда речь зашла о новом колониальном переделе, для координации военно-политической деятельности Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, Кавказе и в Центральной Азии был создан указанный выше Восточный комитет.

По мнению целого ряда курдских учёных, после завершения Первой мировой войны именно Англия находилась в той позиции, которая позволяла обеспечить возникновение независимого Курдистана на обломках Османской империи. Поэтому в целом курды приветствовали расширение британского контроля на Западный и Южный Курдистан — во многом за счёт пропаганды стран-союзниц. Так, в Архиве внешней политики России удалось обнаружить письмо Британского Форин-офиса на имя российского посла временного правительства в Лондоне Набокова о согласовании текста прокламаций к вражеским османским войскам в апреле 1917 г., которые предлагалось разбрасывать с самолётов, где, помимо прочего, содержались призывы на турецком языке освободить «земли Хиджаза, Курдистана, Сирии и Ирака от османского владычества»⁵.

В связи с падением в 1917 г. российской монархии привычные горизонты британской политики на Кавказе и Ближнем Востоке оказались размытыми. Впрочем, в любом случае главной целью Великобритании оставалось стремление значительно ослабить позиции своих соперников на Ближнем и Среднем Востоке в лице Германии и Турции, а также теперь ещё и нейтрализовать Советскую Россию путём отторжения от неё Кавказа и Туркестана. Британская политика для достижения своих целей использовала благоприятные региональные факторы: образование различных правительств на осколках бывшей Российской империи, противоречия между ними и центральной российской властью.

⁴ Dunsterforce — название военной миссии Британии, созданной в декабре 1917 года и названной в честь её командующего, генерал-майора Лайонела Данстервилля. Силы состояли менее чем из 350 австралийских, новозеландских, британских и канадских офицеров и унтер-офицеров, которые были набраны с Западного и Месопотамского фронтов и предназначены для организации поддержки повстанцев (в частности, в северном Иране (Персии) и на Южном Кавказе), чтобы заменить царскую армию, которая сражалась с османской армией в Армении.

⁵ АВПРИ. Ф. «Политархив» F.O.S.W.I. № 66881/N/50/ April 2, 1917. Письмо послу Набокову.

До начала Первой мировой войны Британия видела Россию главным соперником расширения своего влияния на Ближнем и Среднем Востоке, взяв на вооружение миф о «русской угрозе» британским владениям в Индии, который лишь усилился после окончания Первой мировой войны на фоне активизации на Ближнем и Среднем Востоке большевистских агитаторов и местных сторонников советской власти. Многие ближневосточные проблемы рассматривались в Британии через призму англо-русского соперничества, независимо от того, какой режим находился у власти в России.

В момент военной оккупации Британией Месопотамии среди местных курдских национальных элит не было единого мнения о путях к независимости Курдистана. Многие из них уверовали, что союзники, и особенно Англия, воспринимают курдов и Курдистан как национальное движение, нацеленное на создание независимого курдского государства и что их интересы и интересы Англии совпадают. В этом они ошибались.

Британское правительство было гораздо больше обеспокоено ситуацией, вызванной отступлением России из Персии и поражением британцев на Кавказе (в частности, провалом миссии Данстерфорса в Баку). Из-за трудностей с сохранением передовых британских постов в Месопотамии и обеспечением надлежащего снабжения войск в Персии Киркук пришлось британцам временно оставить. Шейх Махмуд был назначен британским представителем в Сулеймании, а британские войска были отведены в Кифри и Туз.

Шейх Махмуд Барзанджи (1878–1956) был одной из ключевых фигур, на кого британцы делали ставку в деле создания независимого Курдистана сразу после Первой мировой войны, тем более что он оказывал поддержку действиям англичан ещё в её начале и рассматривал покровительство британской короны как козырь для создания курдского государства под своим управлением. Однако вскоре англичане поняли, что власть шейха ограничивалась лишь районом Сулеймании и несколькими курдскими племенами по другую сторону персидской границы, не распространяясь на весь Курдистан. При этом сам шейх был крайне недоволен диктатом со стороны британских офицеров и уже в 1919 г. провозгласив Королевство Курдистан, поднял восстание, подавленное англичанами с помощью индийских войск. Правление шейха Махмуда в британских архивах описывается как крайне неэффективное, построенное на кумовстве.

На протяжении длительного периода наиболее последовательными сторонниками независимого Курдистана выступало семейство Бедирханов из рода некогда могущественного эмира, чья власть в регионе была прекращена в результате турецкой политики Танзимата в середине XIX века. 7 декабря 1919 года Комитет Независимого Курдистана в Каире под руководством семейства Бедирханов, обеспокоенного актуализацией армянских национальных интересов в отношении территорий, считавшихся Курдистаном, направил в британское консульство письмо следующего содержания: *«армянский вопрос возник не из-за армян и не из-за нас, а из-за России, которая, желая присоединить Курдистан к своей огромной империи и открыть таким образом проход для себя Персии и Индии, была первой, кто разжёл раздор между армянами и мусульманами... Мы не притворяемся, не утверждаем, что у армян никогда не было собственного королевства или что они не заслуживают компенсации за понесённый урон, но мы утверждаем, что две несправедливости не делают зрелища, и что **Курдистан существовал задолго до армян**, и курды совершенно невиновны в том, что разрушали их страну, Курдистан не может быть стёрт с лица земли, нужно исправить несправедливость, совершённую римлянами, византийцами, туркоманами, татарами, русскими, персами»* [Records of the Kurds, 2016, vol. 5, pp. 77–78].

На фоне подобных требований курдских националистов объективной целью Англии как оккупирующей державы на тот момент была поддержка курдских вождей для восстановления нормальной экономической, социальной и административной жизни на подконтрольных территориях,

которые Великобритания изначально оккупировать не собиралась. Поэтому идея независимости курдов то возникала на горизонте интересов английского истеблишмента, то исчезала.

Политическим комиссаром они назначили в регион майора Э.В.К. Ноэля — сначала в Киркук, потом в Сулейманию. Ноэль хорошо знал регион и курдов и сыграл ведущую роль в попытках создать независимый Курдистан. Оценивая потенциал повстанческого курдского движения, майор Ноэль делает следующий комментарий: *«у арабов гораздо более панисламская ориентация, чем у курдов. Ислам занимает гораздо большее место на горизонте арабов, чем любой вопрос о национальности, тогда как у курдов национальный вопрос, я уверен, затмит все остальные. В настоящее время, возможно, этого и не произойдёт, потому что сознание национального существования и стремлений не пробудилось должным образом, но то, что это сознание пробудится, — это факт, который всё больше и больше впечатляет меня. Из вышесказанного следует, что курдом будет гораздо легче управлять, чем арабом, при условии, что он почувствует, что развитию его страны по национальному признаку уделяется должное внимание. Более того, курд очень восприимчив, и большой выход избыточной энергии найдётся в развитии искусств и ремёсел, которое последует за введением здесь современного метода управления»*. В этой связи он отмечает, что хорошо известно, что на месторождениях и нефтеперерабатывающих заводах Англо-Персидской нефтяной компании на юго-западе Персии лучшими механиками являются курды, многие из которых дослужились до значительных ответственных должностей» [FO 371/4192, 1918, p. 9].

Прибыв в регион в ноябре 1918 года, Ноэль немедленно приступил к созданию новой административной системы, которая считалась бы приемлемой для жителей региона.

Британцы прислали самых способных офицеров политической разведки, которые имели опыт работы в Индии и могли оставаться в курдских регионах после войны, чтобы поддерживать контакты Британии с курдами, особенно с вождями племён. Официально Британия воздерживалась от открытой поддержки курдского национализма в деле создания независимого Курдистана. Но можно сказать, что полевые работы по созданию курдского государства-сателлита начались уже в 1918 г. Британская администрация в Багдаде связалась с влиятельными вождями курдских племён в Сулеймании, дала им различные обещания, предоставила этим племенам деньги, оружие и технику [Records of the Kurds, vol. 5, p. 112].

Британия хотела укрепить своё господство над Месопотамией, поэтому вела здесь активную агитацию. С 1 января 1918 года британская пропагандистская война в Багдаде шла с помощью курдской газеты «Тегехиштини Расти» («Толкование действительности»).

Офицеры британской оккупационной армии отмечали важную пропагандистскую роль этой газеты. «Тегехиштини Расти» издавалась на курдском языке, выходила два раза в неделю, готовилась специалистами британской армии в Ираке, но преподносилась как курдская национальная газета, посвящённая истории, языку, поэзии и культуре этого народа. Это была газета, в которой сравнивалось правление Британии с османским правлением (естественно, не в пользу последнего), а также подчёркивалось то, что курдский язык, культура и религия улучшились в Британии и улучшили положение курдов, живших ранее под османским правлением. Газета выходила в 1918–1919 годах, было опубликовано 66 номеров. Имя редактора в газете не фигурировало, но известно, что им был сержант Эли Баннистер Соун — известный британский офицер, востоковед, знающий курдский язык, которому помогал курдский поэт Шукри Фадли.

Британцы придавали большое значение выпуску новых газет, листовок и брошюр для пропаганды не только среди курдов региона, но и среди других народов. Фактически после оккупации части персидской территории в регион из Лондона были поставлены наборные машины и другое оборудование. Оккупационная администрация издавала в Ираке газеты на шести разных языках,

включая фарси, арабский и курдский. Две из них были ежедневными, а их тираж составлял около двух тысяч экземпляров. Три газеты выходили два раза в неделю, а одна — раз в две недели. Это были газеты «Аль Араб», «Дар уль-Салам» (на арабском), «Басра Авукаты» («Защитник Басры») на фарси, «Герчегин Сеси» («Голос правды»), «Иракин Зафери» («Победа Ирака») на турецком, «Тегехиштини Расти» («Толкование реальности») на курдском. Помимо этого, издавались ежедневные английские газеты, такие как Baghdad Times и Persia Times. Несмотря на все эти усилия, публикационно-дистрибьюторская и пропагандистская деятельность британцев, похоже, не удовлетворила, и они запросили больше персонала и материалов из Египта и Лондона для публикации большего количества журналов и газет по актуальным политическим, социальным, экономическим и научным вопросам региона [İşgal Yonetimi, 2016, s. 250–261].

Майор Ноэль писал о курдах: «Национальные чувства здесь настолько сильны, что я не вижу препятствий для создания здесь Курдистана под нашей защитой, с контролем со стороны наших политических офицеров, общей политикой» [Records of the Kurds, vol. 5, p. 75].

Примечательны его донесения во время нескольких поездок в северный Курдистан, находившийся вне зоны британской оккупации, что вызывало критику ряда британских административных лиц. Ноэль писал: «Я объехал лишь небольшую часть курдской страны, но везде встречал сильное национальное чувство — единодушие... Даже крестьяне, которые начинают с того, что говорят, что они находятся под контролем своей знати, если настоять, выступают с тем же мнением — что курды должны быть признаны как нация и должны иметь собственное правительство» [Records of the Kurds, vol. 5, p. 76].

Ещё одним сторонником независимого Курдистана был Марк Сайкс, который за месяц до своей смерти от испанки в Париже в феврале 1919 г. писал Жоржу Пико, что намеревается «предложить создание независимого курдского эмирата, включая Мосул, и это независимое государство должно находиться под защитой Британии» [Records of the Kurds, vol. 5, p. 245]. Пико отверг это предложение как приносящее в жертву интересы тех христианских народов, которые Франция традиционно защищала. Смерть Марка Сайкса от испанки в феврале 1919 г. лишила курдов важного сторонника их независимости, знатока и исследователя курдов и, по иронии, соавтора печально известного соглашения Сайкса–Пико, самовольно разделившего этнический Курдистан в 1916 г.

В самом британском истеблишменте существовали разногласия во мнениях по поводу необходимости независимого Курдистана, в основном — между британскими экспертами в Министерстве иностранных дел и экспертами в Индийском министерстве. Эти различные мнения кристаллизовались на Каирской конференции, состоявшейся 12–30 марта 1921 года, где обсуждалась британская политика на Ближнем Востоке. До конференции полковник Арнольд Уилсон, исполняющий обязанности гражданского комиссара по Месопотамии, настоятельно подчёркивал стратегическое значение Мосула для Британской империи и рекомендовал присоединить Мосул к Багдаду. Во время конференции Хьюберт Янг призвал к созданию «отдельного государства [Курдистан], «чтобы действовать как стратегический буфер против любой будущей кемалистской угрозы Ираку» [Eskander, 2012, p. 114]. Выступая против этого, британский верховный комиссар Месопотамии Перси Кокс также призвал к присоединению Мосула к Багдаду.

Несмотря на протесты Вильсона, 6 декабря вся проблема Курдистана была рассмотрена в Индийском офисе после консультаций с офицерами, имеющими недавний опыт работы в этих регионах. После этого Монтегю дал несколько новых рекомендаций. Соответственно, Южный Курдистан получит автономию и останется в британской сфере влияния. Государство Южный Курдистан со столицей в Сулеймании будет финансово и политически отделено от Месопотамии и будет управляться курдским исполнительным советом, которому будут помогать британские советники,

назначенные гражданской властью в Багдаде. На северо-западе под властью Бедрханов будет создано ботанско-курдское государство со столицей в Джазире. Внешние границы этого государства не представляли интереса для британского правительства. Поскольку полное изгнание турок из Курдистана больше не было практически осуществимым, границы Месопотамии будут защищены от турецкой агрессии дружественным государством Ботан на северо-западе.

После решения американского сената и обретения турецкими националистами полного контроля над Анатолией Великобритания и Франция к 1920 году разграничили пределы своих сфер влияния на Ближнем Востоке. В то время как Великобритания отказалась от своих намерений в Юго-Восточной Анатолии, Франция искала средство отступления из Киликии. Это означало отказ от всех надежд на создание великой Армении и автономного Курдистана. Таким образом, требовалась полная политическая трансформация подходов Британии к проблеме будущего Курдистана.

На этом фоне, как пишут в британских источниках, происходила яростная антибританская и антихристианская турецкая пропаганда в северном Курдистане, которая начала приносить плоды и в южном Курдистане, особенно в тех частях Мосульского вилайета, которые были ближе всего к агитационным центрам Ширнака и Джазирата ибн Умара. Британцы были представлены как неверные, которые были полны решимости установить несправедливую и чуждую тиранию над курдами с целью поработить их в своих корыстных интересах, а также в интересах местных христиан, их единоверцев. Религия, патриотизм и местные обычаи — всё должно быть направлено против завоевателей, против «кяфиров» [PRO, AIR, 20/512].

Напряжённость в приграничных регионах, по-видимому, достигла такой интенсивности, что, как сообщалось в британских источниках, все христианские общины между Джазиратом ибн Умаром и Захо оказались в большой опасности. Действительно, антихристианские волнения, как ни печально, вспыхнули в нескольких местах северного Курдистана. Совершенно очевидно, что британское управление в диких северных приграничных районах Мосульского вилайета началось не при самых благоприятных условиях. Так, упомянутая выше миссия Дастернвилля в 1918 г. на пути на Кавказ столкнулась с настоящим исходом ассирийцев в регионе Урмии [Bean, 1941, p. 751].

При этом можно сделать вывод, что стратегические и экономические интересы Великобритании всегда концентрировались на Южном Курдистане из-за его важности для безопасности Месопотамии, а также его потенциальных нефтяных месторождений. Учитывая последний вывод и чрезвычайные обстоятельства, которые окружали возникновение современного Ближнего Востока, кажется логичным поднять следующий вопрос: можно ли возложить ответственность на курдских националистов за нематериализацию независимого Курдистана или на политику европейских держав, в частности Великобритании? Чтобы ответить на этот сложный вопрос, необходимо сосредоточиться на новых политических условиях, возникших в результате Первой мировой войны. С одной стороны, победившие союзные державы, в частности Великобритания, начали перерисовывать новую политическую карту Ближнего Востока, чтобы укрепить своё стратегическое и экономическое положение на большинстве бывших османских территорий, таких как Аравия, Сирия, Месопотамия и Османский Курдистан, а также Персия. С другой стороны, политические элиты новых национальностей, таких как курды, арабы, еврей-сионисты и армяне, выступили с инициативой создания национальных государств для своих соответствующих национальностей.

Что касается Курдистана, то Британия не только распространила свой контроль на южные курдские регионы, но и была напрямую вовлечена во все договоры, которые привели к разделу Курдистана между французской Сирией, британской Месопотамией и Турцией в период между 1920 и 1923 годами. Другими словами, если бы отстаивание британских интересов требовало формирования курдского государства в период 1918–1923 годов, Британия находилась в той позиции, чтобы

предпринять такой шаг, по крайней мере, в контролируемом Британией Южном Курдистане. Есть несколько примечательных примеров, когда консолидация британских интересов требовала создания новых государств на Ближнем Востоке. При этом нельзя недооценивать роль курдских националистических движений в вопросе невозникновения курдского государства. Эти движения были политически разделены в основном из-за преобладающей племенной структуры курдского общества. Курдистан, страна в основном суровых горных районов с нехваткой достаточного количества дорог, железных дорог и других средств связи, была бы, по мнению британцев, обречена на изоляцию. Что ещё хуже, так это проводимая британцами политика на местах, которая была сосредоточена на разрыве, а не на укреплении всех политических связей между контролируемым британцами Южным Курдистаном и остальными курдскими районами. В таких социальных, географических и политических условиях было крайне сложно политически сформировать общекурдистанскую националистическую организацию с единым руководством и чёткой стратегией и программой.

С учетом вышесказанного министр Востока Гертруда Белл убедила Т. Э. Лоуренса и Уинстона Черчилля, тогдашнего государственного секретаря по делам колоний, включить курдов в состав государства Ирак, чтобы гарантировать, что король Фейсал I будет править преимущественно суннитским населением. Именно эта точка зрения победила — с долгосрочными последствиями для курдов — точку зрения майора Эдварда Ноэля, политического офицера в Сулеймании, который выступал за независимое государство или автономию для курдов.

В целом же после бурного послевоенного периода с Лозаннским договором 1923 года, который сыграл важную роль в установлении контуров современной государственной системы Ближнего Востока, вопрос о курдском самоопределении перестал быть темой международной дипломатии. С тех пор курдский вопрос стал, по крайней мере с точки зрения великих держав, внутренним вопросом новообразованных национальных государств региона или, в редкие моменты, вопросом прав человека и меньшинств.

Обращающей на себя особенностью британской политики в отношении курдов было то, что британцы постоянно избегали любых действий, которые могли бы привести их к глубокому вовлечению в курдские дела. Только в конце 1919 года Британия начала формулировать хоть какие-то принципы, определяющие её подход к курдскому вопросу, а именно отрицание любого британского или иностранного мандата отдельно для Курдистана. По более прямым вопросам, касающимся будущего Курдистана, Британия ждала хода дебатов на мирной конференции, прежде чем принять свою окончательную позицию. Лондон стремился проводить такую курдскую политику, которая учитывала бы постоянно меняющиеся реалии в регионе, такие как рост кемалистского движения в Турции. При этом Франция, имперский соперник Британии, требовала территориальных и экономических компенсаций за отказ от Мосула, тогда как Америка была особенно заинтересована в армянском мандате. По вопросу установления тесных политических отношений с курдскими националистами британские официальные лица в Константинополе и Багдаде выражали серьёзные сомнения. Они особо выступали против любой британской поддержки курдских политических усилий или британского признания единого Курдистана. Они считали, что удовлетворение курдских националистических устремлений не принесёт пользы стратегическим интересам Великобритании, поскольку курдские националисты были незначительной политической силой в регионе. В своих отчётах в Министерство иностранных дел и Министерство по делам Индии другие должностные лица всё чаще критиковали курдские националистические движения и их основных сторонников, подчёркивая их разобщённость, отсутствие влияния и легитимности, а также предполагая, что они не имели отношения к реальности в Курдистане, поскольку давно жили за пределами его территории. Это касалось в первую очередь таких фигур, как Шариф паша и Бедирханы. Некоторые из их отчётов описывали курдских националистов как оппортунистов, а курдские националистические движения как не более чем племенные волнения, мотивированные страхом

курдских вождей перед европейским возмездием за предполагаемые военные расправы над христианами, в частности, армянами [Records of the Kurds, vol. 5, p. 145]. Британия выступала против любых попыток политической мобилизации курдов, какими бы мирными и законными ни были методы. Проведение независимых политических инициатив в Курдистане, по мнению британцев, должно было иметь опасные последствия для британских интересов, как это ранее продемонстрировало восстание шейха Махмуда в Южном Курдистане. Политически взрывоопасный Курдистан также мог привлечь внимание враждебных Британии держав, особенно большевистской России. На этом фоне Британская высшая комиссия в Константинополе недвусмысленно предупредила курдских лидеров, что политическая нестабильность и повстанческие движения в Курдистане негативно повлияют на позицию Великобритании по курдскому вопросу на мирной конференции. Таким образом, курдские лидеры столкнулись с дилеммой: с одной стороны, они чувствовали, что Британия ставит под сомнение их политическое влияние в Курдистане и силу курдских националистических настроений, с другой стороны, когда они пытались продемонстрировать степень своего влияния и масштаб курдской национальной мобилизации, британские чиновники предупредили их о крайне негативных последствиях, если они будут замечены в подготовке движения против турок или чего-либо в этом роде. Другими словами, курдские националисты не должны вызывать раздражения у турок своей политической деятельностью в Курдистане. Им следует дожидаться результатов мирной конференции. В то время как британская позиция была таковой, турецкие власти начали репрессивные кампании против курдских националистов, распустив их организации и комитеты, арестовывая курдских активистов и разгоняя их политические собрания в Константинополе и по всему Курдистану [Records of the Kurds, vol. 5, p. 256].

Когда британское правительство запросило информацию о подходящем лидере курдских националистов, с которым можно было бы вести диалог о курдских устремлениях на мирной конференции, британские чиновники в Константинополе и Багдаде констатировали отсутствие такого приемлемого курдского лидера. Они подчеркнули, что не существует ни курдского вопроса, ни курдского националистического движения и что влияние тех, кто утверждал, что представляет всех курдов, было минимальным для самих курдов на местах. Реальность курдских националистических движений значительно отличалась от того, что изображали эти британские чиновники. Помимо Исмаила Аги Симко, чьё влияние в основном ограничивалось его собственной племенной конфедерацией, влияние таких националистических лидеров, как шейх Абдулькадир, Бедирханы и шейх Махмуд, охватывало многие курдские регионы. Оно никоим образом не ограничивалось одним племенем или конфедерацией племён. Поэтому эти лидеры могут считаться не вождями племён, а именно национальными лидерами. Более того, курдские националистические движения включали высокопоставленных военных и гражданских деятелей, а также студентов, интеллектуалов и ремесленников. Основная курдская националистическая организация, «Курдский клуб», которая вела политическую пропагандистскую кампанию и мобилизовывала курдское общественное мнение за создание Курдистана, имела отделения по всему Северному и Западному Курдистану, например, в Диярбакыре, Сиирте, Сауи, Мардине и Джазире. Она привлекала в свои ряды курдских государственных служащих, ремесленников и офицеров из Османской армии и полиции.

Последствия британского правления можно суммировать следующим образом. Во-первых, это создание современного Ирака. Британцы создали современное государство Ирак, объединив три провинции Османской империи. Во-вторых, эта политика породила нестабильность: её главный принцип — «разделяй и властвуй» создал глубокие расколы в иракском обществе, которые продолжают влиять на политику страны по сей день. Британцы оставили Ирак зависимым от нефтяных доходов, что сделало его экономику уязвимой для колебаний цен на нефть. В-третьих, британское правление привело к значительным социальным и культурным изменениям в Месопотамии, включая введение западной системы образования и правовой системы.

Особую чувствительность британской колониальной политике придавали так называемые «акты возмездия» (в международном праве — reprisals), когда в ответ на убийства английских солдат и офицеров Великобритания предпринимала действия карающего свойства, как то бомбардировки королевскими ВВС непокорных племён, использование отравляющих газов как против арабов, так и против курдов, в том числе и с целью подавления восстания курдского шейха Махмуда Барзанджи⁶.

Во многих отношениях курдская политика, вроде бы наметившаяся на Каирской конференции, была свёрнута британскими Королевскими военно-воздушными силами (RAF), которые доказали свою чрезвычайную эффективность против турецких позиций в Ираке, а также в деле подавления второго восстания шейха Махмуда. Успех новой «воздушной технологии» бомбардировок окажется грозным оружием в руках британских реакционеров (в лице которых выступила и впервые победившая Лейбористская партия Британии), для которых опыт Ирака в период 1920–1923 годов стал победой сторонников использования воздушной военной техники с целью подавления повстанцев над военными традиционалистами и сторонниками гибкой линии в отношениях с курдами.

Курдское государство так и не возникло в силу указанных причин, лишь просуществовав в форме краткосрочного повстанческого государства «Королевство Курдистан», ограниченного территорией Сулеймании. Вопрос о курдском суверенитете здесь был закрыт вплоть до решения Великобритании и Соединенных Штатов после войны в Персидском заливе в 1991 году о создании местного курдского самоуправления, что явилось новой страницей на пути поиска курдского самоопределения.

Литература / References

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Полигтархив» F.O.S.W.I. № 66881/N/50/ April 2, 1917. Письмо послу Набокову [Archive of the Foreign Policies of the Russian Empire. Fund: Political Archive. F.O.S.W.I. № 66881/N/50/ April 2, 1917. Letter to the Ambassador Nabokov].

FO (Foreign Office.) 371/4192 Presis of Affair, p. 9.

PRO, AIR (Office of India) 20/513, Note on Rowanduz By Major W. R. Hay, P.O, Arbil.

PRO, AIR (Office of India) 20/512, Kurds And Kurdistan Affairs, pp. 137–144.

Лазарев М. С. *Империализм и курдский вопрос*. М.: Наука, 1989 [Lazarev M. *Imperialism and the Kurdish Question*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian)].

Bean C. E. W. Appendix 5: Australians in Mesopotamia. The A. I. F. in France: December 1917 — May 1918. *Official History of Australia in the War of 1914–1918*. Vol. V. Sydney, NSW: Angus & Robinson, 1941.

Eskender S. B. *From planning to partition: Great Britain's Policy Towards the Future of Kurdistan 1915–1923*. Hawler: Culture Press, 2012.

Hurewitz J. C. *The Middle East and North Africa in World Politics: A Documentary Record, Second Edition, Revised and Enlarged*. Vol. 2, British-French Supremacy, 1914–1945. New Haven and London: Yale University Press, 1979.

İşgal Yonetimi 1914–1918, İniltere Devlet Arşivi Raporu. Istanbul, 2016 (in Turkish).

Records of the Kurds. Territory, Revolt, Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Vol. 5.

Nicholson G. W. L. *Canadian Expeditionary Force 1914–1919. Official History of the Canadian Army in the First World War*. Ottawa: Queen's Printer and Controller of Stationery, 1962.

Olson R. Battle for Kurdistan. The Churchill-Cox Correspondence Regarding the Creation of the State of Iraq. 1921–1923. *Kurdish Studies. An International Journal*. 1992. Vol. 5. No. 1–2. Pp. 29–45.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Qatar Digital Library. www.qdl.qa

Aymer Haldane. *Resurrection in Mesopotamia 1920*. URL: <https://www.naval-military-press.com/product/insurrection-in-mesopotamia-1920/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁶ URL: <https://www.naval-military-press.com/product/insurrection-in-mesopotamia-1920/> (дата обращения: 25.01.2025).

ДИНАМИКА ТУРЕЦКО-БАШКИРСКОГО ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В XXI в.

© 2025

С. Л. Волкова¹

В статье рассматриваются торговые отношения между Турцией и субъектом РФ Республикой Башкортостан. Отмечается, что подписанный двусторонний договор, а после этого и межведомственные соглашения дали толчок активному развитию экономического сотрудничества. Проводится анализ объёма внешней торговли, структуры экспорта и импорта Турции с Башкортостаном за период, охватывающий более 20 лет. При этом подчёркивается, что сальдо внешней торговли для турецкой стороны было отрицательным. Однако, несмотря на преобладание турецкого импорта, экспорт Турции продолжал активно расти, притом что большую часть в нём составляла среднетехнологичная продукция. Отмечается, что для налаживания торгового сотрудничества республиками проводятся различные мероприятия, встречи и переговоры с целью расширения перспективных взаимоотношений, в которых заинтересованы обе стороны.

Ключевые слова: Турция, Башкортостан, торговое сотрудничество, объём внешней торговли, структура экспорта и импорта, перспективы

Для цитирования: Волкова С. Л. Динамика турецко-башкирского торгового сотрудничества в XXI в. Вестник Института востоковедения РАН. 2025. № 1. С. 195–202. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-195-202

THE DYNAMICS OF TURKISH–BASHKIR TRADE COOPERATION IN THE TWENTY FIRST CENTURY

Svetlana L. Volkova

The article examines the trade relations between Türkiye and the Republic of Bashkortostan, a constituent entity of the Russian Federation. It is noted that the signed bilateral agreement, and after that, interdepartmental agreements gave an impetus to the active development of economic cooperation. The analysis of the volume of foreign trade, the structure of exports and imports of Türkiye with Bashkortostan for a period spanning more than 20 years is carried out. At the same time, it is emphasized that the balance of foreign trade for the Turkish side was negative. However, despite the predominance of Turkish imports, Türkiye's exports continued to grow rapidly, despite the fact that most of them were medium-technology products. It is noted that in order to establish trade cooperation between the republics, various events, meetings and negotiations are being held in order to expand promising bilateral relations in which both sides are interested.

Keywords: Türkiye, Bashkortostan, trade cooperation, volume of foreign trade, structure of exports and imports, prospects

¹ Волкова Светлана Леонидовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник ИВ РАН, Москва; svet-200932@rambler.ru

Svetlana L. Volkova, PhD (Economics), research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS; Moscow; svet-200932@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1785-8957

For citation: Volkova S. L. The Dynamics of Turkish–Bashkir Trade Cooperation in the Twenty First Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 195–202. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-195-202

Турецкая Республика налаживала активное экономическое сотрудничество с субъектами и регионами Российской Федерации, действуя согласно подписанным соглашениям между странами и в рамках российских законов. Экономические отношения между Турцией и Республикой Башкортостан (РБ), начав активно развиваться ещё в 90-х годах после подписания двустороннего межправительственного соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 1996 года [Волкова, 2015, с. 465], продолжили данную динамику и в 2000-х гг. В 1997 г. Уфа и Анкара были объявлены городами-побратимами [Коптевский, 2003, с. 71].

Подписанное соглашение стало началом для серии новых договоров и соглашений между Республикой Башкортостан и Турецкой Республикой. На его основе были подписаны межведомственные соглашения о сотрудничестве, в том числе в области торговли, что дало толчок активному её развитию между сторонами.

Так, если в 1995 г. в общем объёме товарооборота Республики Башкортостан с 71 страной Турция находилась на 30-м месте с удельным весом 1,1% (объём внешней торговли сторон составил 15 млн долл.), то в 2001 г. объём двусторонней торговли вырос до 39 млн долл., и Турция переместилась на 11-е место с удельным весом 1,5% среди стран — торговых партнеров РБ.

Турецкий аналитик Фатих Йозбай отмечал, что энергичному развитию экономических отношений Башкортостана с партнёрами, в том числе и с Турцией, способствовал и тот факт, что Республика Башкортостан вошла в 2000-е годы, имея опыт 90-х годов по развитию международного сотрудничества [Fatih Özbay, 2013, s. 2032].

В начале второго десятилетия XXI века торговое сотрудничество сторон также демонстрировало рост. В 2011 г. объём внешней торговли составил 251 млн долл., в 2013 г. — 283 млн долл., а в 2015 г. вырос до 422 млн долл. Увеличение объёма торговли происходило за счёт активного наращивания Турцией импорта из Башкортостана. Так, в 2011 г. импорт составил 93,3% от общего объёма, в 2013 г. — 94%, а в 2015 г. — 96% совместной торговли².

В 2016 г. произошло резкое снижение объёма двусторонней торговли по сравнению с 2015 г. — в 1,8 раза из-за санкционирования торгово-экономических отношений (инцидент с российским самолётом) (по импорту отмечалось снижение в 1,5 раза, а по экспорту ещё более значительное — почти в 3 раза). Далее вплоть до 2019 г. наблюдалось снижение как импорта, так и экспорта. И только лишь с 2020 г., несмотря на пока ещё снижающийся импорт, было отмечено увеличение турецкого экспорта в 2 раза по сравнению с 2016 г. При этом в 2020 г. турецкое сальдо имело наименьшее значение за весь отмеченный период (–82 млн долл.). В 2021 и 2022 гг. продолжалось ежегодное увеличение экспорта в 2 раза, несмотря на период пандемии. В итоге объём внешней торговли в 2022 г. вырос и составил 286 млн долл. — увеличение по сравнению с 2019 г. в 2 раза (импорт вырос в 1,8 раза и составил 247 млн долл., а экспорт — в 8,8 раза (составил 38 млн долл.).

Таким образом, с начала 2000-х годов объём внешней торговли вырос с 29 млн долл. в 2000 г. до 280 млн долл. в 2022 г. — почти в 10 раз. И хотя во втором десятилетии 2000-х годов объём внешней торговли вырос незначительно (250 млн долл. в 2011 г. и 280 млн долл. — в 2022 г.), стоит отметить, что данные низкие показатели отмечались из-за его резкого падения в 2016 г. (с 420 млн долл. в 2015 г. до 230 млн долл. в 2016 г.). И к тому же немаловажным явилось и то, что за данный

² Рассчитано по: Статистические данные Приволжского таможенного управления. URL: <https://limited.ptu.customs.gov.ru/folder/146722/document/146724>.

десятилетний период более активно рос турецкий экспорт в Башкирию (если импорт увеличился всего лишь на 5%, то экспорт — почти на 60%)³.

За январь-март 2023 г. взаимный товарооборот Турции и Республики Башкортостан увеличился на 77,4% по сравнению с показателями аналогичного периода 2022 г., при этом турецкий импорт вырос на 71,7%, а экспорт увеличился в 3 раза относительно показателя предыдущего года. В целом в 2023 г. взаимный товарооборот увеличился на 111,7% по сравнению с 2022 г. За январь 2024 г. взаимный товарооборот Республики Башкортостан и Турецкой Республики увеличился на 83,6% в сравнении с показателем за январь 2023 г.⁴ А за первое полугодие 2024 г. в сравнении с соответствующим периодом 2023 г. увеличился на 23,5%⁵.

При этом Турция оставалась преимущественно импортёром башкирской продукции, хотя и старалась наращивать свой экспорт.

Стоит отметить, что для расширения товарооборота между сторонами ещё в начале 2000-х годов осуществлялись различные мероприятия, способствующие наращиванию взаимного интереса. Так, в Стамбуле в 2005 г. было открыто торговое представительство Башкортостана в Турции. Однако в марте 2016 г. Башкирия его ликвидировала, назвав в качестве причины экономическую неэффективность. Правительство начало готовить другие формы и способы представления потенциала Республики Башкортостан Турции.

Так, в декабре 2019 г. в Анкаре состоялось открытие офиса представителя Государственного комитета Республики Башкортостан по внешнеэкономическим связям на общественных началах Г. Туная. Отмечалось, что важным направлением работы представителя станет оказание содействия в продвижении продукции предприятий из Башкортостана на турецком рынке — они напрямую смогут обращаться к представителю⁶.

В 2019 г. Государственный комитет Республики Башкортостан по внешнеэкономическим связям открыл представительство в Анкаре. Целью деятельности представительства являлось развитие торговых отношений и делового сотрудничества между двумя странами, повышение уровня сотрудничества, выработка совместных решений, совместная деятельность инвесторов и содействие расширению экономических отношений сторон. Представитель Турции в Государственном комитете по внешнеэкономическим связям Республики Башкортостан Гянджехан Тунай отметил, что торговые отношения Турции и Башкортостана развиваются, но ещё не достигли желаемого результата. Представительство будет развивать социальные, экономические и торговые отношений обеих республик, налаживать сотрудничество турецкого народа с народом Башкортостана и улучшать уровень экономики сторон. Торговый представитель Российской Федерации в Турции Айдар Гашигуллин отметил, что Башкортостан является одним из самых развитых субъектов Российской Федерации, и открытие данного офиса будет способствовать дальнейшему укреплению торгово-экономических отношений между Россией и Турцией в целом⁷.

³ Там же.

⁴ Внешнеторговый оборот Башкортостана с Турцией вырос на 83,6%. Ашкадарские зори. 16 апреля 2024. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>.

⁵ RF Başkurdistan ile Türkiye arasındaki karşılıklı ticaret altı ayda yüzde 23,5 arttı. Dikgazete. 22.08.2024. URL: <https://www.dikgazete.com/haber/rf-baskurdistan-ile-turkiye-arasindaki-karsilikli-ticaret-alti-ayda-yuzde-23-5-artti-906545.html>.

⁶ В Анкаре открылось представительство Республики Башкортостан в Турецкой Республике. Газета «Башкортостан». 17.12.2019. URL: <https://rus.bashgazet.ru/politika/6596-v-ankare-otkrylos-predstavitelstvo-respubliki-bashkortostan-v-tureckoj-respublike.html>.

⁷ Başkurdistan Dış Ekonomik İlişkiler Devlet Komitesi'nce Ankara'da temsilcilik açıldı. Bursadabugün. 2019.12.14. URL: <https://www.bursadabugun.com/haber/baskurdistan-dis-ekonomik-iliskiler-devlet-komitesi-nce-ankara-da-temsilcilik-acildi-1223044.html>.

Также было открыто представительство АНО (автономная некоммерческая организация) Конгресс-бюро Башкортостана в Стамбуле и Анкаре (сентябрь 2020 г.). Данная организация является подведомственной организацией Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан. Цель её — развитие отношений между бизнесом обеих сторон. Она будет представлять интересы РБ по вопросам международных и внешнеэкономических связей в Турецкой Республике, участвовать в подготовке и согласовании проектов соглашений между республиками, в их реализации, содействовать в выполнении соглашений (кроме межпарламентских соглашений) и информировать об их исполнении. Кроме того, одна из важных её функций — определение и выявление перспектив сотрудничества и его приоритетных направлений, а также информационное обеспечение органов государственной власти РБ. Также представительство должно организовывать и проводить визиты, встречи и переговоры официальных лиц и делегаций двух республик. Содействие в организации встреч, выставок, форумов и презентаций станет важным направлением его работы. Ещё одно направление — содействие в продвижении продукции предприятий Республики Башкортостан на экспорт, помощь в привлечении инвестиций в РБ и реализации совместных проектов в различных сферах. Все эти меры способствовали налаживанию сотрудничества Турции с Башкортостаном. Турецкие предприниматели проявляли активный интерес к Башкирии. На Всероссийском инвестиционном сабантуе «Зауралье-2022» в Сибее в июне 2022 г. представители турецкой стороны отмечали, что Башкирия вошла в группу приоритетных направлений интересов Турции⁸.

Стоит отметить, что росту товарооборота двух республик в 20-е годы XXI века способствовало ещё несколько обстоятельств — прежде всего тот факт, что Турция не присоединилась к западным санкциям. В итоге турецкий экспорт за последнее время существенно вырос. К тому же турецкие компании начали поставлять в Россию европейские товары, производя реэкспорт.

Надо отметить, что за 20-летний период изменилась и структура турецкого экспорта. Если в начале 2000-х годов (2001) основными статьями являлись одежда и обувь (16,2%), продовольственные товары и сельхозсырьё (12,4%), а также металлы и изделия из них (12,4%), машины, оборудование и транспорт (5,9%), химические продукты и каучук (5,4%) [Волкова, 2006, с. 181], то в начале второго десятилетия (2021) первое место занимала статья «реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части» (27,5%), что говорит о том, что Турция экспортирует среднетехнологичные товары. В экспорте присутствовали также электрические машины, оборудование, их части (3,5%) и средства наземного транспорта (1%). Второе место принадлежало готовым продуктам из зерна злаков, муки, крахмала или молока и мучным кондитерским изделиям (24,8), а третье заняло какао и продукты из него (15,5%)⁹.

Таким образом, в экспорте Турции сегодня основное место занимают товары среднетехнологичных отраслей, а также продукция сельского хозяйства. Турция придерживается политики диверсификации экспорта, выступает в роли экспортёра оборудования, однако ей стоит наращивать объёмы своего экспорта, значительно меньшего по сравнению с импортом. Кроме того, она экспортирует продукцию сельского хозяйства, что говорит о пока ещё невысоком уровне производственного развития импортирующей стороны. Для Башкирии ввоз машин и оборудования, технологий и материалов является одним из перспективных направлений импорта. И Турция может обеспечить республику данным оборудованием, так как её экспорт машин и оборудования достаточно

⁸ На инвестсабантуе обсудили открытие турецкого консульства в Башкирии. Республика Башкортостан. Информационный сайт. URL: <https://resbash.ru/news/ekonomika/2022-06-03/na-investsabantue-obsudili-otkrytie-turetskogo-konsulstva-v-bashkirii-2829260>.

⁹ Рассчитано по: Статистический сборник. Таможенная статистика внешней торговли Республики Башкортостан. 2021 год / Федеральная таможенная служба. Приволжское таможенное управление. Отдел таможенной статистики. С. 68–70.

высокого уровня и отвечает международным стандартам. В то же время необходимо подчеркнуть, что ввоз потребительских товаров Башкортостану следует снизить за счёт роста отечественного импортозамещающего производства.

При рассмотрении турецкого импорта стоит отметить, что его структура за двадцатилетний период претерпела незначительные изменения и была более стабильной, чем структура экспорта. Так, в начале XXI века (2002) в импорте преобладали минеральные продукты и топливо (72%), на втором месте находилась статья «химические продукты и каучук» (16%), и на третьем — металлы и изделия из них (4%) [Волкова, 2006, с. 181]. Во втором десятилетии XXI века первые строчки турецкого импорта также занимали минеральные продукты, сырьё и химическая продукция. Правда, в отдельные годы на первое место выходили химические продукты (2021), а в 2022 г. около 30% турецкого импорта (1 место) составляли жиры и масла, на 2-м месте находились органические химические соединения (17,7%), а на 3-м — пластмассы (17%) (нефть и нефтепродукты занимали лишь 6-е место с долей 2,2%). В последние годы Турцию активно интересовала продукция лесопромышленного и агропромышленного комплексов. Также в импорте присутствовали статьи «реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства, их части; электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура», что говорит о попытках Башкортостана экспортировать более технологичную продукцию. Однако доли этих товаров были пока ещё незначительными (0,1%). В основном Турция импортировала низко-технологичную продукцию и сырьё, производимые Башкортостаном на экспорт.

По данным Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан, турецкий импорт в 2023 г. был представлен минеральными продуктами, продукцией химической промышленности. Также Турция закупала продовольственные товары и сырьё, древесину и целлюлозно-бумажные изделия, металлы и изделия из них, машиностроительную продукцию. За первые 3 месяца 2024 г. турецкий импорт на 80,1% был представлен минеральными продуктами и на 19,5% — продукцией химической промышленности¹⁰.

Таким образом, турецкий импорт (экспорт Башкортостана) в целом характеризуется невысокой степенью диверсификации, использования продукции наукоёмких отраслей, а также низким уровнем применения научных достижений в производстве. Башкортостану следует менять специализацию внешнеэкономического комплекса на экспорте продукции топливной промышленности и сельского хозяйства [Закиров, Трофимова, 2021, с. 31–32].

Республикой Башкортостан были разработаны федеральные проекты для расширения технологичности её экспортной продукции, такие как «Промышленный экспорт», «Экспорт продукции АПК» и «Системные меры развития международной кооперации и экспорта». Кроме того, развитию экономических отношений Башкортостана с Турцией, как и со всеми зарубежными странами, способствовали принятые РФ проекты и программы. Так, в рамках национальной цели «Достойный и эффективный труд и успешное предпринимательство», установленной Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474, осуществлялась реализация национального проекта «Международная кооперация и экспорт», целью которого являлось обеспечение к 2030 году реального роста экспорта несырьевых неэнергетических товаров не менее чем на 70% по сравнению с 2020 годом¹¹.

¹⁰ Взаимный товарооборот Башкортостана и Турции за полгода вырос на 23,5%. Информационный сайт Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/presscenter/news/651599/>.

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>.

Представители турецких фирм города Коньи высказывали свои намерения продолжать развивать торговое сотрудничество с Башкирией на встрече с членами башкирской делегации в июле 2022 г. в Торговой палате г. Коньи. Председатель Торговой палаты, оценив данные по внешней торговле между двумя странами в целом, а также отдельно и с Турцией, подчеркнул, что Башкортостан является для Турции важным торговым партнёром. Было отмечено также, что в 2020 г. объём их внешней торговли достиг 104 млн долл., при этом Турция заняла 12-е место среди основных торговых партнёров Башкортостана. А в 2021 г. Турция поднялась выше — на 7-е место, при этом увеличив объём торговли в 2 раза (до 208 млн долл.). Особое значение для роста внешней торговли имели мероприятия, проводимые Торговым представительством Башкортостана в Турции. Представитель ТР отметил, что Конья готова к любой совместной работе, т. е. турецкая сторона выразила готовность к развитию сотрудничества между фирмами города Коньи и Башкортостана. При этом подчеркивалась роль и значимость Коньи во внешней торговле не только с Башкортостаном, но и с другими странами (Конья по данным за 2021 г. находилась на 6-м месте среди всех вилайетов Турции). Башкирская сторона, подчеркивая важность и значимость сотрудничества с Турцией в целом и с Коньей в частности, заявила о перспективах развития экономического и торгового сотрудничества и заключения новых проектов¹².

В апреле 2023 г. во время встречи руководителей Республики Башкортостан с турецкими бизнесменами на форуме «Международная кооперация и экспорт» были рассмотрены в том числе и перспективы поставок башкирской сельскохозяйственной продукции в Турцию¹³.

Министр внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан М. Большечева, выступая в мае 2023 г. на XIV международном экономическом форуме «Россия — Исламский Мир: KAZANFORUM 2023», отметила важность и значимость сотрудничества Башкирии и Турции, подчеркнув, что «регионы — основной драйвер развития внешнеэкономических отношений страны (РФ)»¹⁴.

Глава Республики Башкортостан Радий Хабиров в интервью новостному каналу СНН Тюрк (CNN Türk) в марте 2024 г. заявил: «Наши двери и сердца открыты, и мы готовы для совместных проектов», отметив высокий уровень торговых отношений между двумя республиками и возможность перспектив сотрудничества¹⁵.

В 2021 г. Турция заняла 3-е место (5,1%) по экспорту и 12-е место по импорту (2,3%) среди стран-партнёров РБ. В 2022 г. Турция по объёму торговли заняла 6-е место, а по итогам 2023 г. — 2-е место, сохранив данную позицию и в январе 2024 г.¹⁶ При этом, если рассмотреть общий товарооборот РБ в 2022 г. (5,1 млрд долл.), то на торговлю с Турцией приходилось 5,6%. А относительно объёма внешней торговли Турции (618 млрд долл.) на Башкортостан приходилось всего 0,04%. Таким образом, для сторон открываются выгодные перспективы наращивания сотрудничества.

Потенциал сотрудничества реализован, по мнению сторон, далеко не полностью. Стороны имели более грандиозные планы относительно объёмов внешней торговли. Так, ещё в октябре 2021 г. в Стамбуле председатель Турецко-Российского делового совета Иззет Экмекчибаши

¹² Başkurdistan'a yatırım çağrısı. URL: <https://www.merhabahaber.com/baskurdistan-yatirim-cagrisi-1855128h.htm>.

¹³ Türk şirketi "Agropro" Tataristan'da un fabrikası kuracak. URL: <https://turktatar.com/turk-sirketi-agropro-tataristanda-un-fabrikasi-kuracak/>.

¹⁴ Маргарита Большечева: «Регионы — основной драйвер развития внешнеэкономических отношений страны». URL: <https://pravitelstvorb.ru/news/20956/>.

¹⁵ Başkurdistan Cumhuriyeti Başkanı Habirov CNN TÜRK'e konuştu: Türkiye'ye çok yakın hissediyoruz. CNN Türk. 17.03.2024. URL: <https://www.cnnturk.com/video/dunya/baskurdistan-cumhuriyeti-baskani-habirov-cnn-turke-konustu-turkiyeye-cok-yakin-hissediyoruz-2096470>.

¹⁶ Экспортный потенциал Республики Башкортостан. Инвестиционный портал Республики Башкортостан. URL: <https://investrb.ru/ru/bashkortostan/export-potential/>.

на встрече с представителями турецких компаний, бизнес-объединений и органов государственной власти Турции в ходе презентации торгово-экономического и инвестиционного потенциала Башкирии подчеркнул, что есть планы по доведению внешнеторгового оборота между Башкирией и Турцией до 1 млрд долл.¹⁷ Однако по факту объёмы внешней торговли сторон имели более скромные цифры.

Обе стороны заинтересованы в дальнейшем развитии отношений. Нарращивание объёмов внешней торговли принесёт новые позитивные сдвиги в экономическом росте республик.

Литература/ References

Волкова С. Л. Некоторые аспекты экономического сотрудничества Турции с субъектами Российской Федерации — Северного Кавказа, Поволжья и Урала. *Сборник статей Современная Турция: проблемы и решения*. М.: ИБВ, ИВ РАН, 2006. С. 173–183 [Volkova S. L. Some aspects of economic cooperation between Turkey and the subjects of the Russian Federation—the North Caucasus, the Volga region and the Urals. *Collection of articles Modern Turkey: problems and solutions*. Moscow: IBV, IV RAS, 2006. Pp. 173–183 (in Russian)].

Волкова С. Л. Экономическое сотрудничество Турции и республик Российской Федерации с преобладающим мусульманским населением. *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2015. № 9. С. 465–478 [Volkova S. L. Economic cooperation between Turkey and the republics of the Russian Federation with a predominantly Muslim population. *Islam in the Middle East*. 2015. No. 9. Pp. 465–478 (in Russian)].

Закиров И. В., Трофимова Н. В. Внешнеэкономические связи Республики Башкортостан: состояние, проблемы, география. *Актуальные проблемы экономики и общества. Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2021. № 4 (160). С. 31–32 [Bashkortostan: status, problems, geography. *Actual problems of the economy and society. Economics and Management: a scientific and practical journal*. 2021. No. 4 (160). Pp. 31–32 (in Russian)].

Коптевский В. Н. *Россия — Турция: этапы торгово-экономического сотрудничества*. М.: ИВ РАН, 2003. 338 с. [Koptevsky V. N. *Russia — Turkey: stages of trade and economic cooperation*. Moscow: IV RAS, 2003. 338 p. (in Russian)].

Токарева Г. Ф. Анализ деятельности экспортно ориентированных предприятий Республики Башкортостан. *Интеллектуальный и научный потенциал XXI века: сб. ст. Международной научно-практической конф. (Уфа, 1 фев. 2016 г.)*. Уфа, 2016. С. 178–181 [Tokareva G. F. Analysis of the activities of export-oriented enterprises of the Republic of Bashkortostan. *Intellectual and scientific potential of the XXI century: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (Ufa, February 1, 2016)*. Ufa, 2016. Pp. 178–181 (in Russian)].

Fatih Özbay. Geçmişten Günümüze Başkurdistan Cumhuriyeti. *YENİ TÜRKİYE. Stratejik Araştırma Merkezi*. 54/2013. S. 2031–2045 [Fatih Özbay. The Republic of Bashkortostan from the Past to the Present. *THE NEW TURKEY. Strategic Research Center*. 54/2013. S. 2031–2045 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

В Анкаре открылось представительство Республики Башкортостан в Турецкой Республике. Газета «Башкортостан». 17.12.2019. URL: <https://rus.bashgazet.ru/politika/6596-v-ankare-otkrylos-predstavitelstvo-respubliki-bashkortostan-v-tureckoj-respublike.html> (дата обращения: 09.09.2024).

Взаимный товарооборот Башкортостана и Турции за полгода вырос на 23,5%. Информационный сайт Министерства внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/presscenter/news/651599/> (дата обращения: 09.09.2024).

¹⁷ Турки объявили о намерении довести торговый оборот с Башкирией до 1 млрд долларов в год. Эксперт-Урал. 6 октября 2022. URL: https://dzen.ru/a/Yz6lQFkkQC1Cd_Ix.

Внешнеторговый оборот Башкортостана с Турцией вырос на 83,6%. Ашкадарские зори. 16 апреля 2024. URL: https://ashzori.ru/news/common_material/2024-04-16/vneshnetorgovyy-oborot-bashkortostana-s-turtsiey-vygos-na-83-6-3729234 (дата обращения: 13.09.2024).

«Здесь очень теплое отношение к бизнесу и минимум бюрократических барьеров» /Журнал Асылкуль. 27 мая 2023. URL: <https://asilikul.ru/articles/godpoleznihdel/2023-05-27/zdes-ochen-teploe-otnoshenie-k-biznesu-i-minimum-byurokraticheskikh-barierov-3279158> (дата обращения: 02.11.2024).

На инвестсabantue обсудили открытие турецкого консульства в Башкирии. Республика Башкортостан. Информационный сайт. URL: <https://resbash.ru/news/ekonomika/2022-06-03/na-investsabantue-obsudili-otkrytie-turetskogo-konsulstva-v-bashkirii-2829260> (дата обращения: 02.09.2024).

Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 13.09.2024).

Başkurdistan Dış Ekonomik İlişkiler Devlet Komitesi'nce Ankara'da temsilcilik açıldı. Bursadabugün. 2019.12.14. URL: <https://www.bursadabugun.com/haber/baskurdistan-dis-ekonomik-iliskiler-devlet-komitesi-nc-ankara-da-temsilcilik-acildi-1223044.html> (дата обращения: 22.11.2024).

Başkurdistan'a yatırım çağrısı. URL: <https://www.merhabahaber.com/baskurdistanaya-yatirim-cagrisi-1855128h.htm> (дата обращения: 02.09.2024).

RF Başkurdistan ile Türkiye arasındaki karşılıklı ticaret altı ayda yüzde 23,5 arttı. Dikgazete. 22.08.2024. URL: <https://www.dikgazete.com/haber/rf-baskurdistan-ile-turkiye-arasindaki-karsilikli-ticaret-alti-ayda-yuzde-23-5-artti-906545.html> (дата обращения: 09.11.2024).

Türk şirketi “Agropro” Tataristan'da un fabrikası kuracak. URL: <https://turktatar.com/turk-sirketi-agropro-tataristanda-un-fabrikasi-kuracak/> (дата обращения: 30.11.2024).

ТУРЦИЯ – ЕС: ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

© 2025

А. Г. Гаджиев¹

История отношений между Турцией и ЕС — это сложный, многогранный, неоднозначный процесс со множеством парадоксов. В исследованиях, посвящённых изучению данного процесса, на протяжении последних десятилетий применялись разные подходы, которые с течением времени в связи с возникновением новых факторов подвергались заметным изменениям, что даёт основание говорить о некоей эволюции подходов, применяемых к изучению непростых турецко-европейских отношений.

Ключевые слова: Турция, ЕС, «правовое наследие ЕС», евроинтеграция, цивилизационный подход, комплексный подход

Для цитирования: : Гаджиев А. Г. Турция — ЕС: эволюция подходов к изучению взаимного сотрудничества в первой четверти XXI в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 203–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-203-210

TÜRKIYE – EU: EVOLUTION OF APPROACHES TO THE STUDY OF COOPERATION IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Amur G. Gadzhiev

The history of relations between Türkiye and the EU is a complex, multifaceted, ambiguous process with many paradoxes. In the studies devoted to the study of this process, different approaches have been used over the past decades, which over time have undergone significant changes due to the emergence of new factors, which gives reason to speak of a certain evolution of the approaches used to study the difficult Turkish-European relations.

Keywords: Türkiye, EU, “acquis communautaire”, European integration, civilizational approach, comprehensive approach

For citation: Gadzhiev A. G. Türkiye — EU: Evolution of approaches to the study of mutual cooperation in the first quarter of the 21st century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 1. Pp. 203–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-203-210

¹ Гаджиев Амур Гаджибабаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; a.gadzhiev@ivran.ru

Amur Gadzhiev, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; a.gadzhiev@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-9870-3171

Вот уже более четверти века Турция является государством-кандидатом на вступление в Европейский союз. Переговоры о её вступлении в ЕС в качестве полноправного участника в том или ином виде длятся около двух десятилетий. На протяжении переговорного процесса менялось не только отношение сторон друг к другу, но и исследовательские подходы к изучению сложных и многогранных связей между Анкарой и Брюсселем. Эволюция подходов во многом была обусловлена, с одной стороны, трансформацией их к теории международных отношений в целом и интеграционным процессам в частности; с другой — возникновением новых факторов, влияющих на развитие отношений Турции и ЕС. Для Европы вопрос о вступлении Турецкой Республики в ЕС остаётся одним из наиболее проблематичных. В Турции данный вопрос и вовсе связывают с проблемой самоидентификации, а также с дальнейшим общественно-политическим и экономическим развитием страны. В настоящей статье осуществлена попытка проследить эволюцию исследовательских подходов к изучению истории развития отношений Турции и ЕС в первой четверти XXI в., а также определить причины смены подходов.

В декабре 1999 г. на саммите Европейского совета в Хельсинки Турция получила статус страны-кандидата на вступление в Евросоюз. В республике начались кардинальные перемены, которые осуществлялись в соответствии с требованиями и рекомендациями, указанными в Европейской стратегии для Турции 1998 г. и первых отчетах ЕС о развитии Турции. Начался процесс ускоренной адаптации турецкого законодательства к «правовому наследию» («*acquis communautaire*») ЕС; в частности, была проведена масштабная ревизия Гражданского кодекса и других нормативно-правовых актов республики, в стране начались политические и экономические реформы. В июле 2000 г. при аппарате премьер-министра был создан Генеральный секретариат по взаимодействию с ЕС.

В 2000 г. Еврокомиссия подготовила документ о партнёрстве по турецкой евроинтеграции (Turkish Accession Partnership), своего рода «дорожную карту» по присоединению Турции к ЕС с подробным перечнем необходимых реформ². В 2001 г. Европейский совет принял Резолюцию о принципах, приоритетах, промежуточных целях и условиях, содержащихся в документе о партнёрстве с Турецкой Республикой по её присоединению к ЕС³. В свою очередь в Турции в том же году была опубликована национальная программа, в рамках которой были подготовлены «законодательные меры по гармонизации турецкого законодательства с правовым наследием ЕС»⁴. Первый пакет поправок был принят в октябре 2001 г., второй — в марте 2002 г., третий — в августе 2002 г.⁵

Также необходимо отметить, что после экономического кризиса 2001 г. те меры, которые были предприняты в рамках программы министра экономики Кемаля Дервиша (2001–2002), особенно в банковской сфере, придали турецкой экономике новый импульс, что обеспечило ей определённое улучшение и стабильность. А поскольку в это время наметилась относительно стабильная линия и в политике, в европейских отчётах Турция получала весьма неплохие оценки с оптимистичными прогнозами относительно её вступления в Европейский союз⁶.

² Turkish Accession Partnership prepared by EU Commission (Unofficial Translation) No:211 — November 8, 2000. URL: https://www.mfa.gov.tr/_turkish-accession-partnership-prepared-by-eu-commission-_br_unofficial-translation__br_no_211-_november-8_-2000.en.mfa (дата обращения: 15.01.2025).

³ Council Decision of 8 March 2001 on the principles, priorities, intermediate objectives and conditions contained in the Accession Partnership with the Republic of Turkey (2001/235/EC), Official Journal of the European Communities, 24.3.2001, L 85/13. URL: https://www.ab.gov.tr/files/ab_iliskileri/tur_en_realitons/apd/turkey_apd_2001.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ AB Müktesebatının Üstlenilmesine İlişkin Türkiye Ulusal Programı, T. C. Dışişleri Bakanlığı Avrupa Birliği Başkanlığı. URL: https://www.ab.gov.tr/_195.html (дата обращения: 15.01.2025).

⁵ Özsöz M., İktisadi Kalkınma Vakfı ve Türkiye’de Demokratik Reform Süreci, Türkiye İnsan Hakları Kurumu — TİHK, 27 Mart 2014, İstanbul. URL: <https://www.ikv.org.tr/images/upload/data/files/tihksunum.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

⁶ 2002 Regular Report on Turkey’s Progress Towards Accession, Brussels, 09.10.2002 SEC(2002) 1412. URL: https://www.ab.gov.tr/siteimages/birimler/kpb/tr_rep_20061998/2002_tr_rap.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

Кроме того, в условиях, возникших после терактов 11 сентября 2001 г., Европа испытывала необходимость в улучшении своего имиджа среди мусульман и их отношения к Западу в целом. В связи с этим было важно продемонстрировать развитие отношений с Турцией как со страной, подавляющая часть населения которой — мусульмане, не только как с внешним партнёром, но и как с кандидатом на полноправное участие в осуществлении общеевропейской политики.

Однако в это же время стали проявляться и различия в исторических подходах к евроинтеграции. Одни рассматривали Евросоюз в узком смысле сквозь призму культурно-цивилизационных особенностей, другие же видели в ЕС некий своеобразный эксперимент европейской интеграции, участие в котором представлялось возможным путём демонстрации приверженности целям и ценностям Европейского союза. Подходы в отношении Турции также подвергались воздействию со стороны данных различий во взглядах. Некоторые консервативные силы ЕС стали прилагать ещё больше усилий с тем, чтобы подвергнуть сомнению способности Турции адаптироваться к критериям ЕС [Duman, 2005, s. 79].

В ноябре 2002 г. в Турции сменилась власть. По итогам парламентских выборов победу одержала Партия справедливости и развития (ПСР) Реджепа Тайипа Эрдогана, получившая почти две трети мест в парламенте и сформировавшая однопартийное правительство. В ЕС в связи с этим возникли некоторые опасения, поскольку делались предположения, что с приходом к власти так называемых «умеренных исламистов» Турция может взять курс на геополитическую переориентацию [Гаджиев, 2011, с. 161–163]. Однако лидеры ПСР в своих выступлениях всячески подчёркивали, что курс на вступление в ЕС является для правительства приоритетом. Заявления подтверждались и делом. Именно на первые годы правления ПСР пришёлся наиболее существенный прорыв в отношениях с Европейским союзом⁷.

В 2004 г. Еврокомиссия, посчитав, что Турция в достаточной степени отвечает политическим критериям ЕС, рекомендовала начать переговоры о приёме республики в Евросоюз. Турции, в свою очередь, было рекомендовано продолжать политические реформы, укреплять законодательную власть за счёт ослабления политической роли Совета национальной безопасности и армии, признать Республику Кипр, улучшить отношения с Арменией и привести в соответствие с европейским законодательством правовое положение национальных и религиозных меньшинств, включая их право на информацию и получение образования на родном языке⁸.

На саммите в Брюсселе в декабре 2004 г. Европейский совет назначил дату начала официальных переговоров с Турцией о вступлении. Переговоры стартовали 3 октября 2005 г. Турецкие преобразования продолжали получать положительную оценку в европейских отчётах. Особенности аплодисменты в ЕС получали реформы в турецких вооружённых силах. Во внешней политике Турция предпринимала попытки по налаживанию отношений с соседними странами — Грецией, Кипром и Арменией. Несмотря на ограниченные результаты, в целом с точки зрения соответствия стандартам ЕС отмечалась позитивная динамика⁹. Однако эйфория длилась недолго. И тут наступил момент, когда стало очевидно, что оценивать текущее состояние и прогнозировать дальнейшие перспективы отношений Турции и ЕС, руководствуясь лишь общими критериями, на основе

⁷ Birekul M., Türkiye'nin Avrupa Birliği üyeliğine karşı Avrupa'da yükselen kültürcü söylem ve din faktörü: Avrupa basınından okumalar. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/184293> (дата обращения: 16.01.2025).

⁸ 2004 Regular Report on Turkey's progress towards accession, Brussels, 06.10.2004 SEC(2004) 1201. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/document/download/77ee996a-2d6c-4f5e-9e76-2a806672881e_en?filename=rr_tr_2004_en.pdf (дата обращения: 13.01.2025).

⁹ Turkey 2005 Progress Report, Brussels, 9 November 2005 SEC (2005) 1426. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/document/download/07735786-3baa-4304-aeb1-3aaa321e24d3_en?filename=sec_1426_final_progress_report_tr_en.pdf (дата обращения: 13.01.2025).

которых Брюссель определял готовность европейской страны к принятию на себя обязательств членства, практически невозможно.

Многие исследователи стали приходиться к выводу, что эти отношения нельзя было рассматривать только сквозь призму статистики. Нельзя спрогнозировать их дальнейшее развитие, руководствуясь отчётами ЕС о развитии Турции, копенгагенскими или маастрихтскими критериями. Поскольку Турция по своим экономическим и политическим показателям находилась на приемлемом уровне и вполне могла претендовать на полноправное участие в европейских делах [Morgil, 2006, ss. 91–102]. Однако, несмотря на выполнение определённых европейских требований, каких-либо заметных подвижек в развитии турецко-европейских отношений не наблюдалось. Соответственно для описания турецко-европейского взаимодействия нужно было вводить дополнительные параметры.

При изучении турецкой литературы по этой теме того времени можно увидеть, что турецкие эксперты были склонны считать, что одним из главных препятствий на пути к вступлению в ЕС является религиозная принадлежность. То есть, если говорить простыми словами, «мусульманскую» Турцию не хотели принимать в «христианский клуб» европейских государств [Köylü, Turan, 2010, ss. 5–34]. Позицию ЕС достаточно красноречиво в своё время озвучил тогда ещё будущий, ныне бывший председатель Европейского совета Херман Ван Ромпёй. Ещё в 2004 г., то есть в то самое время, когда турецко-европейское сближение достигло своего пика, он заявил следующее: «Турция — не часть Европы и никогда не станет её частью. Расширение ЕС за счёт Турции не может быть приравнено к любым расширениям, имевшим место в прошлом. Универсальные ценности, которые воплощают могущество Европы и которые являются фундаментальными ценностями Христианства, потеряют силу с присоединением большого исламского государства — такого, как Турция»¹⁰.

Другие исследователи, и не только турецкие, писали, что надо смотреть шире — и предлагали различные цивилизационные подходы — от их столкновения до стратегического альянса¹¹. В какой-то мере этот подход оказался полезным, поскольку предполагал, что Турция в силу своих цивилизационных особенностей не смогла бы долго сосуществовать с европейскими государствами в рамках единого интеграционного образования. И в некоторой степени инструментарий культурно-цивилизационного подхода предоставлял исследователям недостающие дополнительные элементы при описании системы турецко-европейских взаимоотношений. В основном писали, что Турция кардинально изменилась. И она уже не форпост Запада и не его придаток, не окрестность Европы и не мост между Европой и Азией или между мусульманским и христианским мирами. Турция, по их мнению, уже сама является центром силы многополярного мира¹².

Действительно, в 2000-е годы Турция смогла добиться весьма высоких показателей ежегодного экономического роста в условиях, когда во многих странах ЕС, особенно после 2008 г., наблюдалась серьёзная экономическая рецессия. Как следствие, правительство ПСР почувствовало в себе силы уйти от жёсткой привязки реформ к требованиям ЕС. В общественном сознании политическая элита последовательно старалась укрепить мысль о самоценности реформ: о том, что цель проводимых преобразований — это не вступление Турции в ЕС, а повышение качества жизни граждан независимо от перспектив вступления в объединённую Европу.

¹⁰ Phillips L., Van Rompuy: 'Turkey will never be part of Europe', EU Observer, Brussels, 18.11.2009. URL: <https://euobserver.com/eu-political/29016> (дата обращения: 14.01.2025).

¹¹ Yıldırım E., Medeniyetler İttifakı ve AB, TASAM, 18 Ocak 2008. URL: https://tasam.org/tr-TR/Icerik/764/medeniyetler_ittifaki_ve_ab (дата обращения: 14.01.2025).

¹² Göral E., Çok Kutuplu Dünya Düzeni Arayışları: Avrupa Birliği'nin Türkiye'yi Konumlandırması. URL: <https://abakus.inonu.edu.tr/server/api/core/bitstreams/c9a09aa6-0ac7-4ec8-8180-c361b074482b/content> (дата обращения: 14.01.2025).

Кроме того, во второй половине 2000-х годов Турция стала наращивать своё влияние в регионе Ближнего и Среднего Востока. Возросшие амбиции регионального лидерства и уверенность в собственных экономических силах привели к тому, что прежняя привлекательность ЕС существенно ослабла как в общественном мнении, так и среди политической элиты. Если в 2004 г. вступление в ЕС поддерживало более 75% населения Турции, то к концу 2014 г. этот показатель упал до 28%¹³.

И хотя лидеры ПСР постоянно подчёркивали неизменность курса на вступление в ЕС, прежний энтузиазм уже не наблюдался. Общая динамика либерализации замедлилась, а реформы продолжились лишь в сферах, где это отвечало интересам правящей элиты. Однако, несмотря на скепсис в отношении Брюсселя и его политики, Европа как культурно-цивилизационная сущность и модель развития не просто сохранила своё значение, но гораздо интенсивнее стала использоваться в качестве референтной точки в оценках реформ, политического режима или стандартов повседневной и общественной жизни [Гаджиев, 2015, с. 377–378].

Отдельно многими экспертами отмечается, что в первом десятилетии XXI в. Турция и ЕС одновременно находились в поисках идентичности. В плане евроинтеграции этот период стал этапом глубоких и ускоренных преобразований. В этот относительно небольшой отрезок времени ЕС столкнулся со сложной проблемой осуществлять одновременно и расширение, и углубление интеграции [Çalış, 2016, ss. 403–412].

Такое положение дел усложняло для ЕС задачу определить подход в отношении Турции. Поскольку, во-первых, трудно было определить размеры, характер и содержание расширения на Восток. В период с 2004 по 2007 г. Евросоюз завершил большую волну расширения, включив в свой состав 10 стран Центральной и Восточной Европы, а также Республику Кипр и Мальту. Количество стран-членов ЕС достигло 27, было 15. Новые страны с политической и экономической точек зрения заметно отличались от прежних стран ЕС. И это было серьёзной проблемой для Евросоюза. В результате расширения на Восток увеличились географические границы ЕС, появились новые соседи и проблемы. Влияние ЕС как международного актора расширилось. Однако расширенное влияние породило и потребность в разработке новых стратегий и новых инструментов для их реализации. Стало очевидно, что дальнейшее расширение такими темпами невозможно. Возникла необходимость в разработке новой модели взаимодействия с другими странами.

Во-вторых, с расширением границ ЕС на повестку дня стал выноситься вопрос о том, где эти границы должны заканчиваться. В Европе размышляли над тем, какие государства и по каким критериям могут быть приняты в ЕС, а с какими должны выстраиваться «привилегированные партнёрства» или «особые отношения». В Европе не было однозначного мнения относительно целей и содержания евроинтеграции. Поиски «европейской идентичности», а также характерных качеств, необходимых для принятия этой идентичности, так и не увенчались успехом.

В-третьих, для того чтобы считать расширение успешным, Евросоюз должен был и после этого углублять интеграцию и нормально при этом функционировать. Перед Евросоюзом стояла непростая задача пересмотреть и адаптировать под текущие реалии свою институциональную структуру, функции и полномочия отдельных институтов, цели и вектор развития, демократическую легитимность, географические границы и роль на международной арене. При этом интеграционный процесс должен был заручиться поддержкой европейской общественности.

В результате больших усилий был разработан Конституционный договор ЕС, возникший вследствие длительных, сложных и многоформатных переговоров. Однако и он оказался

¹³ Akdemir E., Türkiye’de kamuoyunun AB’ye bakışının genel seyri (1987–2017). URL: <https://ataum.ankara.edu.tr/wp-content/uploads/sites/209/2018/12/Akdemir-30.-Yil-Armagani.pdf> (дата обращения: 17.01.2025).

недостаточным. В итоге был принят Лиссабонский договор, подменивший собой непринятую конституцию.

Такой сложный период евроинтеграции вынудил Брюссель иначе взглянуть на характер взаимодействия с Анкарой, перед которой в это время тоже стояли непростые задачи. Она должна была заново определить саму себя, обозначить вектор своего развития и дальнейших преобразований.

С конца 2000-х годов уровень влияния ЕС на внутривластные процессы в Турции демонстрирует нисходящую траекторию. Среди негативных факторов этого процесса исследователи выделяют следующие: 1) «политическое отчуждение», проявляемое Брюсселем в отношении Анкары; 2) «усталость» ЕС от пятого, наиболее масштабного в истории расширения; 3) спад в мировой экономике, начавшийся с кризиса в финансовом секторе США в 2007–2008 гг. [Çalış, 2016, ss. 415–423].

Во втором десятилетии XXI в. многие исследователи отмечают, что в турецком внешнеполитическом самосознании произошёл серьёзный скачок. Евросоюз уже начал рассматриваться Турцией не как продвинутое объединение развитых и богатых государств, а лишь как один из многих культурно-цивилизационных центров силы полицентричного мира. Росло убеждение, что объединение «христианского мира» побуждает к объединению «мусульманского мира». Соответственно вставал вопрос: а кто возглавит этот «мусульманский мир»? Вакантное место, претензии на которое в Турции стали восприниматься делом естественным.

В то же время культурно-цивилизационный подход имел свои недостатки. Если Турция определяла свою внешнюю политику через культурно-цивилизационную самоидентификацию, то как тогда объяснить её стремление войти в «христианский» ЕС, её участие в «христианских» вооруженных силах ЕС, просуществовавших до 2011 г., да и вообще — что Турция делает в НАТО? То есть вставали вопросы соотношения национальной обороны и коллективной безопасности. В Турции стали появляться собственные трактовки стратегии «передовой обороны». Опора на защиту национальных интересов укрепляла в Турции прагматическое мировоззрение реализма. Аргументы культурно-цивилизационного подхода становились всё менее убедительными.

В середине второго десятилетия XXI в. европейцы столкнулись с проблемой бесконечных притоков мигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. В Брюсселе стали больше внимания уделять Турции, посвящая ей заметную часть заседаний своих саммитов в надежде придать ей функции так называемого «буфера» для беженцев, которые использовали бы турецкую территорию в качестве перевалочного пункта на пути в «богатую Европу».

Турецко-европейские отношения стали рассматриваться сквозь призму попыток обеспечения региональной и международной безопасности. Ввод новых переменных, таких как незаконные мигранты, региональные конфликты, спорные месторождения в Средиземном море и др., повлек за собой необходимость в корректировке способов решений, окончательным итогом которых должно было стать не единое интеграционное объединение, а обеспечение коллективной безопасности. К примеру, среди проблем взаимодействия Турции и ЕС в Восточном Средиземноморье в 2018–2020 гг. выделяются следующие: 1) наличие застарелых конфликтов, связанных с неразрешённой кипрской проблемой и спорами по разграничению морских пространств в Восточном Средиземноморье, в т. ч. в акватории Эгейского моря; 2) отсутствие как между ЕС и Турцией, так и в странах ЕС общих взглядов и опасений относительно гуманитарной ситуации в Сирии и Ливии, а также разные взгляды этих стран на проблему проникновения нелегальных мигрантов в Европу через средиземноморские маршруты и Балканы; 3) различия в подходах по разрешению ситуации в Ливии и несовпадение интересов стран ЕС и Турции относительно форматов ливийского урегулирования, а также отсутствие единых общепринятых механизмов применения эмбарго на поставки

оружия в Ливию. То есть кардинальным образом изменились как цели, так и средства их достижения, а также условия их реализации [Гаджиев, 2022, с. 221–222].

Таким образом, отношения Турции и ЕС носят сложный, многогранный и многоформатный характер. Вступление в Евросоюз остаётся стратегической целью Анкары. При этом динамика развития турецко-европейских связей далеко не всегда позитивна. С другой стороны, отношения Анкары и Брюсселя характеризуются достаточно изменчивой повесткой и весьма подвижной шкалой критериев оценки текущего состояния и динамики развития турецкой евроинтеграции. Факторы, оказывающие влияние на развитие турецко-европейских отношений, весьма разнообразны. Соответственно, для понимания и описания логики турецкой евроинтеграции требуются методы комплексного подхода, предполагающие разностороннее изучение данного исторического процесса на основе сочетания теоретических и методологических наработок различных дисциплин. В противном случае исследователь рискует прийти к довольно противоречивым и парадоксальным выводам.

Литература / References

Гаджиев А. Г. Исламский фактор в отношениях между Турцией и ЕС. *Исламский фактор в истории и современности*. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульянов. М.: ИВ РАН, 2011 [Gadzhiev A. G., Islamic factor in relations between Turkey and the EU. *Islamic factor in history and modernity*. Ed. V. Ya. Belokrenitsky, N. Yu. Ulchenko; Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2011 (in Russian)].

Гаджиев А. Г. Проблемы национальных меньшинств в Турции (по материалам отчётов Еврокомиссии о прогрессе Турции на пути к членству). *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульянов. М.: ИВ РАН, 2015 [Gadzhiev A. G., Problems of National Minorities in Turkey (based on the European Commission reports on Turkey's progress towards membership). *Nations and Nationalism in the Muslim East*. Ed. V. Ya. Belokrenitsky, N. Yu. Ulchenko. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2015 (in Russian)].

Гаджиев А. Г. Проблемы Восточного Средиземноморья в отношениях между Турцией и ЕС (2018–2020 гг.). *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. Отв. ред. О. П. Бибилова, Н. Н. Цветкова. М.: ИВ РАН, 2022 [Gadzhiev A. G., Problems of the Eastern Mediterranean in Relations between Turkey and the EU (2018–2020). *Economic, Socio-Political, Ethno-Confessional Problems of Afro-Asian Countries*. Ed. O. P. Bibikova, N. N. Tsvetkova. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022 (in Russian)].

Çalış Ş. H. Türkiye — Avrupa Birliği İlişkileri; Kimlik Arayışı, Politik Aktörler ve Değişim, Ankara: Nobel yay., 5. Basım, 2016 [Chalış Sh. H. Turkey — European Union Relations; The Search for Identity, Political Actors and Change. Ankara: Nobel Publishing House, 5th Edition, 2016 (in Turkish)].

Duman Z. Avrupa Birliği Kimliği ve Türkiye'nin Birliğe Katılımının Yaratacağı Jeopolitik Boyutlar, *Sosyoekonomi Dergisi*, 2005–1 [Duman Z. European Union Identity and the Geopolitical Dimensions of Turkey's Accession to the Union. *Socioeconomics Journal*. 2005. No. 1 (in Turkish)].

Köylü M., Turan İ. AB — Türkiye ilişkilerinde din faktörü: tehdit mi yoksa fırsat mı? *Ondokuz Mayıs Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*. 2010. No. 29 [Koylu M., Turan I. The religious factor in EU — Turkey relations: threat or opportunity? *Ondokuz Mayıs University Faculty of Theology Journal*. 2010. No. 29 (in Turkish)].

Morgil O. Kopenhag Ekonomik Kriterleri ve Türkiye'nin Uyum Süreci. *Ankara Avrupa Çalışmaları Dergisi*, Cilt: 5, No: 2 (Kış: 2006) [Morgil O. Copenhagen Economic Criteria and Turkey's Harmonization Process. *Ankara Journal of European Studies*. 2006. Vol. 5. No. 2 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

2002 Regular Report on Turkey's Progress Towards Accession, Brussels, 9.10.2002 SEC(2002) 1412. URL: https://www.ab.gov.tr/siteimages/birimler/kpb/tr_rep_20061998/2002_tr_rap.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

2004 Regular Report on Turkey's progress towards accession, Brussels, 6.10.2004 SEC(2004) 1201. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/document/download/77ee996a-2d6c-4f5e-9e76-2a806672881e_en?filename=rr_tr_2004_en.pdf (дата обращения: 13.01.2025).

AB Müktesebatının Üstlenilmesine İlişkin Türkiye Ulusal Programı, Т. С. Dışişleri Bakanlığı Avrupa Birliği Başkanlığı. URL: https://www.ab.gov.tr/_195.html (дата обращения: 15.01.2025).

Akdemir E., Türkiye'de kamuoyunun AB'ye bakışının genel seyri (1987–2017). URL: <https://ataum.ankara.edu.tr/wp-content/uploads/sites/209/2018/12/Akdemir-30.-Yil-Armagani.pdf> (дата обращения: 17.01.2025).

Birekul M., Türkiye'nin Avrupa Birliği üyeliğine karşı Avrupa'da yükselen kültürcü söylem ve din faktörü: Avrupa basınından okumalar. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/184293> (дата обращения: 16.01.2025).

Council Decision of 8 March 2001 on the principles, priorities, intermediate objectives and conditions contained in the Accession Partnership with the Republic of Turkey (2001/235/EC), Official Journal of the European Communities, 24.3.2001, L 85/13. URL: https://www.ab.gov.tr/files/ab_iliskileri/tur_en_realitons/apd/turkey_apd_2001.pdf (дата обращения: 15.01.2025).

Göral E., Çok Kutuplu Dünya Düzeni Arayışları: Avrupa Birliği'nin Türkiye'yi Konumlandırması. URL: <https://abakus.inonu.edu.tr/server/api/core/bitstreams/c9a09aa6-0ac7-4ec8-8180-c361b074482b/content> (дата обращения: 14.01.2025).

Özsöz M., İktisadi Kalkınma Vakfı ve Türkiye'de Demokratik Reform Süreci, Türkiye İnsan Hakları Kurumu — TİHK, 27 Mart 2014, İstanbul. URL: <https://www.ikv.org.tr/images/upload/data/files/tihksunum.pdf> (дата обращения: 15.01.2025).

Phillips L., Van Rompuy: "Turkey will never be part of Europe", EU Observer, Brussels, 18.11.2009. URL: <https://euobserver.com/eu-political/29016> (дата обращения: 14.01.2025).

Turkey 2005 Progress Report, Brussels, 9 November 2005 SEC (2005) 1426. URL: https://neighbourhood-enlargement.ec.europa.eu/document/download/07735786-3baa-4304-aeb1-3aaa321e24d3_en?filename=sec_1426_final_progress_report_tr_en.pdf (дата обращения: 13.01.2025).

Turkish Accession Partnership prepared by EU Commission (Unofficial Translation) No:211 — November 8, 2000. URL: https://www.mfa.gov.tr/_turkish-accession-partnership-prepared-by-eu-commission-br-unofficial-translation-br-no-211-november-8-2000.en.mfa (дата обращения: 15.01.2025).

Yıldırım E., Medeniyetler İttifakı ve AB, TASAM, 18 Ocak 2008. URL: https://tasam.org/tr-TR/Ice-rik/764/medeniyetler_ittifaki_ve_ab (дата обращения: 14.01.2025).

Подписано в печать 24.03.2025. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 22,26. Уч.-изд. л. 17,0
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Фецулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром *А. О. Захаров*

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: 8 (499) 288-74-01
e-mail: www.t8print.ru